

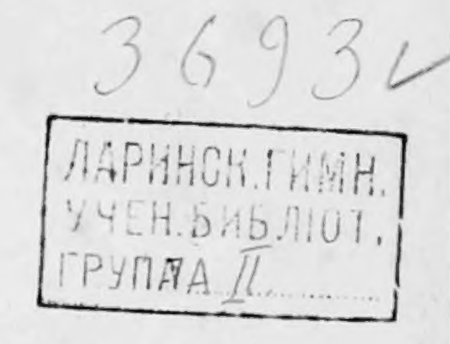

БИБЛІОТЕКА
ЛАРИНСКОЙ
ГИМНАЗІИ.
№ 3693
Шкафъ 1
Полка 3

ИСТОРІЯ РОССІИ

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРЫ ИШИМОВОЙ

Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнитъ?
О родина святая!
Какое сердце не дрожитъ,
Тебя благословляя?

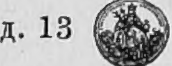
Жуковскій

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА
1890

 Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

	стр.
Первыя пять лѣтъ царствованія Екатерины II	1
Первая война Турецкая и первое раздѣленіе Польши	9
Моровая язва и Пугачевъ	18
Торжество мира съ Турціей и учрежденіе губерній	32
Вооруженный нейтралитетъ или новая слава Екатерины . . .	44
Князь Потемкинъ-Таврическій	55
Полуостровъ Крымъ и путешествіе императрицы	71
Вторая война съ Турціей и Суворовъ	96
Война и миръ съ Швеціею	113
Смерть Потемкина и миръ съ Турціею	118
Польша	125
Кончина Екатерины	133
Императоръ Павелъ I	139
Императрица Марія	143
Русскіе въ Италіи и Швейцаріи	171
Состояніе Европы въ первые четыре года царствованія императора Александра I	189
Войны съ Франціею и миръ Тильзитскій	198
Завоеваніе Финляндіи	211
Новые успѣхи русскихъ въ дѣлахъ военныхъ и гражданскихъ .	224
Отечественная война	232
Александръ въ Парижѣ	275
Конгресъ въ Вѣнѣ	293
Послѣднія десять лѣтъ царствованія Александра I	308

ПЕРВЫЯ ПЯТЬ ЛѢТЪ ЦАРСТВОВАНІЯ ЕКАТЕРИНЫ II.

отъ 1762 до 1767 года.

Уже имѣя понятіе объ Екатеринѣ четырнадцати-лѣтней, вы, милые читатели, вѣрно съ большимъ любопытствомъ ожидали описанія того времени, когда она сдѣлалась обладательницею обширнаго отечества нашего. Точно, это время столько же замѣчательно, какъ и эпоха царствованія Петра I. Можно сказать даже, что время Екатерины довершило начинанія Петра: при немъ Россія, принимая европейскую образованность, еще походила только на очеркъ будущей прекрасной картины; при ней—обозначались всѣ формы этой картины, она получила всѣ тѣ краски, которыя, вѣроятно, назначалъ имъ начертатель ихъ. Угадать намѣренія генія, окончить въ совершенствѣ начатое имъ, не могло быть дѣломъ государя обыкновеннаго, и Небо послало русскимъ великую Екатерину.

Все, что вы услышите теперь, подтвердитъ вамъ это. Съ восшествіемъ на престолъ Екатерины II отечество наше озарилось новымъ блескомъ счастія и славы. Вы будете удивляться дѣламъ этой государыни, какъ удивлялись нѣкогда дѣти грековъ и римлянъ, слушая разсказы о знаменитыхъ подвигахъ боговъ и героевъ своихъ. Да, въ тѣ баснословныя времена Екатерина, вѣрно, была бы названа богинею. Послушайте, что̀ сдѣлала она въ первое пятилѣтіе своего правленія: это можетъ служить для васъ нѣкоторымъ образомъ мѣрою того, что совершилось у насъ въ продолженіе ея тридцатичетырехъ-лѣтняго царствованія.

Одно изъ первыхъ императорскихъ повелѣній Екатерины было подтвержденіе о томъ, что уже сдѣлалъ супругъ ея: подтвержденіе объ уничтоженіи Тайной канцеляріи. Кроткая душа ея приходила въ ужасъ при мысли о страданіяхъ, какимъ могли подвергаться и невинные, и виновные въ такомъ судилищѣ, гдѣ все предоставлено было на волю судей, которые часто могли быть или жестоки, или пристрастны.

Показавъ согласіемъ съ благодѣтельною волею Петра III сострадательность сердца своего и любовь свою къ правосудію, Екатерина спѣшила обратить главное вниманіе свое на это правосудіе, и сенатъ, образованный Петромъ Великимъ, какъ верховное мѣсто для отправленія правосудія, получилъ новое, улучшенное преобразованіе: Екатерина раздѣлила его на департаменты и старалась внушить каждому сенатору, что первою обязанностію его есть сохраненіе непоколебимой справедливости. Такія же подтвержденія, вмѣстѣ съ особеннымъ наставленіемъ, разосланы были отъ государыни ко всѣмъ начальникамъ областей.

Успокоивъ себя такимъ образомъ въ отношеніи, драгоцѣннѣйшемъ для того, кому назначено Небомъ управлять судьбою народовъ, императрица начала помышлять о важномъ государственномъ дѣлѣ, къ совершенію котораго еще не могъ приступить Петръ I, хотя такъ же, какъ и Екатерина, видѣлъ необходимость его.

Оно состояло вотъ въ чемъ, друзья мои. Вамъ извѣстно изъ разсказовъ нашихъ, какъ всегда набожны были русскіе, какъ велико было усердіе ихъ къ Богу. Многіе изъ богатыхъ бояръ и помѣщиковъ, а въ древнѣйшія времена и сами великіе князья, считали непремѣннымъ долгомъ христіанина оставлять при смерти своей большія суммы денегъ монастырямъ на поминовеніе души своей. Владѣтели крестьянъ и земель назначали нерѣдко на этотъ предметъ не только доходы съ цѣлыхъ деревень, но даже самыя эти деревни со всѣми живущими въ нихъ людьми отдавали въ вѣчное владѣніе церквамъ и монастырямъ. Такимъ образомъ монастыри съ каждымъ годомъ, или, лучше сказать, съ смертію каждаго богатаго человѣка получали новыя пріобрѣтенія, и наконецъ богатства, принадлежав-

шія имъ, сдѣлались такъ велики, что однихъ крестьянъ монастырскихъ считалось болѣе 900,000 душъ. Правда, что нѣкоторыя обители употребляли сокровища свои на помощь отечеству въ бѣдственныя времена его, но, говоря вообще, къ чему были богатства для людей, отказавшихся отъ всякаго излишества? Екатерина умѣла съ такимъ сильнымъ краснорѣчіемъ представить этотъ вопросъ монашеству, что всѣ члены его убѣждены были въ необходимости пожертвовать отечеству имѣніями церковными, и съ готовностію, дѣлающею честь усердію и безкорыстнымъ чувствамъ ихъ, согласились на эту жертву. Такимъ образомъ всѣ монастырскіе крестьяне сдѣлались вдругъ принадлежащими государству и увеличили доходы его нѣсколькими милліонами рублей [1]). Большую часть этихъ денегъ государыня употребила на заведеніе домовъ инвалидныхъ, богадѣтеленъ, больницъ и на улучшеніе и новое устройство духовныхъ училищъ.

Вскорѣ Екатерина нашла новое средство и увеличить доходы государства, и улучшить состояніе многихъ областей его. Вы знаете, какъ обширны эти области, сколько почти каждая имѣетъ земель незаселенныхъ, необработанныхъ, ожидающихъ только старательныхъ жителей, чтобы сдѣлаться плодоносными. И вотъ государыня предлагаетъ нѣкоторымъ изъ трудолюбивыхъ обитателей Германіи такія выгодныя условія, въ случаѣ переселенія ихъ въ Россію, что они соглашаются оставить отечество. Имъ отводятъ обширныя пространства земли въ разныхъ губерніяхъ нашихъ, особенно въ южныхъ, и чрезъ нѣсколько лѣтъ необитаемыя, дикія пустыни превращаются въ богатыя селенія, гдѣ зеленѣютъ сады и возвышаются каменныя зданія, гдѣ цвѣтутъ искусства, ремесла, промышленность и торговля. Счастливое состояніе этихъ селеній вызываетъ изъ земли нѣмецкой новыхъ охотниковъ ѣхать въ Россію, и они уже посылаютъ депутатовъ къ императрицѣ съ просьбою о принятіи ихъ въ число ея подданныхъ. Къ такимъ поселенцамъ принадлежатъ *гернгутеры* или обще-

---

[1]) Эти крестьяне поступили въ управленіе нарочно - учрежденной для нихъ *Коллегіи экономіи* и были названы отъ того *экономическими*.

ство евангелическихъ братьевъ, получившее отъ Екатерины во владѣніе свое прекрасную степь въ Саратовской губерніи, на берегу Волги, недалеко отъ города Царицына. Они называли свое селеніе *Сарептою*. Оно существуетъ и теперь подъ тѣмъ же именемъ и такъ же, какъ и при Екатеринѣ, славится и плодоносными полями своими, и чистыми, добрыми нравами жителей. Нѣсколько колоній поселено было и около Петербурга.

Благодѣтельствуя такимъ образомъ своему собственному народу и чужестранцамъ, имѣя безпрестанною мыслію— счастіе подданныхъ своихъ, Екатерина въ 1766 году, не болѣе какъ чрезъ четыре года послѣ своего восшествія на престолъ, удивила не только Россію, но даже и Европу, дѣломъ, которое одно могло обезсмертить ея драгоцѣнное для насъ имя.

Императрица часто и долго размышляла о важности назначенія своего управлять судьбою милліоновъ людей и о томъ, какъ бы лучше исполнить священныя обязанности свои. Слѣдствіемъ такихъ размышленій была мысль о новыхъ законахъ для управленія государственнаго, о законахъ такихъ, которые бы согласны были съ духомъ, нравами и обычаями каждаго изъ разнородныхъ племенъ, живущихъ въ обширномъ царствѣ ея. Какъ скоро эта высокая мысль блеснула въ умѣ Екатерины, чистѣйшая радость наполнила сердце ея и тѣмъ сладостнѣе, что живость нрава не дозволяла ей въ первую минуту предвидѣть всѣхъ трудностей, соединенныхъ съ ея прекраснымъ намѣреніемъ. Оно казалось ей легко, возможно; въ геніальной головѣ ея тотчасъ образовался планъ для исполненія: отъ каждаго народа, или, лучше сказать, отъ каждаго племени народовъ, населяющихъ Россію, соберутся депутаты въ Москву; каждый изъ нихъ привезетъ съ собою подробное свѣдѣніе о нуждахъ страны своей, о средствахъ, какъ лучше управлять ею; изъ многочисленнаго собранія этихъ депутатовъ составится комиссія, которой всѣ члены будутъ разсуждать о приведеніи въ лучшее исполненіе благодѣтельнаго намѣренія государыни. Для наставленія ихъ въ этомъ важномъ разсужденіи Екатерина написала книгу, удивившую Европу, написала *Наказъ*, названный писате-

лями чужестранными и нашими—*безсмертнымъ* и *божественнымъ*. Въ этомъ сочиненіи она говоритъ къ подданнымъ своимъ, какъ нѣжная мать къ дѣтямъ, о счастіи и о средствахъ достигнуть его, о разныхъ образахъ правленія и въ особенности о монархическомъ, какъ о самомъ близкомъ къ отечеству ихъ; представляетъ имъ государя самодержавнаго, какъ истиннаго отца многочисленнаго семейства, и доказываетъ эту истину прекраснымъ примѣромъ своимъ. Съ какимъ удовольствіемъ прочитаете этотъ Наказъ, милые читатели, тогда, когда въ состояніи будете понимать все высокое достоинство его! Съ какими утѣшительными мыслями остановитесь на кроткихъ словахъ, которыми государыня повелѣваетъ депутатамъ: смягчить строгость уголовныхъ законовъ, отмѣнить пытки, не наказывать преступленій недоказанныхъ. «*Лучше простить десять виновныхъ, нежели наказать одного невиннаго*», вотъ слова ея въ этомъ прекрасномъ мѣстѣ Наказа! Наконецъ, сдѣлавъ наставленія коммиссіи по всѣмъ частямъ государственнаго управленія, Екатерина оканчиваетъ книгу свою слѣдующими словами: «*Сохрани Боже, чтобы, по совершеніи сего законодательства, какой нибудь народъ былъ счастливѣе русскаго!*»

Въ исторіи всѣхъ временъ свѣта нѣтъ примѣра, чтобы какой нибудь правитель народа съ такою заботливостью, съ такимъ мудрымъ предвидѣніемъ всѣхъ случаевъ, наконецъ съ такимъ снисходительнымъ вниманіемъ къ подданнымъ сдѣлалъ планъ для начертанія законовъ. Екатерина сдѣлала еще болѣе: когда съѣхавшіеся со всѣхъ концовъ Россіи депутаты не удовлетворили въ полной мѣрѣ желаніямъ ея и въ теченіе семи лѣтъ трудовъ и разсужденій не могли согласиться между собою о томъ важномъ предметѣ, который былъ порученъ имъ, государыня увидѣла необходимость приступить самой къ составленію законовъ и рѣшилась исполнить это. Все, что написано ею въ этомъ отношеніи, было такъ превосходно, что Фридрихъ II — этотъ умнѣйшій государь своего времени—написалъ о ней слѣдующія строки къ одному французскому писателю: «Aucune femme n'avait encore été législatrice,

cette gloire était réservée à l'impératrice Cathérine, qui la mérite bien» [1]).

Таковы были дѣла новой государыни русскихъ внутри царства ея; посмотримъ теперь, въ какомъ отношеніи была она къ другимъ государствамъ европейскимъ. Большая часть ихъ, при вступленіи Екатерины на престолъ, была еще занята войною съ Пруссіей. Особенно Австрія, Франція и Саксонія не хотѣли слышать о мирѣ, хотя Фридрихъ II почти безпрестанно одерживалъ надъ ними побѣды. Всѣ непріятели этого воинственнаго короля ожидали, что также и Екатерина возобновитъ съ ними войну, прекращенную супругомъ ея; но проницательная государыня понимала лучше другихъ Фридриха и, противъ ожиданій всѣхъ, вмѣсто войны заключила съ нимъ дружественный союзъ. Такая развязка удивила всѣхъ и доставила спокойствіе странамъ, опустошеннымъ продолжительною войною: непріятели Пруссіи начали смотрѣть на нее другими глазами съ тѣхъ поръ, какъ она сдѣлалась союзницею сильной Россіи, и скорѣе, нежели можно было ожидать, согласились на миръ, заключенный въ Губертсбургѣ.

Между тѣмъ какъ государства не по доброй волѣ, но изъ одного благоразумія помирившіяся съ Фридрихомъ, съ завистію смотрѣли на возрастающее могущество Россіи, Екатерина обратила особенное вниманіе свое на сосѣднюю съ нею Польшу.

Ужасное разстройство этого жалкаго государства не поправлялось. Поляки, съ шумомъ избирая королей своихъ, не успокоивались во время царствованія ихъ. Это несчастное право избирательства, данное имъ королемъ Сигизмундомъ II, было причиною всѣхъ безпорядковъ. Съ каждымъ царствованіемъ поляки менѣе и менѣе уважали избираемыхъ государей своихъ; съ каждымъ царствованіемъ вельможи условіями своими стѣсняли власть королевскую и распространяли свою собственную, такъ что, наконецъ, пра-

---

[1]) *Еще ни одной женщины не было законодательницею; императрицѣ Екатеринѣ принадлежитъ эта слава, въ полной мѣрѣ ею заслуженная.*

вленіе Польши сдѣлалось почти республиканскимъ, или, лучше сказать, такимъ, гдѣ всякій дѣлалъ, что хотѣлъ. Такое состояніе, предвѣщая близкое паденіе государства, могло нарушать спокойствіе и другихъ, сосѣдственныхъ съ нимъ земель. Смерть Августа III увеличила опасность положенія Польши: избраніе новаго короля происходило въ этотъ разъ съ безпорядками, доселѣ небывалыми. Поляки поступали какъ настоящіе мятежники и тѣмъ заставили иностранныхъ государей вмѣшаться въ ссоры ихъ, доходившія уже до кровопролитія.

Франція, болѣе всѣхъ недовольная вліяніемъ Екатерины на дѣла европейскія, спѣшила показать свою древнюю значительность въ Европѣ и готовилась прежде всѣхъ принять участіе въ происшествіяхъ польскихъ; но Екатерина и Фридрихъ предупредили искусныхъ политиковъ и остановили всѣ намѣренія ихъ: зная, что участіе Франціи навлечетъ непремѣнно новую войну на Польшу, и можетъ быть и на сосѣдей ея, они заключили оборонительный союзъ, т. е. условились помогать другъ другу въ случаѣ войны, и кромѣ того, король прусскій предоставилъ Россіи, какъ государству, бывшему всегда въ ближайшихъ сношеніяхъ съ одноплеменною ему Польшею, принять главное участіе въ настоящемъ несчастномъ положеніи ея. Франція, слабая противъ этихъ двухъ могущественныхъ союзниковъ, принуждена была оставить гордое намѣреніе свое усмирить поляковъ и съ новою досадою уступить эту честь императрицѣ русской.

Екатерина, чувствуя важность дѣла, предоставленнаго ей, обратила на него все свое вниманіе и, долго размышляя о положеніи Польши, рѣшила, что лучшимъ средствомъ для успокоенія ея было бы избраніе королемъ природнаго поляка, а не кого либо изъ иностранныхъ принцевъ, какъ было то прежде. Мудрая государыня предложила мысль свою польскому сейму. Своевольное собраніе сначала оскорбилось этимъ предложеніемъ, называло его нарушеніемъ ихъ народной свободы, но потомъ, получивъ извѣстіе о приближеніи войскъ русскихъ, согласилось съ справедливымъ мнѣніемъ Екатерины и присягнуло въ вѣрности тому, кого она сама признала достойнымъ короны

польской—отличнѣйшему изъ поляковъ того времени по образованію и душевнымъ качествамъ—*Станиславу-Августу, графу Понятовскому.*

Ни одно изъ иностранныхъ государствъ не спорило съ волею Екатерины и молчаніе главнѣйшихъ изъ нихъ—Австріи, Франціи, Турціи и Англіи подтвердило избраніе Станислава. Это избраніе, вѣроятно, возвратило бы Польшѣ прежнее счастіе ея, потому что Станиславъ имѣлъ всѣ достоинства государя добраго, справедливаго и попечительнаго о нуждахъ народа; но безпокойный, упрямый духъ поляковъ увлекалъ ихъ къ погибели: новый порядокъ въ отечествѣ ихъ не нравился имъ, потому что былъ учрежденъ Россіею; общее неудовольствіе увеличивалось отъ споровъ, происшедшихъ тогда въ этомъ несчастномъ государствѣ между католиками и людьми, принадлежавшими къ другимъ исповѣданіямъ, и сеймъ, радуясь случаю затѣять новые безпорядки, объявилъ повелѣніе преслѣдовать и лишать чести и жизни гражданской всѣхъ несогласныхъ въ чемъ нибудь съ правилами вѣры католической. Можно представить себѣ, сколько новыхъ бѣдствій должно было произвесть такое повелѣніе и какой ужасной участи могли подвергнуться тѣ несчастные, которыхъ велѣли преслѣдовать! Поляки называли ихъ *диссидентами.* Они состояли изъ людей разныхъ исповѣданій и въ особенности—изъ христіанъ греческихъ; это и было главною причиною нападенія на нихъ: поляки думали досадить тѣмъ императрицѣ русской. Но и на этотъ разъ судьба принудила ихъ покориться той, которой власти они давно такъ желали избѣгнуть: диссиденты прибѣгли къ покровительству Екатерины, и она вступилась за обиженныхъ.

Но убѣдить упрямыхъ поляковъ всегда было дѣло трудное: они отвѣчали отказомъ на всѣ кроткія и миролюбивыя убѣжденія Екатерины возвратить диссидентамъ права ихъ, и только тогда уже согласились на требованія ея, когда и диссиденты, и защищавшій ихъ Станиславъ вышли изъ терпѣнія и, надѣясь на помощь Россіи, рѣшились оружіемъ остановить несправедливость, а войско русское получило приказаніе государыни идти къ границамъ Польши.

Такимъ образомъ Екатерина во второй разъ утвердила

Станислава на престолѣ польскомъ, во второй разъ заставила поляковъ повиноваться себѣ, во второй разъ возбудила своимъ могуществомъ сильное неудовольствіе Франціи, привыкшей распоряжаться дѣлами польскими и принужденной уступить теперь власть свою въ этомъ отношеніи новой, такъ быстро возвысившейся имперіи.

Вотъ дѣла Екатерины въ первыя пять лѣтъ ея царствованія! Слава, которую они предвѣщали Россіи, заставляла досадовать не одну Францію: и другія государства европейскія начали опасаться новаго могущества, наначали стараться о томъ, чтобы ослабить его. На слѣдующихъ страницахъ читатели увидятъ, какъ были слабы эти усилія и какъ блистательны побѣды царицы сѣверной надъ замыслами враговъ ея!

ПЕРВАЯ ВОЙНА ТУРЕЦКАЯ И ПЕРВОЕ РАЗДѢЛЕНІЕ ПОЛЬШИ.

отъ 1767 до 1772 года.

(5 лѣтъ).

Турція прежде всѣхъ показала свое неудовольствіе Екатеринѣ, хотя и нельзя было ожидать отъ нея этого. Правда, султанъ Мустафа III не самъ вздумалъ о томъ; нѣтъ, такая смѣлая мысль не явилась бы въ умѣ его, еслибы не внушенія Франціи: не имѣя силъ дѣйствовать противъ Россіи прямо, она старалась тайно вооружать противъ нея государей другихъ земель. Мустафа первый склонился на ея хитрыя убѣжденія и объявилъ Екатеринѣ, что онъ намѣренъ защищать поляковъ и требуетъ, чтобы русскіе вывели свои войска изъ Польши и не вмѣшивались въ дѣла ея. Такое требованіе отъ государства, нѣсколько разъ испытавшаго могущество Россіи, было очень дерзко; чтобъ чувствительнѣе наказать султана, Екатерина не обратила ни малѣйшаго вниманія на слова его и продолжала дѣйствовать попрежнему въ Польшѣ, гдѣ безпокойные поляки

сдѣлались еще своевольнѣе съ тѣхъ поръ, какъ узнали о заступленіи за нихъ Турціи. Въ одномъ изъ городовъ ихъ, *Баръ*, даже явно составилась сильная партія мятежниковъ, назвавшая себя *конфедераціею*, отъ слова confederation — *союзъ*, и сговорившаяся дѣйствовать противъ Россіи и избраннаго ею короля Станислава. Ужасно было состояніе Польши въ это время. *Конфедераты*, т. е. члены конфедераціи, были по большей части люди самые пылкіе, необузданные, можно сказать, даже отчаянные, рѣшившіеся дѣйствовать противъ силъ могущественной государыни и власти короля своего. Они поступали такъ несправедливо и такъ жестоко съ диссидентами и со всѣми приверженцами законной власти Станислава, что великодушная Екатерина считала долгомъ своимъ покровительствовать этимъ несчастливцамъ. Войска ея защищали ихъ даже и тогда, когда собственное государство ея имѣло нужду въ защитѣ ихъ: турецкій султанъ, покоряясь болѣе и болѣе вліянію Франціи, исполнилъ угрозы свои и объявилъ рѣшительно войну Россіи. Это объявленіе сопровождалось поступкомъ истинно турецкимъ: русскій посланникъ въ Константинополѣ *Обрѣзковъ* былъ заключенъ въ тамошнюю государственную темницу, извѣстную подъ названіемъ *Семибашеннаго замка*. Кромѣ того, по приказанію султана, распущены были между чернью константинопольскою разные противъ русскихъ слухи, до того взволновавшіе ее, что она бросилась на всѣхъ христіанъ и не только грабила, но даже умерщвляла ихъ, а крымскіе татары въ то же время и также по внушенію турокъ сдѣлали набѣгъ въ нашу Новороссійскую область.

Столько оскорбленій возбудили въ полной мѣрѣ негодованіе Екатерины и заставили ее, не смотря на все отвращеніе къ пролитію крови—начать войну, на которую, можно сказать, ее вызвали. Приготовляясь къ этой войнѣ, императрица предвидѣла всѣ трудности вести ее въ то время, когда часть войскъ должна была сражаться въ Польшѣ съ конфедератами. Все въ такомъ важномъ случаѣ зависѣло отъ искуснаго выбора главнокомандующихъ, и взоры Екатерины остановились на двухъ генералахъ: князѣ *Александрѣ Михайловичѣ Голицынѣ* и графѣ

Петръ Александровичъ Румянцевъ. Зная о дѣлахъ ихъ во время прошедшей войны съ Пруссiей, проницательная государыня какъ будто предугадывала счастливые успѣхи, ожидавшiе въ Турцiи ея войско, и уже думала, какъ награждать храбрыхъ. Постигая въ совершенствѣ малѣйшiя чувства и впечатлѣнiя сердца человѣческаго, она умѣла дѣйствовать на него съ неподражаемымъ искусствомъ. Ко многимъ случаямъ, очевидно доказавшимъ это, надобно причислить также и учрежденiе ордена св. Великомученика Георгiя: оно сдѣлано было предъ самымъ выступленiемъ войска въ походъ. Высокое уваженiе и лестныя почести, соединенныя съ новымъ орденомъ, внушали пылкое желанiе заслужить его, но онъ назначался наградою только тѣмъ воинамъ, которые отличатся самою безстрашною храбростiю на полѣ сраженiя. Сколько новыхъ героевъ могла прибавить въ рядахъ русскихъ мысль получить отъ государыни безпредѣльно-любимой новое, знаменитое отличiе. Судя по чудесамъ храбрости, какiя оказаны были русскими во время этой войны съ турками, можно было сказать, что они всѣ, отъ главнокомандующихъ до послѣдняго солдата, желали получить орденъ св. Георгiя. Послушайте, друзья мои, о дѣлахъ ихъ.

Начальникъ первой армiи князь Голицынъ началъ свои дѣйствiя въ Молдавiи тѣмъ, что взялъ города турецкiе:—*Хотинъ* и *Яссы*, но вскорѣ потомъ отозванъ былъ для совѣтовъ ко двору, и мѣсто его занялъ главнокомандующiй второю армiею графъ Румянцевъ.

Вѣрно многiе изъ читателей моихъ видѣли высокую колонну, такъ стройно и красиво возвышающуюся на площади Васильевскаго острова, между Академiею Художествъ и Первымъ кадетскимъ корпусомъ [1]). Если вы внимательно разсматривали эту колонну—какъ должно разсматривать каждую примѣчательную вещь—то вѣрно видѣли, что золотыя буквы ея составляютъ только два небольшiя слова: *Румянцева побѣдамъ.* Но какъ много значатъ эти два слова! Сколько славы заключается въ нихъ! Не имѣя возможности описать въ краткихъ разсказахъ нашихъ всю

[1]) Въ этомъ корпусѣ воспитывался графъ П. А. Румянцевъ.

знаменитую жизнь Румянцева, взглянемъ хотя на главнѣйшія побѣды этого славнаго полководца, на побѣды, сдѣлавшія имя его безсмертнымъ. Ихъ было двѣ и обѣ происходили въ окрестностяхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ нѣкогда жестоко страдалъ духъ Петра въ день Прутскаго мира. Здѣсь Румянцевъ явился какъ будто мстителемъ за славу Великаго: казалось, геній Петра помогалъ ему, потому что побѣды его были неслыханны! Первая, при рѣчкѣ *Ларгѣ*, 8-го іюля 1770 года, послѣ восьми-часового сраженія съ войскомъ, гораздо многочисленнѣйшимъ русскихъ и находившимся подъ начальствомъ трехъ пашей и хана крымскаго, доставили Румянцеву весь турецкій лагерь, оставленный убѣжавшимъ непріятелемъ, тридцать три мѣдныя пушки, множество плѣнниковъ, знаменъ, припасовъ и военныхъ снарядовъ. Здѣсь орденъ св. Георгія въ первый разъ украсилъ собою грудь безстрашныхъ воиновъ Екатерины. Съ нетерпѣніемъ они ожидали его, съ горделивою радостію надѣли. Они имѣли полное право гордиться: побѣда ихъ удивила Европу, и при всемъ томъ она была только предвѣстіемъ другой знаменитѣйшей, одержанной Румянцевымъ чрезъ двѣ недѣли потомъ, 21-го іюля при рѣчкѣ *Кагулѣ*. Еслибы она случилась не въ новѣйшія времена и не подтверждалась вѣрнѣйшими доказательствами, всѣ считали бы ее баснею, далекою отъ истины! Вообразите, что здѣсь семнадцать тысячъ русскихъ побѣдили сто пятьдесятъ тысячъ турокъ и сто тысячъ татаръ, зашедшихъ къ нимъ въ тылъ! Генералы, раздѣлившіе съ Румянцевымъ честь этой битвы, были тѣ же, которые участвовали въ сраженіи при Ларгѣ: принцъ *Брауншвейгскій*, князь *Репнинъ*, *Боуръ*, *Потемкинъ*, *Гудовичъ*, *Племянниковъ* и *Олицъ*; но лучшая слава ея, но минута побѣды принадлежала одному Румянцеву, и вотъ какимъ образомъ: когда къ концу сраженія главный начальникъ турецкой арміи послалъ 10,000 янычаръ подкрѣпить слабѣющихъ съ каждою минутою турокъ, и эти необузданные, жестокіе воины, выскочивъ вдругъ изъ закрывавшей ихъ лощины, бросились съ страшнымъ крикомъ, съ саблями и кинжалами на русское войско, оно смѣшалось, и три полка побѣжали... Увидѣвъ это, Румянцевъ говоритъ окружав-

шимъ его офицерамъ: «Теперь дошло дѣло до насъ!» и съ быстротою молніи бросается на встрѣчу бѣгущимъ. Одно восклицаніе героя остановило ихъ: *«Стой, ребята!»* сказалъ Румянцевъ, и полки остановились, какъ будто по какой-то волшебной силѣ, и воины вспомнили долгъ свой! Въ ту же минуту они снова обратились на непріятелей, и угрызенія совѣсти, желаніе смыть стыдъ своего бѣгства въ глазахъ любимаго начальника, возбудили въ нихъ невѣроятную храбрость: они разбили корпусъ янычаръ, и главный начальникъ турокъ, визирь, увидѣвъ лучшихъ защитниковъ своихъ почти уничтоженными, обратился въ бѣгство, а за нимъ и вся армія. Русскіе долго гнались за ними и несчастные турки, не успѣвавшіе спасаться отъ штыковъ, погибали въ Дунаѣ, черезъ который должны были переплывать. Весь лагерь съ драгоцѣнностями визиря, сто сорокъ пушекъ, шестьдесятъ знаменъ, двѣ тысячи плѣнныхъ были наградою побѣдителей, прежде нежели они получили награду сладостнѣйшую—благоволеніе императрицы и тѣ безчисленныя отличія, которыми она любила осыпать заслуги и преданность къ отечеству.

Побѣда кагульская открыла за собою русскимъ цѣлый рядъ другихъ побѣдъ. Вскорѣ послѣ донесенія Румянцева о знаменитомъ дѣлѣ его, государыня получала безпрестанно новыя извѣстія, изъ которыхъ каждое увеличивало справедливое торжество ея надъ врагами, старавшимися вредить Россіи. Въ слѣдующемъ августѣ мѣсяцѣ генералъ *Вейсманъ* овладѣлъ турецкою крѣпостію *Исакчею;* графъ *Панинъ* взялъ знаменитый городъ Бендеры; генералъ *Тотлебенъ* на Кавказѣ—крѣпости *Мериполь* и *Багдадъ.* Кромѣ того, грузинскій царь Ираклій, бывшій данникомъ турокъ, отказался отъ нихъ и перешелъ со всѣмъ войскомъ своимъ на сторону русскихъ. Другая область Кавказская—*Имеретія,* также просила Россію о покровительствѣ. Однимъ словомъ, судьба, казалось, нарочно собрала случаи, чтобы показать могущество Екатерины и слабость турокъ; но ни одна изъ побѣдъ, одержанныхъ русскими, не произвела такого сильнаго впечатлѣнія на турокъ, какъ случившееся въ то же время чудесное и, если можно, еще

болѣе удивительное дѣло русскихъ, нежели побѣда кагульская. Оно заслуживаетъ подробнѣйшаго разсказа:

Екатерина, отправляя при началѣ войны съ Турціей сухопутное войско свое къ сѣвернымъ границамъ непріятеля, отправила въ то же время и къ южнымъ морскія силы свои изъ Кронштадта и Архангельска. Соединенный флотъ двухъ портовъ сдѣлалъ тогда въ первый разъ важное путешествіе отъ морей Бѣлаго и Балтійскаго до моря Средиземнаго. Торжественно прошелъ онъ мимо коварной Франціи, еще торжественнѣе вступилъ въ воды Архипелага: тамъ ожидали воиновъ русскихъ, какъ спасителей своихъ, слабые потомки могущественныхъ грековъ, проводившіе несчастную жизнь подъ жестокою властію покровителей своихъ и много ожидавшіе отъ этой войны турокъ съ единовѣрцами ихъ. Корабли русскіе, которыми командовали два адмирала—*Спиридовъ* и *Эльфинстонъ*—были подъ главнымъ начальствомъ одного изъ первыхъ генераловъ Екатерины: графа *Алексѣя Григорьевича Орлова*. Подошедши къ берегамъ Мореи, они безъ труда овладѣли двумя крѣпостями греческими и были приняты жителями съ восторгомъ. Многіе изъ грековъ присоединились къ нашимъ войскамъ. Султанъ испугался и послалъ флотъ свой въ Морею, чтобы уничтожить нашъ. Но этотъ флотъ, почти вдвое сильнѣе нашего, не могъ, однако же, противиться ему и, избѣгая сраженія, не пошелъ въ Морею, но поплылъ къ берегамъ Малой Азіи, гдѣ надѣялся получить еще подкрѣпленіе изъ Константинополя. Но графъ Орловъ лишилъ его этой надежды, погнавшись за нимъ съ своимъ флотомъ. Турки не рѣшились и тутъ вступить въ бой и расположились въ проливѣ Хіосскомъ подъ защитою береговыхъ батарей. Храбраго Орлова не остановило ни превосходство мѣста, занятаго турками, ни превосходство силы ихъ противъ нашей, и онъ приказалъ адмиралу Спиридову напасть на самый большой изъ кораблей турецкихъ: на девяносто-пушечную *Султанію*. Жаркое сраженіе началось, и въ то время, когда огненныя ядра летали съ одного корабля на другой, турецкій загорѣлся, зажегъ потомъ и русскій, *Св. Евстафій*, и оба взлетѣли на воздухъ. Едва начальники ихъ и нѣсколько

человѣкъ спаслись отъ смерти. Турки, испуганные такимъ ужаснымъ происшествіемъ, спѣшили удалиться отъ кораблей русскихъ и завели весь флотъ свой въ небольшой заливъ, омывавшій берега мѣстечка *Чесмы*. Безразсудные въ страхѣ своемъ не подумали, что̀ можетъ случиться съ ними въ этомъ заливѣ, и радовались, что успѣли запереться въ немъ.

Графъ Орловъ также радовался этому, но совсѣмъ съ другою цѣлью. Какъ скоро оробѣвшіе турки немного успокоились и, можетъ быть, большая часть изъ нихъ заснула, графъ, напротивъ того, объявилъ своимъ воинамъ, что они не будутъ спать въ эту ночь, и ровно въ 12 часовъ, 26-го іюня 1770 года, приказалъ открыть сраженіе. Въ то самое время, какъ началось оно, русскій офицеръ *Ильинъ* и англичанинъ *Дюгдаль*, презирая всѣ опасности, какія угрожали имъ, непримѣтно ввели въ средину турецкаго флота четыре зажигательныя судна, которыя тотчасъ исполнили свое дѣло: зажгли корабли непріятельскіе! Едва ли какое нибудь другое зрѣлище могло сравниться ужасомъ своимъ съ этимъ разрушительнымъ пожаромъ! Корабли, обыкновенно запасающіеся порохомъ, взлетали на воздухъ со взрывами, потрясавшими землю на разстояніи восьмидесяти верстъ! Обломки ихъ, огромные, обвитые пламенемъ, снова летѣли сквозь густо-клубившійся дымъ въ море, и только тамъ, подъ волнами, покраснѣвшими отъ крови убитыхъ и тонувшихъ тѣлъ, утихалъ грозный свистъ ихъ и они выплывали на поверхность воды почернѣвшими бревнами. Пять часовъ губительное пламя переходило съ одного судна на другое, и когда наконецъ, уничтоживъ послѣднее, потухло,—на мѣстѣ, гдѣ было шестнадцать кораблей и около ста другихъ судовъ грозной Турціи, сдѣлалось все тихо и пусто!... Взволнованное море перестало пѣниться и вскорѣ на поверхности его не осталось даже и слѣдовъ страшнаго разрушенія: вода была такъ спокойна, какъ будто не скрывалось подъ нею ничего ужаснаго. А между тѣмъ тамъ было поглощено около 20,000 турокъ, погибшихъ вмѣстѣ съ кораблями своими! Немногіе спаслись и принесли извѣстіе султану о неслыханномъ бѣдствіи флота его. Тогда-то Мустафа III пожалѣлъ отъ всей души, что

послушалъ совѣтовъ хитрой Франціи. Страхъ, наведенный на него графомъ Орловымъ, былъ такъ великъ, что онъ тотчасъ далъ повелѣніе укрѣплять Константинополь и въ то же время сдѣлать Екатеринѣ предложеніе о мирѣ. Переговоры открылись въ городѣ *Фокшанахъ*, и пока они продолжаются, посмотримъ, что дѣлается въ Польшѣ.

Со времени войны Россіи съ Турціей дерзкіе поступки конфедератовъ дошли до такой степени, что они рѣшились лишить Станислава короны и даже умертвить его. Это безбожное намѣреніе едва не удалось: одинъ Богъ спасъ короля.

Такія происшествія поляковъ привели въ сильное негодованіе сосѣдственныя съ ними государства: Россію, Австрію и Пруссію. Екатерина отправила для усмиренія мятежниковъ новой отрядъ войска подъ начальствомъ уже давно извѣстнаго въ то время военною славою—Суворова. Побѣды, всегда сопровождавшія этого генерала, были неразлучны съ нимъ и въ Польшѣ: города Минскъ, Слонимъ, Краковъ и многіе другіе были вскорѣ покорены имъ. Конфедераты бѣжали изъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ появлялся онъ, и умоляли о пособіи французовъ, какъ вѣрныхъ помощниковъ во всѣхъ дерзкихъ покушеніяхъ своихъ противъ Россіи и Станислава. Но посланное изъ Франціи вспомогательное войско узнало также искусство распоряженій и храбрость Суворова. Вмѣстѣ съ побѣдою, одержанною надъ французами, и со взятіемъ русскими крѣпости *Ченстоховской*, исчезли всѣ надежды мятежниковъ польскихъ: они снова покорились Екатеринѣ и власти короля, ею даннаго имъ; но ни она, ни союзники ея: императрица австрійская Марія-Терезія и король прусскій, не хотѣлъ оставить поляковъ ненаказанными, и чтобъ предупредить новые безпорядки, какихъ можно было ожидать въ государствѣ, гдѣ власть короля и самая особа его перестали почитаться священными — рѣшились ослабить силы Польши, отдѣливъ отъ нея нѣсколько областей. Первая мысль о такомъ отдѣленіи принадлежала императрицѣ австрійской и королю прусскому, которые, усмиряя мятежниковъ, заняли войсками нѣсколько округовъ Польши и уже не хотѣли возвращать ихъ назадъ. Они почитали себя справедливыми, *во-первыхъ*, потому, что

эти округи первноначально принадлежали имъ и были только завоеванные поляками, *во-вторыхъ* потому, что убытки, причиненные Австріи и Пруссіи усмиреніемъ мятежниковъ польскихъ, требовали вознагражденій. Однакожъ ни Австрія и ни Пруссія не могли исполнить такого важнаго намѣренія безъ согласія Россіи. Екатерина была очень удивлена, получивъ о томъ первое извѣстіе: если Польша владѣла землями, ей не принадлежавшими, то, что очевиднѣе всего доказывало это несправедливое владѣніе, какъ не Бѣлоруссія и области, отнятыя у Россіи Гедиминомъ и Стефаномъ Баторіемъ? Если должно было взыскать съ поляковъ вознагражденіе за убытки, то кто имѣлъ болѣе правъ на это вознагражденіе, какъ не Екатерина, которой войско не оставляло Польши во все время мятежей ея? И такъ, чтобы получить согласіе Екатерины, надобно было предложить и ей участіе въ раздѣлѣ Польши. Марія-Терезія и Фридрихъ такъ и сдѣлали. Екатеринѣ оставалось только согласиться на исполненіе намѣренія, придуманнаго вовсе не ею, и когда она дала на это согласіе, и въ сентябрѣ 1772 года получила во владѣніе свое давно принадлежавшую Россіи Бѣлоруссію [1]), враги ея сказали, что раздѣленіе Польши было дѣломъ императрицы русской, и обвинили Екатерину въ несправедливости въ то время, когда она имѣла гораздо справедливѣйшія права, нежели союзники ея, на новопріобрѣтенныя области. Но государыня въ спокойствіи совѣсти, ничѣмъ не упрекавшей ее въ этомъ случаѣ, не обращала вниманія на неправильныя сужденія и даже клеветы, которыми враги старались помрачать ея имя. Она могла прощать ихъ: послѣ знаменитыхъ побѣдъ ея, это было единственное средство, которымъ завистники могли отомщать за великую славу ея и счастіе Россіи. Но мы дошли теперь

---

[1]) *Бѣлоруссія* заключалась въ это время въ семи провинціяхъ польскихъ: *Двинской, Полоцкой, Витебской, Могилевской, Оршанской, Мстиславской* и *Рогачевской;* пространство ихъ заключало въ себѣ 3,440 квадр. миль, жителей 1.360,000.

Австрія получила лучшую часть, и именно всѣ земли, лежащія по лѣвому берегу Віслы, простиравшіяся на 2700 квадр. миль и имѣвшія 1.930,000 жителей.

Пруссіи досталась вся западная часть Польши, кромѣ городовъ Данцига и Торна, заключавшая въ себѣ 900 миль и 960,000 жителей.

до такихъ происшествій, которыя были единственными бѣдствіями царствованія Екатерины. Пройдемъ же скорѣе этотъ печальный періодъ времени, чтобы отдохнуть потомъ на страницахъ новаго величія этой государыни.

МОРОВАЯ ЯЗВА И ПУГАЧЕВЪ.

отъ 1772 до 1775 года.

(3 года).

Вы знаете, милые читатели мои, что есть болѣзни, страшно заразительныя, т. е. такія, которыя сообщаются отъ одного человѣка другому при одномъ прикосновеніи къ зараженному. Благодаря милосердію Божію, такое ужасное бѣдствіе не случается въ мірѣ часто, и не въ каждой странѣ можетъ случаться: оно свойственно очень жаркимъ климатамъ. Горестно бываетъ положеніе страны, гдѣ оно появится! Окруженные смертію, люди забываютъ тамъ не только всѣ обязанности жизни общественной, но даже всѣ связи родства и дружбы, и, думая только о собственномъ сохраненіи, съ отвращеніемъ и страхомъ смотрять на умирающихъ, еще такъ недавно любимыхъ ими. Вы все это знаете, потому что, вѣрно, помните тотъ разсказъ нашъ, гдѣ описывается одна изъ подобныхъ болѣзней, свирѣпствовавшая въ Москвѣ въ 1352 году, при великомъ князѣ Симеонѣ, сынѣ Іоанна Калиты, и извѣстная тогда подъ именемъ *черной смерти.*

Въ 1771 году Москва снова испытала это несчастіе: Турція, въ то время воевавшая съ русскими, какъ будто въ отмщеніе за частыя пораженія, сообщила имъ свою ужасную заразительную болѣзнь, свою *моровую язву* или *чуму*, быстро распространившуюся отъ южныхъ областей Россіи до древней столицы ея. Несчастія, сопровождавшія эту болѣзнь, были безчисленны: сначала люди гибли, потому что не понимали ее и не брали тѣхъ предосторожностей, которыя необходимы въ такомъ случаѣ; потомъ, когда отъ

правительства уже объявлено было о заразительности появившейся болѣзни и приняты всѣ мѣры, нужныя для прекращенія ея, нашлись люди безразсудные, недовольные строгостію этихъ мѣръ или, можетъ быть, думавшіе при общемъ безпорядкѣ поправить свое собственное состояніе,— нашлись люди, которые распускали на народѣ слухи, что показавшаяся въ народѣ болѣзнь не чума, но только *горячка съ пятнами,* и что доктора напрасно морятъ больныхъ въ карантинахъ [1]). Какъ скоро такая глупая сказка распространилась по городу, весь порядокъ разрушился. Больные перестали слушаться врачей своихъ; родственники перестали думать объ осторожности, и уже не отсылали зараженныхъ въ учрежденныя для того больницы, но прятали ихъ въ домахъ своихъ и сами ходили за ними. Разумѣется, что ужасная болѣзнь усиливалась и безразсудный народъ, не понимая, что самъ былъ виною того, приходилъ въ отчаяніе. Въ горести своей онъ искалъ спасенія въ благочестивыхъ молитвахъ. Читатели мои слышали уже о чудотворномъ образѣ Богородицы Боголюбской, такъ много уважаемомъ русскими. Этотъ образъ висѣлъ въ то время у воротъ Варварскихъ. Набожные москвитяне, съ полною вѣрою къ чудесамъ его, начали приходить къ нему съ молитвами о прекращеніи своихъ бѣдствій, и потомъ, по обыкновенію, прикладывались къ священному изображенію небесной Защитницы, не одинъ разъ спасавшей ихъ. Толпы богомольцевъ съ каждымъ днемъ увеличивались: между ними были и выздоравливавшіе, и начинавшіе чувствовать болѣзнь. И зараза распространилась оттого. Съ ужасомъ увидѣлъ это добродѣтельный и умный архіепископъ московскій Амвросій. Этотъ благочестивый пастырь могъ назваться въ то время настоящимъ ангеломъ-хранителемъ Москвы. Съ первыхъ дней появленія язвы

[1]) *Карантиномъ* (отъ французскихъ словъ *сорокъ-одинъ день, quarantain)* называется время, которое больные и выздоравливающіе отъ заразительной болѣзни должны провести отдѣльно отъ здоровыхъ, чтобы не заразить ихъ. Карантину подвергаются и здоровые люди, если они ѣдутъ или идутъ изъ такого мѣста, гдѣ свирѣпствуетъ чума, и эта-то мѣра всѣхъ досаднѣе была для безразсудныхъ, не понимавшихъ ея спасительныхъ дѣйствій.

онъ посвятилъ себя спасенію ближнихъ, и не было средства, котораго бы онъ не употребилъ, чтобы предупредить распространеніе болѣзни; особенно съ тѣхъ поръ, какъ многіе изъ высшихъ чиновниковъ и вельможъ московскихъ, спасая себя отъ общаго бѣдствія, разъѣхались изъ Москвы, и несчастная столица осталась на попеченіи почти одного Амвросія.

Вы можете понять теперь, какъ велико было огорченіе его, когда онъ увидѣлъ толпы, сходившіяся у воротъ Варварскихъ. Онъ чувствовалъ, что не только трудно, но даже опасно будетъ остановить стеченіе народа въ одно мѣсто, однакожъ рѣшился сдѣлать это. Сначала онъ представлялъ имъ всѣ опасности, какимъ подвергались они, сходясь толпами, но потомъ, когда никакія убѣжденія не подѣйствовали, приказалъ снять образъ со стѣны. Боже мой! сколько бѣдъ произошло отъ этого приказанія! Народъ пришелъ въ бѣшенство, забылъ о болѣзни и съ звѣрскими криками бросился къ Чудову монастырю, гдѣ думалъ найти архіепископа. Друзья несчастнаго скрыли его въ монастырѣ Донскомъ, но ненадолго: убійцы нашли его и тамъ и безжалостно умертвили въ то самое время, какъ онъ молился за враговъ своихъ. Это было 16-го сентября 1771 года. Совершивъ такое злодѣяніе, безсмысленная толпа буйныхъ безумцевъ два дня не переставала грабить и убивать, и тѣмъ удобнѣе, что усмирить ихъ было некому; большая часть войскъ была въ Турціи и Польшѣ; изъ полицейской же команды многіе умерли отъ язвы, число другихъ было недостаточно для удержанія мятежниковъ. Положеніе Москвы дѣлалось опасно. Великая государыня, которой одно слово могло бы привесть все въ порядокъ, была далеко отъ нея, и прежде нежели дошло бы до слуха ея важное извѣстіе о происшествіяхъ московскихъ, безчисленныя несчастія могли совершиться.

Но во всѣ времена опасностей Россіи являлись люди, готовые жертвовать собою для спасенія отечества. Такъ было и въ этотъ разъ. Въ Москвѣ жилъ тогда генералъ *Петръ Дмитріевичъ Еропкинъ*. Въ царствованіе Елисаветы онъ извѣстенъ былъ своими военными заслугами; въ это же время, по слабости здоровья, занимался дѣлами гра-

жданскими въ званіи сенатора, стало быть не имѣлъ особенной обязанности заботиться объ усмиреніи мятежниковъ; но чувство любви къ отечеству громко говорило ему объ обязанности каждаго человѣка заботиться о счастіи своихъ согражданъ. Покорный этому священному голосу, благородный Еропкинъ рѣшился на дѣло, избавившее москвитянъ отъ явной гибели: онъ набралъ около двухъ сотъ человѣкъ служащихъ и отставныхъ солдатъ, и съ этимъ слабымъ по числу, но сильнымъ по преданности отрядомъ бросился на многочисленныя и яростныя толпы бунтовщиковъ. Рѣшительность нападенія, и еще болѣе—нѣсколько пушекъ, къ которымъ по необходимости храбрый генералъ долженъ былъ прибѣгнуть, скоро усмирили безумцевъ и возвратили спокойствіе встревоженной столицѣ, прежде нежели успѣлъ пріѣхать туда посланный для этого усмиренія отъ государыни князь *Григорій Григорьевичъ Орловъ*.

Князь Орловъ пользовался особенною довѣренностью императрицы не только потому, что былъ братомъ знаменитаго героя Чесмы: онъ пріобрѣлъ собственными достоинствами и эту довѣренность, и всѣ милости, которыми Екатерина осыпала его. Онъ заслужилъ ихъ еще болѣе въ несчастное время моровой язвы въ Москвѣ. Слѣдуя прекрасному примѣру Еропкина, князь Орловъ сдѣлался вторымъ благодѣтелемъ москвитянъ: неусыпныя попеченія и благоразумныя распоряженія его, соединенныя часто съ опасностію собственной жизни, облегчали съ каждымъ днемъ болѣе несчастное состояніе столицы. Гибельное распространеніе болѣзни начало уменьшаться, и наконецъ, черезъ годъ, она совершенно прекратилась. Москвитяне отдохнули, но съ ужасомъ увидѣли, что между ними недоставало болѣе 100,000 человѣкъ! Съ того времени многолюдство старшей столицы нашей значительно уменьшилось и не могло уже впослѣдствіи дойти до прежней степени.

Государыня съ величайшею щедростію наградила великодушныхъ спасителей Москвы: Еропкинъ, кромѣ большихъ денежныхъ суммъ, въ которыхъ нуждался по небогатому состоянію своему, получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго, не смотря на чинъ его [1]), еще не дававшій

---

[1]) Еропкинъ былъ генералъ-поручикомъ въ это время.

ему права на столь важное отличіе; князь Орловъ, уже украшенный всѣми орденами,—золотую медаль съ самымъ лестнымъ изображеніемъ его готовности жертвовать собственною жизнію для пользы ближнихъ, и, кромѣ того, еще драгоцѣннѣйшая награда ожидала его въ Царскомъ Селѣ: тамъ онъ долженъ былъ въѣхать въ тріумфальныя ворота съ надписью: *Орловымъ отъ бѣды избавлена Москва.* Какія жертвы не были бы вознаграждены такими высокими почестями? Какой подданный, насладившись до такой степени благодарностію государыни, не рѣшился бы на новое самоотверженіе? Такъ Екатерина умѣла владѣть сердцами, умѣла возбуждать ихъ къ новымъ подвигамъ какою-то особенностію наградъ своихъ. Воздвигая тріумфальныя ворота князю Орлову, она необыкновенно отличила и брата его, графа Алексѣя: онъ названъ былъ *Орловымъ-Чесменскимъ.* Соединивъ такимъ образомъ имя героя съ именемъ того мѣста, гдѣ пріобрѣлъ онъ громкую славу свою, Екатерина однимъ словомъ передала потомству исторію лучшей эпохи его жизни. Съ того времени это отличіе вошло въ обыкновеніе, и впослѣдствіи мы увидимъ его соединеннымъ со многими знаменитыми именами.

Новое названіе графа Орлова должно напомнить вамъ, друзья мои, войну Турціи съ Россіей, оставленную нами въ разсказѣ происшествій 1772 года почти оконченною. Всѣ, принимавшіе участіе въ ея окончаніи, ошиблись такъ же, какъ и мы: мирные переговоры въ Фокшанахъ не имѣли никакого успѣха, потому что Франція усерднѣе, нежели когда нибудь, продолжала вредить Россіи. Въ это время она уже склонила на свою сторону и Англію, и вмѣстѣ съ нею такъ сильно дѣйствовала на турокъ, что уполномоченные министры, съѣхавшіеся въ Фокшаны для разсужденія о мирѣ, скоро разъѣхались съ тѣмъ, чтобы опять возобновить непріятельскія дѣйствія.

Такая неожиданная смѣлость турокъ послѣ величайшаго унынія ихъ покажется для васъ не такъ удивительною, когда я скажу вамъ, что, кромѣ внушеній Франціи и Англіи, было еще одно обстоятельство, которое ободрило побѣжденную Турцію къ новымъ нападеніямъ на ея побѣдителей: это былъ слухъ, распространившійся по всей

Европѣ о затруднительномъ и даже опасномъ положеніи Россіи: турки спѣшили воспользоваться имъ.

Но прежде нежели мы увидимъ, чѣмъ кончатся новыя надежды враговъ Екатерины, для читателей моихъ, вѣрно, любопытно узнать, отчего распространился такой невыгодный для отечества нашего слухъ. О! были важныя причины для того, и вотъ въ чемъ состояли онѣ.

Едва жители Москвы и окружающихъ ее губерній начали приходить въ себя отъ миновавшихъ ужасовъ моровой язвы, какъ неожиданное никѣмъ происшествіе поразило новымъ страхомъ еще неуспокоенные умы ихъ: получено было извѣстіе отъ оренбургскаго губернатора, что между казаками, живущими въ окрестностяхъ его губерній, вспыхнуло возмущеніе, что начальникъ мятежниковъ называетъ себя *императоромъ Петромъ III* и, пользуясь этимъ именемъ, быстро покоряетъ всѣ мѣста, мимо которыхъ проходитъ, и уже грозитъ гибелью самому Оренбургу.

Такое дерзкое намѣреніе и успѣхъ, сопровождавшій его, не могли не испугать всякаго, кто имѣлъ понятіе о временахъ прежнихъ самозванцевъ и о многочисленности и духѣ казаковъ—сосѣдей Оренбурга. Чтобъ и вы могли получить такое же понятіе, надобно разсказать вамъ объ этихъ казакахъ.

Ихъ называютъ теперь казаками *уральскими*, но въ то время они назывались *яицкими*, по имени рѣки *Яика*, нынѣшняго *Урала*. Трудно рѣшить, откуда пришли первые поселенцы ихъ на берега этой рѣки, однакожъ, судя по собственнымъ преданіямъ ихъ и по словамъ достовѣрнѣйшихъ писателей, первые казаки яицкіе были выходцы съ Дона. Они, какъ и всѣ казаки, жили сначала разбоями, проводили весну и лѣто до глубокой осени въ разъѣздахъ по широкому Яику и даже по морю Каспійскому, грабили суда, проходившія тамъ, и на зиму съѣзжались въ бѣдныя селенія свои около нынѣшняго Уральска. Разбои, бывшіе ремесломъ новыхъ поселенцевъ яицкихъ береговъ, заставляли ихъ иногда бояться сосѣдей, обитавшихъ по обѣимъ сторонамъ этого же Яика. Взглянувъ на карту Россіи, вы увидите на правой сторонѣ его обширную степь

Волжскую, по которой кочевали въ то время остатки ордъ татарскихъ; на лѣвой — земли киргизъ-кайсаковъ: тѣ и другіе были иногда опасны для казаковъ яицкихъ. Чтобы имѣть сильное покровительство, они просили царя Михаила Ѳеодоровича принять ихъ подъ свою высокую руку. Заселеніе береговъ Яика людьми, подвластными Россіи, было очень выгодно для нея: они могли оберегать отъ непріятелей границы ея. И такъ, царь принялъ благосклонно новыхъ подданныхъ, пожаловалъ имъ грамоту на рѣку Яикъ, т. е. подарилъ имъ ее и позволилъ *набирать къ себѣ на житье вольныхъ людей.*

Съ этого времени число яицкихъ казаковъ безпрестанно умножалось, но, къ несчастію, понятія ихъ о гражданской жизни не улучшались: они все также разбойничали, и даже еще болѣе: теперь уже, выѣзжая на Каспійское море, они соединялись съ донскими казаками и грабили не только торговыя суда персіянъ, но даже приморскія селенія ихъ. Не одинъ разъ шахъ жаловался царю, и казаки, узнавъ объ этомъ, молили о прощеніи государя и заслуживали вины свои въ походахъ нашихъ въ Польшу и подъ Ригу; но, возвратясь на родину, многіе изъ нихъ принимались опять за прежнее ремесло. Такъ жили яицкіе казаки до временъ Петра I. Великій преобразователь, обращая благодѣтельный взоръ на все, жившее въ царствѣ его, не могъ оставить безъ вниманія и это неустроенное войско: онъ учредилъ у нихъ общій порядокъ управленія и отдалъ ихъ въ вѣдомство военной коллегіи. Но законы благоустроеннаго общества не понравились самовольнымъ жителямъ береговъ Яика: они часто возмущались; хотѣли даже убѣжать въ степи Киргизскія или къ туркамъ: одна привязанность къ родной, во всемъ обильной сторонѣ удерживала ихъ. Имъ не хотѣлось разстаться съ богатыми берегами Яика и потому они скоро оставляли намѣреніе свое, но за то безпрестанно показывали непослушаніе къ начальникамъ, которые и сами нѣсколько виноваты были: пользуясь данною имъ властію, они иногда притѣсняли своихъ подчиненныхъ. Казаки, вмѣсто того, чтобы просить о разобраніи ссоръ ихъ и ожидать отъ суда удовлетворенія, управлялись сами. Такъ случилось и въ 1771 году.

Екатерина для усмиренія мятежниковъ послала генерала *Фреймана*, который исполнилъ дѣло свое очень хорошо: всѣ они были пойманы и главные наказаны. Строгость наказанія и благоразумныя мѣры вновь учрежденнаго начальства [1]) усмирили самыхъ смѣлыхъ изъ нихъ и, казалось, навсегда уничтожили ихъ дерзкія намѣренія.

Но напрасно было такое ожиданіе! не прошло двухъ лѣтъ, какъ безпокойное войско снова заволновалось. На этотъ разъ, однакожъ, не одни казаки были виноваты: къ нимъ явился злодѣй, обманувшій легковѣріе ихъ. Это былъ бѣглый донской казакъ *Емельянъ Пугачевъ*.

Никогда ни одинъ человѣкъ не соединялъ въ себѣ столько дерзости и ничтожества, какъ этотъ низкій обманщикъ. Что болѣе доказывало то и другое, какъ не мысль простого, безграмотнаго казака представлять лицо императора? Это былъ тотъ самый обманщикъ, который назвалъ себя Петромъ III. Неизвѣстно, съ этою ли безумною мыслью онъ пришелъ на Яикъ или она поселилась въ головѣ его тамъ, когда онъ узналъ безпокойный духъ тамошнихъ казаковъ и легкость, съ которою можно было склонить ихъ къ мятежу, только въ концѣ 1772 года онъ появился въ селеніяхъ ихъ, жилъ въ работникахъ то у одного хозяина, то у другого; потомъ, не имѣя настоящаго письменнаго вида, былъ пойманъ, какъ бродяга отосланъ въ Казань, содержался около полугода въ тамошней тюрьмѣ, наконецъ успѣлъ убѣжать оттуда въ іюнѣ 1773 года, и опять къ яицкимъ казакамъ. Но въ этотъ разъ онъ шатался по хуторамъ ихъ уже не въ смиренномъ видѣ работника или донского бѣглеца; нѣтъ, теперь онъ окружилъ себя тайною, разсказывалъ о приключеніяхъ своихъ только избраннымъ сообщникамъ и тѣ уже объявляли другимъ, что подъ именемъ Емельяна Пугачева скрывается человѣкъ важный и знаменитый, что этотъ человѣкъ есть императоръ Петръ III, почитаемый народомъ за умершаго, но проживавшій около года въ Кіевѣ, потомъ въ Константинополѣ, наконецъ на Дону. «Оттуда»,—

---

[1]) Прежнее казацкое правленіе было уничтожено и начальникомъ казацкаго войска яицкаго сдѣланъ комендантъ Яицкаго городка.

говорили простодушнымъ казакамъ хитрые товарищи ихъ, сдѣлавшіеся друзьми Пугачева,—«оттуда батюшка нашъ пришелъ къ намъ на Яикъ; но сначала приняли его здѣсь за бродягу и отправили въ Казань. Богъ помогъ ему уйти оттуда и онъ благополучно опять явился къ намъ и мы, братцы, ужъ не выдадимъ его теперь и постоимъ за него. Онъ пойдетъ съ нами управляться съ нашими судьями, всѣхъ ихъ смѣнитъ,—самъ онъ говоритъ, что они судятъ неправедно, поставитъ новыхъ, дастъ намъ денегъ, сколько захотимъ!»

Такъ, или почти такъ, говорили приверженцы Пугачева и слова ихъ такъ сильно дѣйствовали на яицкихъ жителей, что въ сентябрѣ того же 1773 года шайка Пугачева состояла уже изъ 3,000 человѣкъ пѣхоты и конницы. Семь крѣпостей по берегамъ Яика и Илека были взяты имъ, прежде нежели губернаторъ оренбургскій, какъ ближайшій начальникъ того края, успѣлъ показать значительное спротивленіе его дерзости; слабыя распоряженія этого начальника только увеличивали успѣхи мятежниковъ. Вотъ одно доказательство этого: въ оренбургской тюрьмѣ содержался въ то время разбойникъ, по имени *Хлопуша*. Двадцать лѣтъ ужасалъ онъ грабительствомъ въ тѣхъ краяхъ, нѣсколько разъ былъ ссылаемъ въ Сибирь и нѣскольо разъ убѣгалъ оттуда опять въ Оренбургъ. Можно ли было представить себѣ, что губернатору придетъ мысль употребить этого злодѣя на увѣщаніе Пугачева? Онъ освободилъ его изъ тюрьмы и послалъ къ мятежникамъ съ предложеніемъ сдаться. Разумѣется, что Хлопуша взялся въ точности исполнить порученіе и, явясь къ Пугачеву, сдѣлался одинъ изъ преданнѣйшихъ приверженцевъ его. Вообще, малое вниманіе, обращаемое на первые шаги этого важнаго впослѣдствіи мятежника, было главною причиною его невѣроятныхъ успѣховъ. Не прежде какъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ посланъ былъ для усмиренія его изъ Петербурга генералъ-маіоръ *Каръ*. Но распоряженія его были также неудачны, и въ декабрѣ, когда мятежники, съ каждымъ днемъ усиливаясь, доходили уже до окрестностей Казани, императрица, на мѣсто Кара отправила генералъ-аншефа *Бибикова*,—вы-

боръ, въ полной мѣрѣ доказавшій проницательность государыни.

Александръ Ильичъ Бибиковъ принадлежалъ къ числу такихъ людей, которые заслуживаютъ особенное вниманіе наше и которыми славилось царствованіе Екатерины. Кромѣ важныхъ заслугъ, оказанныхъ имъ отечеству въ продолженіе службы его, онъ особенно отличился въ опасное время Пугачевскаго бунта. Когда онъ получилъ важное порученіе государыни, народъ былъ уже вездѣ въ большемъ уныніи, повторяя разсказы о страшныхъ дѣлахъ самозванца, который ужасалъ жестокостію, неслыханною со временъ владычества татарскаго. Въ городахъ и селеніяхъ, покоренныхъ имъ, онъ казнилъ безъ разбора всѣхъ дворянъ и чиновниковъ, принималъ въ шайку свою только чернь, позволялъ ей пить и грабить, сколько она хотѣла. Такое позволеніе привлекло къ нему толпы башкирцевъ, калмыковъ и киргизовъ, разсѣянныхъ по обширнымъ степямъ Оренбургской губерніи, а съ такими дикими помощниками дерзкій злодѣй могъ сдѣлать много вреда,—и чего не могли опасаться тогда несчастные, которымъ угрожалъ онъ нашествіемъ! Ужасъ распространялся во всѣхъ мѣстахъ, куда онъ приближался. Дворяне, на которыхъ болѣе всего нападалъ онъ, бросали домы и имѣніе, спасая въ бѣгствѣ только себя и дѣтей своихъ.

Въ такомъ состояніи нашелъ Бибиковъ и Казань, пріѣхавъ туда 25-го декабря 1773 года. Его твердость и дѣятельныя распоряженія разсѣяли общее уныніе, и многіе изъ убѣжавшихъ жителей возвратились. Дворянство казанское сдѣлало еще болѣе: увлекаясь прекраснымъ примѣромъ Бибикова, который, не смотря на свое разстроенное здоровье, безотчетно жертвовалъ собою отечеству, оно также спѣшило доказать свое усердіе и предложило составить и вооружить на свой счетъ конное войско. Это благородное предложеніе было исполнено скоро и точно: съ каждыхъ двухъ сотъ душъ взяли одного рекрута, и отлично устроенный отрядъ порученъ начальству родственника Бибикова—генералу *Ларіонову*.

Екатерина была глубоко тронута преданностію казанцевъ и долго думала, какъ бы достойно наградить ее.

Чувствительной, исполненной благодарностію государынѣ представилась мысль, которая могла болѣе всего обрадовать дворянъ казанскихъ: она написала Бибикову, что желаетъ быть принятою въ сословіе ихъ и, какъ помѣщица казанская, пожертвовала также нѣсколько тысячъ рублей въ ту сумму, которая собиралась на общественное войско. Такая честь, такое лестное изъявленіе благодарности царицы обожаемой восхитили казанцевъ. Они не знали какъ изъяснить и радость свою, и величайшую признательность. Изъяснили то и другое и рѣчью дворянскаго предводителя своего, изъяснили и письмомъ къ государынѣ. Любопытно будетъ для васъ, милыя дѣти, узнать, что и эта рѣчь, и это письмо были сочинены *Державинымъ*, молодымъ гвардейскимъ офицеромъ, служившимъ при главнокомандующемъ, — тѣмъ самымъ Державинымъ, который впослѣдствіи былъ однимъ изъ лучшихъ поэтовъ нашихъ. Мы вѣрно еще будемъ имѣть случай представить здѣсь что нибудь изъ стихотвореній его, а теперь не хотите ли знать, какъ писалъ онъ въ то время прозою? Вотъ нѣсколько строкъ изъ письма дворянства казанскаго къ императрицѣ:

«Что ты съ нами дѣлаешь, въ трехъ частяхъ свѣта владычество имѣющая? Славимая въ концахъ земныхъ, честь царей, украшеніе коронъ, изъ боголѣпія величества своего, изъ сіянія славы своея, снисходишь и именуешься нашею *казанскою помѣщицею!* Та, которая даетъ законы полвселенной, подчиняетъ себя нашему постановленію! Та, которая владычествуетъ нами, подражаетъ нашему примѣру! Тѣмъ ты болѣе, тѣмъ ты величественнѣе!»

Живѣйшее чувство преданности говоритъ въ каждой строкѣ этого письма, котораго очень небольшую часть вы прочли здѣсь, друзья мои. Живѣйшимъ чувствомъ преданности исполнены были и всѣ дѣйствія дворянъ казанскихъ и даже войска, собраннаго ими, и потому дѣла, находившіяся въ распоряженіи Бибикова, шли очень успѣшно. Генералы и офицеры, отправленные имъ въ разныя стороны для истребленія мятежниковъ, безпрестанно увѣдомляли его объ удачныхъ дѣйствіяхъ своихъ: такъ генералъ-маіоръ *князь Голицынъ* въ мартѣ 1774 года освобо-

дилъ несчастный Оренбургъ, осаждаемый Пугачевымъ въ теченіе шести мѣсяцевъ; въ то же время храбрый подполковникъ *Михельсонъ*, которому впослѣдствіи принадлежала честь послѣдняго пораженія мятежника, избавилъ отъ него Уфу; генералъ *Мансуровъ*—крѣпости и городки Илецкій и Яицкій, взятыя имъ при началѣ возмущенія.

Съ такими помощниками умный Бибиковъ, вѣроятно, довершилъ бы скоро погибель злодѣя, но здоровье его разстроилось еще болѣе отъ трудовъ и безпокойствъ, а въ апрѣлѣ мѣсяцѣ онъ скончался отъ горячки. Казанцы были неутѣшны о потери своего избавителя,—такъ они, по справедливости, называли Бибикова. Но не одни они плакали по немъ: сама государыня приняла живѣйшее участіе въ потери, которая вскорѣ сдѣлалась общею горестью: съ смертію Бибикова Пугачевъ снова усилился и въ іюнѣ мѣсяцѣ уже ворвался въ Казань, и хотя только одинъ день пробылъ въ ней, но успѣлъ разграбить и сжечь всѣ церкви и домы ея [1]) и увести въ плѣнъ 10,000 жителей. На этотъ разъ Михельсонъ былъ освободителемъ несчастнаго города: онъ выгналъ жестокаго мятежника изъ стѣнъ его, возвратилъ свободу плѣнникамъ, уже уведеннымъ въ лагерь Пугачева, и на нѣсколько дней остался въ разоренномъ городѣ, чтобы хотя сколько нибудь успокоить несчастныхъ жителей.

Между тѣмъ злодѣй шелъ далѣе съ остатками шайки своей, почти совершенно разбитой Михельсономъ. Къ несчастію, эта шайка, всегда состоявшая изъ бродягъ и самыхъ дурныхъ людей, могла очень скоро снова наполняться: прошло немного дней и у него была уже не одна тысяча дерзкихъ товарищей. Онъ переправился съ ними за Волгу, по дорогѣ къ Москвѣ, взялъ Пензу и Саратовъ. Ужасъ овладѣлъ всѣми и препятствовалъ предаваться радости, тогда случившейся въ Россіи: новыя побѣды Румянцева въ странахъ, лежащихъ уже за Дунаемъ, наведя страхъ на всю имперію турецкую, принудили

---

[1]) Изъ 2,800 домовъ въ Казани сгорѣло тогда 2,057, кромѣ того двадцать пять церквей и три монастыря! Послѣ этого можно судить объ ужасахъ, сопровождавшихъ бунтъ Пугачева.

ее наконецъ къ миру, знаменитому для русскихъ и заключенному въ Кучукъ-Кайнарджи, 10-го іюля 1774 года. Этотъ миръ доставилъ Россіи Кинбурнъ, Азовъ, Таганрогъ и часть Крымскаго полуострова; утвердилъ независимость татаръ крымскихъ и кубанскихъ и тѣмъ уменьшилъ число подданныхъ турецкихъ, всегда наносившихъ вредъ Россіи, а теперь искавшихъ ея покровительства; наконецъ этотъ миръ открылъ русскимъ свободное плаваніе по Черному морю и по всѣмъ турецкимъ морямъ. Нельзя было не радоваться такому счастливому окончанію войны, которую враги Екатерины замыслили на гибель царства ея. Но кто могъ думать о радости, получая безпрестанно самыя печальныя извѣстія о жестокой судьбѣ городовъ и селеній, занятыхъ безчеловѣчнымъ мятежникомъ.

Окончаніе войны доставило императрицѣ возможность отправить къ войскамъ, сражавшимся съ Пугачевымъ, двухъ изъ лучшихъ генераловъ ея: графа Панина и Суворова. Но они оба пріѣхали къ арміи въ то время, когда уже храбрый Михельсонъ совершенно разбилъ злодѣя въ нынѣшней Саратовской губерніи, при городѣ Царицынѣ. Пугачевъ успѣлъ переправиться съ нѣсколькими казаками назадъ за Волгу и, потерявъ всю надежду, хотѣлъ бѣжать въ степи Киргизскія; но казаки, начиная уже думать о томъ, какъ бы заслужить прощеніе правительства, рѣшились выдать дерзкаго предводителя своего и привезли его связаннаго въ Яицкій городокъ, гдѣ онъ представленъ былъ Суворову, только что пріѣхавшему туда. На вопросы, которыя дѣлали самозванцу о причинахъ его дерзости, онъ отвѣчалъ: «*Богу угодно было наказать Россію чрезъ мое окаянство*».

Изъ Яицкаго городка его повезли въ Симбирскъ, въ деревянной клѣткѣ на двухколесной телѣгѣ. Двѣ пушки и многочисленный отрядъ солдатъ, бывшихъ подъ начальствомъ Суворова, сопровождали его. Въ Симбирскѣ онъ пробылъ недолго и отправленъ былъ въ Москву, гдѣ совершились надъ нимъ судъ и потомъ казнь. Во все время суда, продолжавшагося около двухъ мѣсяцевъ, онъ сидѣлъ на монетномъ дворѣ, прикованный къ стѣнѣ. Любопытные могли видѣть его съ утра до вечера, и говорятъ, что

взоры и голосъ его были такъ страшны, что многія женщины, при видѣ его, падали въ обморокъ. Наконецъ судьба его рѣшилась: онъ и пятеро главныхъ сообщниковъ его приговорены были къ смерти, восемнадцать другихъ—къ ссылкѣ въ Сибирь. Люди, которые видѣли эту казнь, разсказывали, что голосъ злодѣя былъ страшенъ даже и тогда, когда онъ, стоя на эшафотѣ, долженъ былъ отвѣчать на вопросы исполнителей приговора и громко, предъ всѣмъ народомъ, объявить, что онъ бѣглый донской казакъ Зимовейской станицы, *Емелька Пугачевъ*[1]).

Послѣ нѣсколькихъ земныхъ поклоновъ золотоверхимъ соборамъ и церквамъ московскимъ, Пугачевъ поклонился на всѣ стороны и сказалъ: «Прости, народъ православный; отпусти въ чемъ я согрубилъ предъ тобою... прости, народъ православный!»

Это были послѣднія слова преступника: чрезъ нѣсколько мгновеній потомъ его уже не было; но воспоминаніе о немъ еще долго пугало не только дѣтей, случайно видѣвшихъ его, но даже и взрослыхъ людей, и слово *Пугачевщина*, означая время его страшнаго бунта, всегда будетъ выражать въ понятіяхъ русскаго одну изъ ужаснѣйшихъ эпохъ исторіи отечественной.

---

[1]) Здѣсь надобно сказать читателямъ о благородномъ поступкѣ казаковъ зимовейскихъ. Узнавъ, что самозванецъ Пугачевъ есть уроженецъ станицы или деревни ихъ, они просили у государыни позволенія перенести жилища свои на другое мѣсто, чтобы не имѣть ничего общаго съ злодѣемъ. Они соглашались даже и на то, чтобы новое мѣсто было *менѣе выгодно*, нежели прежнее. Екатерина тронута была такимъ доказательствомъ усердія ихъ, но не хотѣла, чтобы они потерпѣли напрасные убытки, и для того перемѣнила только имя станицы ихъ, и вмѣсто Зимовейской назвала ее—*Потемкинской*, названіе, котораго важность вы узнаете въ одномъ изъ слѣдующихъ разсказовъ.

Въ то же время и для той же причины перемѣнила императрица и названіе рѣки *Яика* на *Уралъ*.

ТОРЖЕСТВО МИРА СЪ ТУРЦІЕЙ И УЧРЕЖДЕНІЕ ГУБЕРНІЙ.

1775 годъ.

Много терпѣла бѣдная Москва въ послѣдніе четыре года! И ужасы моровой язвы, и страхъ, наведенный возмущеніемъ Пугачева, и наконецъ, судъ и казнь злодѣя, происходившіе въ стѣнахъ ея, все это распространило такое грустное уныніе по обширному городу, что, казалось, жители его совсѣмъ позабыли о веселіи, которое всегда было отличительною ихъ чертою. Вдругъ всѣ печальныя лица оживились, всѣ сердца забились радостію: разнеслась вѣсть, что государыня пріѣдетъ въ Москву праздновать славный Кайнарджискій миръ съ турками. Москвитяне, зная какъ добра государыня, осмѣливались думать, что она желаетъ утѣшить ихъ драгоцѣннымъ присутствіемъ своимъ за претерпѣнныя бѣдствія и не знали, какъ выразить и восторгъ, и благодарность свою. Они не ошиблись: Екатерина, обладавшая въ совершенствѣ тайною счастливить людей, въ самомъ дѣлѣ хотѣла праздновать знаменитый миръ въ Москвѣ для того, чтобы шумомъ этого торжества разсѣять уныніе ея жителей, чтобы знаками любви своей утѣшить ихъ. Это было первою цѣлію доброй, чувствительной государыни, второю—было самое торжество, которому она желала придать какъ можно болѣе блеска. Она любила блескъ, когда онъ нуженъ былъ, чтобы показать могущество царства ея, любила величаться превосходствомъ этого царства предъ другими, любила придавать всѣмъ обстоятельствамъ, относившимся до него, всю приличную имъ важность. Напримѣръ, какъ величественна была эта государыня, когда, украшенная всѣми знаками императорскаго достоинства, окруженная всѣмъ великолѣпіемъ двора своего, принимала иностранныхъ министровъ и посланниковъ! Прелестное лицо ея выражало тогда столько величія, столько важности, что всѣ видѣвшіе ее робѣли, какъ въ присутствіи существа неземного. Самые близкіе изъ придворныхъ, принятые въ домашній

кругъ императрицы, едва узнавали въ ней ту, съ которою наканунѣ такъ откровенно, такъ смѣло разговаривали. Перемѣна, которую находили между Екатериною, принимавшею избранныхъ гостей своихъ на маленькихъ вечерахъ, и Екатериною на тронѣ, въ торжественный день представленія двора, была чрезвычайно удивительна, и современники подтверждаютъ это многими анекдотами, изъ которыхъ нѣкоторые особенно любопытны. Напримѣръ, вотъ одинъ.

Однажды пріѣхалъ въ Петербургъ посланникомъ французскаго короля г. Веракъ, славившійся своимъ остроуміемъ и смѣлостію. За нѣсколько дней до представленія его Екатеринѣ онъ получилъ отъ знакомыхъ своихъ не одно предостереженіе о томъ, чтобы не сробѣть предъ государынею. Веселому французу показалось это странно; онъ смѣялся надъ излишнею заботливостію друзей своихъ и успокоивалъ ихъ тѣмъ, что онъ уже не въ первый разъ будетъ представлять лицо своего государя. Съ большою самонадѣянностію Веракъ отправился во дворецъ въ день своего представленія. Но какъ скоро онъ увидѣлъ Екатерину въ коронѣ и порфирѣ, какъ скоро глаза его встрѣтили ея взоры, въ которыхъ сіяло неизъяснимое величіе, смѣлость француза превратилась въ такое замѣшательство, что онъ въ одну минуту позабылъ всю длинную, давно заготовленную рѣчь и нѣсколько разъ повторялъ только начало ея: «Le roi, mon maître, le roi, mon maître...» [1]). Наконецъ Екатерина сжалилась надъ нимъ и съ улыбкою снисходительности договорила важную рѣчь его словами: «Il est de mes amis!» [2]).

Въ другой разъ то же самое случилось съ однимъ архіереемъ въ церкви, мимо которой государыня проѣзжала въ одно изъ путешествій своихъ по Россіи. Онъ, какъ и г. Веракъ, приготовилъ рѣчь, которою хотѣлъ встрѣтить императрицу при входѣ въ церковь. Но какъ скоро онъ увидѣлъ Екатерину, языкъ его, какъ будто онѣмѣвшій,

---

[1]) Король, мой государь, король, мой государь:..

[2]) Онъ въ дружбѣ со мною.

едва могъ выговорить только: «Всемилостивѣйшая государыня, всемилостивѣйшая государыня!» Императрица, всегда сохранявшая удивительное присутствіе духа, умѣла и его такъ же, какъ г. Верака, вывести изъ замѣшательства. Съ обыкновенною привѣтливостію своею она подошла къ оробѣвшему пастырю и сказала ему: «Я прошу вашего благословенія».

Былъ также похожій на это случай и съ Александромъ Ильичемъ Бибиковымъ, о которомъ мы уже говорили. Екатерина любила и уважала Бибикова, и поэтому обходилась съ нимъ просто. Однажды ему надобно было произнести ей рѣчь отъ комиссіи составленія законовъ. Государыня шутя говорила ему наканунѣ: «Смотри не оробѣй!» — Помилуйте, ваше величество, отвѣчалъ Бибиковъ,—отъ чего? Я привыкъ къ вашимъ милостямъ, всякій день въ короткой бесѣдѣ съ вами.—«Однакожъ, остерегись», прибавила государыня,—«я тебя предупреждаю!» И что-жъ? на другой день онъ увидѣлъ государыню на тронѣ и долго не могъ оправиться отъ смущенія, чтобы сказать свою рѣчь.

По этимъ примѣрамъ можно судить, въ какой степени Екатерина обладала искусствомъ дѣйствовать на сердца и какъ естественно было въ ней это величіе, которымъ она удивляла всѣхъ. Здѣсь кстати представить читателямъ моимъ Екатерину, такъ какъ видѣлъ ее поэтъ, о которомъ мы уже упоминали, — Державинъ. Стихотвореніе, вѣрною кистію описывающее ее, называется «*Изображеніе Фелицы*». Державинъ начинаетъ его обращеніемъ къ живописцу, котораго проситъ написать изображеніе Екатерины, и разсказываетъ, какія черты составляютъ ее. Это стихотвореніе тѣмъ болѣе интересно, что вмѣстѣ съ этими чертами онъ часто соединяетъ въ описаніи своемъ и важнѣйшія происшествія изъ жизни великой государыни. Въ слѣдующихъ трехъ куплетахъ вы увидите описаніе прекрасной наружности Екатерины:

«Небесно-голубые взоры
И по ланитамъ нѣжна тѣнь,
Сквозь мракъ временъ, стихіевъ споры,
Блистали бы какъ ясный день;

Какъ утренняя заря весення,
Такъ улыбалась бы она;
Какъ пальма, въ раѣ насажденна,
Такъ возвышалась бы стройна,

Какъ пальма клонитъ благовонну
Вершину и лицо свое,
Такъ тиху, важну, благородну
Ты поступь напиши ее.
Коричными чело власами,
А перломъ перси осѣни;
Премудрость и любовь устами,
Какъ розы дышутъ, изъясни.

Представь въ лицѣ ея геройство.
Въ очахъ—величіе души;
Премилосердно, нѣжно свойство
И снисхожденье напиши;
Не позабудь пріятность въ нравѣ
И кроткій гласъ ея рѣчей.
Во всей изобрази ты славѣ
Владычицу души моей».

Но въ куплетѣ, который слѣдуетъ за этимъ, вы увидите описаніе не только наружности государыни, но и той минуты, когда она, въ день восшествія своего на престолъ, предводительствовала гвардіею и принимала присягу ея, сидя на бѣлой лошади, въ военной одеждѣ:

Одѣнь въ доспѣхи, въ брони златы
И въ мужество ея красы,
Чтобъ шлемъ блисталъ на ней пернатый,
Зефиры вѣяли власы;
Чтобъ конь подъ ней главой крутился
И бурно бразды опѣнялъ.
Чтобъ Нордъ сѣдой ей удивился
И обладать собой избралъ.

Избралъ—и падши на колѣна,
Поднесъ бы скиптръ ей и вѣнецъ.
Она, мольбой его смягченна
И ставъ владычицей сердецъ,
Безстрашно узы-бъ разрѣшила
Издревле скованныхъ цѣпьми,
Свободой бы рабовъ плѣнила
И нарекла себѣ дѣтьми.

Въ этихъ послѣднихъ строкахъ поэтъ говоритъ о томъ манифестѣ, которымъ императрица подтвердила права, данныя супругомъ ея дворянству.

Теперь послушайте, какъ хорошо описаны имъ тогдашнія границы отечества нашего:

«Престолъ ея на Скандинавскихъ,
Камчатскихъ и Златыхъ горахъ.
Отъ странъ таймурскихъ до кубанскихъ
Поставь на сорокъ-двухъ столпахъ [1]).
Какъ восемь бы зерцалъ стояли
Ея великія моря;
Съ полнеба звѣзды освѣщали
Вокругъ багряная заря.

Средь дивнаго сего чертога
И велелѣпной высоты,
Въ величествѣ, въ сіяньи Бога
Ее изобрази мнѣ ты:
Чтобъ, сшедъ съ престола, подавала
Скрижаль заповѣдей святыхъ;
Чтобы вселенна признавала
Гласъ Божій, гласъ природы въ нихъ».

Здѣсь послѣднія четыре строки относятся къ божественному Наказу ея, о которомъ мы уже говорили, друзья мои. Помните, какъ она созвала разноплеменныхъ подданныхъ своихъ для разсужденій о новыхъ законахъ? Поэтъ живо представляетъ здѣсь и это необыкновенное происшествіе въ исторіи царствъ:

«Чтобъ дики люди отдаленны,
Покрыты шерстью, чешуей,
Пернатыхъ перьемъ испещренны,
Одѣты листьемъ и корой,
Сошедшися къ ея престолу
И кроткихъ внявъ законовъ гласъ,
По желтосмуглымъ лицамъ долу
Струили токи слезъ изъ глазъ.

Струили-бъ слезы и блаженство
Своихъ проразумѣя дней,
Забыли бы свое равенство

[1]) Сорокъ два столпа означаютъ здѣсь 42 тогдашнія губерніи.

И были всѣ подвластны ей:
Финнъ въ морѣ, блѣдный, рыжевласый,
Не разбивалъ бы кораблей,
И узкоглазый гуннъ жалъ класы
Среди сѣдыхъ, сухихъ зыбей.

Припомни, чтобъ она вѣщала
Безчисленнымъ ея ордамъ;
— Я счастья вашего искала
И въ васъ его нашла я вамъ,
Ставъ сами вы себѣ послушны:
Живите, славьтеся въ мой вѣкъ,
И будьте столь благополучны
Колико можетъ человѣкъ».

Я думаю, вы помните, любезные читали, и то, когда именно Екатерина наша сказала эти драгоцѣнныя для народа русскаго слова, которыя наполняютъ здѣсь послѣднія двѣ строки?

Но послѣ большого нашого отступленія въ страну высокой поэзіи Державина возвратимся къ скромному описанію нашему празднованія Кайнарджискаго мира. Почти всѣ генералы, отличившіеся во время войны, сопровождали государыню въ Москву. Екатерина желала, чтобы знаменитѣйшему изъ нихъ, графу Румянцеву, отдана была почесть, достойная побѣдъ его: чтобы онъ въѣхалъ въ городъ на торжественной колесницѣ, въ ворота тріумфальныя; но побѣдитель турокъ былъ столько же скроменъ, какъ и великъ: онъ упросилъ государыню избавить его отъ чести, столь высокой, и въѣхалъ въ столицу просто.

Торжество мира началось не веселостями, но, по благочестивому обычаю русскихъ, началось прежде всего принесеніемъ благодаренія Богу. Императрица [1]), по особенной

---

[1]) Эта великая государыня, не смотря на то, что родилась и прожила до четырнадцатилѣтняго возраста въ странѣ нѣмецкой, умѣла, можно сказать, переродиться во второмъ отечествѣ своемъ, умѣла сдѣлаться русскою во всѣхъ отношеніяхъ. Она слѣдовала всѣмъ обычаямъ нашимъ, начиная отъ самыхъ важныхъ до самыхъ простыхъ. Въ воскресные дни всегда бывала у заутрени и обѣдни, во время постовъ показывала собою примѣръ набожности и воздержанія. Въ праздники любила веселиться такъ же, какъ веселились ея подданные: напримѣръ въ святки, при дворѣ пѣли подблюдныя пѣсни, играли въ жмурки, фанты и хороводы. На Святой недѣли всѣ, безъ различія званія, христосова-

набожности своей, ходила пѣшкомъ въ Троицкую лавру св. Сергѣя поклониться тамъ мощамъ угодника, всегда чудесно помогавшаго народу ея, и потомъ уже, возвратясь изъ этого благочестиваго путешествія, она отдала повелѣніе дѣлать приготовленія къ торжеству. Главное мѣсто для него было назначено на полѣ Ходынскомъ. Въ короткое время это обширное поле покрылось множествомъ легкихъ прекрасныхъ строеній, которыя представляли глазамъ удивленныхъ жителей Москвы какой-то новый волшебный городъ: это было ничто иное, какъ разныя увеселительныя залы, галлерея, театры въ видѣ крѣпостей, городовъ и даже кораблей. Названія ихъ напоминали всѣ знаменитыя происшествія войны турецкой: тутъ можно было видѣть и Азовъ, и Чесму и Кайнарджи.

Приготовленія кончились не прежде 10-го іюля, и съ нетерпѣніемъ ожидаемые праздники начались въ тотъ торжественный день. Рано поутру главныя улицы московскія наполнились народомъ. По обѣимъ сторонамъ ихъ стояли ряды солдатъ. Предъ обѣднею раздался громъ пушекъ: государыня, со всею многочисленною свитою придворныхъ, шла изъ дворца въ Успенскій соборъ. Она была въ коронѣ и порфирѣ, подъ балдахиномъ, который несли восемь генералъ-маіоровъ, шнуры держали восемь генералъ-поручиковъ. Предъ императрицею шелъ графъ Румянцевъ, главное лицо торжества.

Послѣ обѣдни и молебна шествіе отправилось такимъ же порядкомъ въ Грановитую палату. Здѣсь императрица

лись, мѣнялись яйцами; на масляницѣ — катались съ горъ и еще чаще—въ саняхъ. Это послѣднее катанье было необыкновенно: нѣсколько маленькихъ саней привязывали однѣ къ другимъ; въ первыя же большія сани запрягали лошадей десять или двѣнадцать и такимъ образомъ эти лошади тащили за собою весь поѣздъ. При такомъ катаньѣ нерѣдко случалось, что нѣкоторыя изъ маленькихъ саней на поворотѣ улицъ опрокидывались; но какъ сани ѣхали тихо, то для сидѣвшихъ въ нихъ не было никакихъ послѣдствій, кромѣ того, что они отъ всей души смѣялись и заставляли другихъ смѣяться надъ своимъ паденіемъ и неловкостію. Вообще веселость и непринужденность были всегда главною прелестію общества Екатерины. Прибавьте къ тому, что она чаще всего говорила по-русски, что она любила этотъ языкъ какъ свой родной, что она любила русскихъ какъ дѣтей своихъ, и вы поймете причину той безпредѣльной привязанности, которую русскіе чувствовали къ своей государынѣ.

желала лично раздать награды храбрымъ генераламъ своимъ. Эта картина была неописанно прекрасна. Вообразите себѣ славную палату Грановитую, т. е. огромный, великолѣпный залъ, гдѣ возвышался древній тронъ царей русскихъ; вообразите на этомъ тронѣ государыню, которой лицо сіяло небесною кротостію и величіемъ, которой каждое движеніе было исполнено прелести и достоинства; вообразите толпу воиновъ, изъ которыхъ почти каждый отличился чѣмъ нибудь особеннымъ — и потомъ скажите, какая картина могла быть прекраснѣе и величественнѣе? Эта необыкновенная раздача наградъ припоминала времена рыцарства, когда знаменитѣйшія принцессы собственными руками надѣвали лавровые вѣнки на героевъ-побѣдителей. Очарованіе было тѣмъ совершеннѣе, что и здѣсь также главный полководецъ получилъ вѣнокъ; только лавровые листья этого вѣнка не были обыкновенные зеленые, украшающіе природныя вѣтви этого знаменитаго дерева, но были золотые, осыпанные крупными бриллiантами. Кромѣ того, Румянцевъ получилъ бриллiантовую шпагу и масличную вѣтвь за миръ; получилъ орденъ св. Андрея, подмосковную деревню съ 5,000 душъ крестьянъ и съ громкимъ именемъ *Кайнарджи*, въ память той деревни, въ которой заключенъ миръ, 100,000 рублей на постройку дома и, наконецъ, знаменитое названіе *Задунайскаго*. Вотъ примѣръ, по которому можно судить, съ какою щедростію Екатерина награждала усердныхъ подданныхъ своихъ. И прочіе генералы получили каждый по заслугамъ своимъ. Попечительная государыня, при общей радости, не забыла также и народъ: ему сдѣлали большія облегченія въ податяхъ, освободили множество заключенныхъ въ темницахъ, простили значительное число разнаго рода преступниковъ, и особенно всѣхъ участвовавшихъ въ бунтѣ Пугачева.

Такъ кончился первый день торжества великодушной Екатерины. Послѣ того было при дворѣ нѣсколько баловъ, обѣдовъ, а потомъ 21-го числа праздникъ на полѣ Ходынскомъ. Въ этотъ день государыня хотѣла веселиться вмѣстѣ съ народомъ. Съ такою же пышностію, какъ и въ первый разъ, отправилась она въ новопостроенный прелестный го-

родокъ Ходынскій. Тамъ въ каждомъ изъ устроенныхъ легкихъ зданій приготовлено было что нибудь особенное. Прежде всего государыня и весь дворъ взошли въ высокую галлерею, откуда видна была вся площадь. Съ первыми шагами ея тамъ раздались сигнальные выстрѣлы и упали покрывала съ возвышеній, разставленныхъ въ разныхъ мѣстахъ площади, и шумно забили фонтаны, до той минуты никѣмъ не примѣченные. И знаете ли, что̀ было подъ покрывалами? Цѣлые жареные быки съ позолоченными рогами, наполненные разными съѣстными припасами и лакомствами, а фонтаны били вкусными винами виноградными. Веселье счастливаго народа было въ тотъ день неописанно, государыня любовалась необыкновеннымъ обѣдомъ, который, разумѣется, кончился въ нѣсколько минутъ. При такихъ случаяхъ каждому позволялось показывать удальство свое, и лучшіе куски царскаго угощенія обыкновенно доставались самымъ ловкимъ и смѣлымъ. Кому же удалось сорвать голову быка съ его позолоченными рогами, тотъ получалъ еще награжденіе отъ государыни. Послѣ этого вы можете представить себѣ, съ какимъ усердіемъ бросился народъ на высокія пирамиды кушаньевъ и какъ скоро быки исчезли изъ глазъ зрителей! Послѣ сытнаго обѣда добрая царица веселила гостей своихъ разными забавами. Во всѣхъ концахъ площади гремѣла музыка, фигляры ходили по канатамъ, фокусники удивляли народъ чудесами проворства и ловкости.

Между тѣмъ въ одномъ изъ лучшихъ зданій новаго городка, въ Азовской крѣпости, приготовленъ былъ великолѣпный обѣдъ для 319 особъ первыхъ чиновъ государства. Здѣсь, за пышнымъ столомъ, государыня опять отличила главнаго виновника праздника: Румянцевъ сидѣлъ подлѣ нея, мать его — подлѣ наслѣдника престола, великаго князя Павла Петровича. И какъ будто считая всѣ милости свои недостаточными для вознагражденія того, кто жертвовалъ за отечество жизнію и съ такою славою избавилъ его отъ опасностей, Екатерина довершила торжество Румянцева новымъ знакомъ благоволенія своего: въ концѣ обѣда взяла бокалъ шампанскаго, привстала съ мѣста своего и при громѣ пушекъ пила здоровье героя

Задунайскаго. Сколько благодарности, сколько усердія къ престолу чувствовало въ это время благородное сердце фельдмаршала и сколько блаженства разливалось въ сердцѣ его счастливой матери,—этого невозможно описать.

Однимъ днемъ не кончились праздники на Ходынской площади: 23-го числа были тамъ опять новыя увеселенія. Въ этотъ разъ они начались послѣ обѣда. Государыня со всѣмъ дворомъ ходила тамъ по ярмаркѣ Таганрогскаго городка, покупала множество товаровъ, ей ненужныхъ, чтобы только обрадовать торговцевъ. Въ шесть часовъ лучшіе артисты давали оперу; потомъ въ одной изъ галлерей былъ маскарадъ; наконецъ, на корабляхъ, построенныхъ на Ходынской площади, сожженъ былъ фейерверкъ, напомнившій великолѣпнымъ пламенемъ своимъ побѣду русскихъ при Чесмѣ.

Вотъ какъ праздновала великая государыня знаменитыя побѣды своихъ воиновъ! Пышность этихъ праздниковъ поразила удивленіемъ всѣхъ иностранныхъ министровъ, тутъ находившихся, и особенно посланника турецкаго, пріѣхавшаго отъ государя своего съ грамотою мира и съ драгоцѣнными подарками.

Примѣчательный по этому миру 1775 годъ сдѣлался еще примѣчательнѣе для русскихъ по новому великому дѣлу государыни. Занимаясь съ самаго восшествія своего на престолъ улучшеніемъ законодательства, занимаясь сочиненіемъ безсмертнаго Наказа своего, Екатерина видѣла, какъ много недостатковъ было во всѣхъ частяхъ управленія колоссальнаго государства, котораго образованіе, такъ быстро совершаемое рукою Петра Великаго, прервано было его преждевременною кончиною. Она видѣла, что все начатое имъ требовало продолженія тѣхъ попеченій, при которыхъ такъ хорошо возрастало его твореніе; видѣла, что многія, еще ненужныя при немъ перемѣны дѣлались необходимыми при новыхъ обстоятельствахъ царства, со всѣхъ сторонъ увеличеннаго пріобрѣтеніями. Эти перемѣны всего нужнѣе были въ общемъ устройствѣ областей, въ ихъ управленіи и даже въ самомъ раздѣленіи. Многія изъ нихъ были такъ велики и пространствомъ, и населенностію, что начальственныя въ нихъ лица затрудня-

лись въ отправленіи должностей своихъ, тѣмъ болѣе, что эти должности, давно учрежденныя, уже не согласовались съ настоящимъ положеніемъ жителей, такъ много измѣнившимся противъ прежняго. И такъ, разсмотрѣвъ всѣ обстоятельства, сообразивъ ихъ со всею проницательностію мудрой законодательницы, Екатерина рѣшилась дать новое образованіе всему составу своей обширной имперіи и раздѣлить ея неправильныя и несоразмѣрныя области на правильныя, одинаково-устроенныя *губерніи.* Всѣ мѣры для такого раздѣленія, всѣ законы новаго управленія, всѣ обязанности новыхъ чиновниковъ были обдуманы и написаны самою государынею въ книгѣ, извѣстной подъ названіемъ *Учрежденіе о губерніяхъ.* По этому превосходному и такъ много прославившему Екатерину учрежденію раздѣлена вся Россія почти на одинаковыя пространства, названныя *намѣстничествами.* Такое названіе произошло отъ того, что главныя лица, назначенныя управлять ими, были названы государынею *намѣстниками.* Екатерина такъ любила русскій языкъ, что и для должностей предпочитала русскія названія, напримѣръ: *намѣстникъ, исправникъ, засѣдатель* и проч. Послѣдніе и теперь такъ называются; *намѣстники* же впослѣдствіи стали называться *генералъ-губернаторами.* Эти важныя лица государственныя, получившія въ книгѣ *Учрежденіе о губерніяхъ* подробное наставленіе отъ императрицы, какъ отправлять многочисленныя обязанности свои, замѣнили прежнихъ *воеводъ,* которые въ областяхъ, имъ ввѣренныхъ, пользовались такою властію, что рѣшеніе всѣхъ дѣлъ областныхъ жителей зависѣли отъ нихъ и воеводской ихъ канцеляріи, куда надобно было пріѣзжать каждому, кто имѣлъ какое нибудь дѣло до воеводы, какъ ни велико было бы разстояніе до областного города; теперь же, въ новыхъ губерніяхъ, каждый городъ и округъ его имѣли своихъ судей для разбора дѣлъ, и если нужно было высшее разрѣшеніе начальства, то отсылались однѣ бумаги въ тѣ мѣста, которыя учреждены были въ главномъ городѣ губерніи. Такимъ образомъ явились у насъ въ уѣздныхъ городахъ суды *Уѣздный* и *Земскій,* а въ губернскихъ, кромѣ этихъ судовъ, учреждены были палаты: *Казенная, Гражданская* и *Уго-*

ловная и *Правленіе губернское*. Для купечества и мѣщанства учреждены особенные суды: въ губернскихъ городахъ — *магистраты*, а въ уѣздныхъ — *ратуши*. Кромѣ того, въ *Учрежденіи о губерніяхъ* улучшены правила для полиціи и обращено материнское вниманіе государыни на безпомощное состояніе дѣтей, которыя, потерявъ въ младенческомъ возрастѣ родителей, оставались съ имѣніемъ своимъ на рукахъ родственниковъ, часто пользовавшихся беззащитнымъ сиротствомъ ихъ и разорявшихъ наслѣдство ихъ. Для такихъ бѣдныхъ дѣтей и для управленія имѣніями ихъ учреждено также особенное присутственное мѣсто, подъ названіемъ *Опеки*—для дворянства, *Сиротскаго суда*—для купечества и мѣщанства. Дѣтей же, которымъ родители не оставляли никакого состоянія и которыя, слѣдовательно, не имѣли никакой надежды получить не только воспитаніе, но даже часто и содержаніе, государыня брала подъ свое особенное покровительство и для нихъ учредила *Приказъ общественнаго призрѣнія*, — такое присутственное мѣсто, которому поручены были всѣ народныя школы, гдѣ учились такія дѣти, и всѣ богоугодныя заведенія для другихъ бѣдныхъ, т. е. богадѣльни, больницы, домы для больныхъ неизлечимыхъ, для лишенныхъ ума, домы воспитательные и сиротскіе, гдѣ жили и учились дѣти-сироты совершенно безпомощныя и не имѣвшія даже и родственниковъ, которые бы могли сколько нибудь заботиться о нихъ. Изъ этого описанія вы видите, какъ важна и благодѣтельна была цѣль Приказа общественнаго призрѣнія. Не менѣе важно было учрежденіе еще одного присутственнаго мѣста—*Совѣстнаго суда*. Здѣсь назначено было разсматривать дѣла, не подходящія подъ общія правила законовъ, напримѣръ: преступленія, недоказанныя ясными свидѣтельствами, или сдѣланныя людьми безумными или малолѣтними, которые не могли понимать всей важности проступка своего; однимъ словомъ, всѣ такія дѣла, гдѣ надобно было судить болѣе по совѣсти, нежели по доказательствамъ преступленія.

Вотъ какъ прекрасно устроены были всѣ части новаго управленія! Вотъ какъ малѣйшія обстоятельства ихъ были удивительно предвидѣны и обдуманы правительницею-го-

сударынею! 7-го ноября 1775 года обнародованъ былъ манифестъ о новомъ учрежденіи, и первыя явившіяся въ Россіи губерніи были *Тверская* и *Смоленская*. Онѣ открыты были прежде всѣхъ другихъ для образца, для испытанія новыхъ учрежденій, и когда увидѣли прекрасное устройство ихъ, когда почувствовали благодѣтельныя слѣдствія порядка, вмѣстѣ съ ними распространившагося, всѣ благословляли новую милость императрицы. Она сама удостовѣрилась въ величайшей пользѣ новыхъ распоряженій и приказала ввести ихъ во всѣ мѣста своихъ владѣній.

ВООРУЖЕННЫЙ НЕЙТРАЛИТЕТЪ ИЛИ НОВАЯ СЛАВА ЕКАТЕРИНЫ.

отъ 1775 до 1780 года.

(5 лѣтъ).

Послѣ всего того, что мы читали о дѣлахъ Екатерины, вы, вѣрно, удивитесь, милые читатели, увидѣвъ заглавіе этого разсказа. Неужели эта громкая, многоразличная, можно сказать, почти безпредѣльная слава можетъ еще увеличиться новою? Да, друзья мои, такова сила генія. Онъ не истощается отъ лѣтъ, не утомляется отъ дѣятельности; способности его, напротивъ того, съ лѣтами совершенствуются, съ дѣйствіями развиваются, и тамъ, гдѣ человѣкъ обыкновенный останавливается, считая всѣ обязанности свои исполненными, геніальный — не видитъ еще и половины дѣлъ своихъ оконченными. Не удивляйтесь же возрастающей съ каждымъ годомъ славѣ Екатерины: духъ ея безпрестанно стремился къ увеличенію этой славы, а тогдашнее состояніе Европы безпрестанно представляло ей случаи къ тому.

Вскорѣ послѣ Кайнарджискаго мира безпокойные турки снова заволновались; всего болѣе огорчила ихъ независимость Крыма, и съ досады на потерю знаменитаго полуострова, они всѣми силами старались по крайней мѣрѣ уменьшить сближеніе его съ Россіею и не хотѣли утвер-

ждать хана Сагинъ-Гирея, избраннаго крымцами съ согласія покровительствовавшей имъ Россіи. Чтобы предупредить опасныя слѣдствія новыхъ раздоровъ, Екатерина приказала войскамъ своимъ снова подвинуться къ границамъ турецкимъ, и особенно къ предмету споровъ—Крыму,—графъ Румянцевъ, снова главный начальникъ войскъ русскихъ, уже принужденъ былъ начать непріятельскія дѣйствія, какъ вдругъ всѣ неудовольствія прекращены были совсѣмъ неожиданнымъ образомъ: Франція, прежде всегда старавшаяся вредить Россіи въ дѣлахъ ея съ Турціей, вдругъ сдѣлалась защитницей нашей и убѣжденіями своими заставила султана вспомнить условія Кайнарджискаго мира и снова подтвердить ихъ въ полной силѣ: независимость Крыма во второй разъ была признана, и Сагинъ-Гирей названъ ханомъ. Но отъ чего произошла такая перемѣна въ расположеніи Франціи? Отъ того, что она сама имѣла нужду въ помощи сильной Россіи, отъ того, что боялась войны съ англичанами за возобновившіеся споры о владѣніяхъ въ Америкѣ. Но и кромѣ этихъ споровъ между англичанами и французами, въ Европѣ происходили тогда еще другія безпокойства, отвлекшія вниманіе всѣхъ государствъ отъ турокъ, заставлявшія многія изъ нихъ желать, чтобы Россія, успокоенная миромъ съ Турціей, обратила могущественное вліяніе свое на дѣла ихъ. Вотъ въ чемъ состояли эти дѣла.

Въ концѣ 1777 года скончался баварскій курфирстъ Максимиліанъ, не оставивъ дѣтей. Родственники его, считавшіе себя наслѣдниками, явились съ всѣхъ сторонъ. То были младшій баварскій домъ, супруга курфирста саксонскаго, герцогъ Мекленбургъ-Шверинскій и герцогъ Пфальцскій. Столько искателей наслѣдства, конечно, не могли кончить дѣла безъ спора. Нѣкоторые изъ нихъ были въ родствѣ съ дворомъ прусскимъ, другіе—со австрійскимъ, а Фридрихъ II и Марія-Терезія были всегда такъ несогласны между собою, что, казалось, радовались каждому случаю къ войнѣ. Наслѣдство же баварское представляло имъ тѣмъ болѣе такихъ случаевъ, что одинъ изъ наслѣдниковъ, герцогъ-палатинъ, уступилъ за денежное вознагражденіе всѣ права свои императрицѣ австрійской и сыну

ея Іосифу, бывшему уже тогда императоромъ. Началось раздѣленіе страны оспротѣвшей: Марія-Терезія хотѣла присвоить себѣ слишкомъ великій участокъ наслѣдства; король прусскій вступился за права герцоговъ Саксонскаго и Пфальцскаго, и война началась. Фридрихъ, не смотря на старость свою, начальствовалъ самъ арміею; но примѣтно было, что прежняя пылкость и мужество уже не оживляли храбраго короля и всѣ движенія войскъ его были медленны, а самъ онъ вмѣсто того, чтобы, какъ прежде, въ походной палаткѣ чертить планы сраженій, сидѣлъ чаще всего въ покойныхъ квартирахъ за письменнымъ столикомъ и занимался литературою.

Ведя войну въ такомъ расположеніи духа, Фридрихъ, вѣроятно, не скоро бы окончилъ ее, еслибы сильная союзница его Россія не склонилась на просьбы его и не взяла сторону его и тѣхъ изъ принцевъ-искателей наслѣдства баварскаго, которые были подъ защитой его. Это случилось въ то самое время, когда окончилась война русскихъ съ турками, и было причиною, ускорившею ея окончаніе. Какъ скоро войско Екатерины получило повелѣніе идти на помощь къ королю прусскому, Марія-Терезія сдѣлалась гораздо сговорчивѣе въ спорахъ о Баваріи; другіе участники наслѣдства послѣдовали примѣру ея, и императрицѣ русской принадлежала честь окончить важную для Европы ссору почти всей Германіи. При этомъ случаѣ много пострадала гордость австрійскаго двора. Давно ли онъ былъ первымъ, знаменитѣйшимъ, древнѣйшимъ по своему императорскому достоинству въ Европѣ? А теперь новое, еще такъ недавно образованное государство пользовалось уже первенствомъ и заставляло всѣ другія государства покоряться своей волѣ! Марія-Терезія никогда не могла простить Екатеринѣ этого обиднаго для Австріи превосходства Россіи. Но съ завистію смотря на славу императрицы русской, она не могла тайно не удивляться ей, особливо когда вскорѣ потомъ новое дѣло Екатерины заставило самыхъ жестокихъ враговъ ея согласиться, что она справедливо занимала первое мѣсто между европейскими государями, ей современными.

Важность этого дѣла болѣе всего доставила Екатеринѣ

ту новую славу, о которой мы говорили въ началѣ этого разсказа. Вотъ подробности его.

Вѣрно всѣ вы, друзья мои, уже понимаете, сколько пользы приноситъ торговля государствамъ и даже всякому небольшому обществу людей. Она удовлетворяетъ всѣ нужды ихъ, доставляетъ одной странѣ произведенія другой, знакомитъ ихъ между собою, переноситъ просвѣщеніе изъ мѣстъ образованныхъ въ селенія дикія, еще лишенныя этого счастія. Всѣ эти выгоды дѣлаются особенно важны, если торговля производится посредствомъ мореплаванія, соединяющаго между собою самыя отдаленныя страны, почему мудрые государи и правители народные всегда покровительствовали мореплаванію и торговлѣ. Прежде всѣхъ въ Европѣ начала славиться этимъ покровительствомъ Англія, и въ то время, когда открытіе Америки, и вмѣстѣ съ нею открытіе безчисленныхъ богатствъ ея, произвело между государствами европейскими много споровъ и войнъ за владѣнія въ Новомъ Свѣтѣ, Англія, одна Англія защищала торговлю, которая имѣла большую нужду въ этой защитѣ: безпокойства народныя, несогласіе и войны бываютъ всегда для нея губительны. Англія умѣла спасти ее въ это смутное время, распространяя во всѣхъ странахъ правило, что опустошенія войны не должны касаться до тѣхъ государствъ, которыя не участвуютъ въ ней, и что корабли ихъ могутъ безъ всякой опасности ходить съ товарами своими по всѣмъ морямъ. Здѣсь надобно сказать вамъ, что такое неучаствующее въ войнѣ, т. е. незащищающее ни ту, ни другую изъ спорящихъ сторонъ государство называется *нейтральнымъ*, отъ слова *нейтралитетъ* (неучастіе).

И такъ, нейтральные корабли, благодаря покровительству Англіи, долго пользовались правами своими и безопасно привозили товары даже въ такія государства, которыя вели войну. Но великодушіе англичанъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока на моряхъ были у нихъ опасные соперники, французы; когда же во время одной войны съ Франціей удалось имъ истребить почти всю морскую силу этого государства и сдѣлаться повелителями всѣхъ морей, дѣло взяло другой оборотъ: англичане увидѣли, что защита

торговли нейтральныхъ государствъ лишаетъ ихъ большихъ выгодъ, и только ихъ однихъ, потому что всѣ другія государства уже не имѣли возможности спорить съ ними на морѣ. Для чего же и противъ кого защищать то, что только они одни могли брать, безъ всякихъ споровъ, по праву сильнаго? Разсуждая такимъ образомъ, англичане начали поступать совершенно противъ того, какъ поступали прежде, и если они имѣли войну съ какимъ либо государствомъ, то всякій корабль, шедшій туда или оттуда, дѣлался законною собственностію ихъ, какъ скоро они могли только захватить его. Въ это время они уже не обращали вниманія на то, что такой корабль могъ быть нейтральнымъ: они присвоивали себѣ всякій, и тѣмъ удобнѣе, что вели войну съ многими государствами, особливо съ тѣхъ поръ, какъ начались безпокойства въ американскихъ владѣніяхъ ихъ и нѣкоторыя изъ государствъ европейскихъ вмѣшались въ эти ссоры.

Такимъ образомъ торговля, притѣсняемая однимъ изъ сильнѣйшихъ народовъ морскихъ, не могла не придти въ упадокъ. Каждое государство болѣе или менѣе почувствовало это, но ни одно не осмѣливалось спорить съ могущественною, непобѣдимою на морѣ Англіей. Положеніе многочисленнаго класса людей, занимавшихся торговлею, сдѣлалось особенно стѣснительно и несчастно съ 1778 года, когда открылась явная война у англичанъ съ французами въ Америкѣ. Скажемъ подробнѣе о причинахъ этой важной войны.

Англичане, всегда отличавшіеся торговыми дѣлами и мореходствомъ, основали много колоній въ Сѣверной Америкѣ. Эти колоніи, состоя первоначально изъ нѣсколькихъ семействъ, начали быстро увеличиваться переселенцами изъ Англіи, а впослѣдствіи времени и изъ другихъ государствъ европейскихъ. Такіе успѣхи произошли отъ выгодъ, предоставленныхъ англійскимъ правительствомъ жителямъ новыхъ областей и отъ изобилія природы американской, обѣщавшей богатства даже и тѣмъ людямъ, которые, не смотря на свои неутомимые труды, не могли избавиться отъ бѣдности въ Европѣ. Такимъ образомъ англійскія провинціи въ Сѣверной Америкѣ сдѣлались, на-

конецъ, столько многолюдны и сильны, что могли уже составить отдѣльное государство, независящее отъ прежняго отечества его, Англіи. Отдаленность этого отечества, неудобства сношеній съ нимъ и происходившіе оттого безпорядки въ правленіи заставляли американскихъ англичанъ сильно желать освобожденія отъ зависимости Старой-Англіи. Но они не достигли бы такъ скоро исполненія своего желанія, еслибы французы не помогли имъ и деньгами, и войскомъ. И вотъ та война въ Америкѣ, о которой мы говорили теперь и во время которой англичане, болѣе нежели когда нибудь, притѣсняла торговлю не только государствъ воевавшихъ съ ними, но даже и нейтральныхъ. Всѣ жаловались, роптали на эту несправедливость, но никто не смѣлъ вступиться за обиженныхъ. Наконецъ явилась великодушная защитница, и это была государыня русская. Трудно было взять на себя это важное дѣло, но Екатерина не боялась трудностей: въ необыкновенномъ умѣ ея уже былъ прекрасно придуманъ планъ защиты. Онъ долженъ былъ заключаться въ союзѣ государей, добровольно соединившихся, чтобы покровительствовать нейтральные корабли и защищать ихъ отъ всякихъ нападеній тѣхъ государствъ, которыя вели между собою войну. Этотъ союзъ названъ былъ *вооруженнымъ нейтралитетомъ*. Правила его сочинены были самою императрицею и потому должны быть любопытны для насъ, милые читатели мои.

Въ первой и главной статьѣ ихъ сказано было, что нейтральные корабли имѣютъ совершенную свободу ѣздить по всѣмъ морямъ и входить во всѣ гавани воюющихъ государствъ; что всѣ вещи, находящіяся на такихъ корабляхъ, хотя бы и непріятельскія, считаются неприкосновенными, кромѣ одной контрабанды, т. е. запрещенныхъ товаровъ, а въ этомъ случаѣ запрещенными товарами почитались только военные снаряды и припасы, которые бы могли быть полезны для непріятелей. Такая контрабанда отбиралась правительствомъ воюющаго государства, все же прочее могло безопасно перевозиться на нейтральномъ кораблѣ. Правила вооруженнаго нейтралитета заключались торжественнымъ объявленіемъ императрицы,

что всѣхъ нарушителей ихъ она будетъ почитать своими врагами, и флотъ ея всегда готовъ будетъ наказать ихъ.

Теперь вы понимаете, какимъ великимъ благодѣяніемъ была эта мысль Екатерины для торговли и купечества всѣхъ странъ свѣта? Съ невольнымъ чувствомъ удивленія къ законодательницѣ принятъ былъ новый законъ ея почти всѣми государствами европейскими. Франція и Испанія были первыя, открыто одобрявшія намѣренія императрицы русской и даже приступившія къ знаменитому союзу ея. Примѣру ихъ тотчасъ же послѣдовали: Данія, Швеція, Голландія, Пруссія, Австрія, Португалія и королевство обѣихъ Сицилій. Англія хотя не вступила въ этотъ союзъ, но и не опровергала благотворительныхъ правилъ его и, напротивъ того, показала къ нимъ все заслуженное ими уваженіе. Она надѣялась, что, благодаря войнѣ, все еще продолжавшейся въ Америкѣ, и безпокойствамъ, которыя начинались тогда во Франціи и уже предвѣщали ужасный переворотъ, вскорѣ потомъ совершившійся въ этой несчастной странѣ, союзъ вооруженнаго нейтралитета будетъ существовать недолго и уничтожится самъ собою, безъ опаснаго спора съ его учредительницею. Ожиданія Англіи, посредствомъ тайныхъ стараній ея, точно исполнились впослѣдствіи времени, но по крайней мѣрѣ нѣсколько лѣтъ сряду торговые люди всѣхъ частей свѣта благословляли великую государыню Россіи за свою безопасность и счастіе.

Новая слава Екатерины доставила ей новыхъ почитателей во всѣхъ странахъ, куда доходилъ слухъ о дѣлахъ ея. Не говоря о многихъ государяхъ; не говоря объ отличнѣйшихъ изъ ученыхъ людей Франціи и Германіи, съ которыми она переписывалась и которые давно уже оцѣнили геніальный умъ и высокія достоинства ея, въ 1780 году, спустя три мѣсяца послѣ обнародованія манифеста о вооруженномъ нейтралитетѣ, число приверженцевъ царицы сѣверной увеличилось лицомъ знаменитымъ: императоръ австрійскій Іосифъ II, сынъ Маріи-Терезіи, пріѣхалъ въ Россію единственно для того, чтобы лично узнать ту великую государыню, о которой молва разносила по свѣту такъ много чудеснаго и которую мать его очень не любила. Не раздѣляя этого нерасположенія, но, наслушав-

пись о немъ, Іосифъ пріѣхалъ къ русскимъ съ предубѣжденіемъ противъ Екатерины. Но какъ перемѣнились чувства его, когда онъ увидѣлъ ее! Это достопамятное свиданіе происходило въ Бѣлоруссіи, которую императрица ѣздила осматривать въ 1780 году, въ первый разъ послѣ присоединенія этой страны къ ея древнему отечеству. Іосифъ, услышавъ объ этомъ, просилъ у нея позволенія пріѣхать туда же. Екатерина, съ удовольствіемъ соглашаясь на просьбу его, назначила городъ *Могилевъ* мѣстомъ свиданія. Нетерпѣливый императоръ, подъ простымъ именемъ *графа Фалькенштейна*, пріѣхалъ туда прежде государыни, и чтобъ увидѣть ее нѣсколькими часами ранѣе, ѣздилъ до мѣстечка Шклова, гдѣ представился ей, и потомъ поспѣшилъ впередъ, чтобы имѣть удовольствіе встрѣтить ее при въѣздѣ въ Могилевъ. Этотъ въѣздъ былъ торжественный: жители всей Бѣлоруссіи желали показать усердіе свое государынѣ, и всѣ сословія ихъ участвовали въ пышной встрѣчѣ, ей сдѣланной. Іосифъ, пользуясь своимъ инкогнито, вмѣшивался въ это время въ толпы народныя и былъ свидѣтелемъ той искренней привязанности, которую чувствовали къ Екатеринѣ ея подданные, и того очарованія, которое эта удивительная государыня разливала вокругъ себя. Невольно покорился и онъ этому очарованію, и предубѣжденіе, внушенное ему матерью, разсѣялось при первомъ разговорѣ съ Екатериною: высокій умъ величія, которымъ исполненъ былъ видъ императрицы, благородство, которымъ дышала каждое слово ея, и при всемъ этомъ пріятная простота обхожденія, такъ поразили сына Маріи-Терезіи, что онъ, почти не обращая вниманія на великолѣпные праздники двора, которые давались въ Могилевѣ, желалъ наслаждаться только бесѣдою государыни. Съ этого времени прежнія частыя неудовольствія между дворами русскимъ и австрійскимъ замѣнились искреннимъ дружествомъ, которое черезъ четыре мѣсяца потомъ еще болѣе утвердилось: Марія-Терезія скончалась и Іосифъ сдѣлался одинъ обладателемъ престола.

Не одинъ Могилевъ удостоился чести принимать высокаго гостя чужеземнаго: императоръ австрійскій ѣздилъ оттуда въ Москву, а потомъ и въ Петербургъ, куда го-

сударыня возвратилась прямо изъ Бѣлоруссіи[1]). Любопытный Іосифъ осматривалъ всѣ примѣчательности въ городахъ, мимо которыхъ проѣзжалъ, восхищался Москвою, ея старинными, величественными дворцами, ея живописными окрестностями.

Оставивъ древнюю столицу русскихъ, Іосифъ съ удивленіемъ увидѣлъ себя менѣе нежели въ трое сутокъ въ новой. Здѣсь на каждомъ шагу удивленіе его увеличивалось. Все, что разсказывали ему о красотѣ и великолѣпіи

---

[1]) Возвращеніе ея въ Петербургъ было особенно примѣчательно въ этотъ разъ. Дворянство петербургское, глубоко чувствуя и славу императрицы, и всѣ благодѣянія, какія изливала она на царство свое, желало показать ей свою безпредѣльную любовь и благодарность. Скоро придуманъ былъ планъ и приступлено къ его исполненію: положили поднести императрицѣ названіе *Великой* и *Матери отечества* и построить великолѣпныя тріумфальныя ворота для торжественной встрѣчи. Собрали уже и большую сумму денегъ для этой постройки, но прежде нежели она началась, Екатерина узнала обо всемъ и вотъ что написала съ дороги къ генералъ-губернатору петербургскому: «Увѣдомилась я, что дворянство С.-Петербургской губерніи вздумало приносить мнѣ титулы и собирается сдѣлать огромныя встрѣчи. Вамъ извѣстенъ образъ мыслей моихъ, а потому и судить можете, коль излишнимъ и непристойнымъ все то я почитаю. Не пріобрѣтеніе пустыхъ названій есть предметъ моего царствованія, но доставленіе блага и спокойствія отечеству и вознесеніе славы и величія его, почему и не можетъ иное мнѣ пріятно быть, какъ повиновеніе волѣ моей, ревностное каждымъ званія на него возложеннаго исполненіе, вмѣсто упражненія въ подобныхъ выдумкахъ. Равнымъ образомъ и встрѣча для меня не нужна. Чего ради я желаю, чтобъ собранныя деньги отданы были въ приказъ общественнаго призрѣнія для употребленія на дѣла полезныя. Сіе письмо сообщить князю Александру Алексѣевичу Вяземскому, такъ какъ можете сдѣлать сіе со многими другими, кои будутъ любопытствовать о семъ. Пребываю, впрочемъ, къ вамъ доброжелательная.

Екатерина.

«PS. Сіе есть непремѣнная воля моя, которую выполнить вамъ предписываю».

Такое скромное отреченіе отъ почести, принятой многими знаменитыми государями, сдѣлано было уже не въ первый разъ Екатериною: еще въ 1767 году, послѣ блистательнаго пятилѣтія ея царствованія, сенатъ опредѣлялъ поднести ей названіе *Премудрой* и воздвигнуть памятникъ, для котораго уже собрано было 52,000 рублей. Екатерина отказалась отъ того и другого, и, прибавивъ къ собраннымъ деньгамъ своихъ 150,000 руб., отдала ихъ для училищъ, больницъ и богадѣленъ. Такой отказъ для великой души былъ не труденъ, и благословеніе нѣсколькихъ тысячъ бѣдныхъ, осчастливленныхъ новымъ благодѣяніемъ ея, конечно стоили самаго великолѣпнаго памятника.

города, такъ недавно еще созданнаго, показалось ему недостаточно, когда онъ собственными глазами увидѣлъ чудесное твореніе Петра. Онъ отказался на нѣсколько дней отъ удовольствій двора, чтобы въ подробности разсмотрѣть достопримѣчательности того мѣста, гдѣ семьдесятъ семь лѣтъ тому назадъ не было ничего, кромѣ дикаго лѣса и болота. Съ какимъ благоговѣніемъ взоры его обращались, въ это время уединенія, на низенькій дворецъ великаго преобразователя Россіи, на этотъ первый домикъ Петербурга! Кто изъ иностранцевъ могъ ожидать, что въ такое короткое время, противъ этого скромнаго жилища основателя столицы, возвысится величественное зданіе дворца его наслѣдниковъ, что въ пышныхъ комнатахъ этого дворца будетъ часто рѣшаться участь государствъ европейскихъ! Конечно, никто, когда самъ Іосифъ, видѣвшій все собственными глазами, едва вѣрилъ имъ: такъ все окружавшее Екатерину походило на міръ волшебный! Императоръ особенно чувствовалъ это въ Царскомъ Селѣ, котораго пышныя красоты въ самомъ дѣлѣ поражали удивленіемъ всѣхъ, видѣвшихъ ихъ. Кромѣ прелестей природы и искусства, такъ прекрасно соединенныхъ въ этомъ очаровательномъ мѣстѣ, Екатерина, для увеселенія гостя своего, каждый день придумывала новыя удовольствія. Балы, спектакли, концерты мѣнялись безпрестанно, то же разнообразіе наблюдалось и въ прогулкахъ: начинаясь въ царскосельскомъ саду, онѣ часто оканчивались въ павловскомъ; даже обѣды не были всегда одинаковы, и если вы хотите знать, гдѣ Екатерина всего болѣе любила кушать съ гостями своими, то, бывая въ саду Царскаго Села, попросите показать вамъ небольшое двухъ-этажное строеніе въ родѣ павильона или бесѣдки, извѣстное подъ названіемъ *Эрмитажа*. Здѣсь вы увидите столъ, устроенный съ особеннымъ механизмомъ; по звону колокольчика приборы его опускаются внизъ и являются оттуда съ другими кушаньями, такъ что можно обѣдать безъ всякой прислуги наверху; она нужна бываетъ только внизу, для перемѣны блюдъ и тарелокъ.

Графъ Фалькенштейнъ былъ и въ Кронштадтѣ, и даже въ Сестребекѣ. Наконецъ, обозрѣвъ въ столицѣ и въ окрестностяхъ все достойное вниманія, и въ особенности по-

рядокъ военныхъ и благотворительныхъ заведеній, восхищенный Россіею и получивъ удостовѣреніе въ дружествѣ Екатерины, Іосифъ оставилъ сѣверную столицу нашу, исполненный глубокаго уваженія и преданности къ ея повелительницѣ.

Императоръ австрійскій былъ не первымъ царственнымъ гостемъ Екатерины: шведскій король Густавъ III и братъ Фридриха II, принцъ Гейнрихъ прусскій, пріѣзжали за нѣсколько лѣтъ до него. Принцъ Гейнрихъ былъ даже не одинъ разъ, и пріѣздъ его въ 1776 году имѣлъ важное слѣдствіе: супружество наслѣдника престола русскаго съ племянницею Фридриха, принцессою Виртембергскою, извѣстною всѣмъ намъ подъ драгоцѣннымъ именемъ императрицы Маріи Ѳеодоровны. Она была второю супругою великаго князя Павла Петровича. Первая—принцесса Гессенъ-Дармштадтская Августа-Вильгельмина, названная при мνропомазаніи *Натальею Алексѣевною,* жила очень недолго въ Россіи и скончалась въ томъ самомъ 1776 году, когда принцъ прусскій былъ въ Петербургѣ. Онъ былъ свидѣтелемъ сильной горести цесаревича о потерѣ нѣжнолюбимой супруги, старался вмѣстѣ съ императрицею утѣшать его, и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ потомъ предложилъ ему въ супружество племянницу свою. Великій князь ѣздилъ съ нимъ въ Берлинъ и отъ самого Фридриха Великаго получилъ руку прелестной невѣсты своей, и вмѣстѣ съ нею—то рѣдкое, семейственное счастіе, которымъ наслаждался въ продолженіе всей жизни своей. Первымъ сыномъ Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны, первымъ утѣшеніемъ великой родительницы ихъ, былъ великій князь *Александръ*, родившійся 12-го декабря 1777 года. Это былъ впослѣдствіи времени незабвенный императоръ нашъ Александръ I.

КНЯЗЬ ПОТЕМКИНЪ-ТАВРИЧЕСКІЙ.

Много людей знаменитыхъ великими дарованіями явилось при Екатеринѣ: царствованіе ея было особенно счастливо въ этомъ случаѣ, или, лучше сказать, геній ея умѣлъ угадывать такихъ людей, умѣлъ извлекать ихъ изъ неизвѣстности и, украсивъ всѣмъ блескомъ, котораго они были достойны, открывалъ для нихъ то поприще, гдѣ они могли быть вполнѣ полезны обществу. Между лицами, вознесенными такимъ образомъ Екатериною на высоту почестей, князь *Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій* занимаетъ первое мѣсто по важности тѣхъ происшествій, которыя въ исторіи отечества нашего соединяются съ его именемъ. Все, что касается до этого человѣка, необыкновеннаго во многихъ отношеніяхъ, чрезвычайно любопытно, и потому самые частные случаи жизни его не могутъ назваться излишними въ исторіи.

Отецъ Григорія Александровича былъ небогатый отставной маіоръ, служившій прежде въ гарнизонномъ полку. Со времени отставки онъ жилъ въ маленькомъ помѣстьѣ своемъ, недалеко отъ Смоленска, и здѣсь-то, въ сентябрѣ 1739 года, родился у него сынъ, впослѣдствіи столь знаменитый. Вовсе не подозрѣвая эту будущую знаменитость малютки, скромный маіоръ, часто терпѣвшій нужду по стѣсненнымъ обстоятельствамъ своимъ, заботился только о томъ, чтобы доставить сыну состояніе болѣе выгодное и также родъ службы, которой бы не былъ соединенъ съ издержками, для него невозможными. Думая такимъ образомъ, онъ не находилъ ничего лучше духовнаго званія, и потому далъ сыну своему первое образованіе въ Смоленской семинаріи. Наслышавшись съ дѣтства о назначеніи своемъ, молодой Потемкинъ, казалось, получилъ къ нему склонность, и впослѣдствіи времени, окончивъ курсъ въ семинаріи, онъ былъ переведенъ въ Московскій университетъ, гдѣ, по способностямъ своимъ и прилежанію, считался однимъ изъ отличнѣйшихъ учениковъ. Но, получивъ въ 1756 году золотую медаль за успѣхи, онъ совсѣмъ пересталъ ходить въ университетъ и все время свое про-

водилъ съ монахами Заиконоспасскаго и Греческаго монастырей. Потемкинъ, казалось, любилъ удивлять неожиданностію поступковъ своихъ и непостоянствомъ своего вкуса. Послѣднее было отличительною чертою его въ продолженіе всей жизни и особенно обнаружилось въ то время, когда ему надобно было выбрать родъ жизни. Всѣ ожидали, что онъ изберетъ монашество или службу гражданскую, которая современемъ могла бы довести его до желаемыхъ почестей; но, къ удивленію всѣхъ, Потемкинъ избралъ другой путь. Онъ захотѣлъ быть военнымъ. Военная служба была въ то время лучшею дорогою для людей, желавшихъ и имѣвшихъ возможность отличаться, но это состояніе было затруднительно для бѣднаго молодого человѣка: Потемкинъ нуждался въ пособіи. Въ немъ принималъ участіе *Амвросій,* архіепископъ крутицкій и можайскій, тотъ самый, который послѣ, во время чумы, погибъ отъ мятежниковъ московскихъ; онъ особенно любилъ умнаго Григорія Александровича. Видя его мужественно-прекрасную наружность, его величественный, можно сказать даже колоссальный ростъ; восхищаясь его рѣдкими способностями и какъ будто предчувствуя, что они доведутъ любимца его до желаемой цѣли, онъ одобрилъ его намѣреніе и доставилъ средства исполнить его: пятьсотъ рублей сдѣлали Потемкина богачемъ. Получивъ ихъ отъ добраго друга своего, онъ тотчасъ же отправился въ Петербургъ и записался въ конную гвардію. Предчувствіе не обмануло Амвросія: Потемкинъ вскорѣ замѣченъ былъ въ полку не только какъ усердный исполнитель своей должности, но какъ образованный молодой человѣкъ. Не увлекаясь этимъ лестнымъ мнѣніемъ начальниковъ и товарищей своихъ, онъ, напротивъ того, старался въ полной мѣрѣ заслуживать его и почти все свободное время свое употреблялъ на изученіе французскаго языка, которымъ тогда мало занимались въ университетѣ и которое было необходимо для людей высшаго общества, а молодой Потемкинъ непремѣнно хотѣлъ принадлежать къ нимъ. И это желаніе и вообще всѣ мечты его о возвышеніи скоро начали осуществляться по самому странному, неожиданному и, казалось, ничтожному случаю. Это было въ день

восшествія на престолъ императрицы Екатерины и почти въ самыя тѣ минуты, когда она принимала отъ гвардіи присягу въ вѣрности. Окруженная всѣми полками, государыня, верхомъ на прекрасной лошади, держала въ рукахъ шпагу, для которой вдругъ вздумала спросить темлякъ. Потемкинъ, въ это время вахмистръ въ полку своемъ, былъ однинъ изъ первыхъ, услышавшихъ слова императрицы. Сорвать свой собственный темлякъ, подъѣхать къ государыни и поднести его—было дѣломъ одной минуты для молодого, ловкаго, пламенно-усерднаго гвардейца. Съ обыкновенною благосклонностію своею императрица приняла эту услугу и Потемкинъ хотѣлъ уже отъѣхать къ своему мѣсту, какъ вдругъ лошадь его, привыкшая къ эскадронному ученью, остановилась подлѣ лошади государыни и, не смотря на всѣ усилія всадника, не хотѣла отойти отъ нея.

Екатерина обратила вниманіе на молодого встревоженнаго вахмистра и, чтобъ ободрить его, заговорила съ нимъ. Его наружность и разговоръ такъ понравились императрицѣ, что на другой же день она пожаловала его офицеромъ гвардіи и потомъ камеръ-юнкеромъ двора своего.

Такимъ образомъ самое маловажное происшествіе открыло передъ Потемкинымъ то поприще могущества и славы, о которомъ онъ мечталъ, какъ будто по предчувствію, въ студенческіе годы свои.

Первое дѣло, которое поручили ему по части министерской и дипломатической, было увѣдомленіе посла нашего при шведскомъ дворѣ графа Остермана о восшествіи на престолъ императрицы. Удачно исполнивъ сдѣланное ему порученіе, онъ воротился изъ Стокгольма съ новыми надеждами на возвышеніе и не ошибся: отличныя его способности пріобрѣли ему благосклонность знаменитѣйшихъ въ то время изъ приближенныхъ государыни—Орловыхъ. Вліяніе ихъ увеличило благоволеніе къ нему императрицы и довершило успѣхи его на блистательномъ поприщѣ, такъ неожиданно открывшемся передъ нимъ. Онъ удостоился чести быть принятымъ въ самое короткое общество императрицы и здѣсь-то, въ этой прекрасной сферѣ, гдѣ все дышало умомъ, любезностію и совершенною простотою въ

обхожденіи, окончилось образованіе молодого Потемкина и развился въ полной мѣрѣ необыкновенный геній его. Въ 1768 году онъ былъ уже дѣйствительный камергеръ и секундъ-ротмистръ конной гвардіи. Но легко получаемыя награды не удовлетворяли его возвышеннаго честолюбія: онъ желалъ заслужить ихъ вполнѣ, желалъ возвыситься надъ другими истиннымъ достоинствомъ, а не однѣми почестями, и обрадовался, когда открывшаяся въ 1769 году война съ турками доставила ему прекрасный къ тому случай. Во все продолженіе ея онъ находился въ дѣйствующей арміи, сначала подъ начальствомъ князя Голицына, а потомъ фельдмаршала графа Румянцева; отличался храбростію во всѣхъ дѣйствіяхъ противъ непріятеля, и особенно въ сраженіяхъ при Фокшанахъ, Ларгѣ и Кагулѣ, при взятіи Измаила, Киліи, однимъ словомъ, во всѣхъ главныхъ дѣлахъ русскихъ войскъ, и за то награжденъ былъ чиномъ генералъ-маіора и потомъ въ 1772 году—генералъ-поручика. Въ 1778 г., когда армія наша уже перешла за Дунай, Потемкинъ показалъ чудеса храбрости при самомъ переходѣ и потомъ въ сраженіи подъ Силистріей; но неизвѣстно почему остался безъ награжденія. Оскорбленный такимъ невниманіемъ начальства и увѣренный въ справедливости императрицы, всегда щедро награждавшей усердіе подданныхъ, онъ осмѣлился написать къ ней письмо, столь же необыкновенное, какъ необыкновенно было все въ этомъ человѣкѣ. Это письмо, начинаясь искуснымъ описаніемъ огорченія, какое причиняла ему мысль, что можетъ быть государыня считаетъ его менѣе другихъ достойнымъ высочайшихъ милостей, оканчивалось слѣдующими строками: «Симъ будучи терзаемъ, принялъ дерзновеніе, павъ къ священнымъ стопамъ вашего императорскаго величества, просить, ежели служба моя достойна вашего благоволенія, и когда щедрота и высокомонаршая милость не оскудѣваютъ, разрѣшить сіе сомнѣніе мое, пожалованіемъ меня въ генералъ-адъютанты вашего императорскаго величества. Сіе не будетъ никому въ обиду, а я приму за верхъ моего счастія, тѣмъ паче, что, находясь подъ особливымъ покровительствомъ вашего величества, удостоюсь принимать премудрыя ваши повелѣнія и, вни-

кая въ оныя, сдѣлаюсь вящше способнымъ къ службѣ вашего императорскаго величества и отечества».

Потемкинъ просилъ объ одномъ изъ важнѣйшихъ отличій, и государыня, проникнувшая геніальными взорами все, чего можно было ожидать отъ Потемкина и что скрывалось подъ странностями, иногда его отличавшими, не только исполнила просьбу его, но даже сама собственноручнымъ письмомъ увѣдомила его объ этомъ. И это письмо чрезвычайно любопытно; нѣсколько словъ, взятыхъ изъ него, могутъ показать возвышенный образъ мыслей Екатерины. Напримѣръ слѣдующее выраженіе Великой: «Признаюсь, что и сіе мнѣ весьма пріятно, что довѣренность ваша ко мнѣ была такова, что вы просьбу вашу адресовали прямо письмомъ ко мнѣ, а не искали побочными дорогами».

Восхищеніе Потемкина при чтеніи этого лестнаго для него письма было неописанно: никогда счастіе его не казалось ему такъ велико. Исполненный живѣйшею благодарностію, онъ желалъ лично засвидѣтельствовать ее глубоко-уважаемой государынѣ и Кайнарджискій миръ доставилъ ему возможность сдѣлать это; онъ оставилъ армію и пріѣхалъ въ Петербургъ. Никто изъ возвратившихся генераловъ, побѣдителей турокъ, не былъ веселѣе Потемкина въ первое время новаго появленія его при дворѣ: всѣ восхищены были его любезностію и тѣмъ выраженіемъ счастія, которое, казалось, дышало на лицѣ его. Вдругъ новая перемѣна желаній, новое непостоянство вкуса или, лучше сказать, новый припадокъ странностей, неразлучныхъ съ характеромъ этого удивительнаго человѣка, измѣнилъ совершенно родъ жизни его: изъ придворнаго, самаго любезнаго и привлекательнаго въ обществѣ, онъ сдѣлался задумчивымъ, угрюмымъ, не сталъ ѣздить ко двору, наконецъ объявилъ, что желаетъ постричься въ монахи и для того пріѣхалъ въ Александро-Невскій монастырь. Сначала никто не хотѣлъ вѣрить распространившемуся слуху, но когда точно узнали, что храбрый генералъ, недовольный свѣтомъ, надѣлъ уже монашеское платье, отростилъ бороду и учился службѣ церковной, всѣ сожалѣли о важной потерѣ, какую дѣлало государство, лишаясь такого человѣка. Императрица, болѣе всѣхъ любившая это государство и

лучше всѣхъ понимавшая достоинства Потемкина, не могла не раздѣлять общаго сожалѣнія и не употребить всѣхъ стараній своихъ, чтобы остановить исполненіе страннаго намѣренія. Можетъ быть, имѣя непріятелей при дворѣ или еще не вполнѣ довольный возвышеніемъ своимъ, Потемкинъ желалъ обратить на себя вниманіе государыни, пользоваться особенною довѣренностію ея, и не ошибся въ средствѣ: Екатерина осыпала его новыми милостями, поручила ему важнѣйшія изъ дѣлъ, и тронутый благодѣяніями ея, пристыженный недѣятельностію своею въ то время, когда отечество ожидало отъ него такъ много, Потемкинъ сбросилъ монашескую одежду и явился ко двору. Съ этихъ поръ начинается эпоха блистательнѣйшей славы его и великихъ заслугъ, оказанныхъ имъ Россіи. Получивъ въ числѣ новыхъ наградъ чинъ генералъ-аншефа и за храбрость въ войнѣ турецкой—орденъ св. Георгія 2-го класса, онъ почти въ то же время (въ 1775 году) сдѣланъ былъ генералъ-губернаторомъ, или, какъ чаще называли тогда, *царскимъ намѣстникомъ* губерній: Новороссійской и Азовской. Находясь въ этой должности, имѣлъ онъ въ первый разъ случай показать, къ какимъ важнымъ дѣламъ способенъ былъ его возвышенный, твердый и рѣшительный духъ.

Вотъ что сдѣлалъ онъ. Вы, вѣрно, не забыли, читатели мои, казаковъ запорожскихъ? Вы, вѣрно, помните, что эти казаки были самые дерзкіе, самые непокорные и самые жестокіе люди изъ всѣхъ племенъ, своевольствовавшихъ въ порубежныхъ краяхъ отечества нашего. Ни образованіе и устройство, которымъ подвергались всѣ эти поколѣнія, каждое въ свою очередь, ни перемѣны, улучшавшія состояніе малороссійскихъ казаковъ во время власти надъ ними королей польскихъ и потомъ государей русскихъ, не имѣли почти никакого вліянія на судьбу запорожцевъ: съ упрямствомъ отвергая всякій порядокъ, даже всѣ условія жизни общественной [1]), они продолжали буй-

---

[1]) Читатели мои, конечно, помнятъ также и то, что запорожскіе казаки не терпѣли жизни семейственной и почти всѣ оставались всегда холостыми.

ную и своевольную жизнь свою и послѣ подданства Россіи Хмѣльницкаго. Они дѣлали еще гораздо болѣе, не смотря на это подданство малороссійскихъ казаковъ, къ которымъ и сами принадлежали, они присягали не одинъ разъ то султану турецкому, то снова королю польскому, измѣняли даже Петру Великому, и только послѣ Полтавской побѣды его нѣсколько усмирѣли. Но и то было ненадолго: въ царствованіе преемниковъ Петра своевольства ихъ начались съ новою силою и при Екатеринѣ II достигли такой степени, что запорожцы захватывали не только земли, принадлежавшія сосѣдственной съ ними Новороссійской губерніи, но даже и мирныхъ жителей ея. Этого еще мало: однажды они силою увели къ себѣ около восьми тысячъ душъ изъ гусарскаго и пикинернаго полковъ, составлявшихъ главную часть населенія Новороссійской губерніи. Но здѣсь кстати сказать вамъ, друзья мои, и объ этой сосѣдней запорожцамъ губерніи, обратившей на себя все вниманіе Потемкина. Онъ почти былъ первымъ образователемъ Новой-Россіи, этого примѣчательнаго края въ отечествѣ нашемъ. Подъ его дѣятельнымъ и просвѣщеннымъ управленіемъ новороссійская степь, или все то пространство по берегамъ Чернаго и Азовскаго морей, изъ котораго составляются теперь губерніи *Екатеринославская* и *Херсонская*, перестала быть настоящею *степью* и потому справедливость требуетъ разсказать вамъ подробнѣе о дѣйствіяхъ его на этомъ, можно сказать, блистательномъ поприщѣ для Потемкина, какъ генералъ-губернатора новороссійскаго. И такъ, мы оставимъ покамѣсть безпокойныхъ казаковъ запорожскихъ и тѣмъ удобнѣе можемъ сдѣлать это, что исторія Новой-Россіи, соединяясь съ ихъ собственною исторіею, сама собою приведетъ насъ къ нимъ.

Еще въ 1740 году новороссійская степь была совершенно безлюдна. Такъ какъ она лежала на границахъ нашихъ съ Турціею и Польшею, то на нѣкоторыхъ мѣстахъ ея, ближе къ русскимъ владѣніямъ, строили только небольшія крѣпости и селили нѣсколько легкихъ войскъ, какъ обыкновенно дѣлалось это на границахъ. Они состояли по большей части изъ сербовъ, славившихся своею храбростію и вызванныхъ на службу къ намъ, какъ ис-

кусныхъ оберегателей границъ. Но число этихъ войскъ было такъ невелико, что при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ состояло только изъ *шести сотъ* человѣкъ *сербскаго гусарскаго* полка. Эти гусары примѣчательны, какъ первые извѣстные жители новороссійской степи.

Впослѣдствіи времени присоединились къ нимъ другіе полки изъ вызванныхъ такимъ же образомъ въ Россію *волоховъ, грузинъ, болгаръ* и *грековъ*. Русскіе же поселенцы Новой-Россіи состояли, какъ читатели мои уже знаютъ, изъ бѣглецовъ великороссійскихъ и малороссійскихъ, оставившихъ отечество свое въ грозное правленіе Бирона и возвратившихся при кроткой дочери Петра I. Такъ было до 1751 года, въ которомъ населенность значительно увеличилась цѣлою колоніею изъ 218 человѣкъ сербовъ, испросившихъ у императрицы Елисаветы позволеніе поселиться на плодоносныхъ мѣстахъ степи и подданными ея, и защитниками границъ. Большая часть этихъ выходцевъ, которыхъ начальникъ былъ отставной полковникъ австрійской службы *Иванъ Хорватъ*, были люди военные и должны были остаться такими, получивъ отъ императрицы землю для селенія своего. Такимъ образомъ составилось *первое военно-земледѣльческое поселеніе* въ степи новороссійской.

Выгоды, которыми пользовались эти поселенцы, привлекали въ Россію безпрестанно новыхъ выходцевъ изъ разныхъ странъ. Почти съ каждымъ годомъ появлялись новые полки гусаръ, казаковъ и пикинеровъ, строились крѣпости и шанцы, и въ 1753 году были уже и города. Со времени военно-земледѣльческихъ поселеній всѣ являвшіеся охотники жить въ Новой-Россіи должны были записываться въ полки ея. Къ нимъ же, по повелѣнію императрицы Елисаветы, причислялись и всѣ старообрядцы, и русскіе крестьяне, нѣкогда бѣжавшіе въ Польшу и потомъ возвращенные въ отечество милостивыми указами государей своихъ. Такимъ образомъ все населеніе Новой-Россіи, названное въ 1725 году *Новосербіею*, состояло изъ людей военныхъ. Они зависѣли отъ военной коллегіи и генерала, которому поручалось отъ императрицы наблюденіе за порядкомъ военныхъ укрѣпленій и шанцевъ. И такъ,

цѣль правительства была достигнута и границы имперіи, съ юга и юга-востока, защищены отъ нападеній непріятельскихъ живою стѣною воиновъ, состоящею въ 1762 году изъ 38,000 человѣкъ. Это число, можетъ быть достаточное для начала, не могло казаться достаточнымъ въ то время, когда на престолъ русскій вступила государыня съ геніемъ Екатерины и ея обширными планами объ усовершенствованіи всѣхъ частей имперіи. Читатели мои уже знаютъ, какъ съ самаго начала царствованія своего она заботилась о заселеніи безлюдныхъ, но плодоносныхъ странъ своего царства. При этомъ случаѣ Новороссійскій край и его неизмѣримая, цвѣтущая степь не могли не обратить ея особеннаго вниманія, и она занялась образованіемъ его тотчасъ послѣ того, какъ указомъ 1762 года объявила Европѣ, что Россія предлагаетъ изобильныя поля свои всѣмъ желающимъ селиться на нихъ. Это образованіе совершалось въ комитетахъ, нарочно для того составленныхъ ею изъ людей опытныхъ и хорошо знавшихъ тотъ край. Послѣ продолжительныхъ разсужденій ихъ рѣшено было въ мартѣ 1764 года устроить Новосербію по примѣру прочихъ губерній и назвать ее *Новороссійскою*. Въ первый разъ тогда явилось это названіе. Новая губернія раздѣлилась на три провинціи: *Елисаветградскую*, *Екатерининскую* и *Бахмутскую*. Благодаря благосклонности, съ которою государыня принимала иностранныхъ переселенцевъ, въ 1768 году было уже въ трехъ провинціяхъ 100,000 жителей обоего пола. Начавшаяся въ этотъ годъ война съ Турціей нанесла много вреда новой губерніи, какъ самой близкой къ турецкимъ владѣніямъ, но за то Кайнарджиской миръ доставилъ безчисленныя выгоды, расширивъ эту самую губернію до того, что она у Керчи и Кинбурна коснулась береговъ Чернаго моря, столь нужныхъ для торговли Россіи. Удивительно было, что населенность края не потерпѣла отъ опустошеній войны, и съ окончаніемъ ея, въ 1774 году, считалось въ Новой-Россіи уже 158,097 человѣкъ жителей.

Послѣ славнаго мира благосостояніе области нарушалось только сосѣдствомъ запорожцевъ, и населенность въ той сторонѣ, гдѣ жили эти дерзкіе наѣздники, была гораздо

менѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ, потому что они не только мѣшали заводить селенія, но даже, какъ читатели уже видѣли, захватывали въ плѣнъ не одну тысячу человѣкъ изъ полковъ новороссійскихъ. Съ тѣми же людьми, которыхъ правительство посылало для усмиренія ихъ, они поступали какъ съ непріятелями и безъ всякаго страха къ государынѣ осмѣливались брать ихъ подъ стражу.

Въ такомъ состояніи было запорожское войско, или, какъ называли тогда, *Запорожская сѣча,* когда Потемкинъ сдѣланъ былъ генералъ-губернаторомъ новороссійскимъ. Быстрый умъ его скоро проникнулъ, какъ могло быть опасно для южной Россіи это скопище дерзкихъ разбойниковъ, еслибы снова вздумало присоединиться къ Турціи или Польшѣ. Столько же рѣшительный, какъ и скорый, Григорій Александровичъ тогда же принялъ непремѣнное намѣреніе уничтожить эту опасность, покоривъ наконецъ запорожцевъ законамъ благоустроеннаго общества. Эта мысль для всѣхъ, знавшихъ своевольный духъ запорожцевъ, казалась невозможною къ исполненію; но Потемкинъ исполнилъ ее со всѣмъ успѣхомъ, какого только могъ одинъ онъ ожидать.

Къ запорожцамъ отправленъ былъ многочисленный отрядъ поселенныхъ войскъ новороссійскихъ, подъ начальствомъ генералъ-поручика *Петра Текелія,* уроженца Моравіи, отличавшагося необыкновенною храбростію съ самаго начала поселенія своего въ Новосербіи. Исполненный негодованія къ дерзкимъ казакамъ, отъ которыхъ такъ много терпѣла гостепріимная страна, сдѣлавшаяся вторымъ отечествомъ его, онъ выступилъ въ походъ съ непремѣннымъ намѣреніемъ усмирить ихъ и, благодаря искуснымъ распоряженіямъ начальника своего, совершенно успѣлъ въ томъ. Запорожцы, приведенные къ покорности силою, въ нѣсколько разъ превосходившею ихъ, согласились на всѣ условія, предложенныя Потемкинымъ, а эти условія состояли въ томъ, чтобы они вступили въ гражданское сословіе государства, т. е. жили бы въ семействахъ, занимались земледѣліемъ и повиновались всѣмъ учрежденіямъ правительства. Только согласившіеся на все это могли остаться на родинѣ, а казаки вообще менѣе другихъ на-

родовъ любятъ разставаться съ нею; и такъ эта привязанность и могущество власти, покорившей ихъ, сдѣлали то, что большая часть изъ запорожцевъ рѣшилась перемѣнить буйный родъ жизни своей на мирное состояніе гражданъ. Это прибавило къ жителямъ Новой-Россіи около 100,000 человѣкъ. Ихъ раздѣлили и поселили въ разныхъ мѣстахъ. Земли же, принадлежавшія Запорожской сѣчи или нѣкогда присвоенныя ею, лежавшія по лѣвую сторону Днѣпра, поступили въ Азовскую, съ правой же стороны—въ Новороссійскую губернію, которая съ усмиреніемъ запорожцевъ, такъ много вредившихъ ея благосостоянію, начала быстро процвѣтать, и украшенная новыми селеніями и городами, съ увеличившимся почти втрое народонаселеніемъ, получила въ 1784 году новое имя *екатеринославскаго намѣстничества*. Подъ этимъ именемъ соединились двѣ губерніи: Новороссійская и Азовская.

Такимъ образомъ Потемкинъ въ одно время достигъ двухъ цѣлей: улучшенія состоянія Новой-Россіи и усмиренія старинныхъ мятежниковъ. Послѣднее удивило всѣхъ; никто не ожидалъ, чтобы можно было уничтожить затрудненія, до сихъ поръ непреодолимыя. Но трудности никогда не останавливали Потемкина; напротивъ того, онъ, казалось, любилъ ихъ и всегда тѣмъ охотнѣе рѣшался на дѣло, чѣмъ несбыточнѣе оно казалось для другихъ. Лучшимъ доказательствомъ этого было предположеніе, составлявшее любимую мечту его въ продолженіе почти всей блистательной эпохи его жизни,—предположеніе, не только удивлявшее всѣ другія государства европейскія, но даже наводившее на нихъ невольный страхъ. Это была мысль уничтожить турецкую имперію въ Европѣ и на мѣстѣ ея возстановить такъ давно упавшую и столь знаменитую прежде имперію греческую. Пламенное участіе, которое Потемкинъ принималъ всегда въ судьбѣ христіанъ, и особенно христіанъ единовѣрцевъ своихъ, вѣроятно было первою причиною, внушившею ему эту великую мысль. Исполненный рѣдкимъ усердіемъ въ вѣрѣ и ко всему, что̀ касалось до нея, онъ желалъ соединенія всѣхъ исповѣданій христіанскихъ. Особенно древнее раздѣленіе церкви на латинскую и греческую было всегда предметомъ искреннихъ

сожалѣній и любимыхъ разговоровъ его. Съ такимъ образомъ мыслей и чувствованій могъ ли онъ не огорчаться несравненно болѣе несчастнымъ положеніемъ грековъ, такъ давно страдавшихъ подъ властію магометанъ? Онъ сокрушался о судьбѣ ихъ еще тогда, когда, приготовляясь къ духовному званію, изучалъ со всею подробностію церковную исторію въ Смоленской семинаріи и потомъ въ Московскомъ университетѣ. Когда же судьба открыла передъ нимъ совершенно новое поприще, однимъ изъ первыхъ желаній его было освобожденіе христіанъ греческихъ отъ продолжительнаго рабства и возстановленіе славы и счастія знаменитой ихъ имперіи. Первая мысль объ этомъ важномъ дѣлѣ принадлежала фельдмаршалу Миниху: во время двадцатилѣтняго изгнанія его онъ такъ много занимался планомъ о возстановленіи Греціи, что даже сочинилъ объ этомъ предметѣ цѣлый проектъ и, возвратясь изъ Сибири, не одинъ разъ говорилъ о немъ. Императрица Екатерина слушала съ удовольствіемъ, но могла ли она думать, чтобы восьмидесятилѣтній воинъ могъ привести въ исполненіе намѣреніе, требовавшее безчисленныхъ трудовъ и долговременныхъ усилій? Когда же этотъ великій планъ сдѣлался цѣлію Потемкина, полнаго силъ и жизни, неутомимодѣятельнаго, во всемъ счастливаго,—возможность исполненія сдѣлалась вѣроятнѣе.

Быстрый и пылкій умъ его, казалось, вовсе не замѣчалъ препятствій, окружавшихъ цѣль его, и уже заранѣе радовался торжеству своему. Какъ будто для подтвержденія высокихъ надеждъ Григорія Александровича, въ 1779 году случилось происшествіе, несказанно восхитившее его: у наслѣдника престола, великаго князя Павла Петровича, родился второй сынъ, названный *Константиномъ*. Это имя, такъ живо напоминающее славу Греціи, казалось смѣлому полководцу и министру счастливымъ предзнаменованіемъ, и при видѣ царственнаго новорожденнаго ему мечталось, что на младенческой головкѣ его уже славный вѣнецъ императоровъ греческихъ. Но онъ таилъ еще эту мысль въ глубинѣ души своей и только одна великая государыня знала и, можетъ быть, съ удовольствіемъ слушала мечты его о будущей прекрасной судьбѣ Греціи и новомъ ве-

личіи одного изъ внуковъ своихъ. Послѣ же усмиренія запорожцевъ, Потемкинъ началъ дѣйствовать открытѣе. Великій планъ его непремѣнно требовалъ сильнаго флота на Черномъ морѣ и совершенно свободнаго плаванія по немъ. Послѣднимъ хотя и пользовались русскіе со времени Кайнарджискаго мира, но полуостровъ Крымъ, населенный татарами, старинными врагами Россіи, причинялъ ей сосѣдствомъ своимъ еще много вреда, не смотря на независимость свою отъ Турціи; флота же не могли завести на Черномъ морѣ, потому что ни одного приморскаго портоваго города не принадлежало имъ на берегахъ его. Эти два важныя обстоятельства показывали Потемкину двѣ необходимости: покорить Крымъ владычеству Екатерины и основать русскій портъ на Черномъ морѣ. Послѣднее исполнено было въ самомъ скоромъ времени: въ 1778 году при лиманѣ и устьѣ рѣки Днѣпра, въ 70 верстахъ отъ берега морского, заложенъ генералъ-губернаторомъ новороссійскимъ городъ *Херсонъ* съ большою крѣпостью и адмиралтействомъ для постройки кораблей. Неожиданное и, можно сказать, почти волшебное появленіе этого города посреди необитаемыхъ степей было удивленіемъ для всѣхъ, мало знавшихъ удивительнаго Потемкина. Довольный удачнымъ началомъ, онъ поселился въ новомъ городѣ, быстро достигшемъ цвѣтущаго состоянія во всѣхъ частяхъ устройства своего, и даже въ торговлѣ съ греческими островами, Константинополемъ и Франціей, и отсюда-то наблюдалъ проницательными взорами Крымъ, думая о томъ, какими бы средствами можно было покорить его, не проливая, однако же, крови русскихъ. Безпокойные крымцы вскорѣ сами представили ему эти средства.

Читатели мои уже видѣли, что Кайнарджискій миръ доставилъ Россіи такое значительное вліяніе на судьбу этого полуострова, что ханы, правители его, назначались не иначе, какъ съ согласія государыни русской. Такимъ образомъ въ 1777 году Екатерина утвердила ханомъ крымскихъ татаръ одного изъ образованнѣйшихъ князей ихъ, *Сагинъ-Гирея*. Турки сначала спорили, однакожъ потомъ и они согласились на этотъ выборъ. Но новый ханъ не нравился подданнымъ своимъ, потому что, будучи про-

священнѣе своихъ соотечественниковъ, оставлялъ многіе изъ грубыхъ обычаевъ ихъ и вводилъ новые. Братъ его, Батый-Гирей, былъ начальникомъ недовольныхъ и потому неудивительно, что дерзость ихъ принудила хана оставить престолъ и удалиться въ Таганрогъ. Однакожъ могущественная покровительница его, Екатерина, возвратила ему потерянное царство.

Между тѣмъ противники его нашли также защитника себѣ: турецкій султанъ прислалъ на помощь къ нимъ пашу съ отрядомъ янычаръ, и судьба бѣднаго Сагина сдѣлалась еще несчастнѣе, нежели была прежде. Преслѣдуемый братомъ, нелюбимый подданными, устрашаемый силою турокъ и жестокостью ихъ къ врагамъ своимъ, онъ не находилъ другого средства къ спасенію, какъ, предложивъ корону свою императрицѣ русской, отдать себя совершенно подъ ея могущественное покровительство. Это предложеніе хана императрицѣ не только сдѣлано было чрезъ Григорія Александровича, но даже и внушено имъ же. Много стараній надобно было ему употребить, много трудностей преодолѣть, чтобъ совершить это важное дѣло, которому препятствовали, сколько могли, и турки, и многіе изъ подданныхъ Сагина; но счастливый во всѣхъ предпріятіяхъ своихъ, онъ успѣлъ и въ этомъ совершенно: значительная пенсія, назначенная отъ двора хану, удовлетворила всѣ желанія его, а нѣсколько полковъ нашихъ, подъ начальствомъ генерала де-Бальмена, навели такой страхъ на подданныхъ его, что они, не думая о сопротивленіи, признали надъ собою власть Россіи и тогда же дали присягу въ вѣрности Екатеринѣ.

Такъ безъ кровопролитія, одними искусными распоряженіями Потемкина, покорено было отечеству нашему цѣлое царство, знаменитое еще въ глубокой древности. Выгоды этого новаго пріобрѣтенія были такъ велики, подробности, касающіяся до исторіи Крыма, такъ любопытны, что, заслуживая полное вниманіе наше, милыя дѣти, требуютъ особеннаго разсказа и тѣмъ болѣе, что съ исторіею *русскаго* Крыма соединяется чрезвычайно-занимательное происшествіе для русскихъ: путешествіе императрицы въ это новое владѣніе ея, спустя четыре года послѣ его по-

коренія, случившагося въ 1783 году. Все это, друзья мои, вы найдете на слѣдующихъ страницахъ; нынѣшній же разсказъ нашъ о знаменитѣйшемъ изъ приближенныхъ Екатерины мы окончимъ описаніемъ тѣхъ новыхъ почестей, которыя были наградою великихъ дѣлъ его.

Еще въ 1775 году Потемкинъ былъ уже *графомъ* русской имперіи за дѣятельное участіе въ заключеніи Кайнарджискаго мира. Въ 1776 году получилъ *княжеское* достоинство имперіи римской и титулъ *свѣтлѣйшаго*. Вообще иностранные государи уважали Григорія Александровича за личныя достоинства его и за ту высокую довѣренность, которою онъ пользовался при дворѣ Екатерины. Они старались показать ему свое милостивое расположеніе: король польскій пожаловалъ его орденомъ *Бѣлаго Орла* и *св. Станислава*, Фридрихъ Великій—орденомъ *Черного Орла*, король датскій—*Слона*, король шведскій — *Серафима*. Но всѣ эти чужестранные ордена не столько обрадовали его, сколько въ 1782 году новый русскій орденъ *св. Равноапостольнаго князя Владиміра*, учрежденный Екатериною и прежде всѣхъ возложенный ею на будущаго покорителя Крыма. Въ самомъ дѣлѣ, не прошло года послѣ того и Крымъ принадлежалъ Россіи. Главною же наградою, полученною Потемкинымъ за Крымъ, было названіе *Таврическаго*. Вы, вѣрно, удивляетесь, милые читатели, отчего Таврическаго, а не Крымскаго? Оттого, что полуостровъ Крымъ во время древней и самой блистательной славы своей назывался *Тавридою*. Екатерина, покоривъ его своей власти, назвала снова Тавридою, какъ будто желая возвратить ему вмѣстѣ съ этимъ именемъ и прежнюю славу. Никто не могъ такъ хорошо понять и исполнить это благодѣтельное желаніе Великой, какъ новый князь Таврическій, и оно было поручено ему съ тою же надеждою на успѣхъ, которую онъ всегда умѣлъ прекрасно оправдывать. Пожалованный чиномъ генералъ-губернатора, Потемкинъ съ обыкновеннымъ жаромъ своимъ принялся за новое дѣло, ввѣренное его попеченіямъ, и съ обыкновенною быстротою своею совершалъ его. Дикія степи новой Тавриды, подобно степямъ новороссійскимъ, какъ будто какимъ-то волшебствомъ превращались

въ обработанныя поля. Бѣдные татарскіе города и деревни приняли другой видъ, потому что уже не были разбросаны на мѣстахъ пустынныхъ, но оживлялись сосѣдствомъ богатыхъ селеній русскихъ. И не только селенія, но даже цѣлые города вскорѣ обязаны были своимъ существованіемъ неутомимой дѣятельности Потемкина. Кромѣ Херсона, построеннаго въ близкомъ сосѣдствѣ Крыма, гдѣ нѣкогда процвѣталъ *Херсонесъ*, знаменитый въ древности, Григорій Александровичъ основалъ въ самомъ Крымѣ такой городъ, который одинъ могъ навсегда прославить его имя, еслибы оно не соединялось съ такимъ множествомъ другихъ знаменитыхъ дѣлъ: этотъ городъ есть *Севастополь*, построенный на берегу ближайшаго къ Черному морю залива и заключающій въ себѣ одинъ изъ лучшихъ портовъ въ свѣтѣ. Гавань севастопольская простирается во внутренность залива на *шесть* верстъ длины и на *три* версты ширины. Берега залива на такомъ большомъ пространствѣ имѣютъ еще нѣсколько меньшихъ заливцевъ или бухтъ, которые всѣ представляютъ множество удобствъ для стоянки кораблей, потому что глубина воды во всѣхъ мѣстахъ этой превосходной гавани такъ велика, что самыя огромныя суда могутъ подходить къ берегу, а это достоинство принадлежитъ къ важнѣйшимъ для гавани. Севастопольскій портъ имѣетъ еще другое, не менѣе важное преимущество: онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ высокими горами, которыя защищаютъ вошедшіе въ него корабли отъ всѣхъ вѣтровъ. Со всѣми выгодами, такъ щедро разсыпанными природою на это прекрасное мѣсто, Потемкинъ соединилъ все, что могъ произвесть его геній, его твердая воля, его дѣятельность и тѣ могущественныя средства, которыя были даны ему великою государынею. Не прошло трехъ лѣтъ, какъ въ новомъ портѣ Севастопольскомъ было уже адмиралтейство и въ немъ нѣсколько тысячъ работниковъ: былъ сильный горнизонъ, множество магазиновъ, два госпиталя, нѣсколько гаваней для купечества и для карантина; однимъ словомъ, Севастополь былъ многолюдный, величественный городъ. Но мы забываемъ, что Севастополь, это прекрасное твореніе природы и Потемкина, принадлежитъ къ красотамъ Крыма, о ко-

торомъ предстоитъ намъ цѣлый разсказъ. Не будемъ же отдѣлять ихъ одну отъ другой, но взглянемъ на все цѣлое прекрасной Тавриды, такъ какъ она представилась восхищеннымъ взоромъ новой обладательницы своей и всѣмъ счастливымъ спутникамъ ея достопамятнаго путешествія, по справедливости называемаго историками *торжественнымъ* и *величественнымъ шествіемъ* ея отъ сѣверной столицы до самыхъ южныхъ странъ новыхъ владѣній Россіи.

ПОЛУОСТРОВЪ КРЫМЪ И ПУТЕШЕСТВІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ.

1787 годъ.

На пространствѣ обширнаго отечества нашего Крымъ есть одна изъ самыхъ примѣчательныхъ странъ и въ отношеніи физическомъ, и въ отношеніи историческомъ. Нигдѣ природа не разсыпала съ такою щедростію красоты свои, нигдѣ не произошло столько важныхъ событій, столько знаменитыхъ дѣлъ, какъ въ этой прекрасной странѣ—Италіи нашей. Красоты эти цвѣтутъ и теперь, и многимъ изъ читателей моихъ можетъ представиться случай видѣть ихъ: стоитъ только доѣхать до Крыма. Но отъ прошедшихъ событій этого края осталось очень мало слѣдовъ и только въ исторіи можно найти ихъ. А любопытно было бы узнать все, что разсказывается о Крымѣ! Вы повѣрите этому, друзья мои, когда я скажу вамъ, что онъ былъ уже страною знаменитою за нѣсколько столѣтій до Рождества Христова. Да, за нѣсколько столѣтій до Рождества Христова тамъ жили уже народы, отличавшіеся отъ другихъ своею образованностію, своими успѣхами въ наукахъ, мореплаваніи и торговлѣ. Но напередъ угадывая желаніе ваше узнать подробно исторію прекраснѣйшей изъ областей нашихъ, я опишу ее съ самаго начала.

Первые извѣстные намъ обитатели Тавриды въ XII и XIII вѣкѣ до Р. Х. были *тавры*. Имя ихъ происхо-

дитъ отъ горъ, которыхъ такъ много на родинѣ ихъ: *Тавръ*, на ассирійскомъ языкѣ значитъ *гора*. Тавры были очень жестоки и даже дики. Они приносили въ жертву своимъ богамъ всѣхъ чужестранцевъ, которые имѣли несчастіе претерпѣть кораблекрушеніе у береговъ ихъ.

Чрезъ нѣсколько столѣтій къ таврамъ пришли съ сѣвера Европы и, по увѣренію историковъ, съ полуострова Ютландіи *кимвры* или *киммеріане*. По примѣру всѣхъ завоевателей, они покорили природныхъ жителей Тавриды, сдѣлались главнымъ народомъ этой страны, построили на азіатскомъ берегу ея городъ *Киммеріонъ*, который вы теперь найдете на картѣ подъ именемъ *Тамани*. По имени ихъ проливъ, отдѣляющій европейскую часть Крыма отъ азіатской, получилъ названіе *Киммерійскаго*. Мы зовемъ его теперь *Таврическимъ*. Но слава кимвровъ не была продолжительна: они, въ свою очередь, были побѣждены и выгнаны изъ Тавриды *скиѳами*. Этотъ послѣдній народъ до такой степени отличался грубостію нравовъ своихъ и своимъ безчеловѣчіемъ, что греки называли ихъ именемъ всѣ необразованные народы: *скиѳъ* значило тогда то же, что *варваръ*. Сдѣлавшись обладателями Тавриды, они смѣшались съ ея первоначальными жителями и оттого страна получила новое названіе *Тавро-Скиѳіи*.

Но это все народы дикіе, необразованные, — гдѣ же тѣ, о которыхъ разсказъ можетъ быть любопытенъ? Они уже передъ вами, милые читатели мои.

Вы, вѣрно, давно уже знаете, что греки были однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ народовъ въ древности? Въ странѣ ихъ процвѣтали науки и искусства, оружіе ихъ славилось побѣдами, корабли ихъ плавали по отдаленнымъ морямъ. Въ V вѣкѣ до Р. Х. они въ первый разъ доѣхали до пролива Киммерійскаго, восхищены были красотами природы въ этой тогда еще дикой странѣ, предвидѣли множество выгодъ отъ заведенія въ ней колоній и основали въ сосѣдствѣ отъ Тамани городъ *Фанагорію*. Разсказы ихъ на родинѣ о прекрасномъ климатѣ и богатствахъ Тавриды возбудили и въ соотечественникахъ ихъ желаніе селиться тамъ, и греческія колоніи начали одна за другою являться на всемъ южномъ берегу Тавриды. Самыя важныя изъ

этихъ селеній были *Пантикапея* или нынѣшняя *Керчь*, *Ѳеодосія* и *Мегариче*, послѣ названный *Херсонесомъ*. Быстро начали процвѣтать новыя колоніи; суда изъ Греціи и другихъ отдаленнѣйшихъ странъ приходили къ нимъ съ богатыми товарами. Въ это время уже громко славился Херсонесъ, сдѣлавшійся вскорѣ важною республикою, не смотря на то, что владѣнія его простирались только на двѣнадцать верстъ въ длину и ширину. Соперникомъ Херсонеса, процвѣтавшаго на южномъ берегу Тавриды, было другое селеніе грековъ, въ то же время основанное въ восточной части полуострова и называвшееся *Босфоромъ*. Это былъ тотъ же городъ, который назывался прежде Пантикапея, а нынѣ Керчь. Но Босфоръ не былъ республикою, какъ Херсонесъ; здѣсь цари управляли народомъ и многіе изъ нихъ были знамениты.

Между тѣмъ, какъ эти главныя селенія грековъ, вмѣстѣ со многими другими по берегамъ Чернаго моря, проливали образованность на востокѣ и югѣ Тавриды, все пространство ея къ западу и сѣверу было во власти тавро-скиѳовъ, часто нападавшихъ на чужеземцевъ, поселившихся въ странѣ ихъ. Греки, будучи не въ силахъ защищать себя отъ варваровъ, просили иногда помощи у сосѣднихъ государей и тѣмъ погубили себя. Одинъ изъ этихъ государей, царь понтійскій Митридатъ-Евпаторъ подъ видомъ помощи завладѣлъ почти всею Тавріею и готовъ былъ идти въ Римъ; но римляне имѣли въ это время славнаго полководца своего Помпея: онъ остановилъ блестящіе успѣхи Митридата, лишилъ его всѣхъ завоеваній и покорилъ власти Рима всѣ селенія греческія въ Тавридѣ. Это случилось за 65 лѣтъ до Р. Х. Херсонесцы ничего не потеряли при этомъ покореніи: важная торговля ихъ и услуги, которыя имъ случалось иногда оказывать побѣдителямъ своимъ, сражаясь съ непріятелями ихъ, доставляли имъ покровительство Рима. Они даже оставлены были на своихъ прежнихъ правахъ. Съ Босфоромъ же было иначе: жители его получали царей отъ Рима. Судьба босфорцевъ сдѣлалась впослѣдствіи еще хуже: въ началѣ IV вѣка по Р. Х. они покорены были новыми, пришедшими въ Таврію завоевателями—*сарматами*, отъ кото-

рыхъ помогали имъ освободиться на нѣкоторое время жители Херсонеса; но въ концѣ того же столѣтія царство Босфорское навсегда разрушено было *гуннами*.

Удивительно было это множество народовъ, попеременно владѣвшихъ прекрасной и несчастной Тавридой. Какъ будто всѣ они наперерывъ стремились быть ея повелителями! За гуннами являются въ VIII вѣкѣ *казары*. Власть ихъ, вѣроятно была или продолжительнѣе, или прочнѣе другихъ, потому что слѣды ея остались въ новомъ имени Тавриды: она названа была *Казаріею*. Съ X вѣка исторія Тавриды начинаетъ сближаться нѣсколько съ нашею. Вы, вѣрно, вспомните, что въ 988 году совершилось въ Херсонесѣ важнѣйшее происшествіе для русскихъ: принятіе христіанской вѣры государемъ ихъ. Херсонесъ, вмѣстѣ съ другими селеніями греческими, былъ тогда подъ властію Восточной имперіи. Владиміръ, какъ будто желая не испросить, но завоевать себѣ достойную супругу, ходилъ войною на Херсонъ и овладѣлъ не только имъ, но и Ѳеодосіею, и многими другими мѣстами въ Тавридѣ и Тамани. Но, сдѣлавшись супругомъ царевны, онъ возвратилъ братьямъ ея, императорамъ константинопольскимъ, всѣ завоеванія свои, кромѣ Тамани, извѣстной въ исторіи нашей подъ именемъ Тмутораканской области. Греки также недолго оставались владѣтелями прелестной Тавриды. Въ половинѣ XI вѣка новые варвары смѣнили печенѣговъ: это были *половцы*. Они завладѣли Тавридой и почти два вѣка называли ее своею. Наконецъ въ 1233 году являются послѣдніе завоеватели ея—*татары*. Тотъ же Батый, губитель отечества нашего, былъ ужасомъ и Тавриды: онъ отправилъ для покоренія ея одного изъ полководцевъ своихъ *Ногая*, — съ многочисленнымъ войскомъ. Ногай былъ достойный исполнитель безчеловѣчнаго хана: онъ не только покорилъ, но, по обыкновенію татаръ, и разорилъ Тавриду. Участь ея раздѣлили и нѣкоторые изъ греческихъ городовъ и селеній, только не тѣ, которые, благодаря обширной торговлѣ своей, пользовались уваженіемъ и покровительствомъ государствъ сильныхъ, какъ, напримѣръ, Херсонесъ и Кафа, или Ѳеодосія, незадолго до того поступившая подъ защиту и власть Генуэзской республики, одной изъ сильнѣйшихъ

въ то время морскихъ державъ. Генуэзцы владѣли въ Тавріи не одною Кафою: и многія другія изъ прежнихъ селеній греческихъ уже принадлежали имъ. Соперники торговли ихъ на Черномъ морѣ были только венеціане, также сильные мореплаваніемъ и владѣвшіе тогда *Азовомъ*. Города, находившіеся подъ такимъ покровительствомъ, тѣмъ скорѣе избѣгли власти татаръ, что по богатству своему могли платить деньгами за свободу и безопасность свою, и такимъ образомъ татары собирали дань со всѣхъ городовъ и селеній южнаго берега Тавриды, уцѣлѣвшихъ отъ разрушительной власти ихъ. Такъ продолжалось болѣе двухъ столѣтій. Генуэзцы въ теченіе этого времени усилились до того, что Кафа уже перестала повиноваться татарамъ съ прежнею покорностію и обладатели Тавріи такъ раздражены были гордостью и своевольствами генуэзцевъ, что въ 1475 году рѣшились просить помощи у турокъ. Помощь была подана, но такъ, что и татары, и генуэзцы пожалѣли искренно о томъ, что не окончили ссоръ своихъ безъ посредниковъ. Городъ Кафа былъ разоренъ, 40,000 жителей его, генуэзцевъ, посланы въ Константинополь, знатнѣйшіе домы и церкви разрушены! Этого было еще недовольно для самыхъ жестокихъ изъ завоевателей Тавриды: турки въ то же время разграбили и другія селенія грековъ, венеціанъ и генуэзцевъ, и знаменитые города: *Судагъ*, *Балаклава*, *Инкерманъ*, *Херсонъ*, *Танаисъ* или *Азовъ*, *Керчь*, *Манкупъ*—почти исчезли со всѣми своими богатствами. Даже самые татары, призвавшіе къ себѣ турокъ, не избѣжали жестокости ихъ: ханъ крымскихъ татаръ *Менгли-Гирей* взятъ былъ въ плѣнъ и отвезенъ въ Константинополь, гдѣ прожилъ три года, ожидая рѣшенія судьбы своей. Наконецъ султанъ возвратилъ ему ханство его, короновалъ его въ Константинополѣ и въ сопровожденіи сановниковъ турецкихъ отправилъ въ приморскій, еще уцѣлѣвшій городъ греческій *Евпаторію*, нынѣшній *Козловъ*. Хотя подданные Менгли-Гирея были очень недовольны тою властію, какую взяли турки надъ ханомъ и царствомъ ихъ, но сдѣлать было нечего: они не могли свергнуть этой власти почти во все время существованія ихъ. А это продолжалось не одно столѣтіе. Крымскіе татары довольно из-

вѣстны читателямъ изъ прежнихъ разсказовъ нашихъ. Зависимые отъ Турціи, но въ то же время и покровительствуемые ею, много причинили они зла отечеству нашему своими набѣгами, своими варварскими жестокостями. Бывали они и въ Москвѣ нашей и оставляли въ ней ужасную о себѣ память! Разоряли и другіе города, и только Кайнарджискимъ миромъ усмирены были нѣсколько, и то ненадолго. Наконецъ князю Потемкину удалось обратить этихъ безпокойныхъ и опасныхъ сосѣдей Россіи въ мирныхъ и полезныхъ гражданъ. Вы уже слышали, какимъ образомъ онъ сдѣлалъ это и намъ остается теперь узнать то состояніе Крыма, когда онъ былъ уже русскою областью. Одно изъ лучшихъ средствъ для этого есть описаніе путешествія императрицы въ эту знаменитую страну. Обратимся же къ нему и тѣмъ скорѣе, что оно доставитъ намъ случай узнать не одинъ Крымъ: но вмѣстѣ съ нимъ и другія примѣчательныя области и города, мимо которыхъ проѣзжала государыня, и людей, которые составляли избранное число спутниковъ ея, и много любопытныхъ подробностей того времени, въ которое случилось это примѣчательное путешествіе.

Многіе знаменитые иностранцы приглашены были императрицею участвовать въ путешествіи. Это были послы: французскій — *Сегюръ*, англійскій — *Фицъ-Гербертъ*, австрійскій—*Кобенцель*. Здѣсь же находился столь извѣстный своимъ остроуміемъ и любезностію принцъ *де-Линь*. Кромѣ того, въ свитѣ государыни были многіе изъ знатнѣйшихъ чиновъ двора и генераловъ, не говоря уже о томъ множествѣ чиновниковъ придворныхъ, которымъ поручены были разныя должности при этомъ великолѣпномъ, дотолѣ неслыханномъ въ Россіи путешествіи. Какъ вы думаете, сколько экипажей надобно было, чтобы помѣстить всю свиту? Четырнадцать каретъ, а саней сто шестьдесятъ четыре! Лошадей же приготовлялось на каждой станціи 560!

Въ такомъ-то пышномъ поѣздѣ императрица отправилась изъ Царскаго Села 18-го января 1787 года. Сюда приказано было пріѣхать всѣмъ спутникамъ ея и здѣсь простилась она съ семействомъ своимъ. Трогательно было

это прощаніе: Екатерина съ неописанною нѣжностію любила внуковъ своихъ, великихъ князей Александра и Константина, изъ которыхъ старшему было въ это время не болѣе девяти лѣтъ. Цѣлуя и обнимая ихъ въ минуту разлуки, она такъ много плакала, что родители царственныхъ малютокъ едва могли утѣшить ее. Но подобныя минуты великая государыня называла минутами слабости; она не позволяла себѣ долго предаваться имъ и, заключивъ нѣжнѣйшія чувства опечаленной матери семейства въ сокровенной глубинѣ души своей, она чрезъ нѣсколько часовъ послѣ выѣзда изъ Царскаго Села была уже попрежнему спокойна, думала уже попрежнему, что сердце ея принадлежало, кромѣ собственныхъ дѣтей ея, другому безчисленному семейству — народу ея, и счастіе этого народа сдѣлалось попрежнему любимою мыслію Великой. Польза Россіи была цѣлію путешествія ея [1]; стало быть все вниманіе государыни должно было обратиться на эту благодѣтельную для насъ цѣль. Иначе не могла думать Екатерина. Русскіе, привыкшіе къ тому совершенству, съ которымъ исполняла она священный долгъ царицы, не удивлялись ни ея рѣшимости на нѣсколько времени разлучиться съ драгоцѣннымъ ей семействомъ, ни тому величайшему вниманію, какое обращала она на все, относившееся до ея путешествія. Но за то много дивились этому иностранные министры, сопровождавшіе императрицу. Любопытно читать въ запискахъ ихъ, какъ искренно отдавали они справедливость знаменитымъ дѣламъ и всѣмъ поступкамъ Екатерины: шесть мѣсяцевъ путешествія, въ продолженіе которыхъ они были каждый день съ нею, доставили имъ возможность видѣть ее вблизи и вполнѣ удостовѣриться, какъ превышала она всѣхъ другихъ государей европейскихъ того времени. Особенно любопытны въ этомъ случаѣ записки французскаго посланника графа Сегюра: онъ былъ однимъ изъ умнѣйшихъ, образованнѣйшихъ и усерднѣйшихъ почитателей Екатерины и у него подробно описано путешествіе въ Крымъ. Но если оно казалось такъ

[1]) По этому случаю выбита была и медаль въ 1787 году: на одной сторонѣ ея изображенъ былъ портретъ государыни, на другой—карта всего путешествія съ надписью: *путь на пользу.*

любопытно для иностранца, во сколько разъ любопытнѣе покажется оно для васъ, милые читатели! Поспѣшимъ же удовлетворить этому любопытству.

Прежде всего скажу вамъ, какіе города проѣхала государыня, начиная отъ самаго Петербурга до Крыма. Это маршрутъ ея. Первый городъ послѣ Царскаго Села былъ Рожественъ, потомъ Луга, Порховъ, Великіе Луки, Велижъ, Смоленскъ, Мстиславль - Чириковъ, Новгородъ-Сѣверскій, Сосница, Черниговъ, Нѣжинъ, Козелецъ, Кіевъ, Терехтеміровъ, Коневъ, Черкаскъ, Кременчугъ, Переволочна, Кайдаки, Екатеринославль и Херсонъ.

Въ шесть дней государыня была уже въ Смоленскѣ,— это 700 верстъ отъ Петербурга. Вы удивитесь скорости этого путешествія, когда я скажу вамъ, что обыкновенный порядокъ въ образѣ жизни императрицы нисколько не измѣнялся: вставала она въ дорогѣ точно такъ же, какъ и въ Петербургѣ, въ шесть часовъ; точно такъ же занималась докладами, потомъ завтракала и принимала посланниковъ, сопровождавшихъ ее. Въ 9 часовъ отправлялись въ путь и останавливались въ два—для обѣда; послѣ обѣда ѣхали до семи часовъ вечера. Съ семи до девяти государыня проводила время опять съ своею свитою; съ девяти до одиннадцати—работала въ кабинетѣ. Можно ли было не удивляться этой дѣятельности?

Зимніе, темные вечера, которые у насъ еще такъ длинны въ половинѣ января, не останавливали великолѣпнаго поѣзда; напротивъ того, придавали ему новый блескъ: по обѣимъ сторонамъ дороги зажигались тогда большіе костры дровъ въ довольно близкомъ разстояніи одинъ отъ другого. Эти яркіе огни, озаряя мракъ зимнихъ вечеровъ, проливали веселіе на всѣ окрестности дороги, по которой быстро неслись экипажи государыни однимъ длиннымъ безконечнымъ рядомъ. Не буду говорить вамъ о томъ восторгѣ, съ которымъ жители этихъ окрестностей спѣшили видѣть царицу свою, съ какимъ усердіемъ другіе пріѣзжали для того изъ дальнихъ округовъ, съ какимъ терпѣніемъ жили нѣсколько дней на одномъ мѣстѣ для того только, чтобы на минуту увидѣть ее. Все это вамъ извѣстно по чувствамъ собственнаго сердца: даже и тѣ изъ

васъ, которые родились и живутъ въ Петербургѣ, вѣрно не одинъ разъ съ нетерпѣливымъ усердіемъ бѣжали къ тому мѣсту, гдѣ могли надѣяться видѣть государя. Что же надобно думать о тѣхъ, которые лишены этого счастія и живутъ далеко отъ мѣстъ, оживленныхъ его присутствіемъ. Какъ велико должно быть ихъ восхищеніе при надеждѣ видѣть его! Это испытали въ 1787 году всѣ губерніи, мимо которыхъ проѣзжала незабвенная государыня. Но какъ быстръ казался для нихъ этотъ поѣздъ! Жители Смоленска первые осчастливлены были болѣе продолжительнымъ присутствіемъ ея: здѣсь назначено было отдохновеніе послѣ шестидневной ѣзды и государыня пробыла въ этомъ городѣ три дня. Но ей угодно было только называть это отдохновеніемъ, чтобы исполнить желаніе народа и доставить ему возможность полюбоваться своею *Матушкою* подолѣе; въ самомъ же дѣлѣ такіе дни могли утомить болѣе самаго путешествія: въ продолженіе ихъ государыня безпрестанно занята была то аудіенціями, то представленіями, кромѣ того давала балъ для смоленскаго дворянства. На этомъ балѣ было триста дамъ, которыя удивили петербургскихъ пріѣзжихъ, и даже посланниковъ иностранныхъ, отличнымъ вкусомъ и блескомъ нарядовъ своихъ. Въ Кіевѣ ожидало всѣхъ удивленіе другого рода: къ пріѣзду государыни съѣхались туда не одни дворяне русскіе, но и многіе знаменитые иностранцы. Сверхъ того собрались тамъ депутаты отъ всѣхъ разноплеменныхъ подданныхъ Екатерины. Чрезвычайно разнообразно было многочисленное общество, встрѣтившее императрицу. Тутъ были и казаки съ Дона, и другіе съ Урала, и третьи, недавно вступившіе въ число подданныхъ Россіи—запорожцы, и кочующіе киргизы, и дикіе калмыки, своею некрасивою наружностію пугавшіе иностранцевъ, никогда ихъ не видавшихъ. Смотря на нихъ, боязливые называли ихъ потомками гунновъ и припоминали давноминувшую славу страшнаго царя ихъ Атиллы. Послѣ этого, уже давно нестрашнаго, но только безобразнаго племени, красовались ловкіе, недавно покорившіеся Россіи черкесы; за ними также подданные ея—крымскіе татары. Поодаль отъ нихъ, на мѣстѣ болѣе почетномъ, стоялъ съ свитою царевичъ грузинскій, недавно присяг-

нувшій на подданство Екатерины. И посреди этого разнообразнаго общества вообразите тѣхъ, которыхъ можно было справедливо назвать виновниками этого самаго разнообразія, вообразите генераловъ, побѣдителей большей части народовъ, тутъ собравшихся. И фельдмаршалъ Румянцевъ, и князь Потемкинъ, и храбрый Суворовъ,—всѣ они были въ Кіевѣ. Первый, какъ генералъ-губернаторъ кіевскій, встрѣтилъ государыню на границѣ губерніи, ему ввѣренной; второй приготовлялся встрѣтить ее въ Екатеринославской. Такъ какъ эта губернія вмѣстѣ съ Крымомъ была предметомъ путешествій императрицы, то князю Таврическому предстояло болѣе дѣла, нежели всѣмъ другимъ начальникамъ губерній, мимо которыхъ проѣзжала государыня. Къ тому же, ему такъ хотѣлось показать царицѣ-благодѣтельницѣ своей, съ какимъ усердіемъ старался онъ о благосостояніи края, ему ввѣреннаго, и какіе быстрые успѣхи были слѣдствіемъ стараній его. Совершенно занятый этою мыслію, онъ нерѣдко отказывалъ себѣ въ удовольствіи присутствовать на праздникахъ, которыми добрая государыня веселила жителей Кіева во время своего почти трехмѣсячнаго пребыванія тамъ, и отправлялся въ мѣста, ввѣренныя начальству его, по дорогѣ къ Крыму, смотрѣть за приготовленіями къ пріему государыни. И за то какъ прекрасно вознаграждены были старанія и заботливость его! Нигдѣ путешествіе не казалось такъ пріятно для императрицы и всѣхъ спутниковъ ея, какъ въ губерніяхъ, порученныхъ князю Потемкину. Онъ умѣлъ соединить въ нихъ все, что̀ могло доставить удовольствіе не только глазамъ, но и душѣ, и уму. Что могло быть пріятнѣе для государыни, пламенно желавшей счастія и славы народу своему, какъ не видъ цвѣтущихъ селеній въ мѣстахъ, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ совершенно необитаемымъ? И этотъ видъ представлялся ей довольно часто на протяженіи береговъ величественнаго Днѣпра, когда она проѣзжала мимо ихъ, оставивъ Кіевъ. Надобно сказать вамъ, милыя дѣти, что императрица могла въ полной мѣрѣ наслаждаться прекрасною картиною новаго заселенія: путешествіе ея изъ Кіева было уже не сухимъ путемъ, но по водамъ Днѣпра въ большихъ, нарочно для того устроен-

ныхъ судахъ. Число ихъ простиралось до сорока шести; людей же, составлявшихъ экипажъ, до 416 человѣкъ. Семь великолѣпныхъ галеръ, убранныхъ съ царскою пышностію, ѣхали впереди всего флота: на первой находилась императрица, на шести остальныхъ—ея свита. Каждая галера имѣла свою собственную музыку. Неописанно-прелестна была картина этого путешествія въ то время, когда теплая, майская погода, которою могутъ хвалиться южныя губерніи наши, вызывала знаменитыхъ путешественниковъ не только на палубу судовъ, но даже нѣкоторыхъ на легкіе челноки и лодки, быстро мелькавшіе по обѣимъ сторонамъ эскадры, при звукахъ тихой, пріятной музыки, всегда такъ хорошо согласующейся съ журчаніемъ волнъ, съ ихъ переливающимся плескомъ. Въ такіе часы иностранные спутники императрицы воображали себя въ мірѣ очарованій, называли великолѣпный флотъ и все, что принадлежало къ нему, не иначе, какъ *созданіями волшебства*. И они были правы: это плаваніе по Днѣпру и этотъ Днѣпръ съ своими зелеными островами, съ своими шумными, какъ будто облитыми пѣною порогами, съ своими берегами, уже не пустынными, но покрытыми толпою любопытныхъ, съѣхавшихся со всѣхъ концовъ имперіи, чтобы видѣть величественное шествіе государыни, все это вмѣстѣ точно не походило на міръ обыкновенный, но на что-то волшебное, непостижимое. Очарованіе дѣлалось еще совершеннѣе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ на обширныхъ равнинахъ береговъ Днѣпра носились, быстро маневрируя, легкія войска казаковъ, между тѣмъ какъ окружавшіе ихъ города, селенія и загородные домы жителей красовались всѣмъ убранствомъ, какое только могло быть придумано усердіемъ народа и изобрѣтательнымъ умомъ начальника его. Тутъ были и тріумфальныя ворота, и легкіе, нарочно построенные храмы прелестной архитектуры, и гирлянды изъ цвѣтовъ и зелени, спускавшіеся красивыми фестонами по всѣмъ зданіямъ, на которыя могли упасть взоры императрицы. Счастливая радостью народа, восхищенная его усердіемъ, Екатерина, по замѣчанію спутниковъ своихъ, никогда не была такъ довольна, весела и говорлива, какъ во время этого путешествія водою. Такое расположеніе

духа августѣйшей хозяйки имѣло вліяніе на всѣхъ гостей ея, и смѣло можно сказать, что во всей Европѣ не было тогда общества, въ которомъ бы представлялось такое прекрасное соединеніе ума, любезности, пріятныхъ шутокъ и острыхъ словъ. Мнѣ очень хотѣлось бы, милые читатели, дать вамъ хотя небольшое понятіе о тонѣ этого общества, о томъ, что говорилось въ немъ; для этого надобно разсказать вамъ объ одномъ или двухъ такихъ случаяхъ, которые могутъ нѣсколько удовлетворить мое и, конечно, ваше желаніе.

Екатерина, разговаривая однажды съ тремя сопровождавшими ее посланниками, спросила у нихъ въ шутку, какъ они думаютъ, чѣмъ была бы она, родившись на свѣтъ мужчиною и частнымъ человѣкомъ? Фицъ-Гербертъ отвѣчалъ, что ея величество, вѣроятно, была бы мудрымъ законодателемъ; Кобенцель — великимъ министромъ или посланникомъ; графъ Сегюръ — знаменитымъ полководцемъ. «О! всѣ вы ошиблись», сказала императрица: — «я знаю мою пылкую голову: я отважилась бы на все для славы и, не дослуживши до поручика, въ первомъ сраженіи положила бы голову».

Въ другой разъ разговоръ шелъ о томъ, что̀ думаетъ Европа о путешествіи государыни русской къ южнымъ владѣніямъ ея. При этомъ случаѣ Европа болѣе всего боялась, что Россія съ помощью императора австрійскаго, который въ это время спѣшилъ въ Херсонъ для свиданія съ Екатериною, завоюетъ, по извѣстному всѣмъ плану Потемкина, не только Турцію, но и Персію и даже, можетъ быть, Индію и Японію. Одинъ изъ посланниковъ, разсказывая въ шуткахъ объ этомъ, прибавилъ:

— Словомъ сказать, ваше величество, странствующій кабинетъ вашъ занимаетъ и безпокоитъ теперь всѣ другіе.

— Стало быть, сказала императрица, — этотъ кабинетъ петербургскій, плывущій теперь по волнамъ Днѣпра, очень великъ, что дѣлаетъ столько хлопотъ другимъ?

— Точно такъ, государыня, отвѣчалъ тогда принцъ де-Линь: — и между тѣмъ нѣтъ такого, который бы былъ менѣе его; нѣсколько дюймовъ — вотъ весь размѣръ его: онъ простирается только отъ одного виска до другого.

Вы, конечно, догадываетесь, друзья мои, что остроумный принцъ де-Линь разумѣлъ подъ этимъ кабинетомъ возвышенное чело Екатерины, гдѣ такъ ясно выражались глубокія думы, геніальныя мысли ея.

Вотъ какъ свободно было обращеніе въ этомъ избранномъ обществѣ императрицы, какъ непринужденна веселость! Удивительно ли послѣ того, что всѣ, наслаждавшіеся столь многими удовольствіями, называли путешествіе свое очаровательнымъ? Вскорѣ оно получило новый блескъ: на тогдашней границѣ Польши, въ мѣстечкѣ Каневѣ, ожидалъ государыню король, возведенный нѣкогда ею на престолъ польскій, *Станиславъ-Августъ*. Непріятныя обстоятельства заставляли его въ это время искать снова покровительства прежней благодѣтельницы своей и просить у ней свиданія для переговоровъ. Невозможно описать усердія и пышности, съ которыми онъ встрѣтилъ императрицу. Многочисленное войско польское, богато одѣтое, въ сіяющемъ вооруженіи, покрывало всѣ возвышенности и равнины Канева. Дворъ варшавскій, сопровождая государя своего, увеличивалъ великолѣпіе торжества, которое продолжалось безпрерывно цѣлый день, проведенный здѣсь государынею. Въ это короткое время смиренные жители небольшого мѣстечка были свидѣтелями и великолѣпнаго обѣда, и бала, и иллюминаціи, и фейерверка. Государыня, тронутая усердіемъ Станислава и стѣсненнымъ положеніемъ его, обѣщала ему покровительство свое противъ враговъ его, и на другой день онъ разстался съ нею, утѣшенный и осчастливленный ея участіемъ.

Чрезъ нѣсколько дней потомъ знаменитая флотилія остановилась предъ *Кременчугомъ*, городомъ екатеринославскаго намѣстничества. Здѣсь князь Потемкинъ, безпрестанно старавшійся разнообразить прекрасныя картины, которыя появлялись предъ восхищенными взорами государыни на берегахъ Днѣпра, представилъ новое неожиданное для всѣхъ зрѣлище. Это были маневры расположенныхъ тутъ войскъ конницы и пѣхоты. Иностранцы съ удивленіемъ смотрѣли на воинственную красоту, на стройныя движенія ихъ. Что же должна была чувствовать государыня, видя столько порядка, столько выгодъ жизни

общественной, столько счастливыхъ и трудолюбивыхъ жителей тамъ, гдѣ, за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, такъ часто встрѣчали дерзкія шайки разбойниковъ и столько было слышно разсказовъ объ ужасныхъ дѣлахъ ихъ! Она исполнена была глубокою благодарностію къ виновнику этой счастливой перемѣны, князю Потемкину, и такъ восхищалась всѣмъ видѣннымъ ею, что не однажды изъявила сожалѣніе свое о скоромъ окончаніи плаванія: гдѣ начинались опасные пороги Днѣпра, нельзя уже было ѣхать водою и путешествіе продолжалось сухимъ путемъ. Въ томъ мѣстѣ, которое называлось *Кайдаки*, государыня встрѣчена была императоромъ нѣмецкимъ. Прибывши въ Херсонъ, онъ не имѣлъ терпѣнія ожидать тамъ прибытія Екатерины и спѣшилъ къ ней навстрѣчу. Императрица умѣла цѣнить такое дружелюбіе и, узнавъ о приближеніи высокаго гостя, сама выѣхала къ нему навстрѣчу.

Князь Потемкинъ радовался пріѣзду императора: въ окрестностяхъ Кайдаковъ онъ приготовлялъ важное торжество, которому присутствіе Іосифа II долженствовало придать еще болѣе блеска: это была закладка *Екатеринослава*, главнаго города екатеринославскаго намѣстничества. Давно уже составленъ былъ планъ и выбрано мѣсто для этого города, но Григорій Александровичъ желалъ, чтобы первый камень знаменитаго города положенъ былъ виновницею его существованія и, счастливый во всемъ, успѣлъ и въ этомъ сверхъ ожиданія своего: не только великая государыня его, но и императоръ австрійскій любовались избраннымъ имъ мѣстоположеніемъ на высокомъ берегу прекраснаго Днѣпра и, заложивъ основаніе Екатеринослава, сдѣлали незабвеннымъ имя его, не смотря на то, что важность этого города впослѣдствіи времени далеко не достигла той степени, какую предназначалъ ей основатель его.

Изъ Екатеринослава знаменитые путешественники, направляя путь свой къ Херсону, въѣхали въ *степь Новороссійскую*. Это была настоящая степь: вся дорога до Херсона, простираясь болѣе нежели на триста верстъ, была ничто иное, какъ обширные луга, покрытые травою, не оживленные ни однимъ деревцомъ и изрѣдка только

освѣжаемые небольшими ручейками. Единственныя живыя существа, встрѣчавшіяся въ этихъ зеленыхъ пустыняхъ, были стада барановъ и табуны лошадей; хозяева круглый годъ оставляли ихъ на богатой и дешевой паствѣ.

Послѣ такой однообразной и почти печальной картины какъ хорошъ, какъ удивителенъ показался путешественникамъ Херсонъ — это новое, едва осмилѣтнее твореніе Потемкина! Оно въ самомъ дѣлѣ заслуживало удивленія, и чтобъ доставить читателямъ моимъ самое первое и самое любопытное описаніе его, я сдѣлаю всего лучше, если представлю здѣсь собственное письмо императрицы, писанное ею изъ Херсона къ генералу Еропкину. Послушайте, какъ много скажетъ оно вамъ въ короткихъ словахъ.

«13-го мая 1787 г. Вчерашній вечеръ, въ 6-мъ часу, мы пріѣхали въ здѣшній городъ. Дитя сіе не существовало 8 лѣтъ назадъ. Сначала проѣхали каменныя казармы шести полковъ, потомъ поворотили направо, въѣхали въ крѣпость, которая состоитъ въ отдѣлкѣ, совсѣмъ поспѣетъ въ нынѣшнее лѣто и несравненно лучше Кіево-Печерской. Внутри крѣпости военныя строенія, многія окончены, нѣкоторыя приводятся въ отдѣлку. Церковь каменная, прекрасная. Когда я говорю—каменная, не подумайте, чтобы подъ симъ разумѣлся кирпичъ. Здѣсь инова камня не знаютъ, какъ тотъ, который, вынувъ изъ земли, кладутъ въ стѣну. Онъ крѣпче плиты и сырость не принимаетъ. Выѣхавъ изъ крѣпости, повернули мы въ адмиралтейство, въ которомъ всѣ магазины, строенія каменнаго, покрыты желѣзомъ. На стапеляхъ нашли мы готовый 80-ти пушечный корабль, который въ субботу, Богъ дастъ здоровье, спустимъ на воду. Возлѣ сего 60-ти пушечный готовый, возлѣ сего — фрегатъ 55-ти пушечный. Сіи корабли изъ той комнаты, въ которой къ вамъ пишу, видны и садъ сего дома возлѣ адмиралтейства и стапель. Купеческаго города, который съ другой стороны составляетъ предмѣстье, я еще не видала, но, сказываютъ, не хуже. Народа здѣсь, окромѣ военныхъ, великое множество, и разноязычные съ большей части Европы. Я могу сказать, что мои намѣренія въ семъ краю приведены до такой степени, что нельзя оныхъ оставить безъ достодолжной

похвалы. Усердное попеченіе вездѣ видно и люди къ тому избраны способные...» Какъ вознаграждали эти строки Потемкина за все усердіе и за всѣ труды его!

У Кизикерменя, небольшого городка, лежащаго въ 75 верстахъ отъ Херсона и называвшагося нѣкогда греками *Ольвіополемъ*, а русскими — *Бѣлою Вѣжею* или *Бериславлемъ*, знаменитые путешественники переѣхали Днѣпръ и были встрѣчены тамъ отрядомъ, составленнымъ изъ молодыхъ знатнѣйшихъ татарскихъ семействъ, недавно покорившихся Россіи. Имъ поручено было отъ соотечественниковъ ихъ свидѣтельствовать государынѣ глубокое уваженіе и просить позволенія сопровождать ее. Екатерина не только согласилась съ обыкновенною благосклонностію своею на эту просьбу, но даже объявила, что на все время путешествія и пребыванія своего въ Крымѣ она не желаетъ имѣть другой стражи, другихъ защитниковъ отъ всякой опасности, кромѣ новыхъ подданныхъ своихъ.

Такая смѣлая рѣшительность, такая увѣренность въ народѣ, бывшемъ всегда жесточайшимъ врагомъ русскихъ, удивили всю иностранную свиту великой царицы. Удивленіе еще болѣе увеличилось, когда татары въ полной мѣрѣ оправдали эту довѣренность и преданностію къ новой повелительницѣ своей могли сравниться съ русскими подданными ея: не было опасности, на которую бы они ни рѣшились для ея спокойствія. Они особенно доказали это въ Бахчисараѣ, гдѣ едва было не случилось величайшаго несчастія для Россіи. Бахчисарай лежитъ въ узкой долинѣ, окруженной высокими скалами. Дорога, проложенная по спуску съ крутой горы, очень опасна и здѣсь-то горячія крымскія лошади, не привыкшія къ необыкновенной тяжести кареты, въ которой находилась государыня, взбѣсились, закусили удила и понеслись между скалами. Ужасъ овладѣлъ всею свитою императрицы. Она одна, какъ разсказывалъ потомъ императоръ, сидѣвшій вмѣстѣ съ нею въ каретѣ, не измѣнилась въ лицѣ! Съ невыразимымъ трепетомъ всѣ ожидали минуты, когда экипажъ на всемъ быстромъ бѣгу своемъ опрокинется на острыя скалы и разлетится вдребезги. Въ отчаяніи никто не имѣлъ способности думать о помощи и спасеніи, но татарскій от-

рядъ, составлявшій почетную стражу государыни, уже вихремъ несся вслѣдъ за каретою, уже опередилъ ее и, бросившись съ совершеннымъ самоотверженіемъ навстрѣчу бѣшенымъ лошадямъ, остановилъ ихъ.

Пріятно было Екатеринѣ, за спасеніе жизни своей, благодарить народъ, едва три года бывшій въ подданствѣ ея. И гдѣ же? Во дворцѣ царей, нѣкогда страшныхъ для Россіи, теперь не существовавшихъ болѣе! Надобно сказать вамъ, милые читатели мои, что городъ Бахчисарай былъ столицею Крыма, когда имъ владѣли татары. Здѣсь жили ихъ ханы, и великодушная государыня не сдѣлала ни малѣйшей перемѣны не только во дворцѣ ихъ, но даже во всемъ городѣ. По приказанію ея, онъ не заселялся русскими и остался съ одними татарскими жителями своими. Отъ этого азіатская наружность его сохранилась въ немъ болѣе, нежели въ прочихъ городахъ Крыма. Наслѣдники Екатерины уважали волю ея и въ Бахчисараѣ до сихъ поръ все выражаетъ народный характеръ его. И теперь еще мечети его и дворцы, фонтаны и кладбища дышатъ востокомъ и своею необыкновенностію привлекаютъ взоры каждаго путешественника. Особенно примѣчательна одна главная улица его: она узка, такъ что двѣ кареты, встрѣтясь, едва могутъ разъѣхаться въ ней и, протягиваясь въ длину на полторы версты, представляетъ по сторонамъ своимъ два ряда деревянныхъ лавокъ, совершенно открытыхъ. Проѣхавъ по ней одинъ разъ, можно получить точное понятіе о нравахъ, промышленности и степени образованности крымскихъ татаръ. Въ этихъ лавкахъ отправляются всѣ ремесла и искусства, и проходитъ почти вся жизнь ихъ. Здѣсь можно видѣть, какъ они подковываютъ лошадей своихъ, пекутъ хлѣбы, готовятъ кушанье, продаютъ разные товары, однимъ словомъ, занимаются всѣми своими дѣлами. Если и теперь еще Бахчисарай представляетъ такую вѣрную картину татарскаго города, то легко представить, что̀ было въ немъ тогда, когда протекло не болѣе трехъ лѣтъ послѣ его покоренія. Всѣ пріѣхавшіе съ государыней воображали себя какъ будто перенесенными въ какое нибудь азіатское царство, тѣмъ болѣе, что всѣ они помѣщены были въ великолѣпномъ Бахчисарайскомъ

дворцѣ, гдѣ оставались даже нѣкоторые изъ служителей послѣдняго хана. Объ этомъ, равно какъ и о прекрасномъ дворцѣ, очень хорошо разсказываетъ графъ Сегюръ въ своихъ запискахъ. Я думаю, читатели мои не будутъ недовольны, если я приведу нѣсколько строкъ изъ нихъ:

«Ихъ императорскія величества занимали комнаты хана. Фицъ-Гербертъ, Кобенцель, принцъ де-Линь и я помѣщены были въ гаремѣ, передъ окнами котораго зеленѣли красивые сады, окруженные въ самомъ дѣлѣ очень высокими стѣнами.

«Въ каждой комнатѣ вся мебель заключалась въ одномъ широкомъ и спокойномъ диванѣ, простиравшемся во всю длину стѣны. Средину комнаты занималъ большой четвероугольный бассейнъ изъ бѣлаго мрамора; струи свѣжей, прозрачной воды безпрестанно лились изъ его трубочекъ.

«Разрисованныя стекла освѣщали слабымъ свѣтомъ эти комнаты; даже когда отворяли окна, солнце едва могло проникать сквозь густыя вѣтви деревъ розовыхъ, лавровыхъ, жасминныхъ, гранатовыхъ и апельсинныхъ: листья ихъ покрывали эти окна какъ будто зелеными рѣшетками.

«Онажды, во время чрезвычайныхъ жаровъ, случилось мнѣ лежать на моемъ диванѣ. Сладко наслаждаясь журчаніемъ воды, свѣжестію прохлады и благоуханіемъ цвѣтовъ, я погрузился въ нѣгу востока и лежалъ, мечтая какъ паша; вдругъ является предо мною низенькій старикъ съ бѣлой бородою, въ длинномъ платьѣ, въ красной шапочкѣ на головѣ.

«Его видъ, смиренное положеніе, азіатскій поклонъ довершили мое очарованіе и нѣсколько минутъ я могъ воображать себя настоящимъ княземъ мусульманскимъ: мнѣ казалось, что предо мною стоялъ какой нибудь ага или бостанджи, ожидая священныхъ приказаній моихъ».

Однако же это былъ не ага и не бостанджи, а просто садовникъ хана Сагинъ-Гирея, пришедшій къ французскому посланнику съ предложеніемъ показать ему все, достойное любопытства во дворцѣ Бахчисарайскомъ. Надобно сказать, что этотъ дворецъ очень великъ и безъ проводника можно заблудиться въ немъ. Такъ много прекраснаго, много примѣчательнаго, и между прочимъ фонтанъ,

такъ увлекательно, такъ мило воспѣтый нашимъ незабвеннымъ, такъ рано покинувшимъ насъ пѣвцомъ—нашимъ Пушкинымъ.

Однакожъ, заговорясь о Бахчисараѣ, мы забыли, что не съ него начинается Крымъ; что онъ лежитъ почти на югѣ полуострова, и что, слѣдовательно, не ему должны бы принадлежать первыя страницы нашего описанія Тавриды. Но не безпокойтесь, милые читатели мои, вы ничего не потеряли: начало, или, правильнѣе сказать, *сѣверъ* Крымскаго полуострова совсѣмъ не примѣчателенъ ни въ историческомъ отношеніи, ни по природѣ своей: отъ Кезикерменя или Бериславля начинается степь *ногайская,* страна безводная и необитаемая. На ней не видно даже и стадъ, оживлявшихъ степь новороссійскую. Только у самаго перешейка Перекопскаго однообразная картина нѣсколько измѣняется и глазамъ путешественниковъ, утомленнымъ безжизненностію, является съ правой стороны *Черное,* съ лѣвой стороны *Гнилое* море или *Сивашъ:* впереди же ровъ и валъ, простирающійся на семь верстъ, т. е. во всю ширину перешейка. Но это разнообразіе ненадолго: за Перекопью—это значитъ уже въ Крымѣ—та же безплодная и безлюдная пустыня: на пространствѣ 132 верстъ до Акмечети, или, какъ мы называемъ этотъ городъ, *Симферополя,* нѣтъ ничего, кромѣ одной гладкой равнины, покрытой засохшею травою. Такой печальный видъ дѣлается еще скучнѣе, потому что никто не ожидаетъ найти его въ Крымѣ! всѣ наслышались объ очаровательныхъ красотахъ его. Но эти красоты являются не прежде какъ тамъ, гдѣ начинаются гористыя мѣста Тавриды, простирающіяся по всему южному ея берегу: здѣсь-то ея прелести, здѣсь-то ея лучшія сокровища. Бахчисарай есть первый городъ, встрѣчаемый въ горахъ. Императрица, знаменитый гость ея и вся свита ихъ были восхищены имъ, и прежняя столица Крыма, лежащая въ 30 верстахъ отъ *Симферополя,* имѣла счастіе видѣть пять дней въ стѣнахъ своихъ новую обладательницу свою. Эти оба города, и въ особенности Бахчисарай, имѣютъ прекрасныя окрестности. Высокія горы, огромныя скалы какъ будто осѣняютъ ихъ со стороны моря. Въ двадцати верстахъ отъ Симферополя гордо поднимаетъ

вершину свою высочайшая изъ горъ Крыма: *Чатырдагъ*. Она возвышается на 790 саженъ надъ поверхностію моря; вся длина ея, начиная съ самой подошвы, простирается на десять, ширина же на пять или шесть верстъ.

Оставивъ Бахчисарай, высокіе путешественники объѣхали прелестныя долины, разбросанныя въ его окрестностяхъ и, переѣхавъ рѣку Кабарду съ ея живописными берегами, похожими на безпрерывный садъ, въ тотъ же день пріѣхали къ обѣду въ *Севастополь*, недавно созданный Потемкинымъ на мѣстѣ, со всѣхъ сторонъ окруженномъ знаменитыми развалинами—двухъ *Херсонесовъ*, *Ѳеодосіи* или нынѣшняго *Инкермана*, *Символона* или турецкой *Балаклавы* и *Партеніона*, гдѣ теперь монастырь св. Георгія. Посреди этой почтенной древности, юный, прелестный Севастополь, построенный на горѣ, возвышающійся полукружіемъ надъ моремъ, походилъ на миловиднаго младенца, любующагося собою въ зеркалѣ водъ. Развалины второго и самаго знаменитаго въ исторіи Херсонеса лежатъ не болѣе какъ на полторы версты разстоянія отъ Севастополя, и жители послѣдняго безъ всякой жалости перевезли въ новое селеніе почти всѣ камни древняго города и построили изъ нихъ свои домы. Нельзя не жалѣть объ этомъ конечномъ разрушеніи зданій, столь славныхъ въ древности, хотя уничтожающіеся остатки ихъ и ожили въ новыхъ строеніяхъ. Но обратимся къ пріѣзду туда Екатерины.

По приказанію Потемкина построены были дворцы почти въ каждомъ городѣ, гдѣ на нѣсколько времени останавливалась государыня. Такіе дворцы иногда встрѣчались путешественникамъ и тамъ, гдѣ ихъ никто не могъ ожидать—посреди степей и пустынь новороссійскихъ. Дворецъ, приготовленный въ Севастополѣ, былъ особенно хорошъ. Онъ построенъ былъ противъ самаго залива, составляющаго знаменитый портъ Севастопольскій. Но все приготовлено было такъ, что при началѣ обѣда, въ день пріѣзда туда государыни, нельзя было обратить на это особеннаго вниманія. Прекрасная музыка встрѣтила знаменитое общество при самомъ входѣ и продолжалась во все время стола. Вдругъ, при одномъ изъ самыхъ гармониче-

скихъ мѣстъ ея, отворились двери балкона и чудное, величественное зрѣлище представилось взорамъ всѣхъ присутствовавшихъ. Прекрасный отрядъ конницы поставленъ былъ въ одну линію передъ окнами дворца. Въ ту минуту, когда эти окна отворились, линія раздѣлилась, и императрица, и всѣ гости ея увидѣли обширный заливъ и посреди его огромный флотъ, построенный и снаряженный въ два года! Эта картина, грозная для враговъ Россіи, но величественно-привлекательная для государыни ея, оканчивалась моремъ, котораго зеленыя волны, едва колеблемыя весеннимъ вѣтромъ, казалось, манили въ безграничную даль свою стройныя суда, совсѣмъ готовыя и въ путь, и въ битву! Залпъ изъ всѣхъ пушекъ грозной эскадры привѣтствовалъ государыню. Слушая его, посланники, окружавшіе Екатерину, опасались за Турцію; они знали, что несогласія между нею и Россіею готовы были возобновиться. Потемкинъ съ радостію ожидалъ этого, какъ случая къ новой славѣ Россіи. Нѣкоторые же изъ иностранцевъ по той же причинѣ очень желали, чтобы миръ сохранился, и такимъ образомъ черноморскій флотъ, съ такимъ неожиданнымъ блескомъ представленный взорамъ Екатерины въ Севастополѣ, возбудилъ различныя чувства во всѣхъ зрителяхъ, и общимъ было только одно: удивленіе къ невѣроятной дѣятельности Потемкина. Можно ли было представить себѣ, смотря на этотъ прекрасно-устроенный портъ, на этотъ сильный флотъ, на возвышавшійся надъ ними величественно-красивый Севастополь, можно ли было представить себѣ, что все это сотворено въ два или три года? Разсмотрѣвъ со всею подробностію это новое чудо Потемкина, изъявивъ ему за то свою искреннѣйшую благодарность, государыня возвратилась для легкаго отдыха въ Бахчисарай. Оттуда путешествіе продолжалось въ Симферополь. Здѣсь императрица и всѣ ея спутники восхищались новыми красотами мѣстоположенія. Симферополь лежитъ посреди гладкой равнины, окруженной холмами. Долины, раздѣляющія эти холмы, можно назвать настоящими садами, украшенными всѣми лучшими растеніями юга. Богатые татары, жители Симферополя, умѣютъ выбирать самыя живописныя группы деревьевъ и посреди

ихъ строятъ прелестные кіоски. Легкіе куполы этихъ турецкихъ бесѣдокъ, расписанные самыми яркими красками, красуясь въ воздухѣ вмѣстѣ съ пирамидальными вершинами величественныхъ тополей, придаютъ необыкновенную прелесть окрестностямъ Акмечети.

Пробывъ здѣсь сутки, государыня, императоръ и ихъ свита отправились въ *Карасу-Базаръ*, называемый нѣкогда греками *Мавронъ-Кастронъ*. Этотъ городъ принадлежитъ къ самымъ большимъ въ Крымѣ, но не имѣетъ ничего особенно примѣчательнаго. Домы его, какъ всѣ домы татаръ, низки и построены неправильно. Крымскія горы составляютъ здѣсь настоящую цѣпь и отсюда только простираются, не прерываясь, въ одну сторону до Бахчисарая, въ другую — до *Стараго-Крыма*. Но если здѣсь природа не поражала взоры знаменитыхъ путешественниковъ ничѣмъ особеннымъ, то удивлялъ ихъ почти на каждомъ шагу князь Потемкинъ. Солдатами полковъ, расположенныхъ въ Крымѣ, сдѣланы были не только прекрасныя, широкія дороги въ мѣстахъ, гдѣ прежде нельзя было проѣхать, но даже разведенъ обширный англійскій садъ по берегамъ рѣки Карасу и въ немъ построенъ великолѣпный дворецъ для принятія императрицы. Этого еще не довольно. Въ вечеръ пріѣзда ея, когда уже солнечные лучи исчезли въ темныхъ долинахъ и государыня прогуливалась въ прекрасномъ, созданномъ для нея саду, всѣ горы, видимыя въ окружности двадцати верстъ, вдругъ зажглись разноцвѣтными огнями, и въ этомъ свѣтломъ горизонтѣ величественный Чатырдагъ, поднимая выше всѣхъ вершину свою, сіялъ блескомъ, превосходившимъ все окружавшее его: на немъ горѣлъ вензель Екатерины и фейерверкъ, во время котораго взлетѣло на воздухъ триста тысячъ ракетъ. Это чудо, никогда невиданное татарами, вывело ихъ изъ обыкновеннаго равнодушія и холодности ихъ: они съ восхищеніемъ смотрѣли на мелькавшіе передъ ними волшебные огни, и въ Крымѣ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ были старики, вспоминавшіе объ этомъ прелестномъ явленіи, такъ поразившемъ ихъ въ дѣтствѣ.

На другой день великолѣпнаго праздника, восхитившаго и Екатерину, и Іосифа, путешествіе продолжалось уже

въ горахъ, по дорогѣ къ *Судаку*. Это одинъ изъ древнихъ городовъ и портовъ Крыма. Генуэзцы называли его *Солдаіа*, а турки, побѣдители ихъ,—*Судакъ*. Отъ всей древней славы этого города осталась теперь только одна слава его виноградниковъ: они лучшіе во всемъ Крымѣ. Изъ Судака царственные путешественники пріѣхали въ *Старый-Крымъ*, принадлежавшій также къ древнимъ городамъ Тавриды; оттуда въ сосѣдственный съ нимъ городъ *Кафу*, который въ счастливый день прибытія къ нему императрицы получилъ новое имя, или, лучше сказать, возвратилъ прежнее: Екатерина назвала его *Ѳеодосіею*, именемъ, даннымъ ему греками при основаніи его. Турки, завладѣвшіе имъ впослѣдствіи, были поражены его великолѣпіемъ и потому назвали *Керимъ-Стамбуломъ*, т. е. *Крымскимъ Константинополемъ;* послѣ же разоренія его татарами онъ назывался *Кафою*.

Изъ Ѳеодосіи государыня намѣрена была проѣхать по берегамъ Азовскаго моря въ сѣверномъ направленіи ихъ, чтобы видѣть города Маріуполь, Таганрогъ, Черкаскъ и Азовъ, но приближавшаяся осень, нездоровый воздухъ этой части береговъ азовскихъ, важныя дѣла, требовавшія присутствія императрицы въ Петербургѣ, заставили ее отложить это намѣреніе и такимъ образомъ Ѳеодосія сдѣлалась послѣднимъ Крымскимъ городомъ, посѣщеннымъ Екатериною; отсюда она отправилась въ возвратный путь.

Проѣхавъ снова степи крымскія и ногайскія, знаменитые путешественники прибыли въ Кезикермень и здѣсь царственный гость Екатерины разстался съ нею, удивленный всѣмъ видѣннымъ имъ въ Россіи и болѣе всего великою царицею этой Россіи. Онъ гордился дружествомъ, которое оказывала ему Екатерина, и восхищался мыслію, что оно еще болѣе утвердилось во время путешествія.

Изъ Кременчуга императрица поѣхала не такъ, какъ ѣхала туда, т. е. не на Кіевъ, но чрезъ Полтаву, Харьковъ, Курскъ, Орелъ и Тулу—въ Москву. Однакожъ, прежде нежели мы послѣдуемъ за нею въ эту древнюю столицу нашу, остановимся на Полтавѣ и скажемъ нѣсколько словъ о новой неожиданности, которую князь Таврическій приготовилъ здѣсь для государыни. Конечно, вамъ

не нужно напоминать о важности имени Полтавы. Каждый, кто одинъ разъ слышалъ о славномъ событіи, случившемся при ней, вѣрно, никогда не забудетъ его. Вообразите же удивленіе императрицы, когда этотъ незабвенный для насъ день Полтавы повторился живою картиною предъ глазами Екатерины! Князь Потемкинъ, на самомъ мѣстѣ побѣды Петра, собралъ многочисленный корпусъ войскъ и въ искусныхъ маневрахъ ихъ представилъ знаменитую битву со всею возможною точностію. Ни малѣйшія подробности не были забыты, и все происходило съ такимъ правдоподобіемъ, съ такою вѣрностію, что зрители невольно перенеслись въ минувшее, и глаза Екатерины заблистали горделивою радостію. Очевидцы говорили, что въ эти минуты въ ней видна была не только государыня, носившая корону, возвеличенную днемъ Полтавы, но можно было думать, что въ жилахъ этой государыни лилась кровь героя Полтавскаго: столько величія и счастія выражалось на прекрасномъ лицѣ ея. Князь Таврическій, вполнѣ вознагражденный за все оказанное имъ усердіе новыми милостями императрицы, сопровождалъ ее до Харькова. Отсюда онъ возвратился въ Кременчугъ къ важной должности своей начальника края, близкаго къ безпокойной Турціи, гдѣ уже снова замышляли противъ Россіи; Екатерина знала о томъ и потому поручила Потемкину быть готовымъ къ походу, какъ скоро получится извѣстіе о нарушеніи мира со стороны турокъ.

Въ Москвѣ иностранная свита государыни удивлена была великолѣпными праздниками, которые давались въ честь радостнаго пріѣзда. Особенно праздникъ графа Шереметева внесенъ былъ въ записки всѣхъ посланниковъ. Они говорили, что никогда не видывали въ одномъ мѣстѣ столько золота и серебра, столько фарфора и мрамора. Весь хрусталь, покрывавшій столъ на сто приборовъ, украшенъ былъ прекраснѣйшими алмазами и другими драгоцѣнными каменьями. Однимъ словомъ, не видѣвшіе собственными глазами почти не могли вѣрить такому чрезвычайному богатству. Кромѣ этой роскоши, Шереметевъ удивилъ всѣхъ самымъ праздникомъ: главную часть его составлялъ прекраснѣйшій спектакль, на которомъ представлена была *рус-*

ская опера и балетъ. И какъ бы вы думали, милые читатели, не только всѣ дѣйствующія лица этой оперы и балета, т. е. актеры и актрисы, танцоры и танцорки, но даже сочинители стиховъ оперы и музыки ея, даже архитекторъ, построившій театръ, и живописецъ, украсившій его—были всѣ дворовые люди графа Шереметева! Что же послѣ того должны были думать тѣ изъ иностранцевъ, которые все еще называли иногда Россію землею *варваровъ?* О! имъ очень совѣстно было удостовѣриться въ противномъ. Все путешествіе Екатерины прекрасно показало имъ и всей Европѣ степень образованности Россіи, и все то, чего можно было ожидать отъ ея такъ быстро создавшагося могущества. Послѣ этого путешествія всѣ еще болѣе начали опасаться намѣреній Потемкина въ отношеніи Турціи, и успѣхъ его казался многихъ несомнѣннымъ. Это заставило враговъ Россіи дѣйствоватъ скорѣе и перемѣнить планъ свой: прежде они старались о мирѣ, который бы не допустилъ Россію распространить владѣнія свои; теперь сильнѣйшія изъ нихъ вздумали, что нападеніе со стороны турокъ еще болѣе повредитъ Россіи, и начали хлопотать о войнѣ. Для этого имъ надобно было представить туркамъ опасное положеніе ихъ и они заговорили о намѣреніяхъ Потемкина, о надеждахъ грековъ, и наконецъ убѣдили султана въ томъ, что, для избѣжанія бѣды, надобно предупредить русскихъ и объявить имъ войну прежде, нежели они сами нападутъ на турецкія области. При этомъ случаѣ англичане дѣйствовали противъ Екатерины еще болѣе, нежели французы: они особенно не любили ее со времени учрежденія вооруженнаго нейтралитета. Къ нимъ присоединилась также и Пруссія, потому что короля, высоко уважавшаго знаменитую государыню русскую, уже не было: Фридрихъ Великій скончался въ 1786 году, а племянникъ и наслѣдникъ его Фридрихъ Вильгельмъ II увлеченъ былъ внушеніями Англіи и почиталъ необходимостію вредить могуществу Россіи. Столько непріятелей не могли не имѣть скораго успѣха, и едва прошелъ мѣсяцъ послѣ возвращенія императрицы въ Петербургъ, какъ уже получено было извѣстіе, что, по приказанію султана, русскій посланникъ въ Константинополѣ *Булгаковъ* поса-

женъ въ семибашенный замокъ и война объявлена. Какъ ни велика была несправедливость Турціи, объявлявшей эту войну безъ всякой основательной причины, какъ ни радовался Потемкинъ этому, давно ожидаемому имъ случаю къ начатію военныхъ дѣйствій противъ турокъ, но Екатерина, увлекаемая чувствами своего человѣколюбиваго сердца, забыла на этотъ разъ о всѣхъ высокихъ планахъ Потемкина и расположена была склониться къ миру, еслибы турки имѣли благоразуміе воспользоваться этимъ расположеніемъ. Къ несчастію своему, турки думали совсѣмъ иначе, и въ слѣдующемъ разсказѣ мы увидимъ, какъ гордо они мечтали о силѣ своей и какъ обманулись въ ней!

ВТОРАЯ ВОЙНА СЪ ТУРЦІЕЙ И СУВОРОВЪ.

отъ 1787 до 1790 года.

(3 года).

Гордость турокъ лучше всего доказывалась тѣми безразсудными требованіями, которыя они осмѣлились предложить Екатеринѣ. Можно ли было представить себѣ, что они хотѣли, чтобы Россія отказалась отъ всѣхъ выгодъ, пріобрѣтенныхъ ею Кайнарджискимъ миромъ и возвратила бы опять Крымъ подъ власть ихъ! Такъ объявлено было посланнику нашему, и можно представить, съ какимъ негодованіемъ онъ услышалъ такое предложеніе. Несогласіе его привело въ гнѣвъ султана, или, лучше сказать, султанъ искалъ случая прогнѣваться и—Булгаковъ заключенъ былъ въ темницу.

Екатерина, удостовѣрясь въ непремѣнномъ желаніи турокъ начать войну, приступила съ своею обыкновенною твердостію къ необходимымъ распоряженіямъ. Она раздѣлила войско, назначенное для вступленія въ Турцію, на двѣ главныя арміи: *екатеринославскую* и *украинскую*. Первою начальствовалъ *Таврическій*, второю—*Румянцевъ-Задунайскій*.

Не смотря на высокія достоинства, отличавшія этихъ двухъ полководцевъ, не смотря даже на одинаковую, без-

предѣльную преданность ихъ къ императрицѣ, они не были въ согласіи другъ съ другомъ. Потемкинъ былъ почти пятнадцатью годами моложе фельдмаршала Румянцева и подъ начальствомъ его совершилъ свои первые военные подвиги въ дѣйствующей арміи 1768 года. Румянцевъ такъ же, какъ и архіепископъ Амвросій, предугадывалъ высокую участь, ожидавшую молодого Потемкина, бывшаго въ это время генералъ-маіоромъ, и даже старался доставлять ему случаи къ отличіямъ. Стало быть чувство благодарности и чувство уваженія къ лѣтамъ и къ тѣмъ высокимъ достоинствамъ, которыми славился Румянцевъ, должны бы навсегда привязать къ нему Потемкина; но случилось иначе, и счастливый ученикъ въ знаменитѣйшіе дни своей славы вовсе не думалъ щадить чувствительность заслуженнаго фельдмаршала и всегда почиталъ себя важнѣе его. Чтобы читатели могли лучше судить объ этомъ, я предложу имъ нѣсколько словъ одного изъ очевидцевъ и знаменитыхъ спутниковъ Екатерины во время путешествія ея въ Крымъ. Вотъ что говоритъ онъ: «Фельдмаршалъ Румянцевъ, генералъ-губернаторъ Малороссіи, встрѣтилъ императрицу на границахъ Кіевской губерніи. На лицѣ стараго и знаменитаго воина ясно выражались отличительныя черты его характера: смѣсь скромности и благородства, которыми всегда сопровождается истинное достоинство. Но это пріятное выраженіе помрачалось легкою тѣнью печали и досады при видѣ предпочтенія, оказываемаго во всемъ князю Потемкину».

Когда чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того началась война турецкая, Румянцевъ почувствовалъ еще болѣе огорченія. Князь Таврическій былъ главнымъ распорядителемъ войны, и можно сказать, что отъ того она шла медленнѣе, нежели всѣ прежнія войны русскихъ съ турками. Между тѣмъ, какъ Румянцевъ, всегда спокойный, но дѣятельный въ начертаніи плановъ, стройно подвигалъ свою украинскую армію къ границамъ Молдавіи, Потемкинъ, дѣйствуя лично въ мѣстахъ, самыхъ опасныхъ, предавался съ обыкновеннымъ спокойствіемъ странностямъ своего характера. То дѣятельный, то безпечный, онъ то удивлялъ всѣхъ смѣлостію своихъ предпріятій, то приво-

дилъ войско въ уныніе своимъ бездѣйствіемъ. Такъ было въ то время, когда онъ осаждалъ *Очаковъ*, и вообще во все продолженіе этой войны. Трудно было понимать удивительнаго Потемкина, однакожъ были люди, очень хорошо его знавшіе и съ величайшею вѣрностію изобразившіе характеръ его. Воспользуемся ихъ замѣчаніями и особенно послушаемъ того изъ нихъ, кто былъ въ самыхъ близкихъ сношеніяхъ съ знаменитымъ покорителемъ Крыма, послушаемъ принца де-Линь: какъ генералъ австрійской службы, онъ участвовалъ во многихъ сраженіяхъ русскихъ съ турками въ 1787 и 1788 годахъ; онъ былъ также при осадѣ Очакова подъ личнымъ начальствомъ Таврическаго. Описаніе Потемкина, сдѣланное имъ, такъ любопытно, что мы приведемъ его здѣсь слово въ слово. Вотъ что писалъ принцъ изъ лагеря Очаковскаго къ графу Сегюру: «Я вижу здѣсь начальника арміи, который безпрестанно трудится, а имѣетъ самый лѣнивый видъ. Боязливый за другихъ, храбрый самъ по себѣ, онъ часто подъ сильнымъ огнемъ батареи спокойно раздаетъ приказанія и при всемъ томъ онъ болѣе Улисъ, нежели Ахиллъ. Безпокоясь въ ожиданіи опасности, онъ дѣлается бодръ съ наступленіемъ ея. Грустный посреди удовольствій, несчастный отъ великости своего счастія, угрюмый, непостоянный, онъ можетъ восхищаться всѣмъ и тотчасъ же получать отвращеніе отъ всего; онъ, въ одно время, и важный философъ, и искусный министръ, и десяти-лѣтній ребенокъ; онъ незлопамятенъ, проситъ прощенія у тѣхъ, кого огорчитъ, и старается какъ можно скорѣе загладить несправедливость».

Однакожъ, не смотря на эти послѣднія качества, выхваляемыя принцемъ де-Линь, Румянцевъ не былъ доволенъ Потемкинымъ и, чувствуя болѣзнь въ ногахъ, въ началѣ 1789 года, просилъ увольненія и охотно удалился въ кіевское помѣстье свое. Здѣсь онъ проводилъ все время свое въ чтеніи, которое всегда было его любимымъ занятіемъ, и въ бесѣдахъ съ своими поселянами. Здѣсь же онъ, при всемъ неудовольствіи своемъ на Потемкина, со слезами услышалъ о смерти его и умѣлъ отдать ему справедливость слѣдующими словами, сказанными ему въ то время,

когда домашніе его съ удивленіемъ смотрѣли на его слезы: *«Чему вы удивляетесь, что я плачу? Потемкинъ былъ мнѣ соперникомъ; но Россія лишилась въ немъ великаго мужа, а отечество—усерднѣйшаго сына»*.

Теперь, читатели мои, когда уже вы довольно знакомы съ двумя знаменитѣйшими людьми вѣка Екатерины, надобно сказать вамъ о третьемъ, о современникѣ ихъ, не менѣе знаменитомъ, героѣ *Суворовѣ*. Уже нѣсколько разъ имя его являлось въ разсказахъ нашихъ, уже нѣсколько разъ онъ удивлялъ насъ своею храбростію: теперь же мы дошли до того времени, съ котораго начинается блистательнѣйшая эпоха его славы—до войны 1787 года, и слѣдовательно теперь надобно поговорить подробнѣе о жизни и дѣлахъ знаменитѣйшаго изъ полководцевъ XVIII столѣтія.

Къ сожалѣнію, исторія разсказываетъ намъ очень мало о дѣтствѣ *Александра Васильевича Суворова:* мы знаемъ только, что отецъ его, генералъ-аншефъ и сенаторъ Василій Ивановичъ Суворовъ, происходилъ отъ шведско-финляндской фамиліи, былъ крестникомъ Петра Великаго и, занимая почетное мѣсто по части дипломатической, назначалъ и для единственнаго сына своего то же поприще. Для того онъ и не записалъ его ни въ какой гвардейскій полкъ, какъ дѣлали почти всѣ знаменитые люди того времени. Это обыкновеніе, впослѣдствіи столь справедливо отмѣненное, часто доставляло дѣтямъ, записаннымъ въ полки при самомъ рожденіи, чинъ офицера гвардіи въ четырнадцать или пятнадцать лѣтъ. Такіе офицеры не имѣли никакого понятія о службѣ и не переносили никакихъ трудностей ея. Но судьба, готовя Суворову высочайшую славу на поприщѣ военномъ, конечно хотѣла, чтобы онъ узналъ въ подробности всѣ степени жизни воина и для того не допустила его попасть въ число офицеровъ, легко получавшихъ офицерскій чинъ свой. Съ нимъ, напротивъ того, было совсѣмъ иначе: приготовляясь до двѣнадцатилѣтняго возраста своего къ службѣ гражданской и дипломатической, молодой Александръ Васильевичъ получилъ отъ родителей своихъ самое лучшее въ то время воспитаніе. Кромѣ языковъ французскаго и нѣмецкаго, онъ

зналъ англійскій и итальянскій [1]). Но любимою наукою и самымъ пріятнымъ занятіемъ его съ дѣтства была исторія. Читая въ ней описаніе героевъ древнихъ и новыхъ, восхищаясь дѣлами ихъ, онъ чувствовалъ высокое назначеніе свое, и воинственный геній его пробудился при именахъ Александра, Аннибала, Цезаря и Карла XII. Однакожъ Суворовъ никогда не былъ точнымъ подражателемъ котораго либо изъ этихъ знаменитыхъ и любимыхъ имъ полководцевъ; нѣтъ, онъ умѣлъ отличать лучшія качества въ каждомъ изъ нихъ и подражать только тому, что̀ было истинно высоко и превосходно въ нихъ. Такъ, напримѣръ, онъ любилъ неустрашимость, отважность и быстроту героя шведскаго, но всегда осуждалъ его излишнюю пылкость, неразсчетливость, недостатокъ образованія и осторожности. Онъ разсуждалъ такимъ образомъ не только въ то время, когда былъ уже начальникомъ войска, но даже и тогда, когда, будучи еще въ дѣтствѣ, занимался любимымъ своимъ чтеніемъ. Удивительно было видѣть его въ это время! Смотря на пламенное участіе, съ которымъ онъ слѣдовалъ за своими избранными героями, на счастіе, которымъ наслаждался, бесѣдуя съ ними въ своей уединенной комнатѣ и забывая въ этой бесѣдѣ весь міръ,—можно было предвидѣть его блестящіе успѣхи въ дѣлахъ военныхъ, можно было предсказать его будущую славу [2]). Можетъ быть,

---

[1]) Суворовъ всегда утверждалъ, что начальнику войска непремѣнно нужно говорить на языкѣ того народа, съ которымъ онъ ведетъ войну. Впослѣдствіе времени Суворовъ выучился еще языкамъ: *турецкому, персидскому* и *финскому;* первому—во время продолжительныхъ воинъ съ турками; второму—въ Астрахани, гдѣ жилъ онъ годъ для усмиренія безпокойствъ, начинавшихся между сосѣдними персіянами, и третьему—въ Финляндіи.

[2]) Такъ и случилось однажды. Молодой Суворовъ, проводя большую часть своего времени за книгами, часто не выходилъ по цѣлымъ днямъ изъ своей комнаты. Отцу, строго смотрѣвшему за нимъ, не совсѣмъ нравилось это, и иногда онъ несправедливо подозрѣвалъ его въ шалостяхъ. Въ одинъ изъ такихъ дней пріѣзжаетъ къ нему искренній другъ его и извѣстный отличными способностями своими, арабъ воспитанникъ Петра Великаго, генералъ *Ганнибалъ.* Старый сенаторъ, ворча на то, что цѣлый день не видалъ сына, просилъ друга своего зайти нечаянно въ его комнату и посмотрѣть, что дѣлаетъ шалунъ. Ганнибалъ исполнилъ желаніе хозяина и нашелъ молодого Суворова, глубоко погруженнаго въ чтеніе. Онъ не могъ не удивиться такому прилежанію въ мальчикѣ, и удивился еще болѣе, когда, заговоривъ съ нимъ,

имѣя эту увѣренность, отецъ его безъ огорченія увидѣлъ планъ свой разрушеннымъ: будущій дипломатъ его спросилъ позволенія вступить въ военную службу, и благоразумный Василій Ивановичъ далъ охотно свое согласіе. Старикъ сожалѣлъ только о томъ, что сыну его, не записанному ни въ какомъ полку, трудно будетъ дослужиться до офицерскаго чина. Но не такъ думалъ молодой Александръ Васильевичъ: увлекаемый непреодолимою страстію къ военному званію, онъ доволенъ былъ, что пройдетъ всѣ степени его, и обрадовался, когда его записали въ семеновскій гвардейскій полкъ простымъ солдатомъ. Это было въ 1742 году, въ то самое время, когда ему минуло двѣнадцать лѣтъ отъ роду. Въ 1747 году, то есть черезъ пять лѣтъ послѣ того, онъ сдѣланъ былъ капраломъ, въ 1749—унтеръ-офицеромъ, потомъ сержантомъ, и не прежде какъ въ 1754 году, когда усердная служба его въ гвардіи сдѣлалась извѣстна всѣмъ начальникамъ его, онъ переведенъ былъ поручикомъ въ армію. Съ этихъ поръ производство чиновъ его пошло гораздо скорѣе и въ 1756 году онъ былъ уже подполковникомъ. Но всѣ эти успѣхи мало радовали геройскую душу молодого воина: онъ не былъ еще ни въ одномъ сраженіи, не пріобрѣталъ кровію отличій своихъ. Наконецъ въ 1759 году пламенное желаніе его исполнилось: полкъ, гдѣ находился онъ, назначенъ былъ въ походъ противъ пруссаковъ. Читатели мои, конечно, помнятъ, что въ это время пруссаки, подъ начальствомъ славнаго короля своего Фридриха, вели съ Россіей, Австріей и Франціей войну, извѣстную подъ именемъ Семилѣтней. Здѣсь-то, въ этой знаменитой школѣ, имѣя предъ глазами великій примѣръ царственнаго героя, Суворовъ началъ въ первый разъ примѣнять къ опытамъ военные уроки. Онъ замѣчалъ всѣ дѣйствія Фридриха, всѣ причины побѣдъ его, изучалъ всѣ правила, по которымъ поступалъ онъ, и послѣдствія показали, до какой степени воспользовался Суворовъ превосходнымъ образцомъ своимъ: система войны, какой держался онъ, будучи предводите-

---

узналъ его обширныя и основательныя свѣдѣнія. Возвратясь къ счастливому отцу, почтенный генералъ сказалъ: «Нѣтъ, братъ Василій Ивановичъ, его бесѣда лучше нашей: *съ такими гостями, какіе у него, уйдетъ онъ далеко!*»

лемъ войска, совершенно сходствовала съ смѣлою системою Фридриха. Но не будемъ спѣшить: герою нашему еще далеко до предводительства: онъ еще только подполковникъ въ сраженіи Куннерсдорфскомъ, столь несчастливомъ для Фридриха. Это была первая битва, въ которой участвовалъ Суворовъ и въ которой обратилъ на себя особенное вниманіе своего начальника князя Волконскаго и потомъ фельдмаршаловъ: графовъ Румянцева и Фермора. Послѣдній, будучи и самъ героемъ на полѣ битвы, чрезвычайно полюбилъ Суворова и доставлялъ ему всѣ случаи отличаться. Храбрый подполковникъ безпрестанно былъ въ авангардѣ, участвовалъ во всѣхъ трудныхъ предпріятіяхъ и жадно искалъ опасностей и славы. Пруссаки скоро почувствовали силу страшной руки его, которая была неутомима во все продолженіе этой войны: Суворовъ былъ и при взятіи генераломъ Тотлебеномъ Берлина, и способствовалъ паденію Колберга, прославившаго въ первый разъ имя Румянцева. Извѣстно, что этою славною побѣдою русскихъ окончилась война Семилѣтняя и императоръ Петръ III заключилъ миръ съ Фридрихомъ.

Съ восшествіемъ на престолъ Екатерины Суворовъ, въ чинѣ полковника астраханскаго полка, вызванъ былъ въ Петербургъ: проницательная государыня уже знала всю цѣну знаменитаго подданнаго своего и старалась не терять его изъ вида. Суворовъ прожилъ такимъ образомъ въ Петербургѣ до 1768 года: въ это время началась война съ польскими конфедератами и онъ отправленъ былъ въ Варшаву. Читатели мои уже знаютъ, какъ прославился Суворовъ въ этой войнѣ. Ему принадлежала честь совершеннаго усмиренія конфедератовъ и покоренія ихъ законной власти короля Станислава. Чинъ генералъ-маіора и орденъ св. Анны, св. Александра Невскаго и св. Великомученика Георгія были наградами побѣдъ его. Онъ возвратился въ Петербургъ въ 1773 году и почти въ тотъ же день просилъ у императрицы позволенія участвовать въ войнѣ съ турками. Екатерина знала, сколько пользы принесетъ присутствіе его въ арміи, и спѣшила отправить его къ графу Румянцеву. Необыкновенные успѣхи этой войны, оконченной славнымъ Кайнарджискимъ миромъ,

также извѣстны читателямъ. Суворовъ принималъ участіе почти въ каждомъ изъ главныхъ сраженій и особенно отличился взятіемъ одного важнаго турецкаго городка—*Туртукая,* лежащаго на берегу дунайскомъ. Но не хотите ли вы узнать ближе героя нашего? Прочитайте донесеніе его фельдмаршалу Румянцеву объ этой новой побѣдѣ. Вотъ оно слово въ слово:

«Слава Богу! слава вамъ!
Туртукай взятъ—и я тамъ!»

Это необыкновенное донесеніе можно назвать вѣрнымъ изображеніемъ Суворова; онъ всегда отличался глубокою набожностію, и она дышетъ въ первомъ восклицаніи его «*Слава Богу!*» Онъ былъ скроменъ такъ, какъ рѣдко можетъ быть скроменъ счастливый и искусный воинъ, и не эта ли скромность видна въ словахъ его: «*слава вамъ!*» Онъ былъ чрезвычайно быстръ въ дѣйствіяхъ и кратокъ въ рѣчахъ, и какъ хорошо выразилось это въ послѣдней строкѣ его донесенія! Наконецъ стихотворная форма этого донесенія не показываетъ ли, что онъ любилъ поэзію? Это заставляло его иногда отвѣчать стихами на письма къ нему Державина и восклицать: «Еслибы я не былъ полководцемъ, то былъ бы писателемъ!»

Но, говоря о нравственныхъ качествахъ и природныхъ способностяхъ Суворова, должно сказать читателямъ о томъ, чѣмъ прежде всего удивлялъ онъ каждаго, кто его видѣлъ: о его странностяхъ. Никогда человѣкъ, достигавшій такого почетнаго мѣста въ обществѣ, не имѣлъ такъ мало сходства въ обычаяхъ съ другими людьми, какъ Суворовъ. Не только въ важныхъ дѣлахъ, но и въ самыхъ мелочахъ былъ онъ необыкновененъ. Мы должны обратить вниманіе на странности его тѣмъ болѣе, что дошли до того времени, какъ онѣ начали дѣлаться извѣстными и въ арміи, и даже при дворѣ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ дѣятельное участіе Суворова въ счастливомъ покореніи Крыма покрыло новымъ блескомъ уже знаменитое имя его.

Можно ли представить себѣ, что этотъ человѣкъ, столь возвышенный надъ другими, могъ заслуживать когда нибудь названіе *чудака.* Многіе, непостигавшіе его генія, считали его такимъ, особенно иностранцы, для которыхъ

постигнуть его было еще труднѣе, потому что, не зная ни языка, ни нравовъ, ни обычаевъ нашихъ, они находили удивительнаго генерала еще страннѣе, нежели соотечественники его. Да и кто не нашелъ бы его страннымъ, когда онъ... что̀ бы разсказать вамъ о немъ, милые читатели, болѣе необыкновенное?—Да, когда онъ, напримѣръ, выбѣгалъ въ лагерѣ изъ палатки своей, становился на одну ногу и изъ всѣхъ силъ кричалъ: «*Кукареку! кукареку!*» Вамъ кажется это смѣшно и невѣроятно, друзья мои, но это была совершенная правда. Послушайте далѣе: кто не нашелъ бы его страннымъ, еслибы видѣлъ, какъ онъ каждый день во время походовъ ѣлъ вмѣстѣ съ солдатами сухари и кашу ихъ; садился за обѣдъ свой въ 8 или 9 часовъ утра; приказывалъ выносить изъ отведенныхъ ему квартиръ мебели и вмѣсто нихъ приносить только связку сѣна и чанъ съ холодной водой: на сѣнѣ онъ всегда спалъ, водою окачивался каждое утро, даже и зимой. Передъ сраженіемъ, сѣвъ на лошадь, кричалъ солдатамъ: «На кони! на кони! кто со мной не поѣдетъ, того волки съѣдятъ!» — Однимъ словомъ, нельзя исчислить всего, что дѣлалъ страннаго Суворовъ, а такимъ образомъ, какъ не прослыть у людей чудакомъ? Но между этими самыми людьми были и такіе, которые не судили по одной наружности, но разсматривали причины дѣйствій. Они видѣли, что простыя привычки, такъ много отличавшія его отъ высшаго круга, къ которому принадлежалъ онъ, имѣли особенную цѣль. Что могло лучше сблизить полководца съ воинами его, какъ не образъ жизни, совершенно одинакій? Что могло скорѣе всего побудить ихъ къ перенесенію всѣхъ трудностей военныхъ, какъ не высокій примѣръ его? Могли ли они жаловаться на скорость маршей, на скудость пищи, на краткій отдыхъ во время походовъ, когда самъ начальникъ ихъ шелъ подлѣ нихъ и тѣмъ же шагомъ, какъ и они; ѣлъ съ ними кашицу, спалъ еще менѣе ихъ, потому что пѣлъ пѣтухомъ гораздо ранѣе настоящихъ пѣтуховъ. О! они не только не жаловались, но одинъ взглядъ на него заставлялъ ихъ забывать всѣ опасности, одинъ звукъ необыкновеннаго пѣнія разливалъ какое-то общее неизъяснимое веселіе по всему лагерю, не смотря на то, что это пѣніе

было всегда сигналомъ къ битвѣ[1]). Стало быть всѣ дѣйствія Суворова имѣли цѣлію привязать къ себѣ войско такъ, чтобы оно имѣло какъ бы одну съ нимъ душу, и потомъ, какою-то особенностію поступковъ, сдѣлаться въ глазахъ этого войска существомъ, отличнымъ отъ другихъ людей. Эта цѣль была въ полной мѣрѣ достигнута: каждый солдатъ Суворова любилъ его болѣе жизни; каждый солдатъ, видя въ немъ человѣка сверхъестественнаго, почиталъ себя непобѣдимымъ подъ начальствомъ его, и былъ точно непобѣдимымъ: извѣстно, что во все время продолжительной службы Суворова онъ не проигралъ ни одного сраженія. Военная исторія всѣхъ вѣковъ не представляетъ подобнаго примѣра, и этимъ неизмѣннымъ счастіемъ Суворовъ обязанъ былъ болѣе всего безпредѣльной преданности къ нему солдатъ и офицеровъ.

И такъ, теперь, читатели мои, вы понимаете цѣль необыкновенныхъ странностей знаменитаго полководца нашего; она была благородна и высока, и потому всѣ шутки Суворова, даже плоскія по наружности, всѣ, даже самое *кукарску* его, заслуживаютъ не смѣхъ, но удивленіе наше. Многіе изъ современниковъ его присоединили къ этой цѣли еще другую причину, о которой историки того времени говорятъ съ достовѣрностію въ сочиненіяхъ своихъ, и это заставляетъ и насъ повторить ихъ заключенія.

Суворовъ, вступивъ на военное поприще гораздо позже своихъ сверстниковъ, проходилъ его безъ покровительства, и, какъ читатели мои видѣли, долго оставался въ нижнихъ чинахъ. Между тѣмъ для души его, любившей славу, лестно было обратить на себя вниманіе государыни. Но какъ сдѣлать это? чѣмъ отличить себя въ толпѣ соперниковъ, изъ которыхъ большая часть была выше его чинами? Въ то время, когда онъ разсуждалъ объ этомъ, сама императрица вывела его изъ затрудненія, случайно сказавъ въ избранномъ обществѣ ея, что почти всѣ великіе люди, о которыхъ говоритъ исторія, имѣли свои странности, свои

---

[1]) Суворовъ обыкновенно дѣлалъ эту шутку только въ тѣ дни, когда назначалось сраженіе, когда приказано было войску по первымъ пѣтухамъ вставать, по вторымъ—собираться, по третьимъ—выступать.

особенныя привычки и даже недостатки, отъ которыхъ ни время, ни старанія, ни самая слава не могли освободить ихъ.

— Да это и не нужно, прибавила Великая,—человѣкъ съ сильнымъ характеромъ и глубоко погруженный въ планы свои, конечно, не будетъ много заботиться о томъ, чтобы исправить какіе нибудь недостатки свои, вовсе неважные и нѣкоторымъ образомъ отличающіе его отъ толпы.

И такъ, слыша, съ какою снисходительностію императрица извиняла легкіе недостатки людей, способныхъ на дѣла великія, онъ осмѣлился безъ страха употребить единственное средство, которымъ могъ отдѣлиться отъ толпы и обратить на себя вниманіе царицы. Средство его тѣмъ удобнѣе казалось ему, что оно заключалось въ тѣхъ же странностяхъ, которыми онъ уже давно дѣйствовалъ на умы своихъ подчиненныхъ, и вотъ вторая, столько же правдоподобная, какъ и первая причина тѣхъ необыкновенныхъ поступковъ Суворова, по которымъ многіе называли его чудакомъ.

Послѣ этого отступленія, необходимаго для того, чтобы читатели имѣли полное понятіе о знаменитомъ полководцѣ нашемъ, обратимся къ описанію побѣдъ его, для которыхъ 1787 годъ былъ началомъ самой блистательной эпохи.

Турки, объявивъ войну Россіи, сдѣлали первое нападеніе изъ Очаковской крѣпости своей на лежащій противъ нея, въ двухъ миляхъ разстоянія, небольшой городокъ нашъ *Кинбурнъ*, построенный на косѣ или остроконечномъ мысѣ степи ногайской. Кинбурнъ могъ быть важнымъ завоеваніемъ для турокъ, потому что открывалъ удобную дорогу къ Херсону и въ Крымъ; но, къ счастію, въ это время въ Кинбурнѣ былъ для осмотра войскъ Суворовъ, и вы можете представить себѣ, что туркамъ удалось только подумать объ этомъ завоеваніи. Вовсе не ожидая, однакожъ, своего несчастія, они съ большою самонадѣянностію выступили изъ Очакова въ числѣ 6,000 человѣкъ отборнаго войска, которому приказано было отъ паши очаковскаго побѣдить или умереть; оттого и всѣ высадившія ихъ на берегъ кинбурнскій суда должны были отъѣхать назадъ къ Очакову. Въ то время, когда въ Кинбурнѣ увидѣли,

что турки подъѣзжаютъ къ косѣ и нѣкоторыя суда уже высаживаютъ войска, Суворовъ спалъ послѣ ранняго обѣда своего. Адъютантъ, пришедшій доложить объ этомъ, разбудилъ его. Храбрый генералъ на сей разъ не вскочилъ съ обыкновенною своею поспѣшностію, но, спокойно оставаясь на постели, сказалъ: *«Не мѣшайте имъ, пусть всѣ вылѣзутъ»*.—Въ самомъ дѣлѣ русскіе ни однимъ выстрѣломъ не показали, что замѣтили высадку, и турецкое войско, радуясь, что застанетъ врасплохъ малочисленный гарнизонъ кинбурнскій, состоящій едва изъ 3-хъ тысячъ человѣкъ, вскорѣ было все на песчаномъ мысѣ. Но того только и ожидалъ Суворовъ: приказанія его уже были отданы и полки русскіе понеслись вихремъ на непріятеля, который изъ осаждающаго вдругъ сдѣлался самъ осажденнымъ. Девять часовъ продолжалось жестокое сраженіе, потому что турки были въ отчаяніи: ихъ ожидала вѣрная смерть или подъ штыками русскихъ, или въ морѣ. Такъ и случилось, и изъ 6,000 лучшихъ воиновъ Очакова возвратилось домой едва 700. Эта блистательная побѣда, одержанная Суворовымъ надъ непріятелемъ, вдвое превосходившимъ число его войска, имѣла важныя слѣдствія; турки потеряли надежду овладѣть Херсономъ и Крымомъ, потому что Суворовъ укрѣпился въ Кинбурнѣ и, построивъ на концѣ косы батарею, наносилъ великій вредъ всѣмъ турецкимъ кораблямъ, покушавшимся проходить въ лиманъ, и тѣмъ подавалъ большую помощь нашему флоту. Онъ сторожилъ такимъ образомъ турокъ около года, и имя его сдѣлалось уже страшно и въ Константинополѣ, особенно когда, въ августѣ 1788 года, Потемкинъ началъ осаду Очакова и Суворовъ былъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ помощниковъ его. Эта осада знаменита въ военной исторіи. Очаковъ былъ важнымъ городомъ для турокъ и для Потемкина: первые видѣли въ немъ единственное оставшееся у нихъ мѣсто соединенія съ татарами, всегда вѣрными союзниками ихъ; послѣдній, по той же самой причинѣ, почиталъ всѣ новыя владѣнія Россіи на югѣ непрочными безъ завоеванія Очакова. И такъ, обѣ стороны сражались съ отчаяннымъ мужествомъ; необыкновенно холодная зима, какой жители того края никогда прежде не испытывали,

увеличивала бѣдствія войны, но не поколебала храбрости русскихъ, и наконецъ послѣ четырехъ мѣсяцевъ осады, 6-го декабря, Очаковъ палъ передъ ними. Суворовъ, къ величайшему сожалѣнію своему, не участвовалъ въ славѣ этого дня: за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ онъ получилъ тяжелую рану, которая едва было не лишила Россію одного изъ знаменитѣйшихъ сыновъ ея. Лежа больной въ Кинбурнѣ, онъ слышалъ страшную пальбу приступа, и доктора, окружавшіе его, едва могли успокоивать сильное волненіе пылкой крови его: онъ то огорчался своимъ бѣдствіемъ, то слишкомъ сильно радовался новой славѣ безпредѣльно любимаго отечества.

Со взятіемъ Очакова военныя дѣйствія остановились, какъ и всегда бываетъ, въ продолженіе зимы. Въ это время знаменитые побѣдители турокъ: князь Потемкинъ и выздоровѣвшій отъ ранъ Суворовъ были призваны государынею въ Петербургъ, и при этомъ случаѣ послѣдній получилъ брилліантовое перо на каску, съ литерою *К.*, т. е. *Кинбурнъ*. Кромѣ того, незадолго передъ тѣмъ получилъ онъ орденъ св. Андрея Первозваннаго. Но чѣмъ болѣе награждала его благодарная царица, тѣмъ болѣе старался онъ показать ей свое усердіе, и какъ скоро весна наступила, отправился въ армію. На этотъ разъ ему назначено было помогать австрійскому генералу принцу Саксенъ-Кобургскому. Надобно сказать, что австрійцы въ то время были вѣрнѣйшіе союзники русскихъ, и съ первымъ извѣстіемъ о войнѣ, объявленной турками, императоръ Іосифъ II писалъ къ Екатеринѣ слѣдующее: «Получа извѣстіе, что одинъ изъ слугъ вашихъ въ Константинополѣ посаженъ въ семибашенный зàмокъ, я,—другой слуга вашъ, посылаю противъ мусульманъ въ походъ мои войска».

Но австрійцевъ всегда упрекали въ холодности характера и чрезвычайной медленности поступковъ. Сколько разъ проигрывали они сраженія потому только, что въ военномъ совѣтѣ ихъ не могли скоро рѣшиться на тѣ или другія мѣры! Сколько разъ генералы ихъ ждали по цѣлымъ недѣлямъ этихъ рѣшеній и оттого теряли и время, и случаи къ побѣдѣ! Турки пользовались такою выгодною для нихъ нерѣшимостію и, нападая быстро на австрійцевъ, всегда

увѣрены были въ побѣдѣ: часто случалось даже, что они отмщали имъ за то, что сами терпѣли отъ русскихъ.

Такъ было и въ 1789 году. Много потерявъ въ недавней борьбѣ съ Россіей, турки рѣшились поправить обстоятельства свои въ Австріи и для того, съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, обратили на нее всѣ главныя силы свои. Распоряженія ихъ шли тѣмъ живѣе, что на престолѣ константинопольскомъ, съ апрѣля 1789 года, былъ новый султанъ, молодой и пылкій *Селимъ III*. По приказанію его, 50-тысячный корпусъ пошелъ на принца Кобургскаго, стоявшаго въ Валахіи, и въ окрестностяхъ мѣстечка *Фокшанъ*. Подъ начальствомъ принца было только 18,000 человѣкъ. Узнавъ о неожиданной опасности, угрожавшей ему, и никакъ не надѣясь получить скорую помощь отъ австрійцевъ, онъ послалъ просить о ней Суворова, котораго корпусъ расположенъ былъ въ 84-хъ верстахъ отъ Фокшанъ. Въ тридцать шесть часовъ эти 84 версты пройдены Суворовымъ съ семи тысячнымъ отборнымъ отрядомъ его войска. Такая скорость перехода была неслыханна въ исторіи новѣйшихъ войнъ, и принцъ Кобургскій едва вѣрилъ глазамъ своимъ, увидѣвъ предъ собою русскихъ въ ту самую минуту, когда приходъ ихъ спасалъ его отъ величайшей опасности. Здѣсь въ первый разъ узнали другъ друга два славные полководца, и это знакомство совершилось при такихъ любопытныхъ подробностяхъ, что разсказомъ о нихъ я думаю угодить моимъ читателямъ.

Какъ скоро Суворовъ дошелъ до лагеря принца, принцъ, и отъ безпокойства, въ которое повергло его безпрестанное ожиданіе нападенія турокъ, и отъ нетерпѣнія видѣть знаменитаго героя русскаго, спѣшилъ въ его палатку. Люди Суворова отвѣчали, что генералъ молится и что въ это время никто не смѣетъ входить къ нему съ докладомъ. Огорченный принцъ удалился и чрезъ нѣсколько времени явился во второй разъ. Суворовъ ужиналъ и также не могъ принять его. Между тѣмъ уже вдали показывались легкіе отряды турецкихъ войскъ. Принцъ, доведенный до крайности, покушается въ третій разъ видѣть Суворова, но ему говорятъ, что онъ спитъ. Наконецъ, въ 11 часовъ вечера

австрійскій генералъ, не видавшись съ русскимъ, не сказавъ ни слова ни о положеніи своемъ и непріятельскомъ, ни о какихъ либо распоряженіяхъ, получаетъ отъ него приказъ начинать сраженіе. Этотъ приказъ, написанный Суворовымъ по-французски, былъ предметомъ удивленія всѣхъ военныхъ людей того времени: его перечитывали и переводили на разные языки. Какъ же послѣ этого пропустить его въ разсказахъ нашихъ? Прочтите его въ подлинникѣ:

«Comme l'armée est assez reposée (т. е. съ 5 часовъ вечера, когда она достигла австрійскаго лагеря), elle se mettra en mouvement à deux heures du matin. Elle marchera sur trois colonnes. Les troupes impériales auront la droite et la gauche; je serai au centre. On attaquera les postes de l'ennemi avec toutes les forces sans s'amuser à le chasser des broussailles et des bois, qui sont sur la droite, afin d'arriver à la pointe du jour à la Putna qu'on passera pour continuer l'attaque. On dit, qu'il n'y a que cinquante mille turcs, et que cinquante mille autres sont à quelques marche en arrière. Il vaudrait mieux qu'ils fussent ensemble: ils seraient battus dans le même jour, et tout serait fini. Mais puisqu'il en est autrement, nous commencerons par ceux-ci, et avec la bravoure des troupes et la grâce de Dieu, nous remporterons la victoire» [1]).

Принцъ Кобургскій въ точности исполнилъ полученныя предписанія, не смотря на то, что былъ старшимъ генераломъ и по праву долженъ бы быть главнымъ начальникомъ соединеннаго войска. Но онъ не раскаивался въ своей уступчивости: предположенія Суворова сбылись,

---

[1]) Такъ какъ войско уже довольно отдохнуло, то оно двинется съ мѣста въ два часа утра. Оно пойдетъ тремя колоннами. Императорскія войска будутъ составлять правое и лѣвое крыло, я буду въ срединѣ. Мы нападемъ всѣми силами на посты непріятельскіе, не теряя времени на то, чтобы выгнать его изъ кустарниковъ и лѣса, находящихся на правой сторонѣ, и съ разсвѣтомъ придемъ къ Путнѣ и перейдемъ ее для продолженія нападенія. Говорятъ, что здѣсь только пятьдесятъ тысячъ турокъ и что пятьдесятъ тысячъ другихъ еще остались на нѣсколько маршей назади. Лучше было бы, еслибъ они были уже вмѣстѣ: въ одинъ день побили бы ихъ, и — дѣло кончено. Но если уже случилось не такъ, то начнемъ съ этихъ, и съ храбростію войскъ и милостію Божіею побѣдимъ ихъ.

и 25,000 австрійцевъ и русскихъ разбили 50,000 турокъ. Эта славная побѣда положила начало тому дружеству, которое впослѣдствіи всегда соединяло обоихъ полководцевъ. Дѣйствуя во всемъ съ совершеннымъ согласіемъ, они чрезъ два мѣсяца послѣ Фокшанской побѣды одержали другую, еще болѣе знаменитую, на берегахъ рѣки *Рымника*. Здѣсь тѣ же 25,000 воиновъ разбили 100,000 армію турецкую подъ начальствомъ самого великаго визиря. Имя Суворова было первое и здѣсь, какъ при Фокшанахъ, и награды одна за другою посыпались къ нему отъ обоихъ дворовъ императорскихъ. Необыкновенная щедрость, сопровождавшая всегда дары Екатерины, была и на этотъ разъ не менѣе удивительна: Суворовъ получилъ отъ нея бриллiантовые знаки ордена св. Андрея Первозваннаго и бриллiантовую шпагу съ лавровымъ вѣнкомъ и надписью: *побѣдителю визиря*. Обѣ вещи стоили 60,000 руб. Но тѣмъ не ограничились еще милости императрицы къ знаменитому полководцу: спустя нѣсколько времени, онъ получилъ *графское* достоинство съ именемъ *Рымникскаго* и орденъ св. великомученика Георгія 1-го класса. Императоръ Іосифъ пожаловалъ ему также графское достоинство Римской имперіи. Суворовъ восхищался до чрезвычайности этими милостями. Онъ любилъ чины и почести, когда они были въ полной мѣрѣ заслужены. Любопытно письмо его къ дочери, которая воспитывалась въ это время въ Смольномъ монастырѣ. Я увѣрена, что оно столько же понравится читателямъ моимъ, сколько, вѣроятно, понравился читателямъ приказъ, отданный принцу Кобургскому. Читайте:

«Въ октябрѣ 1789 года.

«Comtesse de deux empires! [1]) Любезная Наташа Суворочка! Ай-да! надобно тебѣ всегда только благочестіе, благонравіе, добродѣтель. Скажи Софьѣ Ивановнѣ и сестрицамъ—у меня горячка въ мозгу; да кто и выдержитъ! Слышала ли, сестрица, душа моя? Еще de ma magnanime mère [2])

[1]) Графиня двухъ имперій.
[2]) *Отъ моей великодушной матушки*—такъ называлъ онъ государыню.

рескриптъ на полулистѣ, будто Александру Македонскому: знаки св. Андрея тысячъ въ пятьдесятъ, да выше всего, голубушка, первый классъ св. Георгія. Вотъ каковъ твой папенька, за доброе сердце, чуть, право, отъ радости не умеръ! Божіе благословеніе съ тобою.

Отецъ твой

графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій».

Новый графъ, исполненный невыразимой благодарности, желалъ изъявить ее государынѣ новыми чудесами храбрости, но, къ сожалѣнію, его война съ турками въ 1790 году приняла другой оборотъ: императоръ австрійскій Іосифъ II скончался, а братъ и наслѣдникъ его Леопольдъ II, не любя войны отъ природы, долженъ былъ избѣгать ее въ это время и по разнымъ другимъ причинамъ, важнымъ для государства его. И такъ, въ Австріи начали стараться о мирѣ съ турками, а Суворовъ былъ посланъ на помощь къ австрійцамъ. Скучая бездѣйствіемъ своимъ, онъ наконецъ осенью 1790 года обрадованъ былъ важнымъ порученіемъ Потемкина—взять неприступную крѣпость *Измаилъ*, построенную при устьѣ Дуная и справедливо называвшуюся *ключемъ* ко входу въ Турецкую имперію. Уже болѣе семи мѣсяцевъ Измаилъ осаждаемъ былъ русскими войсками, и продолжительныя неудачи этой осады принудили наконецъ Потемкина поручить ее тому, кто никогда не зналъ неудачъ. Трудно было это порученіе: Измаильская крѣпость имѣла все, чтобы заслуживать названіе *неприступной:* и сильныя укрѣпленія, и многочисленный гарнизонъ, увеличенный войсками, выведенными изъ городовъ и крѣпостей, покоренныхъ русскими и австрійцами, и безчисленные запасы во всѣхъ родахъ потребностей военныхъ. Кромѣ того, Измаилъ защищенъ былъ общимъ мнѣніемъ турокъ, что онъ послѣдній оплотъ ихъ государства, и грознымъ повелѣніемъ султана каждому изъ правовѣрныхъ—не сдаваться никакимъ образомъ. Все это было страшно, но не для Суворова. Пришедши къ Измаилу, онъ на другой же день послалъ къ тамошнему пашѣ требованіе сдать крѣпость. Паша гордо отвѣчалъ, что скорѣе *воды Дуная остановятся въ своемъ теченіи и небо падетъ на землю, нежели Измаилъ сдастся русскимъ.*

Графъ, видя такую непреклонность, приготовилъ войско свое къ самому упорному сопротивленію со стороны турокъ: воспламенилъ сердца воиновъ представленіемъ славы и выгодъ, которыя ожидаютъ побѣдителей въ богатомъ Измаилѣ; напомнилъ имъ всѣ прежнія побѣды ихъ, и когда они уже горѣли нетерпѣніемъ сразиться и побѣдить, искусный полководецъ повелъ ихъ на приступъ въ 5 часовъ утра 11-го декабря 1790 года. Ничто не могло сравниться съ ужасомъ этого приступа: пылкая неустрашимость русскихъ была въ этотъ день безпримѣрна, но и сопротивленіе турокъ было отчаянно, и только послѣ восьми часовъ жесточайшей битвы русскіе одержали чудесную побѣду, и гордый Измаилъ покорился Суворову. Съ восторгомъ отправилъ онъ тотчасъ два донесенія: въ первомъ къ императрицѣ писалъ онъ: *Измаилъ у ногъ вашихъ*,—во второмъ,—къ князю Потемкину: *русскій флагъ на стѣнахъ Измаила.*

Но теперь, когда эта новая побѣда героя нашего, распространивъ ужасъ до самаго Константинополя, ручается намъ за безопасность южныхъ областей нашихъ, взглянемъ на сѣверъ, давно оставленный нами: тамъ происходятъ дѣла, вовсе неожиданныя для насъ.

ВОЙНА И МИРЪ СЪ ШВЕЦІЕЮ.

1790 годъ.

Швеція со временъ Карла XII лишилась большей части своего блеска, и сестра его Ульрика-Элеонора, и супругъ ея, и наконецъ избранный наслѣдникъ ихъ герцогъ голштинскій Адольфъ-Фридерикъ не только не могли поддержать славу знаменитаго героя шведскаго, но даже не могли сохранить собственнаго достоинства своего, и при послѣднемъ изъ нихъ, Адольфѣ-Фридерикѣ, самодержавное правленіе Швеціи превратилось почти въ аристократическое, т. е. такое, гдѣ вельможи имѣли болѣе власти, нежели самъ король. Но съ смертію его все перемѣнилось: старшій сынъ и наслѣдникъ его Густавъ III былъ принцъ, одаренный отъ природы высокими достоинствами. Съ са-

маго вступленія своего на престолъ онъ дѣйствовалъ съ такимъ искусствомъ и рѣшительностію, что въ короткое время поправилъ ошибки своихъ предшественниковъ и возвратилъ коронѣ шведской все прежнее достоинство ея: переворотъ, быстро и безъ малѣйшаго пролитія крови сдѣланный имъ въ правленіи, заставилъ недоброжелателей его—которыми были знатнѣйшія лица въ государствѣ — покориться ему и уважать его. Отличаясь образованностію, силою характера и истинно-отеческою любовію къ подданнымъ, Густавъ III составилъ бы счастіе ихъ, еслибы прекрасныя качества его не помрачались чрезвычайною гордостію, еще болѣе увеличившеюся послѣ счастливаго успѣха, съ которымъ произвелъ онъ перемѣну въ правленіи. Считая себя съ тѣхъ поръ на ряду съ величайшими государями, онъ воображалъ, что назначенъ судьбою для совершенія дѣлъ самыхъ необыкновенныхъ, самыхъ важныхъ для Швеціи. Безпрестанно занятый этою гордою мыслію, онъ забывалъ, что счастіе народа было всегда знаменитѣйшимъ, важнѣйшимъ дѣломъ государя и искалъ знаменитости своей въ славѣ и подвигахъ военныхъ. Такое расположеніе духа естественно внушило ему желаніе къ распространенію предѣловъ государства его, а при этомъ случаѣ онъ прежде всего обратилъ взоръ на Россію: она владѣла землями, нѣкогда принадлежавшими Швеціи, и возвращеніе этихъ земель сдѣлалось любимою мыслію Густава. Но это дѣло было очень трудно, во-первыхъ, потому, что и Лифляндія, и даже не такъ давно завоеванная Петромъ Великимъ часть Финляндіи уже привыкли къ новымъ владѣтелямъ и не искали освобожденія своего отъ нихъ; во-вторыхъ, могущество этихъ владѣтелей, въ сравненіи съ Швеціей, было такъ велико, что нападеніе на нихъ можно было назвать безразсудною смѣлостію. Все это сначала представлялось Густаву, но потомъ мало-по-малу опасенія его совершенно исчезли: ослѣпленному гордостію, ему казалось, что геній его побѣдитъ силу,—и походъ на Россію былъ рѣшенъ. Обстоятельства благопріятствовали его намѣренію: всѣ войска русскія были заняты войною съ турками и сѣверныя границы наши были почти беззащитны, тѣмъ болѣе, что Екатерина, не нарушая ничѣмъ дружескихъ отно-

шеній своихъ къ шведамъ, вовсе не ожидала нападеній со стороны ихъ. Пользуясь такимъ положеніемъ дѣлъ, Густавъ спѣшилъ начать военныя дѣйствія, но для этого нужна была причина. Тотъ недолго ищетъ, кто хочетъ найти ее: въ балтійскихъ портахъ Россіи приготовлялись корабли къ походу въ Архипелагъ противъ турокъ, и Густавъ, какъ будто не зная куда назначались эти корабли, объявилъ народу своему, что Россія готовится напасть на Швецію и что непремѣнно должно предупредить это нападеніе. Напрасно посланникъ нашъ въ Стокгольмѣ, графъ Разумовскій, старался увѣрить въ несправедливости такого объявленія, напрасно объяснялъ, что корабли русскіе идутъ въ Турцію. Король, искавшій только предлога къ ссорѣ, нашелъ объясненія графа дерзкими и, радуясь новой причинѣ къ неудовольствію, объявилъ войну въ такихъ грозныхъ, въ такихъ высокомѣрныхъ выраженіяхъ, что многіе изъ читавшихъ ноту, присланную имъ по этому случаю въ Петербургъ, сомнѣвались въ полномъ ли разсудкѣ находился король, писавшій ее. Онъ требовалъ въ этой нотѣ не только примѣрнаго наказанія графу Разумовскому за дерзкія выраженія его, не только уступки всей части Финляндіи, Кареліи и губерніи Кексгольмской, присоединенныхъ къ Россіи миромъ Ништадтскимъ, потребовалъ даже, чтобы русскіе уступили весь Крымъ—союзникамъ его, туркамъ[1]), требовалъ, чтобы они очистили отъ войскъ всѣ пограничныя мѣста свои съ Швеціей, обезоружили всѣ корабли свои на Балтійскомъ морѣ и спокойно смотрѣли бы, какъ король шведскій, въ полномъ вооруженіи арміи и флота своего, будетъ ожидать заключенія мира Екатерины съ Турціей. Прочитавъ все это и слышавъ, что король шведскій приглашаетъ уже придворныхъ дамъ своихъ на торжественное молебствіе въ нашъ Петропавловскій соборъ и на балъ — въ Петергофъ, современники не могли не усумниться въ его здравоуміи. Нельзя не подивиться при этомъ случаѣ, до чего гордость

[1]) За годъ передъ тѣмъ Густавъ III, убѣждаемый внушеніями Англіи и Пруссіи и собственнымъ желаніемъ своимъ вредить Россіи, заключилъ союзъ съ Турціей.

доводитъ людей! Но обыкновенный конецъ высокомѣрныхъ замысловъ бываетъ — неудача. Такъ случилось и съ Густавомъ III. Полки русскіе, скоро собранные подъ начальство самого наслѣдника престола великаго князя Павла Петровича и генераловъ Пушкина и Михельсона, смирили гордость его на самыхъ первыхъ шагахъ его въ Финляндіи.

Въ то же время и на морѣ одержана побѣда адмираломъ *Грейгомъ* надъ шведскимъ флотомъ, который былъ подъ начальствомъ брата королевскаго герцога *Зюдерманландскаго*. Неудачи Густава вскорѣ еще увеличились, войска его, удостовѣрясь, что русскіе не думали нападать на нихъ, начали роптать на напрасное пролитіе крови, и офицеры, вспомнивъ о прежнемъ правленіи, уничтоженномъ Густавомъ, осмѣлились явно противиться волѣ его въ лагерѣ подъ Фридрихсгамомъ и, вмѣсто нападенія на этотъ городъ, ушли съ полками своими за 25 верстъ оттуда. Крайность такого положенія, уничтоживъ на этотъ разъ величайшій порокъ Густава—надменность—явила въ полномъ блескѣ его хорошія качества: онъ съ твердостію переносилъ свое несчастіе, какъ заслуженное наказаніе за свою гордость, и, не смотря на всѣ препятствія и неудачи, поддерживалъ войну въ теченіе двухъ лѣтъ. Много побѣдъ одержали русскіе въ это время, но и шведы показали не менѣе храбрости, и особенно примѣчательно было сраженіе 24-го мая 1790 года у Красной-Горки, въ 30 верстахъ отъ Кронштадта.

Оно происходило съ величайшимъ упорствомъ съ обѣихъ сторонъ, и пушечные выстрѣлы его были такъ сильны и такъ часты, что въ Петербургѣ окна дрожали. Всѣ жители столицы были въ большомъ страхѣ, кромѣ императрицы, сохранившей величайшее присутствіе духа и какъ будто увѣренной въ побѣдѣ. Увѣренность ея въ полной мѣрѣ оправдалась: вице-адмиралъ *Крузъ* и подоспѣвшій къ нему на помощь начальникъ ревельской эскадры адмиралъ *Чичаговъ* принудили шведскій флотъ удалиться въ Выборгскій заливъ, гдѣ находился и самъ король съ своимъ галернымъ флотомъ. Здѣсь-то, снова доведенный до крайности, Густавъ показалъ геройскій духъ свой. Окруженный со всѣхъ сторонъ кораблями русскими, онъ былъ въ

такомъ положеніи, что начальникъ флота нашего, извѣстный адмиралъ, прославившійся на Черномъ морѣ, принцъ Нассау-Зигенъ уже предлагалъ ему сдаться; уже всѣ думали, что судьба Швеціи рѣшена, какъ вдругъ отчаянная мысль спасаетъ Густава: онъ рѣшается прорваться съ флотомъ своимъ сквозь всѣ корабли русскіе и успѣваетъ въ этомъ смѣломъ намѣреніи! Правда, что онъ потерялъ много при этомъ случаѣ: восемь кораблей, пять фрегатовъ, множество другихъ судовъ и около 5,000 человѣкъ войска, но за то спасъ честь свою.

Послѣ такой важной потери Густавъ началъ желать искренно мира, не смотря на довольно значительную побѣду, одержанную имъ при Свенкезундской гавани, гдѣ излишняя пылкость принца Нассау и окружавшихъ его офицеровъ вовлекла ихъ въ большую опасность и стопла пятидесяти судовъ, отнятыхъ у насъ шведами. Это было уже послѣднее важное сраженіе на морѣ; на сухомъ же пути русскіе еще не одинъ разъ побѣждали шведовъ подъ начальствомъ генерала Игельстрома и, наконецъ, 9-го августа 1790 года заключили миръ въ деревнѣ *Верелахъ*. Границы обоихъ государствъ остались тѣ же, какъ были и до начала войны; слѣдовательно всѣ великіе планы Густава не имѣли ни малѣйшаго успѣха и послужили только горькимъ урокомъ для его гордости. Для Екатерины же, всегда чувствовавшей свое достоинство, но никогда не гордившейся имъ, эта неожиданная война была новою славою и новымъ случаемъ, при которомъ въ блескѣ явились высокія качества души ея: во время опасности Петербурга, когда флотъ шведскій былъ такъ близко отъ него, она одна оставалась спокойною, она одна не измѣнила ни въ чемъ ежедневный порядокъ свой и принимая, какъ всегда, свое вечернее общество, была попрежнему со всѣми милостива и разговорчива. Въ одинъ изъ этихъ вечеровъ она спросила въ шутку графа Сегюра: что говорятъ о ней въ городѣ?—и когда тотъ отвѣчалъ, что, по причинѣ приближенія шведовъ, всѣ ожидаютъ отъѣзда ея въ Москву,—великая государыня сказала:

— Я не поѣду—будьте увѣрены. Знаю, что товарищи ваши, иностранные министры, ломаютъ теперь голову надъ

тѣмъ, что̀ имъ думать; о чемъ молчать, и что̀ писать домой. Я выведу васъ изъ этого затрудненія: напишите двору вашему, что я остаюсь въ столицѣ моей, а если и выѣду, то развѣ только навстрѣчу къ королю шведскому.

Послѣдствія доказали справедливость словъ императрицы: она выдержала съ совершеннымъ спокойствіемъ опасность, грозившую ей, и заключила миръ съ Швеціей безъ всякой потери для Россіи. Вскорѣ потомъ и жители южныхъ областей нашихъ насладились тишиною: миръ съ Турціей также заключился. Но прежде нежели мы порадуемся этому, раздѣлимъ тогдашнюю печаль Россіи: она лишилась одного изъ знаменитѣйшихъ сыновъ своихъ.

СМЕРТЬ ПОТЕМКИНА И МИРЪ СЪ ТУРЦІЕЮ.

отъ 1790 до 1792 года.

(2 года).

То былъ свѣтлѣйшій князь Таврическій. Впечатлѣніе, произведенное на всѣхъ его кончиною, было разительно: въ то самое время, какъ блестящая слава, продолжительное могущество и счастливые успѣхи во всемъ болѣе прежняго возвышали его въ глазахъ прочихъ людей, вдругъ разнеслась вѣсть объ его смерти! Но остановимся на минуту, и пока эта печальная картина въ порядкѣ разсказовъ нашихъ не явилась еще предъ нами, взглянемъ въ послѣдній разъ на знаменитаго полководца и вельможу Екатерины.

Съ 1790 года всѣ замѣчали въ немъ какую-то необыкновенную мрачность и задумчивость. Такое расположеніе духа было тѣмъ удивительнѣе, что оно было продолжительно и постоянно: ни военныя распоряженія, ни побѣды русскихъ надъ турками, прежде доставлявшія ему столько радости, ни переговоры о мирѣ съ Турціей, ничто не могло развлечь его: онъ не принималъ участія въ происшествіяхъ, которыя имѣли самую близкую связь съ его любимыми намѣреніями. Такое равнодушіе и такое явное уныніе того,

предъ чьимъ могуществомъ все преклонялось, не могло не имѣть важной причины, и всѣ окружавшіе его, всѣ друзья и всѣ враги его начали съ жаднымъ любопытствомъ доискиваться этой причины. Долго всѣ старанія были напрасны: ничто, по наружности, не показывало никакой перемѣны въ судьбѣ князя Таврическаго, особливо въ тѣ дни, когда онъ думалъ о томъ, чтобы скрывать расположеніе души своей и великолѣпными праздниками веселилъ жителей молдавскаго города *Яссы*, назначеннаго мѣстомъ мирныхъ переговоровъ съ Турціей. Милости императрицы къ знаменитому фельдмаршалу были все такъ же велики: награды за успѣхи войскъ въ эту послѣднюю, еще не оконченную, войну такъ же пышны, какъ были и прежде, и въ томъ же самомъ 1790 году Григорій Александровичъ получилъ сто тысячъ рублей, лавровый вѣнокъ, украшенный изумрудами и бриллiантами въ сто пять десять тысячъ, и золотую медаль, выбитую въ честь его. Однимъ словомъ, для многихъ все казалось попрежнему, но другіе были проницательнѣе: они видѣли, что самолюбіе князя страдало, и вскорѣ нашли тому причину.

Уже прошло болѣе шестнадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Григорій Александровичъ, достигнувъ высочайшихъ отличій и оправдывая ихъ своими заслугами, не зналъ никого себѣ равнаго въ Россіи. Знаменитый фельдмаршалъ Румянцевъ уже оставилъ славное свое поприще и жилъ въ деревнѣ. Совершенно успокоясь съ того времени въ своихъ честолюбивыхъ планахъ, князь Таврическій увѣренъ былъ, что уже никто, при жизни его, не возвысится наравнѣ съ нимъ. Равнодушно смотрѣлъ онъ на всѣхъ, болѣе и менѣе извѣстныхъ изъ приближенныхъ къ государынѣ: никто изъ нихъ не казался опаснымъ для самолюбія его. Но изъ числа ихъ въ 1790 году началъ обращать на себя болѣе вниманія генералъ-маіоръ кавалергардскаго корпуса графъ *Платонъ Александровичъ Зубовъ*, и гордый Потемкинъ началъ безпокоиться, не смотря на всю свою увѣренность. И это безпокойство было причиною той мучительной тоски, которую онъ чувствовалъ даже и тогда, когда, въ февралѣ 1791 года, пріѣхалъ въ Петербургъ и лично удостовѣрился въ прежнемъ благоволеніи къ нему

императрицы. Въ шумѣ удовольствій старался онъ заглушить эту тоску и потому охотно посѣщалъ всѣ обѣды и балы, которые давались по случаю его пріѣзда, и наконецъ самъ далъ въ честь Екатерины праздникъ столь блистательный, столь необыкновенный, что долго не могли наговориться о немъ и тѣ, которые видѣли его собственными глазами, и тѣ, которые только слышали чудесные разсказы. Послѣднее удовольствіе вы, милыя дѣти, можете имѣть и теперь: первый и уже извѣстный вамъ поэтъ того времени, Гавріилъ Романовичъ Державинъ, довольно подробно описалъ этотъ праздникъ стихами и прозой. И такъ, если вы хотите читать описаніе, котораго искусство совершенно перенесетъ васъ въ давно-минувшіе часы великолѣпнаго праздника, то возьмите сочиненіе Державина. Для того же, чтобы удовлетворить сколько нибудь любопытству вашему въ эту настоящую минуту и доставить вамъ хотя небольшое понятіе объ этомъ праздникѣ, который, можно сказать, былъ послѣднимъ радостнымъ днемъ Потемкина,—я скажу нѣсколько словъ о немъ.

Таврическій дворецъ, котораго прекрасный садъ, вѣрно, извѣстенъ многимъ изъ васъ, былъ мѣстомъ, гдѣ происходило это пышное торжество. Онъ получилъ свое названіе въ память покоренія Тавриды и былъ подаренъ Потемкину за нѣсколько недѣль до праздника, даннаго 28-го апрѣля 1791 года. Надобно сказать вамъ, друзья мои, что онъ данъ былъ по случаю торжества побѣдъ надъ Турціей, но главною цѣлію Потемкина было, кажется, желаніе показать государынѣ всю безпредѣльную преданность его къ ней. Достойно оцѣнивая это усердіе подданнаго, столь знаменитаго заслугами, сами высокіе члены августѣйшаго семейства приняли участіе въ необыкновенномъ праздникѣ и великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи были въ числѣ двадцати четырехъ паръ кадрили или балета, которымъ открылся балъ и который отличался такимъ великолѣпіемъ, что однихъ брилліантовъ на бѣлыхъ платьяхъ дѣйствовавшихъ въ немъ лицъ считалось болѣе нежели на *десять* милліоновъ рублей! Представьте же себѣ, читатели мои, что двадцать четыре пары, составленныя изъ молодыхъ, прелестнѣйшихъ особъ двора, танцовали въ огромномъ залѣ,

окруженномъ въ два ряда колоссальными столбами, украшенномъ богатыми ложами, раздѣлявшими эти столбы, освѣщенномъ, вмѣсто люстръ, большими хрустальными, гранеными шарами, отражавшими и собственно свой огонь, и милліоны огней, висѣвшихъ вокругъ нихъ. Это отраженіе, повторяясь еще разъ въ безчисленныхъ зеркалахъ, превращало залъ въ какой-то храмъ очарованія, особливо когда восхищенные зрители переступали за огромные столбы, окружавшіе залъ танцовальный. За этими столбами былъ прелестный зимній садъ изъ лавровыхъ, померанцовыхъ и миртовыхъ деревьевъ, съ песчаными дорожками, съ зелеными возвышенностями, съ прозрачными фонтанами, съ зеркальнымъ гротомъ, съ прекрасною мраморною статуею императрицы, съ высокою золотою пирамидою въ честь ея, даже съ птичками, летавшими тамъ какъ будто на открытомъ воздухѣ. По этому одному началу праздника можно судить, до какой степени простирались удовольствія, пышность и блескъ его, и оттого я не буду входить въ подробности о немъ, не буду разсказывать, какъ маскарадъ, балъ, спектакль, иллюминація и ужинъ смѣнялись какъ бы по знаку волшебному и веселили разнообразіемъ своихъ гостей, которыхъ число доходило до 3.000 человѣкъ. Все это вы найдете въ прекрасномъ описаніи Державина; но мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы прочли здѣсь изъ него то мѣсто, гдѣ разсказываетъ онъ о необыкновенномъ ужинѣ. Этотъ ужинъ, кромѣ чрезвычайнаго великолѣпія, замѣчателенъ былъ даже по одному устройству столовъ, которые поставлены были такъ, что безчисленное множество гостей, сидѣвшихъ за ними, обращено было къ лицу императрицы. Это были самыя величественныя и самыя роскошныя минуты торжества князя Таврическаго и—поэтъ нашъ искусно описалъ ихъ:

«Богатая Сибирь, наклонившись надъ столами,
Разсыпала по нихъ и злато, и сребро:
Восточный, западный, сѣдые океаны,
Трясяся челами, держали рѣдкихъ рыбъ;
Чернокудрявый лѣсъ и бѣловласы степи,
Украйна, Холмогоръ несли тельцовъ и дичь;
Вѣнчанна класами хлѣбъ Волга подавала;
Съ плодами сладкими принесъ кошницу Тавръ;
Рифей, нагнувшися, въ топазны, аметисты

Лилъ кубки медъ златой, древъ искрометный сокъ,
И съ Дона сладкія и Крымски вкусны вина;
Прекрасная Нева, пріявъ отъ Бельта съ рукъ
Въ фарфорѣ, кристаллѣ, чужія питья, снѣди,
Носила по гостямъ, какъ будто бы стыдясь,
Что подчивать должна такъ прихоть по неволѣ.
Обилье тучное всѣмъ простирало длань,
Картины по стѣнамъ, огнями освѣщенны,
Казалось, ожили, и рдяны лица ихъ
Изъ мрака выставя, на славный пиръ смотрѣли,
Лукуллы, Цезари, Траянъ, Октавій, Титъ,
Какъ будто изумясь, сойти со стѣнъ желали,
И вопросить: кого такъ угощаетъ свѣтъ?
Кто, кромѣ насъ, владѣть отважился вселенной?»

И послѣ такого блеска, послѣ такого величія, что̀ было съ княземъ Таврическимъ чрезъ четыре мѣсяца? Больной и грустный, онъ снова жилъ въ Яссахъ, занимаясь по наружности мирными переговорами съ турками, но внутренно не переставая желать войны. Это тайное его желаніе часто обнаруживалось въ сильныхъ спорахъ съ полномочными, съѣхавшимися въ Яссахъ; но, по мѣрѣ усиленія болѣзни, которая была злая эпидемическая лихорадка, свирѣпствовавшая въ Молдавіи и особенно въ Яссахъ въ 1791 году, эта пылкость его начала ослабѣвать и наконецъ, въ началѣ октября, убійственная тоска, почти ни на минуту не покидавшая его, превратилась въ настоящее предчувствіе смерти. Вѣря этому предчувствію, онъ спѣшилъ оставить вредный въ то время воздухъ Яссъ и ѣхать въ Очаковскую область, куда привлекало его новое, любимое имъ мѣсто—городъ *Николаевъ*, основанный имъ не болѣе двухъ лѣтъ назадъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Инегулъ впадаетъ въ Бугъ. Это соединеніе двухъ рѣкъ представляло большія удобства для порта и подало Потемкину первую мысль объ основаніи здѣсь корабельной верфи. Построенный вскорѣ послѣ побѣды Очаковской и на землѣ, принадлежавшей Очакову, новый портъ обязанъ былъ ему своимъ именемъ: Потемкинъ назвалъ его въ честь св. чудотворца Николая, въ день котораго взятъ былъ Очаковъ. Николаевъ въ первый годъ существованія своего уже приносилъ много пользы черноморскому флоту, и потому былъ особенно любимъ основателемъ его: не смотря на множество занятій, Потемкинъ

часто думалъ о постройкѣ его зданій и судовъ, посылалъ туда иностранныхъ архитекторовъ и плѣнныхъ турокъ для работы. Какъ восхищался онъ, когда получилъ извѣстія, что на Черное море отправлялись уже корабли, построенные въ Николаевѣ! Наконецъ къ Николаеву стремился онъ въ послѣдніе часы своей жизни. «По крайнѣ мѣрѣ умру въ Николаевѣ!» говорилъ онъ 5-го октября 1791 года, и непремѣнно хотѣлъ въ тотъ же день выѣхать изъ Яссъ. Напрасно любимая племянница его графиня *Браницкая*, жившая въ домѣ его и не отлучавшаяся отъ него во все время болѣзни, умоляла его подождать, если не выздоровленія, то по крайней мѣрѣ облегченія страданій его. Упрямый, можетъ быть по причинѣ болѣзни, остался непреклоненъ и—поѣхалъ. Графиня ѣхала въ одной каретѣ съ нимъ. Сначала свѣжій воздухъ, казалось, оживилъ потухающія силы больного, но едва проѣхали тридцать верстъ, какъ обыкновенная тоска его начала увеличиватьея и наконецъ на 38-й верстѣ дошла до такой мучительной степени, что несчастный князь не могъ продолжать ѣзды: вышелъ изъ экипажа и легъ у дороги на разостланномъ плащѣ. Здѣсь-то, вдали отъ всякой пышности міра и людей, такъ усердно поклоняющихся ей, въ пустынной степи, безъ пособій, облегчающихъ страданія, кончилась жизнь, столь полная славы и счастія! Можно было сказать, что кончина Таврическаго была такъ же необыкновенна, какъ и жизнь его. Державинъ, пораженный, какъ и всѣ, неожиданнымъ извѣстіемъ о смерти Потемкина, прекрасно описалъ ее въ своемъ стихотвореніи—«*Водопадъ*»:

«Чей одръ—земля, кровъ—воздухъ синь,
Чертоги—вкругъ пустынны виды?
Не ты ли счастья, славы сынъ,
Великолѣпный князь Тавриды?
Не ты ли съ высоты честей
Незапно палъ среди степей?» и проч.

Тѣло его привезено было въ Херсонъ и тамъ погребено. Величайшее сожалѣніе Екатерины сопровождало Потемкина въ его раннюю могилу [1]). Высоко цѣня важныя

---

[1]) Князь Таврическій скончался на 52 году своей жизни. Здоровье и крѣпкое сложеніе, казалось, обѣщали ему дни гораздо продолжительнѣйшіе.

заслуги его отечеству, она оказала памяти его справедливую почесть: къ дню торжества славнаго мира съ Турціей, въ заключеніи котораго такъ велико было участіе Потемкина, она повелѣла заготовить *въ память Потемкина грамоту съ приписаніемъ въ оной завоеванныхъ имъ крѣпостей и разныхъ сухопутныхъ и морскихъ побѣдъ, войсками его одержанныхъ;* грамоту эту хранить въ соборной церкви города Херсона, гдѣ соорудить мраморный памятникъ Таврическому, а въ арсеналѣ того же города помѣстить изображеніе его, и въ честь ему выбить медаль.

И такъ, въ торжественный день празднованія мира, заключеннаго, чрезъ три мѣсяца потомъ, графомъ Безбородко въ Яссахъ, имя Потемкина, уже умершаго, озарилось новымъ блескомъ, и онъ, какъ бы еще живой, участвовалъ въ славномъ торжествѣ.

Выгоды новаго мира были очень велики: Турція, начавшая войну съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы возвратить Крымъ, кончила тѣмъ, что не только подтвердила права Россіи на Крымъ, но уступила ей большую часть береговъ Чернаго моря, т. е. Очаковъ и всѣ земли, лежащія между Днѣпромъ и Днѣстромъ; обязалась защищать русскіе корабли отъ африканскихъ разбойниковъ и еще сверхъ того заплатить Россіи за нанесенные убытки 15.000,000 піастровъ. Говоря объ этомъ послѣднемъ условіи мирнаго Ясскаго договора, нельзя не разсказать новой прекрасной черты великой Екатерины. Зная, что турки съ неудовольствіемъ принуждены были согласиться на невыгодный для нихъ миръ и что гнѣвъ султана ожидалъ въ Константинополѣ старшаго изъ турецкихъ полномочныхъ, присланныхъ въ Яссы — *Юсуфа-пашу,* за согласіе его на платежъ 15.000,000 піастровъ, согласіе, вынужденное у него стѣсненными обстоятельствами Турціи и твердостію воли Потемкина,—Екатерина отказалась отъ нихъ! Турки, придающіе много цѣны золоту, удивлены были такимъ великодушіемъ, и бѣдный Юсуфъ-паша, обязанный спасеніемъ головы своей этому великодушію, благословлялъ во всю жизнь безпримѣрную царицу Сѣвера.

ПОЛЬША.

отъ 1792 до 1795 года.

(3 года).

Въ то время, когда Россія, процвѣтая подъ спасительною защитою самодержавнаго правленія, наслаждалась всѣмъ счастіемъ и всею славою, какія могла доставить ей знаменитая государыня ея, почти всѣ другія царства Европы далеки были отъ счастья и славы! Тамъ происходили ужасные безпорядки, и общимъ началомъ ихъ была — Франція. Жители этой несчастной страны, всегда извѣстные своимъ легкомысліемъ и непостоянствомъ, вовлекли въ то время свое отечество въ неслыханныя бѣдствія. Со времени войны, происходившей въ Америкѣ между Англіею и Сѣверо-Американскими колоніями, многіе французы, участвовавшіе въ ней, возвратились въ Европу съ легкомысленными мечтами о независимости и съ безразсуднымъ желаніемъ перемѣны въ правленіи своемъ. Такое желаніе, ни на чемъ не основанное и противное тѣмъ правиламъ, которыя составляли счастіе отечества ихъ въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій, довело французовъ до величайшихъ безпорядковъ. Почти съ каждымъ днемъ безпорядки увеличивались, и менѣе нежели въ три года достигли до ужасной степени. Слѣдуя новому, своевольному образу мыслей, они перестали считать *священною* власть государя, — эту власть, установленную закономъ Божіимъ, а послѣ того удивительно ли, что они мало-по-малу перестали бояться и Самого Бога! А человѣкъ, дошедшій до такого жалкаго состоянія, человѣкъ, сошедшій до несчастія позабыть милосерднаго Творца своего, — чего не сдѣлаетъ, на какія злодѣянія не рѣшится? Это доказали въ полной мѣрѣ тогдашніе французы. Какъ скоро необузданное своеволіе довело ихъ до забвенія Бога, всѣ преступленія казались имъ позволенными, и — всѣ несчастія были посланы правосудіемъ небеснымъ на безбожниковъ. Добродѣтельный король ихъ Людовикъ XVI былъ первою жертвою ужаснаго переворота, происшедшаго тогда во Фран-

ціи: безумцы, проповѣдуя свободу, начали тѣмъ, что отняли ее у законнаго повелителя своего. Этого еще мало: они лишили его жизни! Вы ужасаетесь, милые читатели мои? Они подвергли той же части и все семейство его и всѣхъ тѣхъ, кто показывалъ малѣйшую привязанность къ нему, или къ прежнему порядку правленія. Страшно описывать и невозможно описать всѣхъ ужасовъ, какіе происходили тогда во Франціи: довольно сказать, что не одинъ годъ кровь лилась тамъ рѣкою; что неслыханныя злодѣйства, подъ названіемъ справедливыхъ дѣлъ, совершались тамъ ежедневно. Но Богъ наказалъ злодѣевъ: одни изъ нихъ какъ будто бы нарочно старались объ истребленіи другихъ. Всѣ государства Европы съ негодованіемъ смотрѣли на жалкое состояніе Франціи. Многія изъ нихъ прервали всѣ сношенія свои съ нею, и въ этомъ числѣ не могла не быть Россія, управляемая мудрою государынею. Россія сдѣлала еще болѣе: она была спасительнымъ убѣжищемъ для нѣкоторыхъ изъ французскихъ принцевъ, несчастныхъ родственниковъ Людовика XVI. Екатерина имѣла даже великодушное намѣреніе отправить войско для усмиренія страшнаго безначалія Франціи, но прежде нежели эта благодѣтельная мысль приведена была въ исполненіе, которое, по тогдашнему положенію Европы, было очень трудно, безуміе французовъ произвело новое зло: во многихъ государствахъ нашлись послѣдователи безбожныхъ правилъ ихъ, и можно представить, какихъ новыхъ ужасовъ надобно было ожидать отъ этого!

Одно изъ такихъ государствъ, ближайшее къ Россіи, и по сношеніямъ, и по самому положенію своему,—было польское. Тамъ явилось нѣсколько ревностныхъ приверженцевъ нововведеній французовъ, и они-то, подъ предводительствомъ главнаго изъ нихъ — *Игнатія Потоцкаго*, вздумали сдѣлать важныя перемѣны въ правленіи своемъ. Вмѣсто короля Станислава они назначали принца Саксонскаго, которому отдавали престолъ польскій въ наслѣдственное владѣніе; вмѣсто законовъ, одобренныхъ Екатериною, написали новую конституцію. Государыня русская не могла остановить этихъ своевольствъ при самомъ началѣ ихъ: войска ея были въ одно и то-же время заняты

на границахъ Турціи и Швеціи, но съ заключеніемъ мира въ той и другой сторонѣ она почла обязанностію своею уничтожить зло, котораго слѣдствія были такъ гибельны и которое распространилось въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ царствомъ ея. Король прусскій, разсуждая одинаково съ Екатериною въ этомъ отношеніи и уже испытавъ опасность сосѣдства съ государствами, зараженными безумными правилами французовъ, вступилъ въ дружественный союзъ съ русской императрицею для усмиренія польскихъ мятежниковъ, и войска ихъ на короткое время принудили поляковъ отмѣнить новую конституцію и привести все государство въ прежній порядокъ. Слѣдствіемъ побѣдъ пруссаковъ и русскихъ было второе раздѣленіе Польши между этими двумя государствами. Россія при этомъ случаѣ возвратила области, за нѣсколько вѣковъ предъ тѣмъ принадлежавшія ей и отнятыя князьями литовскими. Это были области: Минская, Подольская, часть Волыни и часть Литвы, всего до 4,000 квадратныхъ миль. Пруссія получила Данцигъ, Торунь, Плоцкъ, Познань, Калишъ, т. е. часть сѣверо-западной Польши, пространствомъ на 1,000 квадратныхъ миль. Это происходило въ сентябрѣ 1793 года.

И такъ, спокойствіе возстановилось въ Польшѣ, и она, простираясь еще на 4,000 кв. миль и имѣя 3.600,000 жителей, могла бы еще существовать въ ряду государствъ европейскихъ, и узнавъ изъ опытовъ, сколько вреда причиняетъ народу непокорный духъ его, научиться, наконецъ, цѣнить покровительство могущественной государыни русской. Подъ этимъ сильнымъ покровительствомъ поляки еще могли бы составить особенное государство; но Провидѣніе предназначало имъ соединиться съ ихъ единоплеменниками; они должны были возвратиться къ тѣмъ, съ которыми первоначально составляли одинъ народъ, должны были слить съ судьбою и славою этого народа свою собственную судьбу и древнюю славу. Но прежде нежели совершилось это соединеніе, оба народа должны были еще разъ испытать печальныя слѣдствія ссоръ своихъ. Прошло не болѣе шести мѣсяцевъ послѣ усмиренія ихъ—и усмиренія, вѣроятно, несовершеннаго, потому что войска русскія еще оставались для сохраненія тишины въ Варшавѣ

и ея окрестностяхъ, какъ уже въ Краковѣ вспыхнула новая *революція* [1]), сопровождаемая ужасами, походившими на ужасы революціи французской. Главные участники и распорядители ея уговорились сдѣлать въ одинъ день и въ одинъ часъ нечаянное нападеніе на русскихъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только находились войска наши. Ужасный заговоръ имѣлъ полный успѣхъ, и почти всѣ русскіе, находившіеся въ Польшѣ, погибли неожиданною смертію! Екатерина ужаснулась, получивъ это извѣстіе, и, видя необходимость усмирить мятежниковъ польскихъ съ большею твердостію, нежели прежде, отправила къ нимъ графа Суворова. Одно имя знаменитаго полководца уже ручалось за успѣхъ дѣла и наполняло страхомъ сердца главныхъ участниковъ заговора противъ русскихъ.

Графъ, какъ главнокомандующій войскъ, расположенныхъ въ губерніяхъ Екатеринославской и Таврической и въ новопріобрѣтенной области Очаковской, жилъ въ это время въ Херсонѣ и занимался укрѣпленіемъ мѣстъ, пограничныхъ съ Турціей. Такое занятіе Суворовъ, страстно любившій военную дѣятельность, называлъ бездѣйствіемъ и потому чрезвычайно обрадовался важному порученію, сдѣланному ему императрицею. Уже давно онъ съ отвращеніемъ и ужасомъ слушалъ страшные разсказы о французской революціи и потомъ о пагубномъ дѣйствіи ея на другія государства; уже давно хотѣлось ему перевѣдаться за то съ французами. Нерѣдко даже, какъ будто предчувствуя все зло, какого можно было ожидать отъ безпорядковъ Франціи, онъ говорилъ съ какимъ-то нетерпѣливымъ безпокойствомъ государынѣ: «Матушка, пошли меня на французовъ!»—И прежде нежели это пламенное желаніе графа исполнилось, революція польская и вѣроломное умерщвленіе, при этомъ случаѣ, русскаго гарнизона совершились. Императрица избрала Суворова быть мстителемъ за невинно-пролитую кровь соотечественниковъ. Австрія и король прусскій приняли сторону Россіи, и послѣдній даже на-

---

[1]) Такъ французы называли ужасный переворотъ, сдѣланный ими въ своемъ правленіи, и такъ съ тѣхъ поръ часто называютъ возмущенія народныя.

чалъ уже осаду Варшавы вмѣстѣ съ генераломъ Ферзеномъ. Быстро приближался туда же Суворовъ съ двѣнадцати-тысячнымъ корпусомъ войска, какъ вдругъ на границахъ Польши узналъ, что король прусскій принужденъ былъ снять осаду, чтобъ поспѣшить для усмиренія мятежниковъ въ областяхъ своихъ, присоединенныхъ отъ Польши, а генералъ Ферзенъ, не имѣя войска, достаточнаго для продолженія осады, послѣдовалъ примѣру его и также отступилъ.

Такая неожиданная перемѣна обстоятельствъ остановила бы всякаго другого полководца, — но не Суворова. Съ небольшимъ отрядомъ своимъ, чрезвычайно уменьшеннымъ отъ встрѣчъ съ непріятелемъ и побѣдъ надъ нимъ, онъ рѣшился на приступъ къ столицѣ мятежниковъ, въ одномъ предмѣстіи которой было 30,000 войска! Съ первою мыслію о приступѣ Суворовъ приказалъ всѣмъ русскимъ войскамъ, разсѣяннымъ въ Польшѣ, собраться къ одному мѣсту — къ собственному отряду его. И все это соединенное войско могло составить не болѣе 22,000 человѣкъ! Это число Суворовъ считалъ достаточнымъ для покоренія Варшавы съ ея сильно-укрѣпленнымъ предмѣстіемъ *Прагою*.

Одинъ изъ лучшихъ помощниковъ его въ этомъ знаменитомъ дѣлѣ былъ генералъ Ферзенъ. Спѣша соединить корпусъ свой съ корпусомъ графа, онъ встрѣченъ былъ на дорогѣ главнымъ генераломъ поляковъ—славнымъ Костюшкою, желавшимъ воспрепятствовать этому соединенію. Зная весь вредъ, какой бы потерпѣли русскіе, въ случаѣ еслибы Костюшкѣ удалось исполнить свое желаніе, Ферзенъ не только приготовился мужественно отразить нападеніе его, но даже рѣшился напасть первый. Смѣлость его вполнѣ вознаградилась: Костюшка былъ совершенно разбитъ, потерялъ убитыми 6,000, плѣнными 1,600 человѣкъ, всю артиллерію и, наконецъ, самъ попался въ плѣнъ.

Послѣ этой славной битвы, повергшей въ глубокое уныніе поляковъ, особенно по причинѣ плѣна важнѣйшаго изъ военачальниковъ, дѣйствовавшихъ въ революціи ихъ, Ферзенъ спѣшилъ соединиться съ Суворовымъ; другой изъ главныхъ генераловъ русскихъ, находившійся въ Польшѣ,

Дерфельденъ, сдѣлалъ то же съ своимъ отрядомъ, и такимъ образомъ къ 22-му октября двадцати-двухъ-тысячный корпусъ собрался уже подъ начальствомъ Суворова.

Не любя откладывать того, что уже могло быть сдѣлано, графъ послѣ двухъ-дневнаго отдыха собравшагося войска подошелъ къ стѣнамъ Праги и на другой же день, 25-го октября, въ 5 часовъ утра, началъ приступъ къ обширному предмѣстію, представлявшему отдѣльный городъ. Отчаяніе съ одной стороны и неутомимое, можно сказать, безпримѣрное мужество съ другой — были равно удивительны, но первое должно было, наконецъ, уступить могущественнымъ усиліямъ второго, и чрезъ четыре часа битвы Прага, не смотря на многочисленность войска, на силу укрѣпленій своихъ, на всю видимую невозможность быть побѣжденною, пала предъ несравненнымъ героемъ Россіи. Лучшіе историки, описывавшіе это удивительное происшествіе, говорятъ, что въ лѣтописяхъ военныхъ рѣдко случается встрѣтить предпріятіе, которое было бы такъ смѣло по плану, такъ искусно по исполненію и такъ важно по своимъ слѣдствіямъ. Послѣднее было особенно справедливо: взятіе Праги потушило въ одинъ день все ужасное пламя революціи польской и цѣною пролитой крови возстановило общественное спокойствіе. Дорога была эта цѣна для поляковъ: у нихъ погибло 13,000 человѣкъ на полѣ сраженія, 2,000 человѣкъ потонуло въ Вислѣ и болѣе 14,000 взято въ плѣнъ!

Такое совершенное пораженіе привело въ ужасъ главныхъ мятежниковъ. Съ горестію смотрѣли они со стѣнъ столицы своей на блистательную побѣду Суворова и тогда же признали необходимость покориться его непобѣдимой силѣ. Однакожъ еще три дня продолжались переговоры объ условіяхъ, на которыхъ хотѣли сдать Варшаву войску русскому, и наконецъ графъ съ угрозою долженъ былъ предписать слѣдующія условія: «1) Всѣмъ полякамъ положить оружіе. 2) Оставить только 600 человѣкъ пѣхоты и 400 конницы для короля. 3) Отдать королю всѣ должныя почести, которыхъ лишило его безумство мятежниковъ. 4) Прислать всѣ оружія, всю артиллерію и вообще всѣ военные снаряды въ Прагу. 5) Немедленно освобо-

дить всѣхъ русскихъ, взятыхъ въ плѣнъ, и наконецъ, 6) къ 8-му числу ноября, для торжественнаго вшествія побѣдителей въ Варшаву, навести разрушенный мостъ чрезъ Вислу».

Поляки принуждены были согласиться на всѣ предложенныя условія и въ точности исполнить ихъ. Ужасы революціи научили ихъ цѣнить въ полной мѣрѣ наставшую тишину, и 8-ое ноября, казалось, было и для нихъ днемъ радостнымъ: они встрѣтили русскихъ со всѣми знаками покорности и даже усердія. Мирные граждане, обыкновенно болѣе всѣхъ страждущіе въ дни мятежа, бросались къ ногамъ графа, называли его избавителемъ своимъ, кричали: «Да здравствуетъ Екатерина! да здравствуетъ Суворовъ!» Но торжественнѣе всего была та минута, когда, при самомъ входѣ въ Варшаву, Суворовъ встрѣченъ былъ начальникомъ ея, поднесшимъ ему ключи города. Благочестивый герой съ какимъ-то благоговѣйнымъ и сладостнымъ чувствомъ принялъ ихъ, поцѣловалъ и, поднявъ къ небу, сказалъ растроганнымъ голосомъ: «Всемогущій Боже! благодарю Тебя, что эти ключи не стоятъ такъ дорого, какъ...» Слезы помѣшали ему продолжать, и только взоры его показывали на несчастную Прагу.

Мѣры, принятыя имъ для усмиренія остальныхъ мятежниковъ, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ Польши, были такъ хорошо придуманы, такъ искусно исполнены, что никакія безпокойства не нарушили болѣе возстановленной тишины, и поляки съ покорностію согласились на новое и послѣднее раздѣленіе государства ихъ. Они тѣмъ скорѣе могли согласиться, что самъ король ихъ, наскучивъ бѣдствіями, тѣсно-соединенными въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ съ престоломъ польскимъ, отказался отъ обладанія имъ. Екатерина, не пользуясь правомъ побѣдительницы,— правомъ, по которому она могла бы сдѣлаться нераздѣльною обладательницею страны, покоренной ею безъ помощи союзниковъ, и напротивъ того, желая сколько возможно согласить выгоды Польши съ необходимостію уничтожить ея отдѣльное существованіе въ ряду государствъ европейскихъ, предложила королю и союзникамъ собрать сеймъ въ городѣ *Гродно.* Здѣсь, на этомъ сеймѣ, рѣшена была въ послѣд-

ній разъ судьба поляковъ, и царство ихъ окончательно раздѣлилось между Россіею, Австріею и Пруссіею. *Первая* получила Вильну, Гродно, остальную часть Волыни, Самогитіи, Троки, Брестъ и Хельмъ, всего пространствомъ на 2,030 квадр. миль, а жителей 1.176,590 человѣкъ.

Австрія получила Краковъ, Сендомирское воеводство, Любвинъ, части Хельма, Подляхіи, Мазовіи, всего на 834 кв. мили съ 1.037,732 человѣкъ жителей.

Пруссіи достались: Варшава, Бѣлый-Стокъ, воеводство Августовское, части Мазовіи, Разы, Плоцка, Троковъ, всего на 997 кв. миль съ 939,297 человѣками жителей.

Станиславу-Августу, отказавшемуся отъ престола, назначено было на годовое содержаніе 200,000 червонцевъ отъ Россіи и Пруссіи. Издавна пользуясь покровительствомъ Екатерины, онъ надѣялся окончить дни свои въ ея владѣніяхъ спокойнѣе, нежели гдѣ нибудь, и потому вскорѣ послѣ окончанія сейма отправился въ Гродно, а потомъ въ Петербургъ, гдѣ впослѣдствіи и скончался.

Такъ уничтожилось мятежное королевство польское, такъ безпокойные поляки были сами виною этого уничтоженія. Герой, смирившій ихъ, еще около года оставался въ Варшавѣ и новыхъ областяхъ русскихъ, и наконецъ, устроивъ все, что̀ нужно было для безопасности и спокойствія ихъ, поѣхалъ также въ Петербургъ. Тамъ ожидали его новыя почести и награды щедрой государыни; но онъ получилъ уже самую лестную для него еще за годъ предъ тѣмъ, за славное взятіе Праги,—чинъ фельдмаршала. Подробности этого пожалованія очень любопытны. Графъ, одержавъ безпримѣрную побѣду, сохранилъ свою обыкновенную скромность и въ донесеніи его императрицѣ было на сей разъ еще болѣе краткости, нежели когда нибудь. Онъ написалъ только: «*Ура, Прага!*»—Государыня, еще болѣе остроумная и чрезвычайно восхищенная знаменитою побѣдою, отвѣчала также двумя словами: «*Ура, фельдмаршалъ!*»

Прежде нежели мы окончимъ настоящій разсказъ нашъ, читатели мои должны узнать, что, вмѣстѣ съ ново-пріобрѣтенными областями польскими, Россія получила еще новое владѣніе: Курляндія, со временъ своего герцога Кетлера

зависѣвшая отъ Польши, не захотѣла болѣе признавать надъ собою власть государства разрушающагося, и прежде нежели судьба его рѣшилась на Гродненскомъ сеймѣ, предложила себя въ вѣчное подданство императрицѣ русской.

Такимъ образомъ Россія, увеличенная со всѣхъ сторонъ, вознесенная на высокую степень славы, наслаждалась совершеннымъ счастіемъ, какъ вдругъ ужасный ударъ судьбы неожиданно поразилъ ее.

КОНЧИНА ЕКАТЕРИНЫ.

1796 годъ.

Постоянная дѣятельность, съ которою великая государыня проводила каждый день своей жизни, неутомимые труды ея по дѣламъ государственнымъ, безпрестанная и всегда одинаковая заботливость о счастіи подданныхъ, внушали русскимъ столько довѣренности къ судьбѣ своей, что, безпечно наслаждаясь своимъ счастіемъ, они считали его безконечнымъ, а государыню свою—безсмертною. Совершенное здоровье императрицы и чистыя радости, которыя украшали жизнь ея въ кругу августѣйшаго семейства, подтверждали надежды русскихъ. Они тѣмъ охотнѣе предавались имъ, что происшествія, случившіяся въ Россіи въ послѣднія пять или шесть лѣтъ царствованія Екатерины, особенно располагали всѣхъ къ радости.

Кромѣ славы, которою въ это время покрывалось имя русскихъ въ Турціи и Польшѣ, много пріятнаго случилось въ семействѣ царскомъ, а это всегда бывало для народа русскаго особенною священною радостію. Сначала это было умноженіе дома императорскаго рожденіемъ дочерей у наслѣдника престола, великихъ княженъ Маріи, Екатерины и Ольги Павловнъ, потомъ, въ 1793 году, обрученіе старшаго сына его великаго князя Александра Павловича. Это былъ любимый внукъ императрицы: невозможно описать, какъ велика была ея привязанность къ нему. Всѣ попеченія, какія только можетъ придумать любовь нѣжнѣй-

шей матери, лелѣяли счастливое дѣтство его. Нерѣдко она сама присутствовала при урокахъ, а въ краткія минуты отдыха находила иногда время заниматься сочиненіемъ нравоучительныхъ дѣтскихъ повѣстей. Все это было для любимца сердца ея, для ея *Александра*[1]). Съ восхищеніемъ смотрѣла она на цвѣтущую юность его и на прекрасныя способности его ума и сердца.

Съ наступленіемъ для великаго князя пятнадцати-лѣтняго возраста государыня уже заботилась о томъ, чтобы при жизни своей соединить его съ подругою, столь же прелестною, столь же кроткою, какъ онъ: избранная невѣста—*Луиза-Марія-Августа*, дочь маркграфа Баденскаго, названная при мѵропомазаніи Елисаветою Алексѣевною, была ангелъ и видомъ, и душою. Въ маѣ 1793 года совершилось обрученіе ея съ великимъ княземъ, а 28-го сентября того же года — бракосочетаніе. Радость, съ которою императрица праздновала этотъ драгоцѣнный для нея день, соединясь съ торжествомъ мира, заключеннаго въ то же самое время съ Турціей, распространилась по всей Россіи, была радостію для всѣхъ подданныхъ Екатерины. Надобно было видѣть, съ какимъ восторгомъ слушали они разсказы о малѣйшихъ подробностяхъ, касавшихся до молодого великаго князя и великой княгини! Какъ веселились они этою постоянною заботливостію государыни о счастіи прекрасныхъ супруговъ. Она безпрестаннно готовила для нихъ какое нибудь новое удовольствіе. Однимъ изъ прекрасныхъ доказательствъ этого служитъ пышный дворецъ Александровскій въ Царскомъ Селѣ. Какъ ни чудесно великолѣпное устройство его и въ цѣломъ, и въ частяхъ отдѣльныхъ, императрица все еще не находила его жилищемъ, въ полной мѣрѣ достойнымъ обожаемаго внука ея, и безпрестанно придумывала новыя для него украшенія.

Но эта исключительная привязанность къ великому князю Александру не простиралась въ великой душѣ Екатерины до того, чтобы вредить любви ея къ младшимъ внукамъ. Нѣтъ, нѣжность души ея была такъ велика, что

---

[1]) *Мой Александръ!* Такъ всегда называла Екатерина молодого князя.

каждый изъ дѣтей ея находилъ въ материнскомъ сердцѣ ея всю полноту любви, все совершенство попеченій.

Такъ среди семейнаго счастія и громкой славы государственной встрѣтила императрица и послѣдній годъ своей жизни — 1796. Радостное начало его, казалось, вовсе не предвѣщало горестнаго окончанія: 2-го февраля было обрученіе и потомъ 15-го — бракосочетаніе втораго внука ея великаго князя Константина Павловича съ принцессою Кобургскою, *Юліею,* названною при мѵропомазаніи великою княжною Анною Ѳеодоровною. Вскорѣ послѣ веселыхъ, продолжительныхъ и великолѣпныхъ праздниковъ, обыкновенно сопровождающихъ такой случай, новая радость восхитила весь домъ царскій: 25-го іюня у наслѣдника престола, къ особенной радости всего августѣйшаго семейства, послѣ нѣсколькихъ великихъ княженъ родился третій сынъ—въ Бозѣ почивающій императоръ Николай Павловичъ. Эта семейственная радость была послѣднею для Екатерины: чрезъ четыре мѣсяца потомъ, 6-го ноября, насталъ страшный день для Россіи. По утру этого дня государыня проснулась въ совершенномъ здоровьѣ, провела, по обыкновенію, время свое до завтрака, была весела, а вскорѣ потомъ, незамѣтно для всѣхъ окружавшихъ ее, почувствовала дурноту и упала въ обморокъ. Представьте себѣ, милые читатели мои, испугъ той изъ приближенныхъ дамъ императрицы, которая, вошедши въ комнату, увидѣла государыню, лежавшую безъ чувствъ! Надобно знать всю мѣру привязанности, какую внушала Екатерина, чтобы понять и особенную горесть каждаго, и общую печаль, и смятеніе всѣхъ тѣхъ, кто былъ въ это время во дворцѣ.

Всѣ усилія любимаго лейбъ-медика императрицы Рожерсона были безполезны: ударъ паралича былъ такъ силенъ, что никакими средствами нельзя было возвратить умирающей ни памяти, ни языка. Нѣсколько часовъ сохранялось въ ней только дыханіе, и въ ночь того же дня оно прекратилось навѣки, и—Екатерины, могущественной, несравненной въ ряду царей земныхъ, Екатерины, генія-хранителя не только Россіи, но и всей Европы, не стало! Сколько вліянія эта знаменитая государыня имѣла на спо-

койствіе Европы въ то смутное время повсемѣстныхъ волненій, произведенныхъ ужасами французской революціи, и сколько печали и страха распространило вездѣ извѣстіе о ея кончинѣ, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ одного иностраннаго писателя:

«La Russie, invincible au-dedans, crainte et considérée au-dehors, dominant par les armes et par la politique, était la puissance préponderante de l'Europe, la préservatrice des trônes ébranlés, et l'étoile polaire, que cherchaient les peuples, menacés de naufrage, lorsque Cathérine, qui l'avait élevée à cette situation honorable et brillante, termina sa glorieuse carrière. Est-il donc étonnant, que sa mort ait causé tant de douleur et d'effroi, puisqu'à sa vie était attachée, pour un si grand nombre, la sécurité, ce premier des biens de l'homme?» [1]).

Если кончина Екатерины опечалила государства иностранныя, что же она должно была произвесть въ странѣ, которой Екатерина посвятила жизнь свою,—въ странѣ, которую она любила какъ свое отечество? О! горесть, поразившая ее, была неописанна, и очевидцы, бывшіе въ Петербургѣ въ несчастный день 6-го ноября, разсказываютъ, что во все время неизвѣстности, т. е. пока доктора напрасно употребляли всевозможныя старанія привести въ чувство государыню, жители Петербурга были въ какомъ-то мрачномъ оцѣпенѣніи: встрѣчавшіеся смотрѣли съ безпокойствомъ другъ на друга, не смѣли ни о чемъ спрашивать, какъ будто боясь услышать страшный отвѣтъ о томъ, что уже нѣтъ ихъ благодѣтельницы, ихъ незабвенной матери. Когда же разнеслась страшная вѣсть по городу, не было мѣры слезамъ, не было утѣшенія печали огорченныхъ! Единственною отрадою оставалось для нихъ воспоминаніе о тѣхъ безчисленныхъ благодѣяніяхъ, которыя

---

[1]) Россія, непобѣдимая внутри, уважаемая до страха за предѣлами своими, превышавшая другія государства и оружіемъ, и политикою, была первымъ царствомъ Европы, хранительницею потрясенныхъ троновъ и полярною звѣздою народовъ, боявшихся кораблекрушенія, когда Екатерина, возвысившая ее на эту почетную и блистательную степень, окончила свое славное поприще. Послѣ этого удивительно ли, что кончина ея причиняла столько горести и ужаса? Съ жизнію ея соединилась для многихъ народовъ *безопасность*—это первое благо человѣка.

такъ убѣдительно доказывали ея материнскую любовь къ нимъ. Проливая слезы, они исчисляли ея благотворенія и такимъ образомъ находили облегченіе печали своей въ мысли о ея вѣчномъ существованіи въ мірѣ небесномъ и о ея нескончаемой славѣ въ мірѣ земномъ.

Такая мысль есть лучшее утѣшеніе для осиротѣвшихъ, а воспоминаніе о дѣлахъ, совершенныхъ душою, покинувшею насъ, — есть лучшая дань, приносимая ея памяти. Послѣдуемъ же примѣру соотечественниковъ нашихъ того времени и усладимъ горестный разсказъ нашъ о кончинѣ незабвенной нѣсколькими словами о тѣхъ дѣлахъ ея, которыя еще неизвѣстны вамъ, милые читатели.

Главное мѣсто занимаетъ здѣсь дѣло, чрезвычайно важное для высшаго класса народа нашего: *грамота, пожалованная дворянству россійскому* 21-го апрѣля 1785 года. Это былъ актъ, которымъ не только подтверждались права и преимущества, данныя дворянамъ русскимъ императоромъ Петромъ III, но и предоставлялись новыя, дотолѣ неизвѣстныя имъ. Грамота, жалованная дворянству, устроивала состояніе дворянъ во всѣхъ отношеніяхъ, исполняла сердце ихъ вѣчно благодарностію къ государынѣ и новымъ усердіемъ къ престолу и отечеству. Въ то же время, т. е. 21-го же апрѣля 1785 года, и среднее состояніе, или купечество и мѣщане, получили подобный же актъ объ устройствѣ ихъ сословія. Этотъ актъ извѣстенъ подъ названіемъ *Городового положенія*. Великая государыня не забыла при этомъ случаѣ и низшій классъ своихъ подданныхъ,—крестьянъ и крѣпостныхъ людей: всѣмъ владѣльцамъ ихъ строго запрещалось жестоко обращаться съ ними. При томъ она обнародовала особенный указъ, въ которомъ навсегда запрещалось упоминать слово *рабъ* въ прошеніяхъ, подаваемыхъ на Высочайшее имя, и предписывалось замѣнить его простымъ словомъ: *вѣрный подданный*.

Мудрая законодательница, такъ прекрасно устроившая судьбу всѣхъ сословій государства своего и такъ много заботившаяся о просвѣщеніи ихъ, не могла не обратить вниманія на ближайшее средство къ просвѣщенію и смягченію нравовъ—на воспитаніе женщинъ. Кто болѣе всѣхъ

имѣетъ вліяніе на первое образованіе ума и сердца ребенка? Конечно—мать. Чьи наставленія скорѣе всего напечатлѣваются въ его памяти? Конечно — матери. Какое же несчастіе, если эта первая руководительница, данная человѣку самою природою, не имѣетъ возможности исполнить какъ должно своей священной обязанности! Екатерина видѣла недостатокъ въ этомъ отношеніи у русскихъ и положила основаніе къ исправленію его: она учредила въ Петербургѣ, при основанномъ императрицею Елисаветою монастырѣ Воскресенскомъ (или нынѣшнемъ Смольномъ) училище для воспитанія благородныхъ и также мѣщанскихъ дѣвицъ.

Вскорѣ послѣ этого важнаго событія въ дѣлѣ просвѣщенія совершилось другое, не менѣе важное: улучшеніе учебныхъ заведеній для дѣтей мужескаго пола. Корпуса: Первый кадетскій, Морской и Артиллерійскій были почти совсѣмъ преобразованы и во всѣхъ частяхъ усовершенствованы. Кромѣ того, учреждены три новыя училища! *Горное, Лекарское* и *Судоходное,* а чрезъ нѣсколько лѣтъ потомъ просвѣщенная государыня увеличила быстрые успѣхи образованности въ царствѣ своемъ учрежденіемъ *народныхъ училищъ* по всей имперіи. Съ того времени средства къ просвѣщенію, сосредоточенныя прежде въ однѣхъ столицахъ, сдѣлались доступными и для самыхъ отдаленныхъ обитателей обширныхъ странъ нашего отечества.

Но, желая исчислить все, что сдѣлала Екатерина въ теченіе своего царствованія, мы никогда не кончили бы, милые читатели мои, потому что не въ однихъ важныхъ событіяхъ видны черты ея геніальнаго, великаго духа: и въ малѣйшихъ дѣлахъ, совершенныхъ ею, проявляются эти высокія качества, стало быть и малѣйшія дѣла ея любопытны и достойны описанія. Не имѣя возможности совершить дѣло столь трудное, мы заключимъ настоящій разсказъ нашъ еще одною прекрасною чертою Екатерины.

Въ 1787 году *прививаніе оспы* уже употреблялось во многихъ мѣстахъ Европы, но въ Россіи еще не вѣрили благодѣтельному дѣйствію этого изобрѣтенія и даже боялись его. Какъ вразумить предубѣжденныхъ и спасти отъ гибели безчисленное множество дѣтей, умиравшихъ отъ

страшной заразы оспы естественной? Екатерина никогда не колебалась тамъ, гдѣ дѣло шло о спасеніи жизни человѣческой. Не смотря на сорокалѣтній возрастъ свой въ то время, она не имѣла еще оспы, и вмѣсто того, чтобы опасаться этой ужасной болѣзни, великая благодарила Бога, что Онъ избралъ ее орудіемъ спасенія милліоновъ людей, и съ совершеннымъ спокойствіемъ духа привила себѣ оспу, чтобы примѣромъ своимъ убѣдить подданныхъ въ пользѣ прививанія. Этого еще недовольно: счастливо перенеся весь ходъ болѣзни, она приказала привить ее и единственному сыну и наслѣднику своему великому князю Павлу Петровичу! Могъ ли такой высокій примѣръ самоотверженія не подѣйствовать на подданныхъ, умѣвшихъ цѣнить знаменитую государыню свою? При первомъ извѣстіи о немъ, они убѣждены были въ спасительныхъ дѣйствіяхъ прививанія, и съ тѣхъ поръ уже съ полною довѣренностію къ августѣйшей матери народа, приносили младенцевъ своихъ подъ ланцетъ прививателей.

Теперь, милые читатели мои, послѣ этого прекраснаго доказательства безпредѣльной любви Екатерины къ подданнымъ ея, можно судить о великости удара, поразившаго ихъ 6-го ноября 1796 года, и о невыразимой горести ихъ!

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ I.

отъ 1796 до 1797 года.

(1 годъ).

Необыкновенная дѣятельность отличала царствованіе императора Павла Петровича. Съ первыхъ дней своего восшествія на престолъ онъ неутомимо занимался дѣлами государственными, и множество новыхъ законовъ и учрежденій, въ короткое время данныхъ имъ народу, доказываютъ, сколько правосудія, любви къ подданнымъ и желанія видѣть ихъ счастливыми заключалось въ сердцѣ этого государя. Взглянемъ на важнѣйшія изъ этихъ постановленій.

Первое, изданное почти при самомъ началѣ его царствованія, было — *Воинскій уставъ,* въ которомъ заключались разныя перемѣны и улучшенія въ устройствѣ всего войска. Потомъ вниманіе государя обратилось на важнѣйшее присутственное мѣсто, гдѣ отправлялось верховное правосудіе,—на Сенатъ. Перемѣны, сдѣланныя здѣсь, были очень важны. Замѣтивъ недостатокъ чиновниковъ, необходимыхъ для скорѣйшаго производства дѣлъ, новый императоръ приказалъ увеличить число ихъ, а для окончанія множества дѣлъ нерѣшенныхъ учредилъ три новые временные департамента. Чрезъ мѣсяцъ потомъ новое распоряженіе государя показало заботливость его о правосудіи и на будущее время: при Сенатѣ учредилась школа для обученія *титулярныхъ юнкеровъ,* т. е. молодыхъ людей, приготовляемыхъ для гражданской службы.

Почти въ то же самое время сдѣлано было преобразованіе по части военнаго судопроизводства и по части медицинской, которыя обѣ столь важны для государства: въ первой учрежденъ былъ *генералъ-аудиторіатъ,* т. е. такое присутственное мѣсто, гдѣ разсматриваютъ уголовныя дѣла военныхъ чиновъ; во второмъ—*врачебныя управы,* или высшее начальство, учрежденное въ каждой губерніи для медицинскихъ чиновниковъ, въ ней служащихъ.

Въ книгопечатаніи и во всемъ, что касается до этого важнаго предмета въ государствѣ, учрежденъ былъ также новый порядокъ: государь исполнилъ одно изъ послѣднихъ предположеній родительницы своей и утвердилъ правила цензуры, назначивъ съ тѣмъ вмѣстѣ и первыхъ шесть цензоровъ. Цензура значитъ разсматриваніе книгъ, приготовляемыхъ къ печатанію. Это разсматриваніе дѣлается для того, чтобы въ книгахъ не было ничего противнаго законамъ Божіимъ и государственнымъ, нравственности и вообще порядку образованнаго общества; цензорами же называются тѣ чиновники, которымъ поручается это разсматриваніе.

Въ февралѣ 1797 года, т. е. не болѣе какъ чрезъ три мѣсяца послѣ восшествія на престолъ императора, изданъ былъ *Уставъ военнаго флота.* Здѣсь собраны были правила, которыми улучшалось устройство всѣхъ частей флота.

Это новое преобразованіе было необходимо по причинѣ перемѣнъ, происшедшихъ въ положеніи и обстоятельствахъ Россіи со времени первоначальнаго учрежденія морскихъ силъ ея.

Но главнѣйшія изъ дѣлъ, совершенныхъ императоромъ Павломъ въ началѣ его царствованія, было учрежденіе объ императорской фамиліи. Актъ объ этомъ важномъ событіи въ законодательствѣ отечества нашего объявленъ былъ въ торжественный день коронованія государя, 5-го апрѣля 1797 года, и тогда же положенъ для храненія на престолѣ Успенскаго собора. Этимъ драгоцѣннымъ для насъ актомъ новый императоръ и супруга его, императрица Марія Θеодоровна, утвердили будущее спокойствіе и счастіе Россіи, опредѣливъ порядокъ наслѣдованія престола, и вообще все, что только можетъ касаться до устройства императорской фамиліи, на вѣчныя времена. Любопытно видѣть, съ какою мудрою предусмотрительностію заботливый государь и супруга его предвидѣли всѣ затрудненія, могущія встрѣтиться впослѣдствіи, какъ старались предупредить ихъ и согласить счастіе семейства своего съ выгодами народа до самыхъ отдаленныхъ потомковъ того и другого.

Главнѣйшею статьею акта объ учрежденіи императорской фамиліи было наслѣдованіе престола въ родѣ старшаго сына императора до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать мужеское колѣно его; съ окончаніемъ же его право наслѣдства переходитъ ко второму сыну императора, и такъ далѣе до послѣдняго потомка его мужескаго колѣна, съ смертію котораго престолъ дѣлался наслѣдіемъ женскаго колѣна послѣдне-царствовавшаго императора.

Второю важною статьею акта было назначеніе доходовъ на содержаніе императорской фамиліи до позднѣйшихъ потомковъ ея. Для этихъ доходовъ отдѣлялись одинъ разъ навсегда изъ государственныхъ владѣній имѣнія, извѣстныя прежде подъ именемъ *дворцовыхъ* и названныя съ этого времени *удѣльными*. Управленіе удѣльными имѣніями поручено было особенному присутственному мѣсту, названному *Департаментомъ Удѣловъ*.

Такимъ образомъ, изъ этого краткаго описанія дѣлъ,

совершенныхъ императоромъ Павломъ, почти въ первые дни его царствованія, можно заключить о неутомимыхъ трудахъ его. Каждый день съ 5-ти часовъ утра онъ начиналъ ихъ, и эта дѣятельность государя имѣла вліяніе и на подданныхъ его: всѣ они съ усердіемъ спѣшили къ должностямъ своимъ съ ранняго утра.

Та же самая дѣятельность, которая удивляла всѣхъ въ императорѣ, отличала и его августѣйшую супругу, императрицу Марію Ѳеодоровну въ томъ дѣлѣ, которое Богъ предоставилъ ея ангельскому сердцу. Я говорю о тѣхъ безчисленныхъ благодѣяніяхъ, которыми эта, прославившаяся небесною кротостію государыня счастливила младенчество и старость, сиротство и бѣдность въ обширномъ царствѣ своемъ. Но, коснувшись этихъ священныхъ страницъ въ исторіи Маріи и отечества нашего, остановимся передъ ними съ любовію и благоговѣніемъ: событія, изображенныя на нихъ, безпримѣрны въ лѣтописяхъ свѣта, прекрасны, какъ прекрасна была душа Маріи, драгоцѣнны для сердца каждаго русскаго. Остановимся передъ ними и, воздавая глубокую, искреннюю дань благодарности царицѣ, посланницѣ небесъ, сдѣлаемъ хотя краткое, мимолетное обозрѣніе всего того, что совершила она на землѣ и что, конечно, когда нибудь явится свѣту во всемъ величіи своемъ подъ перомъ историка, достойнаго описывать дѣла *незабвенной*.

Чтобы сдѣлать это краткое обозрѣніе сколько возможно полнѣе, и потому понятнѣе для васъ, милые читатели, мы исключимъ его изъ обыкновеннаго порядка хронологіи нашихъ разсказовъ и, не прерывая современными, посторонними происшествіями, представимъ отдѣльнымъ повѣствованіемъ, въ которомъ будетъ говориться только о прекрасной судьбѣ всего того, что жило и цвѣло подъ материнскимъ покровительствомъ императрицы Маріи въ продолженіе послѣднихъ тридцати-двухъ лѣтъ, проведенныхъ ею на землѣ.

ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ.

Императрица Марія Θеодоровна, призванная Богомъ быть величайшею благотворительницею своего вѣка, одарена была отъ природы всѣми качествами, которыя должны сопровождать благотворительность—это божественное свойство человѣка. Любовь и состраданіе сіяли въ каждой чертѣ ея неизъяснимо-прелестнаго лица; смиреніе и кротость выражались въ каждомъ поступкѣ ея. Супруга и впослѣдствіи—мать императоровъ, она никогда не любила пользоваться вліяніемъ, такъ справедливо принадлежавшемъ ей, всегда удалялась отъ участія въ важныхъ дѣлахъ государственныхъ, которыя должны зависѣть только отъ одной особы, и во все время царствованія трехъ императоровъ была, по словамъ одного изъ писателей нашихъ,—только *министромъ благотворительности.*

Такъ, это самое приличное названіе для тебя, небесная Марія! Оно въ полной мѣрѣ выражаетъ то, чѣмъ ты всегда желала быть, кроткая посредница между трономъ и безчисленнымъ множествомъ несчастныхъ, утѣшенныхъ тобою; дѣтей, воспитанныхъ твоими материнскими попеченіями; больныхъ, облегченныхъ твоею благостію!

Святое и счастливое для милліоновъ посредничество незабвенной началось съ первыхъ дней царствованія императора Павла Петровича. Постигая вполнѣ ангельскія качества супруги своей, онъ какъ будто предчувствовалъ все благо, которое она прольетъ на одну изъ важнѣйшихъ частей благосостоянія государственнаго—на воспитаніе женщинъ, и потому спѣшилъ ввѣрить его сердцу ея, и 12-го ноября 1796 года, т. е. черезъ шесть дней послѣ своего восшествія на престолъ, поручилъ ей главное начальство надъ *Воспитательнымъ обществомъ благородныхъ дѣвицъ.*

Это первое изъ нашихъ женскихъ учебныхъ заведеній, болѣе извѣстное подъ именемъ Смольнаго монастыря, было основано въ 1764 году по плану тайнаго совѣтника Бецкаго, и—какъ все первоначальное, еще неиспытанное и малоизвѣстное, — имѣло много недостатковъ въ общемъ устройствѣ своемъ. Напримѣръ, въ числѣ воспитанницъ были

благородныя и мѣщанскія, а между тѣмъ планъ ученія и воспитанія былъ совершенно одинакій для обоихъ классовъ, какъ будто бы воспитанницы, оставивъ мѣсто воспитанія своего, должны были начинать одинакій образъ жизни и въ свѣтѣ. Потомъ ихъ принимали въ училище на шестомъ году отъ рожденія, когда нѣжный возрастъ ихъ требовалъ еще гораздо болѣе надзора нянюшекъ, нежели ученія, и оставляли на *двѣнадцать* лѣтъ, въ теченіе которыхъ онѣ могли совершенно позабыть домъ родительскій и отвыкнуть отъ всѣхъ связей родства, которыя во всю жизнь нашу должны составлять наше первое счастье. Наконецъ и хозяйственная часть общества находилась въ большомъ разстройствѣ: кромѣ недостатковъ, которые оказались по всѣмъ отраслямъ расходовъ, оно имѣло еще около 73,000 руб. долгу. Въ такомъ-то положеніи приняла императрица подъ начальство свое главнѣйшее изъ заведеній для воспитанія дѣвицъ! Я разскажу вамъ подробно о томъ, какое чудо материнское сердце нѣжной Маріи произвело въ короткое время здѣсь и вы можете по этому первому и важнѣйшему примѣру судить, что совершала она потомъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ.

Щедрое благодѣяніе было первымъ началомъ дѣйствій ея по новому управленію: на другой же день своего вступленія она пожаловала на ежегодное пособіе заведенію по 15,000 руб. изъ собственной своей казны и внушила великимъ княгинямъ Елисаветѣ Алексѣевнѣ и Аннѣ Ѳеодоровнѣ, и великимъ княжнамъ, дочерямъ своимъ, такое же желаніе благодѣтельствовать воспитательному обществу. Изъ этихъ общихъ пожертвованій императорской фамиліи, назначенныхъ только на издержки чрезвычайныя, напримѣръ на вспоможеніе бѣднымъ дѣвицамъ при ихъ выпускѣ, на награды наставницамъ и учителямъ и проч., составился капиталъ, извѣстный подъ именемъ *кассетной* суммы. Можно ли безъ удивленія представить себѣ, что этотъ капиталъ, покрывая каждый годъ процентами своими множество издержекъ, возросъ въ 1829 году до 1.289,310 рублей! Но оставимъ удивленіе наше и постепенно дойдемъ до чудесныхъ послѣдствій благотворнаго управленія императрицы Маріи.

Кромѣ кассетнаго капитала, опредѣленнаго на расходы, не включенные въ общій штатъ, государыня испросила у супруга своего всю сумму, нужную для уплаты долга 73,000 руб., и, кромѣ того, 30,000 руб. прибавки въ годъ къ доходамъ общества.

Приведя такимъ образомъ въ совершенный порядокъ хозяйство заведенія, высокая благотворительница обратила свое материнское вниманіе на самое воспитаніе и ученіе, и улучшенія, сдѣланныя по этой части, были не менѣе изумительны. Вмѣсто *пятидесяти* благородныхъ и *шестидесяти* мѣщанскихъ воспитанницъ,—число, для котораго первоначально было устроено заведеніе и которое впослѣдствіи увеличилось почти вчетверо и оттого вовлекло въ долги заведеніе,—государыня назначила принимать до 300 воспитанницъ благородныхъ и 200 мѣщанскихъ, раздѣлила планъ ученія ихъ и сдѣлала каждый болѣе приличнымъ для будущаго состоянія воспитанницъ: приказала принимать ихъ на 9-мъ году возраста и оставлять въ училищѣ не болѣе девяти лѣтъ. Такимъ образомъ, нѣжнѣйшая мать не могла бы лучше и заботливѣе придумать всего, что служило къ улучшенію воспитанія во всѣхъ его отношеніяхъ.

Воспитательное общество или Смольный монастырь оставался въ этомъ положеніи до 1813 года. Въ теченіе того времени цѣны на всѣ потребности жизни возвысились, и между тѣмъ желаніе дѣлать добро въ императрицѣ оставалось все столько же сильнымъ и дѣятельнымъ. Исполняя это благодѣтельное желаніе, она испросила у царствовавшаго тогда сына ея императора Александра Павловича новую прибавку къ годовымъ доходамъ общества, и эта прибавка была очень значительна: 68,000 руб. каждый годъ.

Между тѣмъ въ 1817 году исполнено было одно изъ первыхъ желаній императрицы: изданъ былъ общій планъ воспитанія и ученія для всѣхъ заведеній, о которомъ долго размышляла заботливая попечительница дѣтства русскаго и котораго сочиненіе поручено было комитету, составленному изъ самыхъ образованныхъ и опытныхъ въ этомъ дѣлѣ людей. Главнымъ же руководствомъ для нихъ были соб-

ственные опыты и наблюденія императрицы, и такъ, не удивительно, что новый планъ былъ превосходно обдуманъ и въ скоромъ времени приведенъ къ исполненію по всѣмъ заведеніямъ, состоявшимъ тогда подъ начальствомъ государыни, и число этихъ заведеній въ 1817 г. было уже такъ велико, что только одна удивительная дѣятельность августѣйшей покровительницы и явное благословеніе Божіе, всегда осѣнявшее святыя дѣла ея, дѣлаютъ вѣроятными тѣ чудеса, которыя совершались подъ ея распоряженіями. Можно ли представить себѣ, что вмѣсто одного Воспитательнаго общества, принятаго государынею въ 1796 году,—подъ начальствомъ ея было уже въ 1817—*тридцать четыре* заведенія. И изъ этого числа, кромѣ общества, только два было прежнихъ: *Воспитательный домъ въ Петербургѣ* и *Воспитательный домъ въ Москвѣ.* Всѣ другія были основаны императрицею! И это еще только до 1817 года. Послѣ же того, до дня кончины ея, поразившей Россію въ октябрѣ 1828, учреждено еще *шесть* новыхъ! Но, увлекаясь этими удивительными событіями въ исторіи человѣчества и благотворительности, мы забываемъ опять о постепенности въ разсказѣ нашемъ. Возвратимся же къ тому времени, какъ государыня, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ управленія воспитательнымъ обществомъ, удивила супруга своего тѣмъ цвѣтущимъ состояніемъ, до котораго достигло уже заведеніе подъ ея начальствомъ. Исполненный благодарности къ августѣйшей помощницѣ царственныхъ трудовъ своихъ и радуясь счастію безчисленнаго множества малютокъ, которыхъ настоящая судьба такъ быстро и такъ изумительно улучшилась въ самое короткое время, императоръ пламенно желалъ поручить тому же материнскому сердцу тысячи другихъ дѣтей, еще болѣе достойныхъ состраданія и попечительности его небесной подруги. Это были тѣ бѣдныя дѣти, которыя воспитываются въ воспитательныхъ домахъ. Такъ какъ въ эти домы, по милосердію государей, учреждавшихъ ихъ, принимаются безъ всякихъ затрудненій всѣ дѣти, которыхъ только принесутъ или привезутъ туда, то разумѣется, что всякій бѣдный, и, конечно, не очень заботливые отецъ или мать, которымъ сколько нибудь трудно воспитывать дитя свое дома, отдаютъ его туда, да иногда и не придутъ

узнать здорово ли оно, или уже перестало жить на свѣтѣ! Вы удивляетесь этому, милые читатели; вамъ, привыкшимъ къ нѣжности родителей вашихъ, кажется эта холодность— дѣломъ невѣроятнымъ. Ахъ! друзья мои, когда вы поживете на свѣтѣ побольше, вы увидите, что она очень вѣроятна, что она существуетъ къ несчастію людей и потому, какъ должны вы быть благодарны къ Богу, если Онъ въ милосердіи Своемъ даровалъ вамъ добрыхъ и нѣжныхъ родителей,—это первое счастіе въ жизни, эту первую радость сердца! Наслаждайтесь же этимъ счастіемъ и радостію, если они вамъ ниспосланы, и пожалѣйте о дѣтяхъ домовъ воспитательныхъ: большая часть изъ нихъ даже не знаетъ своихъ родителей! Что можетъ быть достойнѣе жалости этихъ бѣдняжекъ, крошечныхъ, миленькихъ, хорошенькихъ, которыхъ принесутъ туда вскорѣ послѣ рожденія ихъ, почти ничѣмъ непокрытыхъ, часто голодныхъ, и оставятъ на рукахъ чужихъ людей! Можно представить себѣ, какъ чужіе люди будутъ смотрѣть за этими маленькими, почти брошенными твореніями! Но добрые государи наши умѣли и чужихъ людей заставить любить этихъ бѣдныхъ дѣтей и усердно ходить за ними: они даютъ за это хорошее жалованье, награды, милость свою, и такъ неудивительно, что даже и тѣ изъ надзирательницъ и надзирателей, которые не таковы, чтобы дѣлать добро по чувству сердца, дѣлаютъ его изъ желанія заслужить благоволеніе царское. Но какъ, не смотря на всѣ старанія благодѣтельныхъ учредителей, злоупотребленія не могутъ не вкрасться въ такое дѣло, гдѣ участвуютъ тысячи разнаго рода и званія лицъ, то и этотъ пріютъ сиротства и младенчества не избавился отъ нихъ, и положеніе, въ которомъ государыня, по волѣ и просьбѣ супруга своего, приняла въ 1797 году подъ свое начальство воспитательные домы: Петербургскій и Московскій, было самое жалкое. Доходы ихъ, которыхъ главнѣйшая часть заключалась въ оборотѣ учрежденной при каждомъ домѣ сохранной и ссудной [1]) казны, были въ величайшемъ упадкѣ

[1]) Первая, т. е. *сохранная казна,* принимала отъ публики на сохраненіе деньги: вторая, *ссудная,* отдавала ихъ заимообразно подъ залогъ недвижимыхъ имѣній, а въ ломбардѣ — подъ ручные залоги. Проценты, выручаемые изъ этихъ оборотовъ, назначались на содер-

отъ безпорядковъ, до которыхъ доведены были эти объ казны. Разстройство было такъ велико, что даже довѣріе къ сохранной казнѣ потерялось, и многіе, положившіе туда капиталы, отдавали билеты свои съ большою уступкою, чтобы только получить хотя какую нибудь часть денегъ. Послѣ этого удивительно ли, что разстройство распространилось по всѣмъ частямъ, зависящимъ отъ домовъ воспитательныхъ, и что самые домы, а слѣдовательно и невинныя дѣти, воспитанники ихъ, болѣе всѣхъ терпѣли отъ того? И въ этомъ состояніи императрица Марія приняла подъ свое могущественное покровительство эту огромную и во всемъ составѣ своемъ разстроенную массу людей и дѣлъ. Что же совершила съ нею великая благотворительница? Прежде всего обратила вниманіе на приведеніе въ порядокъ каждой казны воспитательнаго дома, учредила *Опекунскій совѣтъ* изъ людей, особенно знающихъ это дѣло, дала каждому изъ нихъ подробныя, ею самою сочиненныя и даже ею же переписанныя наставленія, имѣла съ ними частыя совѣщанія; однимъ словомъ, трудилась сама неутомимо и тѣмъ заставила принять жаркое участіе въ великомъ дѣлѣ ея. Слѣдствіемъ всего этого была быстрая, почти невѣроятная перемѣна въ состояніи всѣхъ кассъ воспитательнаго дома: менѣе нежели въ одинъ годъ все приведено было въ самый стройный порядокъ и, вмѣсто общаго недостатка въ деньгахъ, всѣ казны были полны доходовъ. Лучшимъ доказательствомъ этой удивительной перемѣны служитъ то, что уже въ 1799 году, т. е. не болѣе какъ чрезъ два года отъ начала управленія своего, императрица могла уже ссудить супруга своего изъ суммъ воспитательнаго дома *двумя милліонами* рублей для начатія канала на рѣкѣ Вытегрѣ.

Но важная польза, на какую употреблены были эти два милліона рублей, не значили почти ничего въ сравненіи съ тѣмъ благомъ и съ тѣми безчисленными выгодами, какія императрица Марія мудрыми и въ полной мѣрѣ человѣколюбивыми распоряженіями своими извлекла изъ

жаніе воспитательныхъ домовъ. На такомъ же основаніи, но со всѣми улучшеніями, сдѣланными покойною незабвенною императрицей, существуютъ и теперь воспитательные домы, сохранная и ссудная казны и ломбарды.

суммъ воспитательныхъ домовъ. О первомъ и главнѣйшемъ благѣ, о счастіи нѣсколькихъ тысячъ несчастныхъ дѣтей, мы уже говорили и будемъ говорить подробнѣе въ своемъ мѣстѣ, но теперь скажемъ нѣсколько словъ о другихъ, столько же важныхъ выгодахъ для общества, о великодушныхъ, истинно-царскихъ пособіяхъ, сдѣланныхъ тѣмъ разстроеннымъ помѣщикамъ и владѣльцамъ, которые закладывали свои имѣнія въ ссудной казнѣ, и тѣмъ бѣднымъ людямъ, которые прибѣгали съ ручными залогами къ ломбарду. Для всѣхъ такихъ даны были императрицею новыя права и преимущества, увеличенъ срокъ времени, на который можно было закладывать имѣніе, уменьшено число процентовъ, обыкновенно платимыхъ при этомъ случаѣ, однимъ словомъ, сдѣлано все, чѣмъ только возможно облегчить стѣсненное состояніе людей, пришедшихъ въ разореніе.

Но хотите ли вы самымъ яснымъ образомъ и въ самыхъ короткихъ словахъ узнать, что сдѣлала императрица Марія для домовъ воспитательныхъ и, слѣдовательно, для всего того безчисленнаго множества людей, которые получаютъ отъ нихъ помощь? Для этого стоитъ только показать разность между тѣми суммами, которыя обращались въ обоихъ домахъ (С.-Петербургскомъ и Московскомъ) тогда, когда императрица приняла на себя управленіе ими, и тѣми, какія остались въ обращеніи при кончинѣ ея. Взгляните и подивитесь тому, что̀ она сдѣлала!

При вступленіи ея величества (въ 1797 г.) ежегодное обращеніе обоихъ домовъ было 16.000,000 рублей. Къ 1-му января 1829 г.—623.000,000 рублей.

Теперь подумайте о различіи пользы, какую могли принести 16.000,000 и 623.000,000. Различіе почти неизмѣримое, едва вѣроятное!

Вотъ еще нѣсколько примѣровъ, не менѣе удивительныхъ.

Положенныхъ въ сохранную казну С.-Петербургскаго воспитательнаго дома капиталовъ было:

	въ 1797 году.	*въ 1828 году.*
	5.000,870 р.[1])	240.506,956 р.
Изъ ссудной казны подъ залогъ имѣній выдано	5.311,944 »	259.771,089 »
Изъ ломбарда подъ ручные залоги выдано	73,968 »	7.800,000 »

Таково было блистательное устройство доходовъ воспитательнаго дома! Взглянемъ же теперь на главную цѣль его учрежденія,—на малютокъ, воспитанныхъ имъ. Здѣсь увидимъ мы истинную сферу, для которой рождена была кроткая Марія, здѣсь увидимъ мы тотъ прекрасный міръ, въ которомъ она дѣйствовала, какъ свѣтлый ангелъ-примиритель несчастныхъ младенцевъ съ жестокою судьбою, ожидавшею ихъ при первомъ появленіи на свѣтъ! Послушаемъ, что сказала она, когда въ первый разъ пріѣхала къ бѣднымъ сиротамъ, что сказала она окружавшимъ ее въ то время чиновникамъ, которые всѣ уже исполнены были тѣмъ стремленіемъ къ добру и тою любовію къ ближнимъ, которыя незабвенная государыня умѣла внушать всѣмъ подчиненнымъ своимъ. Растроганная смиреннымъ и, можно сказать, даже жалкимъ видомъ малютокъ, боязливо смотрѣвшихъ на императрицу и не смѣвшихъ подойти къ ней, не смѣвшихъ отвѣчать на ея нѣжныя ласки [2]), государыня сказала: «счастливы мы, что призваны воспитывать для добродѣтели этихъ невинныхъ дѣтей и возвратить ихъ обществу полезными его членами. Примемся за это прекрасное дѣло съ неутомимою ревностію, но не забудемъ, что тогда только старанія наши принесутъ пользу истинную, когда будутъ проистекать изъ сердца, исполненнаго любви».

Можно по справедливости сказать, что въ этихъ немногихъ словахъ заключалась вся исторія небесной Маріи и вся тайна той всемогущей силы, посредствомъ которой она производила чудеса, столь удивительныя для насъ. Да, милыя дѣти, только любовь,—это сладкое чувство, которому такъ легко покоряется все,—могла дѣйствовать съ такимъ непостижимымъ успѣхомъ, съ какимъ дѣйствовала импе-

---

[1]) Суммы вездѣ здѣсь показаны ассигнаціями.

[2]) Удивительна была разница между этою первою встрѣчею императрицы и послѣдовавшими потомъ, когда ангельская душа Маріи уже привлекла къ себѣ сердца робкихъ малютокъ, когда, ободряемыя ея неподражаемою снисходительностію, веселыя отъ того счастія, которое она проливала на нихъ, они не боялись уже подходить къ ней и радостно бѣжали навстрѣчу, чтобы скорѣе увидѣть свою *милую, ненаглядную!* Такою именно была она для всякаго заведенія, находившагося подъ ея начальствомъ, такою именно называло ее сердце каждаго и каждой изъ воспитанниковъ и воспитанницъ ея.

ратрица Марія на всѣхъ и на все, находившееся подъ ея покровительствомъ. Это прекрасно сказано однимъ изъ приближенныхъ ея, имѣвшихъ счастіе видѣть вблизи все совершенное несравненною государынею. Хотите ли, мы подѣлимся съ вами тѣмъ пріятнымъ удовольствіемъ, какое каждый изъ русскихъ такъ живо чувствуетъ, читая что либо касающееся до императрицы Маріи Θеодоровны. Это удовольствіе цѣнится тѣмъ болѣе, что рѣдко можно пользоваться имъ: еще никто не писалъ драгоцѣнной для человѣчества исторіи Маріи. И такъ, прочтите нѣсколько строкъ близкаго очевидца ея прекрасныхъ дѣлъ и вы, вѣрно, поблагодарите меня за нихъ. Если же кому либо изъ васъ захочется узнать всю превосходную статью, изъ которой взятъ этотъ отрывокъ—для такихъ я скажу, что ее можно найти въ 1-й книгѣ прекраснаго, драгоцѣннаго для насъ именемъ Пушкина, журнала «*Современникъ*» на 1836 годъ. Прочтите тамъ всю эту статью, а здѣсь будьте довольны слѣдующими строками:

«Императрица постигла высочайшую тайну, какъ властвовать сердцами подчиненныхъ своихъ. Въ духѣ истинно-христіанскомъ она образовала царство любви, которая въ каждомъ сердцѣ составляла одно главное побужденіе. Другими средствами невозможно было и дѣйствовать успѣшно на избранномъ ею поприщѣ. Для физическихъ занятій легко придумать все: и правила, какъ устроить ихъ, и формы, какъ ихъ повѣрять. Надъ душою нѣтъ власти, кромѣ силы душевной. Въ этомъ убѣжденіи императрица всякое лицо, вступавшее въ область попечительности ея, признавала равно достойнымъ своего вниманія. Подъ своимъ начальствомъ на всѣхъ степеняхъ она желала видѣть такихъ людей, которыхъ дѣятельность была бы лучемъ ея центральной дѣятельности. Она нисходила къ каждому изъ нихъ и освящала его сердце тою любовію, которая все одушевляла въ кругу ея благотворительности. Она изучила человѣка во всѣхъ его возрастахъ, подъ вліяніемъ всякой страсти, во всякомъ состояніи, во всѣхъ отношеніяхъ: не было примѣра, чтобы кто нибудь изъ подчиненныхъ ея не предался всей ревности къ исполненію долга, къ какой только онъ способенъ былъ по душѣ своей. Въ ея сферѣ

должность и счастіе значило одно и то же. Пусть сообразятъ, какая внимательность со стороны особы, столь высоко поставленной Провидѣніемъ, потребна была къ самымъ мелкимъ обстоятельствамъ частныхъ людей, чтобы никогда и нигдѣ не измѣнить симъ правиламъ. Еслибы возможно было собрать въ одно цѣлое разнообразныя черты умилительно-трогательной ея попечительности о каждомъ лицѣ, которое состояло въ какомъ нибудь къ ней отношеніи, эта картина человѣколюбія, благости и мудрости была бы орошаема сладкими слезами всего человѣчества».

Съ умиленіемъ узнавъ теперь о кроткой и, можно сказать, божественной силѣ, которою дѣйствовала могущественнѣйшая изъ царицъ земныхъ, взглянемъ на самыя дѣйствія ея. Нѣжное, въ полной мѣрѣ материнское вниманіе ея обратилось прежде всего на существа слабѣйшія изъ всѣхъ покровительствованныхъ ею,—на младенцевъ новорожденныхъ, приносимыхъ въ воспитательный домъ. Нельзя исчислить благодѣяній, какія излила она на этихъ несчастныхъ малютокъ! Все, что̀ только касалось до нихъ, было преобразовано и устроено самымъ лучшимъ образомъ. Попечительная государыня заботилась не только о кормилицахъ ихъ, на содержаніе которыхъ въ заведеніе жертвовала ежегодно по 9,000 руб. изъ своей собственной казны, но даже о томъ, чтобы бѣдняжки не терпѣли отъ холода, когда случалось зимою доставлять ихъ въ воспитательный домъ изъ отдаленныхъ частей города. Для этого она учредила въ разныхъ мѣстахъ особенныя *пріемныя,* куда приносились малютки прямо изъ домовъ бѣдныхъ родителей ихъ, и оттуда уже, съ осторожностію и, можно сказать даже, съ материнскою заботливостію доставлялись въ воспитательный домъ. Что же касается до дѣтей, которыхъ отдавали кормить въ деревни крестьянкамъ (потому что ихъ было такъ много, что нельзя было всѣхъ вскормить въ домѣ), то о тѣхъ, императрица, казалось, заботилась еще съ большею попечительностію, потому что они не были въ глазахъ у ней. Какъ часто она говорила о нихъ съ тѣми докторами и чиновниками, которые обязаны были въ извѣстное время объѣзжать всѣ деревни, гдѣ были такія дѣти! Какъ просила ихъ добрая государыня заботиться о здоровьи малю-

токъ, смотрѣть за тѣмъ, чтобы ихъ содержали въ чистотѣ и довольствѣ! А когда она видѣла тѣхъ крестьянокъ, которымъ онѣ поручались, то всегда обходилась съ ними самымъ милостивымъ образомъ и трогательно просила ихъ любить и беречь *дѣтокъ ея*, — такъ она называла бѣдныхъ малютокъ. И тѣмъ крестьянкамъ, которыя отличались своею заботливостію объ этихъ чужихъ для нихъ дѣтяхъ, государыня назначала денежныя награды и другіе подарки.

Замѣтивъ потомъ, что эти дѣти, жившія до семи-лѣтняго возраста въ деревняхъ, отставали въ образованіи своемъ отъ тѣхъ, которыя воспитывались въ самомъ домѣ, императрица основала для нихъ въ 1802 году отдѣльное *Приготовительное заведеніе* въ Гатчинѣ. На основаніе этого новаго заведенія великодушная благотворительница пожертвовала опять изъ собственной казны своей 21,000 руб. Здѣсь семи-лѣтніе мальчики обучались четыре года и потомъ поступали въ воспитательный домъ, гдѣ проходили въ теченіе шести лѣтъ всѣ науки, какія преподаютъ въ гимназіяхъ. Окончивъ этотъ курсъ, отличнѣйшіе могли поступать въ университеты и академіи наукъ, художествъ и медицины, смотря по ихъ способностямъ.

Мальчики, которые не показывали особенныхъ дарованій, не проходили всѣхъ классовъ ученія, но еще изъ среднихъ опредѣлялись простыми писцами въ разныя присутственныя мѣста; другіе же — въ типографію воспитательнаго дома, гдѣ исправляли должности печатниковъ и наборщиковъ, или обучались какому нибудь ремеслу въ разныхъ заведенныхъ при домѣ мастерскихъ и, достигнувъ 21 года возраста своего, выпускались съ небольшимъ капиталомъ, который уже могъ накопиться у нихъ отъ работы ихъ, всегда справедливо цѣнимой и выгодно сбываемой до дня выпуска ихъ. Наконецъ были и такіе изъ воспитанниковъ, которые назначались въ крестьянское званіе. Не думайте, чтобъ это званіе дѣлало ихъ менѣе счастливыми. Нѣтъ, государыня заботилась одинаково о всѣхъ дѣтяхъ своихъ, и крестьяне ея были самые счастливые изъ всѣхъ крестьянъ на свѣтѣ. Она устроила судьбу ихъ самымъ лучшимъ образомъ: купила на счетъ воспитатель-

наго дома 23,000 десятинъ земли въ Саратовской губерніи, приказала построить въ ней *пять* отдѣльныхъ деревень, каждую изъ *ста* дворовъ, и такимъ образомъ поселила тамъ *пятьсотъ* семействъ изъ взрослыхъ воспитанниковъ дома. Имъ дано много правъ и преимуществъ и открыты всѣ средства выйти трудолюбіемъ и прилежаніемъ въ мѣщанское и купеческое званія.

Весь этотъ обширный планъ, по которому такъ прекрасно устроена была судьба питомцевъ домовъ воспитательныхъ, сочиненъ былъ подъ руководствомъ императрицы, основанъ на совершенномъ знаніи ея всѣхъ нуждъ и выгодъ воспитывающихся, исполненъ самой нѣжной о нихъ заботливости. Нельзя надивиться тому, какъ ни одно малѣйшее обстоятельство не было забыто, какъ обо всемъ было передумано августѣйшею матерью несчастныхъ сиротъ! Вы видѣли уже, какъ благодѣтельны были всѣ распоряженія, касавшіяся до мальчиковъ воспитательнаго дома; теперь посмотримъ на судьбу дѣвочекъ. Здѣсь, такъ же какъ и тамъ, все зависѣло отъ способностей и прилежанія воспитанницъ. Самыя отличныя изъ нихъ приготовлялись быть домашними наставницами, т. е. *гувернантками*, и гувернантками не въ столицахъ, гдѣ число ихъ всегда бываетъ велико, но внутри государства, и особенно у помѣщиковъ, живущихъ въ деревняхъ своихъ. Нельзя не замѣтить и въ этомъ случаѣ мудрой попечительности государыни. Сколько затрудненій имѣли прежде семейства, живущія не только въ отдаленныхъ помѣстьяхъ своихъ, но даже и въ губернскихъ городахъ, имѣть наставницу для дѣтей своихъ! Какъ боялись многія изъ образованныхъ дамъ и дѣвицъ ѣхать далеко отъ большого города въ какую нибудь глушь и жить тамъ съ людьми, вовсе незнакомыми имъ и между тѣмъ имѣвшими право нѣкоторымъ образомъ располагать ими. Императрица Марія своими превосходно образованными гувернантками уничтожила всѣ эти затрудненія и сдѣлала тѣмъ величайшее благо для просвѣщенія внутри отечества нашего.

Въ классѣ гувернантокъ, гдѣ обучаются избранныя изъ воспитанницъ, преподаются не только языки: русскій, французскій и нѣмецкій, но и рисованіе, танцованіе, му-

зыка и всѣ женскія рукодѣлья. Окончивъ курсъ, отличнѣйшія получаютъ званіе *кандидатокъ* и еще годъ учатся педагогіи. Помогая въ то же время гувернанткамъ и учителямъ, онѣ практически приготовляются къ званію наставницъ и, по прошествіи года, поступаютъ въ частные дома во внутренности Россіи. Императрица, отпуская изъ материнскаго пріюта бѣдныхъ сиротъ своихъ, заботливо придумала все, что касается до пользы ихъ. Начальство воспитательнаго дома, имѣя ихъ всегда подъ своимъ покровительствомъ, заключаетъ контракты съ тѣми семействами, въ которыя поступаютъ воспитанницы его гувернантками. Такой контрактъ избавляетъ молодую дѣвушку отъ всѣхъ непріятностей, какія, можетъ быть, могли бы случиться съ нею въ мѣстѣ отдаленномъ и между людьми чужими, и въ то же время обязываетъ и ее пробыть не менѣе шести лѣтъ въ одномъ домѣ, разумѣется въ такомъ случаѣ, если она не имѣетъ основательныхъ причинъ быть недовольною этимъ домомъ. По прошествіи срочныхъ лѣтъ, которыя служатъ какъ будто изъявленіемъ признательности воспитанницы къ заведенію за превосходное образованіе свое, она можетъ избрать себѣ мѣстопребываніе, гдѣ захочетъ. Вы, можетъ быть, думаете, что здѣсь оканчиваются благодѣянія государыни, что воспитанница ея, охраняемая высокимъ покровительствомъ въ лѣта неопытности, теперь уже навсегда разстается съ заведеніемъ, бывшимъ колыбелью ея? Нѣтъ, друзья мои, она всегда остается подъ покровительствомъ его и вмѣстѣ съ свободою мѣстопребыванія получаетъ извѣстный капиталъ, составленный, по приказанію государыни, изъ суммы, на имя ея положенной въ ломбардъ въ то время, когда она поступила въ классъ гувернантокъ, и изъ части шести-лѣтняго жалованья ея, прилагаемой каждый годъ къ этой суммѣ. Такимъ образомъ воспитанница, кромѣ образованія—этого достоянія ничѣмъ неоцѣнимаго—получала еще отъ августѣйшей благотворительницы такое денежное награжденіе, котораго достаточно было не только на первое обзаведеніе, но даже и на приданое, въ случаѣ замужества.

Воспитанницы низшихъ классовъ, одаренныя меньшими способностями, обучаются одному какому нибудь от-

дѣльному искусству, напримѣръ музыкѣ или рисованію, или разнымъ женскимъ рукодѣліямъ. Кромѣ того, есть такія, которыхъ опредѣляютъ на фабрики или обучаютъ какому нибудь ремеслу, и наконецъ такія, которыхъ назначаютъ въ крестьянское званіе.

Вотъ, милые читатели, подробное описаніе тѣхъ благодѣтельныхъ распоряженій, которыми императрица устроила счастіе бѣдныхъ дѣтей, оставленныхъ родителями. Чтобы показать, до какой степени простиралась заботливость ея о нихъ, я скажу вамъ еще объ одномъ изъ заведеній, основанныхъ ею: это былъ *домъ призрѣнія* для тѣхъ изъ питомцевъ воспитательнаго дома, которые по какой нибудь неизлечимой болѣзни или увѣчью, или по лѣтамъ своимъ, не могли сами снискивать себѣ пропитанія. Помѣщая *сто* такихъ несчастныхъ въ этомъ спокойномъ пріютѣ, неподражаемая государыня трогательно говорила: «Они найдутъ здѣсь многихъ знакомыхъ, многихъ товарищей юности своей и въ обществѣ ихъ будутъ менѣе чувствовать несчастіе свое, нежели между чужими людьми».

Это еще не все. Императрица основала въ Петербургѣ *Училище глухо-нѣмыхъ*, и въ Гатчинѣ—*Училище для лишенныхъ зрѣнія* питомцевъ дома воспитательнаго. Они обучаются тамъ всему, чему только можно учить ихъ въ горестномъ состояніи ихъ и, наслаждаясь благами, о которыхъ не могли воображать прежде, благословляютъ августѣйшую благотворительницу свою.

Такъ императрица Марія проливала радость и счастье на все, что только было подъ ея благотворнымъ покровительствомъ. Нельзя безъ удивленія сказать, что одни воспитальные дома, въ теченіе ея управленія, образовали 230,000 сиротъ! И кромѣ этого, важнаго блага, какое получило государство въ такомъ великомъ числѣ людей образованныхъ, совершенно сходно съ назначеніемъ ихъ, сколько еще другихъ благотвореній оказала ангельская душа императрицы посредствомъ домовъ воспитательныхъ! Двадцать заведеній существовало суммами, принадлежавшими имъ! И все это прекрасное существованіе было дѣломъ Маріи! Но не думайте, милые читатели, чтобы сердце ея удовольствовалось тѣмъ. Нѣтъ! дѣятельность ея можно было на-

звать безпредѣльною, и вотъ послушайте, сколько другихъ учебныхъ и благотворительныхъ заведеній основано было ею отдѣльно отъ домовъ воспитательныхъ.

Первое мѣсто между ними занимаетъ *институтъ Екатерининскій,* учрежденный императрицею въ 1798 году для такихъ дѣвицъ, которыя по чинамъ отцовъ своихъ не могли поступать въ Смольный монастырь. Названіе *Екатерининскаго* онъ получилъ оттого, что главную часть доходовъ своихъ имѣетъ изъ суммъ ордена св. Екатерины. Такъ какъ планъ ученія и воспитанія былъ совершенно одинакій съ принятымъ въ воспитательномъ обществѣ благородныхъ дѣвицъ и попеченія августѣйшей покровительницы вскорѣ довели новое заведеніе до возможной степени совершенства, то многіе изъ высшаго званія родители начали отдавать туда дочерей своихъ, и теперь почти только по старшинству учрежденія Смольный монастырь имѣетъ преимущество передъ институтомъ Екатерининскимъ. Въ немъ воспитывается *шестьдесятъ* дѣвицъ на счетъ института и *двѣсти сорокъ* пансіонерокъ, изъ которыхъ каждая платитъ по девяти сотъ рублей въ годъ.

Черезъ четыре года потомъ, и именно въ 1802 году, учрежденъ второй Екатерининскій институтъ—въ Москвѣ. На основаніе его государыня пожертвовала опять изъ собственной казны своей единовременно 17,400 руб. и ежегодно по 6,000 руб. Кромѣ того, значительныя пожертвованія сдѣланы членами императорской фамиліи: нѣжная и добродѣтельная мать-государыня умѣла внушить и августѣйшимъ дѣтямъ своимъ то же святое чувство любви къ ближнему, которое такъ неизмѣнно горѣло въ груди ея, и великіе князья и княжны всегда участвовали въ благотвореніяхъ незабвенной родительницы своей. Въ Екатерининскомъ институтѣ въ Москвѣ обучается *восемьдесятъ* неплатящихъ воспитанницъ и сто пятьдесятъ четыре пансіонерки.

По образу обоихъ Екатерининскихъ институтовъ, дворянство Новороссійской губерніи основало въ 1817 году въ Харьковѣ институтъ для тамошнихъ дворянокъ. Государыня удостоила принять его подъ свое покровительство, и теперь Харьковскій институтъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду воспитательныхъ заведеній нашихъ.

Думая безпрестанно о распространеніи круга своей благотворительной дѣятельности и обращая равное вниманіе на всѣ состоянія подданныхъ супруга своего, императрица Марія еще въ 1798 году взяла подъ свое покровительство Коммерческое училище, основанное въ Москвѣ Прокофіемъ Акинѳіевичемъ Демидовымъ и со времени основанія своего, въ 1772 году, разстроенное во многихъ отношеніяхъ. Государыня, чтобы успѣшнѣе преобразовать это училище, перевела его въ Петербургъ, сама собственноручно составила планъ, по которому устроила его, и жертвовала изъ собственной казны своей, по 3,000 руб. въ годъ, на воспитаніе нѣсколькихъ бѣдныхъ дѣтей. Очевидная польза, какую приносило это заведеніе, и цвѣтущее состояніе его возбудили желаніе и въ московскомъ купечествѣ основать такое же училище, и оно существуетъ въ Москвѣ съ 1804 года. Основатели его, по обыкновенію, просили покровительства императрицы, которая и здѣсь пожаловала единовременно 26,500 рубл. и ежегодно 3,000 рублей.

Въ 1807 году попеченіями государыни возродилось къ новой жизни женское отдѣленіе Военно-сиротскаго дома въ Петербургѣ. Это заведеніе основано было императоромъ Павломъ I и теперь извѣстно подъ названіемъ *Павловскаго кадетскаго корпуса*. Женское же отдѣленіе для благородныхъ дѣвицъ, преобразованное, улучшенное во всѣхъ отношеніяхъ и учрежденное почти совершенно по плану Екатерининскаго института,—называется нынѣ *Павловскимъ институтомъ*. Низшее отдѣленіе его, состоящее изъ дочерей солдатскихъ, устроено также совершенно сходно съ своею цѣлію и воспитанницы его учатся всему тому, чего требуетъ будущее состояніе ихъ. Впослѣдствіи государыня, по примѣру этого низшаго отдѣленія Павловскаго корпуса, учредила училища солдатскихъ дочерей въ Петербургѣ и училища для дочерей матросовъ и морскихъ солдатъ въ Севастополѣ и Николаевѣ.

Но мы никогда не кончили бы, еслибы думали говорить о всѣхъ тѣхъ благотворительныхъ дѣлахъ, о всѣхъ тѣхъ святыхъ начинаніяхъ, которыя совершила императрица Марія во время жизни своей. Конечно, можно исчислить, сколько основано ею заведеній учебныхъ и богоугод-

ныхъ, можно исчислить даже и то, сколько успокоено тамъ несчастливцевъ, сколько воспитано дѣвицъ; но кто когда нибудь исчислитъ тѣ блага, какія пролились на Россію вмѣстѣ съ этимъ улучшеннымъ воспитаніемъ женщинъ? Кто исчислитъ, сколько семействъ осчастливлено развитыми талантами или основательными познаніями, или наконецъ дѣтскимъ добродушіемъ и невинностію этихъ новыхъ воспитанницъ? Не говоря уже о сильномъ вліяніи образованности женщинъ на общество, не говоря о томъ счастіи, какое проливаетъ образованная мать на семейство свое, каждая изъ воспитанницъ Маріи принесла въ родительскій домъ любовь, постоянно воспитавшую ее, радость, неразлучную спутницу ея счастливаго дѣтства, и ласковое слово царицы-*маменьки!* [1]) Не забудьте, милыя дѣти, что эта добрая царица приказывала объявлять при выпускѣ воспитанницамъ всѣхъ заведеній ея, чтобы они во время нужды или какого либо несчастія, съ ними случившагося, обращались чрезъ начальство того заведенія, къ которому они принадлежали, къ самой государынѣ, и нѣжное сердце этой государыни всегда находило средства помочь имъ и отвратить отъ семейства ихъ по крайней мѣрѣ тѣ несчастія, которыя происходятъ отъ бѣдности и недостатковъ. Дальновидная, изобрѣтательная любовь Маріи умѣла доставить имъ это важное пособіе и на все будущее время существованія заведеній, и вотъ какимъ образомъ: государыня, при каждомъ изъ этихъ заведеній составила значительный капиталъ, котораго проценты назначены на вспоможенія, награды и пенсіи всѣмъ лицамъ, находившимся подъ покровительствомъ ея, напримѣръ чиновникамъ, служившимъ при заведеніяхъ ея, наставницамъ, учителямъ, питомцамъ воспитательныхъ домовъ, во всѣхъ различныхъ должностяхъ и званіяхъ ихъ, бѣднымъ воспитанницамъ, выходящимъ замужъ, и проч. Заботливость государыни простиралась до такой степени, что въ отношеніи классныхъ дамъ она постановила для тѣхъ изъ нихъ, которыя отставлялись за старостію и болѣзнями съ пенсіей, отводить отъ казны удобныя жилища въ строеніяхъ, принадлежащихъ Смольному

---

[1]) Императрица была такъ милостива, что во многихъ заведеніяхъ позволяла воспитанницамъ называть себя *maman*.

монастырю, чтобы онѣ могли провести въ покоѣ остатокъ дней своихъ. Какъ трогательны слова, сказанныя ею при этомъ случаѣ! «Онѣ жили между нами, говорила добрая государыня, — пока были молоды и въ силахъ; жестоко было бы, еслибъ онѣ нынѣ, въ старости, принуждены были отыскивать себѣ жилища, нанимать ихъ и жить между чужими!»

Устроивъ такимъ прекраснымъ образомъ судьбу всего, что только по чему либо относилось къ заведеніямъ, государыня часто думала о будущности этихъ заведеній и пламенно желала, чтобы всѣ они твердо существовали и тогда, когда она вмѣстѣ съ жизнію лишится и счастія покровительствовать имъ. Для этого она безпрестанно заботилась о томъ, чтобы составить каждому изъ нихъ особенный капиталъ, котораго проценты современемъ могли бы обезпечить все содержаніе ихъ. Основаніемъ этого капитала всегда была сумма, пожертвованная императрицею изъ собственной казны для каждаго заведенія, и вообразите, друзья мои, что это удивительное, почти невѣроятное предпріятіе—поддерживать безъ всякихъ расходовъ существованіе огромныхъ заведеній—увѣнчалось полнымъ успѣхомъ! Маріинскій институтъ [1]) и многія другія вскорѣ уже имѣли капиталы, достаточные для содержанія своего, а въ 1830 году прекращенъ отпускъ ежегодныхъ суммъ изъ государственнаго казначейства и на слѣдующія заведенія: оба воспитательные дома, воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ, оба Екатерининскіе и Александровскій институты, и суммы, нужныя для содержанія ихъ, получаются съ того времени изъ кассъ воспитательныхъ домовъ. Вотъ самое убѣдительное доказательство того благословенія Божія, которое всегда благодатно сопровождало всѣ начинанія императрицы Маріи. Что другое, кромѣ этой святой силы, могло такъ чудесно довершить начатое ею! Вы, конечно, удивитесь, милые читатели, когда скажу я вамъ, что разсказъ нашъ еще не окончится тѣмъ и что вы услышите еще много такого, чему съ трудомъ повѣрите. На-

[1]) Одно изъ любимыхъ заведеній императрицы, основанное ею въ 1797 году изъ собственныхъ суммъ и находившееся впослѣдствіи подъ покровительствомъ ея императорскаго высочества государыни великой княгини Елены Павловны.

примѣръ, какъ не удивиться тому, что императрица, не смотря на безчисленное множество занятій по заведеніямъ, непосредственно принадлежавшимъ ей, находила еще время обращать вниманіе на разныя другія благодѣтельныя учрежденія и принимать въ нихъ жаркое участіе. Вотъ послушайте! Въ 1797 году она изъ собственной казны своей назначила по 20,000 руб. въ годъ на пенсіи бѣднымъ вдовамъ военныхъ офицеровъ. По обыкновенному распоряженію императрицы часть этой суммы обращалась на раздачу пенсій, а остатокъ на основаніе капитала, который бы впослѣдствіи могъ доставить 20,000 руб. процентовъ. И это предположеніе государыни также совершилось, и 20,000 руб. уже давно составляютъ сумму процентовъ накопившагося капитала и каждый годъ избавляютъ отъ крайнихъ нуждъ многія бѣдныя семейства. Но чтобы дать полное понятіе о томъ, что̀ сдѣлала императрица Марія въ этомъ отношеніи, я выпишу число суммъ, до которыхъ достигли въ 1830 году всѣ основанные ею капиталы. Здѣсь, безъ всякихъ описаній, посредствомъ однихъ цифръ можно видѣть великость совершеннаго Маріею.

Основанные капиталы:

На пенсіи вдовамъ военнослужащихъ	967,053 р.	Изъ собственной казны государыни.
На содержаніе воспитывающихся въ разныхъ заведеніяхъ пансіонерокъ императрицы . .	429,000 »	
Кассетный капиталъ	1.289,315 »	Изъ пожертвованій императрицы и ея семейства.
На пенсіи чиновникамъ и служащимъ при воспитательномъ домѣ	936,548 »	Изъ кассъ воспитательнаго дома.
На пенсіи ихъ вдовамъ	310,245 »	
На пенсіи сердобольнымъ вдовамъ	53.931 »	
На воспитаніе вдовьихъ дѣтей	9,375 »	
На награжденіе воспитанникамъ, выпускаемымъ въ званіе врачей, учителей и проч.	80,436 »	
На награжденіе воспитанницамъ, выпускаемымъ въ званіе наставницъ	202,395 »	
На награжденіе воспитанникамъ. опредѣленнымъ мастерами на фабрики	94,245 »	
На награжденіе воспитанникамъ, отличающимся въ наукахъ	11.726 »	
На приданое воспитанницамъ	95,618 »	

И кромѣ всего этого, государыня въ 1802 году основала въ Гатчинѣ *домъ призрѣнія* для 80-ти больныхъ старцевъ, крестьянъ вотчинъ ея, а въ Павловскѣ—больницу на тридцать кроватей.

Въ 1807 и 1812 годахъ учредила въ Петербургѣ при Маріинской больницѣ для бѣдныхъ, ею же основанной въ 1803 году, временныя отдѣленія для *пятидесяти* раненыхъ офицеровъ до совершеннаго ихъ выздоровленія. Послѣ войны 1812 года пожаловала 20.000 руб. разоренньмъ жителямъ Москвы и Смоленска. Въ 1815 основала *домъ призрѣнія* для инвалидовъ. Въ 1821—*домъ призрѣнія* въ Симферополѣ для *тридцати* престарѣлыхъ русскихъ воиновъ. Въ 1823—*странно-пріимный домъ* въ Таганрогѣ. Въ 1824—августѣйшая благотворительница пролила безчисленныя милости на пострадавшихъ отъ сильнаго случившагося тогда наводненія; наконецъ въ 1828,—по просьбѣ его величества императора Николая I, приняла подъ свое покровительство всѣ зависящія отъ Приказа общественнаго призрѣнія богоугодныя заведенія въ Петербургѣ, и хотя это былъ уже послѣдній годъ ея прекрасной жизни, но и этотъ короткій срокъ не помѣшалъ ей совершить множество величайшихъ благодѣяній. Она успѣла улучшить во всѣхъ отношеніяхъ состояніе городской Обуховской больницы, богадѣльни, сиротскаго дома и совершить полное преобразованіе *дома умалишенныхъ*. Особенно для этихъ несчастныхъ она сдѣлала добро, ничѣмъ неоцѣнимое: состояніе ихъ въ физическомъ и нравственномъ отношеніи до того было улучшено, что чрезъ нѣсколько недѣль управленія государыни никто не узнавалъ ихъ. Кротость и ласковость, которыя предписано было непремѣнно имѣть въ обращеніи съ ними, казалось поселили и въ нихъ эти оба чувства, и они сдѣлались такъ смирны, покорны и ласковы, что могли вскорѣ быть въ церкви при богослуженіи. Въ тотъ же самый годъ, съ наступленіемъ весны, государыня замѣтила тѣсноту и неудобство дома, въ которомъ помѣщены были эти несчастные, и тогда же рѣшилась устроить для нихъ жилища за городомъ. Для этого она купила прекрасную дачу на 7-й верстѣ петергофской дороги. Большой садъ, принадлежавшій къ ней, представляетъ самыя удобныя и пріятныя

мѣста для прогулокъ, а для больныхъ такого рода эта главная необходимость. Проводя большую часть времени на чистомъ воздухѣ, въ занятіяхъ, какія только могутъ нравиться имъ, пользуясь полною, возможною для нихъ свободою, видя около себя людей, похожихъ не на суровыхъ надзирателей, но на ласковыхъ родственниковъ, заботящихся о нихъ,—бѣдные страдальцы начали вести совсѣмъ новую жизнь, и многіе въ скоромъ времени выздоровѣли, а другіе подали надежду къ выздоровленію. Но нѣжное, ангельское сердце Маріи уже не насладилось этою радостію на землѣ: въ октябрѣ того же 1828 года она скончалась и осиротѣвшія дѣти ея всѣхъ возрастовъ и всѣхъ состояній долго оплакивали эту невозвратную потерю. Съ удаленіемъ ея изъ міра земного, гдѣ столько лѣтъ она благодѣтельствовала, гдѣ проливала добро на милліоны людей, казалось, все осиротѣло. Всѣ плакали, потому что не было дома, который бы не участвовалъ непосредственно или посредственно въ ея благодѣяніяхъ. А бѣдныя дѣти! О! сколько слезъ онѣ пролили, когда имъ сказали, что онѣ уже никогда, никогда болѣе не увидятъ своей милой благодѣтельницы! Начальницы и классныя дамы всѣхъ институтовъ не знали какъ утѣшить бѣдныхъ малютокъ. Имъ удалось это только тогда, когда онѣ начали говорить дѣтямъ, что обожаемая государыня ихъ наслаждается теперь у Бога блаженствомъ, никогда не скончаемымъ, за добрыя дѣла свои; что она теперь изъ земного ангела, какимъ всѣ привыкли называть ее, сдѣлалась ангеломъ небеснымъ; что она молится за всѣхъ дѣтей своихъ у престола Божія и что поручаетъ ихъ на землѣ великодушному сыну своему императору Николаю Павловичу и его супругѣ. Только эти утѣшительныя слова и пріѣздъ молодой государыни успокоили нѣсколько встревоженныя сердца дѣтей ея, и онѣ могли умѣрить неутѣшную печаль свою. Послѣ этой печали дѣтства, забывшаго въ жестокую минуту потери своей всю игривую веселость своего счастливаго возраста, что̀ сказать о горести того безчисленнаго множества или слабыхъ, или больныхъ, или престарѣлыхъ несчастливцевъ, которые были призрѣны и успокоены Маріею? Эта горесть людей, близкихъ къ мо-

гилѣ, не могла утѣшиться скоро: она облегчалась только надеждою скораго соединенія съ незабвенною покровительницею. Но что говоримъ мы о горести тѣхъ, которые существовали благодѣяніями императрицы? Она не удивительна, когда мы скажемъ, что весь народъ вообще и всѣ классы его въ особенности поражены были ея кончиною въ самое сердце. Эта общая горесть прекрасно выражена любимымъ поэтомъ нашимъ В. А. Жуковскимъ. Зная, сколько удовольствія можетъ доставить вамъ это превосходное стихотвореніе, сколько благородныхъ и нѣжныхъ чувствованій оно возбудитъ въ душѣ вашей, и притомъ какъ вѣрно опишетъ то, что происходило въ душѣ русскихъ во время этой кончины, я выпишу его здѣсь.

ЧУВСТВО ПЕРЕДЪ ГРОБОМЪ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ.

ВЪ НОЧЬ НАКАНУНѢ ЕЯ ПОГРЕБЕНІЯ.

И такъ, твой гробъ съ мольбой объемлю,
И такъ, покинула ты землю,
Небесно-чистая душа,
Какъ Божій ангелъ, соверша
Межъ нами путь благотворящій,
Какъ день, безъ облакъ заходящій,
Ты удалилася отъ насъ!
Неизъяснимый смертный часъ!
Еще досель не постигаемъ,
Что на землѣ тебя ужъ нѣтъ!...
Тобой былъ такъ украшенъ свѣтъ!
Еще такъ тѣсно мы сливаемъ
Тебя со всѣмъ, что̀ въ мірѣ есть
Намъ драгоцѣннаго, святого,
Еще привычкою обрѣсть
Тебя всѣ мнимъ среди земного;
А ты?.. О! каждому изъ насъ
Часть жизни умерла съ тобою!
Съ твоей отшедшею душою
Какой-то сладкій свѣтъ угасъ,
Которымъ сердце ободрялось,
Въ которомъ таинство являлось
Святого Промысла ему.
Тобою радуясь безпечно,
Мы жизнь твою считали вѣчной....

И вдругъ ко гробу твоему
Идемъ на вѣчную разлуку.
Твою-ль цѣлуемъ мы въ слезахъ,
Досель подательницу благъ,
Теперь безчувственную руку?
Ты-ль въ багряницѣ, подъ вѣнцомъ
Съ симъ безотвѣтственнымъ лицомъ
На гласъ любви, на гласъ печали?
Такою-ль мы тебя видали!
Сей погребальный ѳиміамъ,
Сей ликъ, едва въ немъ зримый намъ,
Сія возвышенная рака,
Среди таинственнаго мрака
Одна стоящая въ лучахъ,
Блистанье гробового трона,
Главы лишенная корона,
Порфира падшая на прахъ...
Невыразимое видѣнье!
Трепещетъ здѣсь воображенье
Предъ ужасомъ небытія...
Но здѣсь же умиленно я
Отраднымъ ангеломъ на землю
Сходящій сладкій голосъ внемлю:
Не возмущайтеся душой! [1])
О! это ты! сей голосъ твой.
Заутра пышность сей гробницы,
Сей прахъ минувшія царицы
Землѣ навѣки отдадутъ.
Но что̀ же, что̀ въ ней погребутъ?
Лишь гробъ, лишь скрытое во гробѣ,
Лишь смерти безъименный знакъ;
Въ земной таинственной утробѣ
Отъ глазъ сокроетъ вѣчный мракъ
Одинъ лишь видъ уничтоженья.
Одинъ symволъ небытія...
Но жизнь прекрасная твоя,
Symволъ прекрасный Провидѣнья,
Межъ нами будетъ, какъ была,
Всегда жива, чиста, свѣтла,
Воспоминаньемъ благодатна
И сердцу вѣчно безутратна.

Въ рѣшительной прощанья часъ
Съ любовью, съ горкимъ сокрушеньемъ,
Съ невыразимымъ умиленьемъ

---

[1]) Въ эту ночь было читано Евангеліе: *Да не смущается сердце ваше.*

Я падаю въ послѣдній разъ
Передъ гробницею твоею...
О! я дерзаю передъ нею
За всю отчизну говорить,
И въ голосъ мой соединить
Всѣ голоса, въ сіе мгновенье
Въ одно сліянное моленье.

«Благодаримъ, благодаримъ
Тебя за жизнь твою межъ нами:
За тронъ твой, царскими дѣлами
И сердцемъ благостнымъ твоимъ
Украшенный, превознесенный;
За образецъ, тобой явленный
Божественныя чистоты,
За прелесть кроткой простоты
Среди блистанья царской славы,
За младость дѣвъ, за жизнь дѣтей,
За чистые душой твоей
Полвѣка сохраненны правы;
За благодать, съ какою ты
Спѣшила въ душный мракъ больницы,
Въ пріютъ страдающей вдовицы
И къ колыбели сироты...
Съ тобой часть жизни погребая,
И матерь милую свою
Въ тебѣ могилѣ уступая,
Въ минуту скорбную сію,
Въ единый плачъ, сліясь сердцами,
Всѣ предъ тобою говоримъ:
«Благодаримъ! благодаримъ!
И нѣкогда потомки съ нами
Всѣ повторятъ: *благодаримъ!»*

Къ этимъ стихамъ, столь поэтическимъ и столь вѣрно изображающимъ Марію, прибавимъ еще нѣсколько подробностей, собранныхъ нами отъ тѣхъ особъ, которыя имѣли счастіе близко знать покойную императрицу. Какъ удивительна, какъ неподражаема была эта государыня во всѣхъ отношеніяхъ жизни, разсматривать ли ее какъ супругу, или какъ мать, или какъ царицу!

Начнемъ съ ея семейной жизни. Она любила супруга своего съ величайшею нѣжностію: всѣ малѣйшія желанія его для нея были закономъ. Она уважала всѣ его привычки, и даже тогда, когда его уже не было на свѣтѣ.

Память его была для нея самою драгоцѣнною святынею. До самой кончины своей она проводила каждое время года тамъ, гдѣ жила съ нимъ. Всѣ помнятъ, что съ 1-го мая до октября она оставалась въ Павловскѣ и на октябрь переѣзжала въ Гатчину: что она не дѣлала ни малѣйшей перемѣны ни въ расположеніи, ни въ убранствѣ комнатъ своихъ, и что онѣ оставались всегда такими, какъ были при обожаемомъ ею супругѣ.

Нѣжнѣйшая любовь ея къ дѣтямъ, въ которыхъ Провидѣніе такъ явно передъ нами показало къ ней благость свою, ни съ чѣмъ не можетъ быть сравнена. Ни лѣта, ни санъ, ни разлука, ничто не могло и малѣйше поколебать тѣхъ чувствъ безпредѣльной ихъ преданности и благоговѣнія къ ней, которыя она умѣла поселить въ нихъ своею материнскою попечительностію объ ихъ дѣтствѣ. Двое изъ сыновей ея, облеченные императорскою властію, всегда являлись предъ нею, какъ предъ своею законною повелительницею. Еслибы въ ея взорѣ показалась тѣнь неудовольствія или неодобренія, никто изъ нихъ не имѣлъ бы духу оставить ее, не вымоливъ себѣ всегдашней ея нѣжности и ласки. Ея дочери, пріѣзжая изъ-заграницы, высчитывали минуты, которыя могли проводить съ нею.

Воспитаніемъ первыхъ сыновей ея занималась еще сама императрица Екатерина. Для государя императора Николая Павловича и для великаго князя Михаила Павловича она избрала въ наставники людей, лично ей извѣстныхъ. И при всемъ томъ ея заботливость простиралась до того, что каждый изъ наставниковъ обязанъ былъ письменно представлять ей уроки, которые предполагалъ давать великимъ князьямъ. Это такъ сблизило ее съ наставниками дѣтей ея, что всѣ они до смерти государыни оставались въ числѣ самыхъ приближенныхъ къ ней особъ. Изъ нихъ Шторхъ и Аделунгъ даже лѣтомъ всегда получали квартиры въ Павловскѣ, чтобы удобнѣе находиться въ избранномъ обществѣ императрицы. Дыша такимъ невыразимымъ благоволеніемъ ко всему, что касалось только ея семейства, императрица была строга къ одной себѣ. Она удалялась всего, что мы называемъ сладостію отдохновенія. Покойная одежда, покойная мебель, легкое развлеченіе—все это для нея не

существовало. Съ 9-го часа утра начинались доклады. Минуты не смѣлъ опоздать ни одинъ изъ секретарей ея. Дѣла шли стройно, мѣрно, неизмѣнно ни въ какомъ отношеніи и ни по какому случаю. Разсказывали какъ вещь необыкновенную, въ 1816 году, что 9-го февраля не сошла отъ нея одна изъ бумагъ, наканунѣ отправленныхъ въ ея канцелярію. Въ этотъ день была свадьба великой княжны Анны Павловны. Между тѣмъ эта же бумага 10-го февраля уже была утромъ подписана императрицею. Государыня въ кабинетѣ своемъ всегда сидѣла на соломенномъ плетеномъ стулѣ; она держалась прямо, никогда не опираясь на спинку стула. Даже на экзаменахъ въ ея заведеніяхъ, гдѣ она просиживала отъ 9 часовъ утра до 3-хъ пополудни, а иногда и долѣе, для ея особы всегда ставили простой соломенный стулъ. Точность ея въ дѣлахъ не измѣнялась ни въ какомъ случаѣ. Въ Екатерининскомъ институтѣ одинъ изъ недавно опредѣлившихся учителей, чувствуя себя не совсѣмъ здоровымъ, позволилъ себѣ пріѣхать на экзаменъ при императрицѣ въ 9¹/₄ часовъ. Его встрѣчаютъ извѣстіемъ, что государыня изволитъ ожидать его четверть часа, такъ какъ онъ долженъ былъ начинать. Не желая привести въ бо̀льшее замѣшательство этого молодого человѣка, государыня не позволила экзаменовать изъ другого предмета и, замѣтивъ испуганный видъ его при входѣ въ залъ, съ обыкновенною ласковостію спросила у него, отчего онъ опоздалъ. Ободренный благосклонностію государыни, но все еще встревоженный мыслію о своей неисправности, робко отвѣчалъ онъ, что у него передъ отъѣздомъ изъ дому сдѣлалось головокруженіе. Заботливость императрицы о подчиненномъ выразилась самымъ трогательнымъ образомъ. Разспросивъ его подробно о здоровьѣ его, она не иначе приказала ему экзаменовать, какъ усадивъ его на покойномъ стулѣ, чтобы онъ не утомился.

Государыня, чувствуя, что съ каждымъ часомъ она можетъ сдѣлать что нибудь полезное, чрезвычайно дорожила своимъ временемъ и никогда не употребляла его на одни удовольствія, даже часы, опредѣляемые на прогулки, между утренними занятіями и обѣдомъ, она проводила въ

обозрѣніи своихъ заведеній. Она слѣдовала этому правилу и лѣтомъ, когда жила за городомъ, и располагала самыя прогулки свои такимъ образомъ, чтобы въ это же время имѣть случай произвести какое нибудь обозрѣніе.

Ея вечера были усладительною для всѣхъ бесѣдою. Она всегда являлась съ какою нибудь работою. Назначалось чтеніе. Всѣ были безъ малѣйшаго принужденія. Ни одинъ изъ лучшихъ нашихъ литераторовъ не лишенъ былъ счастія читать что нибудь свое—для государыни. Карамзинъ, Крыловъ, Жуковскій и многіе другіе принимаемы были у нея какъ гости и какъ друзья. Не говоря о ближайшихъ, — драгоцѣннымъ вниманіемъ ея пользовались самые незначущіе чиновники. Она лично знала всякаго, кто только былъ въ ея службѣ, и въ доказательство этого я разскажу вамъ, милыя дѣти, одинъ изъ самыхъ трогательныхъ случаевъ.

Въ 1826 году, отправившись въ Москву, государыня вспомнила, что здѣсь остался боленъ одинъ изъ учителей въ ея заведеніи. Въ Москвѣ въ это время происходили приготовленія къ коронаціи, въ это время тамъ же родилась внука императрицы великая княжна Елисавета Михаиловна; въ это же время въ Бѣлевѣ скончалась императрица Елисавета Алексѣевна. И что-жъ? Къ больному учителю является одинъ изъ докторовъ государыни и объявляетъ, что онъ получилъ повелѣнія ея: *во-первыхъ,* узнать, кто его лечитъ, *во-вторыхъ,* въ какой степени находится болѣзнь, и *въ-третьихъ,* еженедѣльно доставлять ей рапорты о состояніи здоровья его. Не умилительна ли эта трогающая душу заботливость царицы объ одномъ изъ младшихъ чиновниковъ ея заведеній и въ то время, когда собственное сердце ея было встревожено различными и противорѣчащими ощущеніями?

Всѣмъ извѣстна была привязанность государыни къ воспитанницамъ ея заведеній. Часто пріѣзжала она изъ Павловска въ городъ, чтобы навѣстить и потѣшить букетомъ цвѣтовъ какую нибудь больную дѣвушку, если узнавала, что это ее порадуетъ и, можетъ быть, облегчитъ. Въ больницахъ она являлась ангеломъ-утѣшителемъ. Она не только лично и часто осматривала больныхъ, но даже

нерѣдко присутствовала при трудныхъ и для многихъ невыносимыхъ операціяхъ, потому только, что больные не соглашались подвергнуться имъ иначе, какъ въ ея присутствіи. Такое безразсудное желаніе страдальцевъ служитъ сильнѣйшимъ доказательствомъ той безпредѣльной благосклонности, какую всегда показывала имъ государыня.

Ея благочестіе было безпримѣрное. Въ продолженіе великаго поста она говѣла и на первой, и на послѣдней недѣлѣ. Распространеніе религіозныхъ мыслей и чувствованій она почитала важнѣйшею своею обязанностію. Однажды, окончивъ экзаменъ изъ исторіи русской словесности, она сказала учителю: «Я чрезвычайно довольна всѣмъ, что слышала, но мнѣ показалось, что вы не довольно подробно говорили о писателяхъ духовныхъ».—Словомъ, нельзя представить ни одной стороны въ жизни, гдѣ бы она не являлась высокимъ образцомъ.

Теперь, милые читатели, когда вы имѣете уже—хотя краткое, но сколько возможно для васъ—полное понятіе о высокихъ качествахъ императрицы Маріи Ѳеодоровны и о томъ безчисленномъ добрѣ, которое пролила она на отечество наше, обратимся снова къ 1797 году. Вы помните, что для большей полноты разсказа нашего о томъ, что̀ совершено было императрицею на благотворительномъ поприщѣ ея, мы нарушили хронологическій порядокъ нашей исторіи и разсказали событія, касавшіяся до нея въ этомъ отношеніи нѣсколькими годами далѣе того времени, до котораго дошло наше общее повѣствованіе. Увѣренные, что это небольшое отступленіе отъ принятаго правила не повредило разсказу нашему, мы, сохраняя послѣдовательность его, возвращаемся къ тому мѣсту, откуда прервали его, т. е. къ царствованію императора Павла I и къ эпохѣ самой блистательной этого царствованія.

РУССКІЕ ВЪ ИТАЛИИ И ШВЕЙЦАРІИ.

отъ 1797 до 1801 года.

(4 года).

Вы, конечно, помните, милые читатели, что мы говорили въ разсказахъ нашихъ объ ужасномъ переворотѣ, происшедшемъ во Франціи въ концѣ XVIII столѣтія, и о пагубномъ вліяніи этого переворота на многія государства европейскія. Вы, конечно, помните все, что произошло отъ того въ Польшѣ. Но еслибы вы могли представить себѣ, сколько бѣдствій эта страшная революція произвела въ другихъ царствахъ! Еслибы вы могли сообразить, до какой степени ужасовъ дошли французы съ тѣхъ поръ, какъ объявили себя республиканцами, т. е. людьми, не признающими власти королевской! Безумно покорившись республиканскому правленію, они сдѣлали еще хуже: захотѣли ввести его въ другія государства. Неудивительно, что они нашли во многихъ мѣстахъ приверженцевъ: они проповѣдывали всѣмъ свободу и равенство. Гдѣ же нѣтъ такихъ людей, которые желали бы освободиться отъ власти, удерживающей ихъ отъ пороковъ и страстей? О! это обольстительное слово, казалось, было выше самой свободы! Равенство означаетъ то состояніе общества, когда всѣ члены его равны между собою, когда между ними нѣтъ ни болѣе, ни менѣе знатныхъ, но всѣ находятся въ одномъ званіи и пользуются равными правами гражданина. Такъ всегда бываетъ въ республикахъ. Скажите, какъ же людямъ низшихъ сословій, къ которымъ всегда принадлежитъ большая часть возмутителей общаго спокойствія, не желать было такимъ легкимъ образомъ сравниться съ первѣйшими людьми въ отечествѣ своемъ? Какъ было имъ не броситься съ жадностію къ такой новости, тѣмъ болѣе, что французы обманчиво описывали имъ выгоды и счастіе этой свободы и этого равенства; тѣхъ же, которые были не такъ легковѣрны, чтобы увлечься ихъ описаніями, они принуждали силою повиноваться себѣ. О! сколько несчастій испытали тогда почти всѣ земли европейскія! Безбожные французы

(они въ полной мѣрѣ были достойны такого названія: вы знаете уже, что они въ безуміи своемъ забыли Бога), безбожные французы шли войною туда, гдѣ не принимали преступныхъ правилъ ихъ, и законные государи не въ состояніи были защитить подданныхъ своихъ: республиканцы нападали на нихъ первыхъ и, отнимая у нихъ наслѣдственные престолы, покоряли власти своей области ихъ съ названіемъ республикъ. Такимъ образомъ они завоевали уже Нидерланды и назвали ихъ *Батавскою* республикою; завоевали всю сѣверную часть Италіи и сдѣлали изъ нея двѣ республики: *Цизальпинскую* и *Лигурійскую;* завоевали и Швейцарію, и королевство Неаполитанское, и обратили ихъ въ республики *Гельветическую* и *Парѳенопейскую.* Этого еще было мало. Они привели въ разстройство почти всю Германію: нѣкоторыя области ея уже принадлежали французамъ, другія готовы были перейти на ихъ сторону, увлекаясь ложными понятіями о мнимой свободѣ. Наконецъ и священная свобода первосвященника церкви католической не избавилась отъ общаго бѣдствія: онъ вмѣстѣ съ многими другими законными государями лишился принадлежавшихъ ему областей, отвезенъ былъ во Францію какъ плѣнникъ, и Римъ — эта древняя столица міра—призналъ надъ собою власть французовъ, которые, видя свои необыкновенные успѣхи, уже считали себя непобѣдимыми и замышляли обратить всю Европу въ одну обширную республику. Такіе дерзкіе замыслы сдѣлались главною мыслію французовъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ на степень перваго полководца ихъ возвысился молодой человѣкъ, не знатный родомъ, но одаренный умомъ необыкновеннымъ, характеромъ сильнымъ, честолюбіемъ непомѣрнымъ. Это былъ Наполеонъ Бонапартъ, о которомъ вы услышите много впослѣдствіи. Онъ-то своимъ военнымъ искусствомъ, своею твердою волею и непоколебимымъ мужествомъ доставилъ французамъ блестящіе успѣхи ихъ и поселилъ въ нихъ гордую мысль о непобѣдимости ихъ. Подъ его предводительствомъ они навели страхъ на всѣ государства европейскія, и Австрія, болѣе всѣхъ оскорбленная за Германію, первая вздумала о сопротивленіи ужасной силѣ, покорявшей все, что̀ встрѣчалось ей

на пути. Англія раздѣляла это справедливое негодованіе, но соединенныя усилія обоихъ государствъ не въ состояніи были поколебать безпрестанно возраставшее могущество республики Французской. Они обратились къ тому, отъ кого одного могла ожидать спасеніе вся Европа—къ императору русскому. Павелъ I, отличавшійся глубокою преданностію къ вѣрѣ и справедливости, давно съ негодованіемъ смотрѣлъ на беззаконія Франціи и удивлялся терпѣнію государей сосѣдственныхъ съ нею земель. Воззванія Австріи и Англіи приняты имъ были съ удовольствіемъ, и вскорѣ къ союзу трехъ сильнѣйшихъ государствъ европейскихъ приступили и многія другія: Пруссія, Германія, Неаполь, Турція и мальтійскіе рыцари. Всѣ они желали одного: освободить завоеванныя французами области Италіи, Швейцаріи, Германіи и Голландіи и возвратить законнымъ государямъ принадлежавшіе имъ престолы. Велика и славна была такая цѣль союза, но какъ трудно казалось для всѣхъ достигнуть ее! Гдѣ взять военачальника, которому бы единодушно повиновалось войско, составленное изъ различныхъ народовъ? Одно это обстоятельство приводило въ большое затрудненіе союзниковъ, какъ вдругъ взоры главнѣйшихъ изъ нихъ, императора австрійскаго и короля англійскаго, согласно остановились на героѣ, которому такъ давно уже дивилась Европа—на фельдмаршалѣ русскомъ графѣ Суворовѣ. Въ это время онъ былъ уже въ отставкѣ и жилъ въ деревнѣ своей Кончанскѣ, Новгородской губерніи. Здѣсь, проводя въ глубочайшемъ уединеніи спокойные и, можетъ быть, по причинѣ непривычнаго для него бѣздѣйствія, скучные дни, онъ съ огорченіемъ смотрѣлъ на происшествія Европы и сожалѣлъ, что судьба не исполнила пламеннаго желанія его и ему не удалось поспорить въ военномъ искусствѣ съ французами, которыхъ всѣ уже считали непобѣдимыми. При мыслѣ о войнѣ съ ними сильно еще волновалась старая кровь его, сильно говорило сердце, что онъ побѣдилъ бы ихъ. И вотъ въ одну изъ такихъ печальныхъ для него минутъ, въ мартѣ 1799 года, подаютъ ему письмо отъ государя. Съ благоговѣніемъ онъ принялъ и поцѣловалъ его (такъ всегда дѣлалъ онъ со всѣми вещами, получаемыми имъ отъ государей его).

Какъ же велико было восхищеніе его, когда онъ прочиталъ въ этомъ письмѣ слѣдующія строки, написанныя собственною рукою императора Павла: «Я рѣшился послать васъ въ Италію на помощь къ его величеству императору и королю, моему союзнику и брату. Суворову не нужны ни побѣды, ни лавры; но отечеству нуженъ Суворовъ, и желанія мои согласны съ желаніями Франца II, который, поручая вамъ начальство надъ своею арміей, проситъ васъ принять это достоинство. И такъ, отъ Суворова зависитъ согласиться на желаніе отечества и просьбу Франца II».

Съ наслажденіемъ перечитывалъ фельдмаршалъ это драгоцѣнное письмо. Оно, казалось, возродило его къ новой жизни и возбудило въ немъ всю прежнюю дѣятельность. Не теряя ни минуты, поѣхалъ онъ, по приказанію государя, въ Петербургъ. Здѣсь ожидала его милость царская, прежде нежели начались новые подвиги его: императоръ Павелъ I пожаловалъ ему знаки вновь учрежденнаго имъ въ Россіи ордена св. Іоанна Іерусалимскаго[1]). Въ то время, когда государь собственными руками надѣвалъ на Суворова этотъ орденъ, знаменитый и скромный фельдмаршалъ, полный радостнаго чувства, воскликнулъ: «*Боже, спаси царя!*» На это остроумный государь отвѣчалъ: «Тебѣ предстоитъ спасать царей!»

Эти пророческія слова императора приняты были Суворовымъ, какъ будто благословеніе свыше на дѣла великія, въ самомъ дѣлѣ предстоявшія ему, и желаніе совершить ихъ запылало еще сильнѣе въ груди его. Всегда исполненный надежды на помощь Божію и на храбрость своихъ *чудо-богатырей*[2]), онъ весело отправился въ Вѣну и встрѣченъ былъ тамъ съ тѣмъ восторгомъ, какой вездѣ и всѣмъ внушала слава его. Начиная съ императора, до послѣдняго изъ подданныхъ его, всѣ какъ будто наперерывъ старались изъявить знаменитому фельдмаршалу свое ува-

---

[1]) Этотъ орденъ кавалеровъ Мальтійскихъ или рыцарей острова Мальты принятъ былъ императоромъ Павломъ подъ особенное покровительство при самомъ восшествіи его на престолъ, а потомъ въ октябрѣ 1798 года и установленъ въ Россіи.

[2]) Такъ Суворовъ всегда называлъ солдатъ русскихъ.

женіе, любовь и ту радость, которую проливало на все присутствіе его. Одинъ изъ иностранныхъ писателей, находясь въ это время въ Вѣнѣ, такъ описываетъ чувства тамошнихъ жителей къ нашему незабвенному герою: «Ce que nous avons vu et considéré attentivement, et comme un frappant phénomène, c'est la joie, la confiance et l'espoir que la présence de Souvoroff inspirait, depuis le plus mince particulier, jusqu'au plus grand seigneur, depuis le soldat jusqu'au général en chef. Il semblait que la monarchie Autrichienne était animée d'une nouvelle vie, et que les plus hautes destinées l'attendaient: tant est grande l'influence du génie et d'un noble caractère. Voilà, par exemple, une espèce d'originalité, qui caractérisait Souvoroff, et elle n'est pas commune[1])».

На эти искренніе чувства Суворовъ отвѣчалъ такими же, и вскорѣ живѣйшее дружество соединило его съ Францомъ II, а любовь и благодарность за изъявляемую преданность—съ народомъ его. Получивъ отъ императора званіе фельдмаршала и главнаго начальника всей союзной арміи, онъ отправился черезъ нѣсколько дней послѣ пріѣзда своего въ Верону, гдѣ была главная квартира союзной арміи. Прощаясь съ императоромъ, Суворовъ съ увѣренностію обѣщалъ прислать ему вскорѣ вѣсти о побѣдахъ, и не ошибся. При самомъ вступленіи его въ Италію, гдѣ назначено было главное мѣсто войны, побѣды, какъ обыкновенныя спутницы, уже ожидали его: русскія войска отняли у французовъ крѣпости: *Бресчіо, Бергамо, Лекко, Кремо* и *Кремону*. Здѣсь отличались генералы: *князь Багратіонъ* и *Милорадовичъ*. Въ сраженіи при Кассано присутствовалъ лично самъ Суворовъ, и оно было одно изъ самыхъ блистательныхъ, одно изъ тѣхъ, которыя рѣшили

---

[1]) Внимательно и какъ разительный феноменъ разсматривали мы ту радость, довѣренность и надежду, которыя присутствіе Суворова внушало каждому, начиная отъ самаго незначущаго частнаго человѣка до знаменитѣйшаго вельможи, начиная отъ солдата до главнокомандующаго арміею. Казалось, что имперія Австрійская одушевилась новою жизнію, и что великая судьба ожидала ее; такъ могущественно вліяніе генія и благороднаго характера. Вотъ оригинальная черта, отличавшая Суворова, и надобно признаться, что она не очень обыкновенна.

судьбу Верхней Италіи. Начальникомъ непріятельской арміи былъ здѣсь славный генералъ *Моро*. Суворовъ совершенно разбилъ его, принудилъ бѣжать, и этою побѣдою уничтожилъ республику Цизальпинскую и вступилъ въ Ломбардію. Жители столицы ея, Милана, встрѣтили его какъ своего избавителя. Архіепископъ, со всѣмъ духовенствомъ и государственными чинами, вышелъ къ самымъ городскимъ воротамъ. Увидя духовную процессію, набожный фельдмаршалъ сошелъ съ лошади и, принявъ благословеніе архіепископа, сказалъ: «Я пришелъ возстановить вѣру Іисуса Христа, возвратить папѣ престолъ его, привести снова народы къ уваженію должному царской власти. Званіе ваше возлагаетъ на васъ обязанность помогать моему похвальному намѣренію, и я надѣюсь на эту помощь».

Великъ былъ восторгъ къ имени Суворова во всѣхъ мѣстахъ, пострадавшихъ отъ самовластія французовъ, но послѣ торжественной встрѣчи его въ Миланѣ, послѣ небольшой, но сильной рѣчи, гдѣ такъ ясно объявлена была благодѣтельная цѣль похода русскихъ войскъ, жители Италіи и всѣхъ покоренныхъ Франціею областей не знали мѣры восхищенію и усердію своему къ фельдмаршалу русскому. Они собственными глазами увидѣли въ немъ храбраго полководца, великодушнаго побѣдителя, благочестиваго защитника вѣры и законной власти. Они желали ему успѣха, молились о немъ, и молитвы ихъ были услышаны: побѣды одна за другой прославляли героя русскаго. Не прошло двухъ мѣсяцевъ отъ вступленія союзныхъ войскъ въ Италію, какъ уже, кромѣ Милана, многіе важнѣйшіе города и крѣпости (Пескьера, Тортона, Пичигетона, Александрія, Туринъ) сдались союзникамъ. Сдача Александріи была особенно примѣчательна тѣмъ, что Суворовъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ эту крѣпость. Онъ желалъ этой торжественности потому, что за нѣсколько дней передъ тѣмъ пріѣхалъ въ армію и уже участвовалъ въ подвигахъ ея второй сынъ императора Павла Петровича, двадцати-лѣтній тогда великій князь Константинъ Павловичъ. Присутствіе его доказывало, какое живѣйшее участіе принималъ августѣйшій родитель его въ дѣлѣ союзниковъ.

Итальянцы, смотря на молодого князя, уже отличившагося въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, одушевлялись новыми надеждами, чувствовали новыя силы противиться врагамъ своимъ, а Суворову это и нужно было: съ единодушнымъ усердіемъ жителей и храбростію своихъ войскъ онъ надѣялся сдѣлать все.

Въ Туринѣ ожидало фельдмаршала самое блистательное торжество. Великолѣпнѣйшая иллюминація освѣтила городъ въ день его вшествія туда, и въ театрѣ, куда онъ пріѣхалъ по приглашенію, увѣнчанъ былъ бюстъ его лавровымъ вѣнкомъ. Изображеніе всѣхъ побѣдъ его окружали этотъ бюстъ, а громкія восклицанія: «Да здравствуетъ Суворовъ!» наполняли воздухъ. Это усердіе чужестранцевъ до того тронуло знаменитаго воина, что слезы умиленія полились изъ глазъ его.

Вскорѣ послѣ того восторгъ и надежды итальянцевъ еще болѣе увеличились: 5-го мая союзники одержали важную побѣду надъ французскимъ генераломъ Моро при Сенъ-Жуліано (близъ Александріи) и принудили его даже къ бѣгству въ горы Генуэзскія. Здѣсь думалъ онъ поправить свои обстоятельства, соединившись съ другимъ французскимъ генераломъ Макдональдомъ, котораго войско расположено было по берегамъ рѣки Требіи, знаменитой еще во времена владычества римлянъ въ Европѣ: на поляхъ, орошенныхъ этою рѣкою, они имѣли сраженіе съ карѳагенянами и были побѣждены славнымъ полководцемъ ихъ Аннибаломъ. Такое воспоминаніе и такое поле сраженія въ полной мѣрѣ достойно было *новаго Аннибала*. Такъ называли часто Суворова. И какъ же оправдалось это названіе! Побѣда, одержанная имъ на поляхъ Требіи, принадлежитъ къ знаменитѣйшимъ изъ всѣхъ, какими прославился онъ. Макдональдъ—на котораго ему надобно было напасть, чтобы предупредить соединеніе его съ Моро—отличался военными заслугами, начальствовалъ храброю арміею, одушевленъ былъ также мыслію о томъ, что за 2,000 лѣтъ происходило на берегахъ Требіи; и такъ, неудивительно, что онъ употребилъ всѣ силы, истощилъ все искусство свое, чтобы побѣдить, и, вѣроятно, удачно исполнилъ бы свое намѣреніе, еслибы имѣлъ дѣло не съ

Суворовымъ. Но здѣсь это было невозможно. Не только русскіе, но и всѣ иностранные писатели согласно говорятъ, что при Требіи Суворовъ лучше всего доказалъ непобѣдимость свою. Битва продолжалась три дня, 5, 6 и 7-го іюня, и окончилась почти совершеннымъ пораженіемъ французовъ. Они потеряли около 20,000 человѣкъ и большую часть артиллеріи и военныхъ снарядовъ. Самъ Макдональдъ и почти всѣ генералы его были ранены. Моро, вышедшій было изъ горъ, чтобы соединиться съ нимъ, принужденъ былъ снова удалиться туда же. Но чтобы имѣть вѣрное понятіе о важности побѣды при Требіи и въ то же время о скромности Суворова, надобно прочитать письмо, которое славный фельдмаршалъ нашъ написалъ по этому случаю къ австрійскому императору: «L'officier, chargé de cette dépèche informera Votre Majesté des détals glorieux pour ses troupes de la triple bataille de la Trébia. Le courage admirable que les français ont déployé n'a été pour les troupes coalisées qu'un motif d'en montrer un supérieur. Nos succès sont dûs à la brave armée, que je commande. Quant à moi, je n'ai d'autre mérite que d'avoir executé les ordres de Votre Majesté. Elle m'a ordonné de délivrer l'Italie de la présence de l'ennemi. L'ennemi a été chassé, l'Italie est libre [1])».

Необыкновенные успѣхи русскихъ въ Италіи испугали Французскую республику: она отправила еще 70,000 человѣкъ для подкрѣпленія своей разбитой арміи и приготовила еще 50,000 чел. съ тою же цѣлію. Начальникомъ новой арміи былъ молодой и славный генералъ *Жуберъ*, сбиравшійся отплатить Суворову за побѣды его. Со всѣмъ нетерпѣніемъ двадцати-лѣтняго юноши, со всею самонадѣянностію этого смѣлаго возраста устремился онъ къ крѣпости Тортонѣ, которая еще принадлежала французамъ

---

[1]) Офицеръ, которому поручена эта депеша, увѣдомитъ ваше величество о подробностяхъ славной для войскъ вашихъ трехдневной битвы при Требіи. Удивительное мужество французовъ было для союзныхъ войскъ побудительною причиною къ оказанію еще большаго. Мы обязаны успѣхомъ нашей храброй арміи, которою я командую. Что же касается до меня, то я исполнилъ только повелѣніе вашего величества. Вы приказали мнѣ освободить Италію отъ непріятеля. Непріятель изгнанъ, и Италія свободна.

и была для нихъ послѣднимъ средствомъ имѣть нѣкоторое вліяніе на Ломбардію. Удачное сохраненіе этой крѣпости отъ власти союзниковъ могло даже перемѣнить ходъ войны въ пользу французовъ. Жуберъ зналъ это и потому спѣшилъ къ Тортонѣ, какъ къ такому мѣсту, при которомъ онъ долженъ былъ покрыться громкою славою. Но и Суворовъ зналъ это еще лучше его, и потому съ своей стороны спѣшилъ навстрѣчу къ Жуберу. Любопытно было видѣть это столкновеніе двухъ полководцевъ, столь различныхъ между собою лѣтами, но столь хорошо равнявшихся пылкостію и мужествомъ! Семидесяти-лѣтній Суворовъ даже превзошелъ своего соперника быстротою дѣйствій. Слѣдуя своему обыкновенному правилу, что нападающая сторона всегда выигрываетъ передъ тою, на которую дѣлается нападеніе, онъ и здѣсь поступилъ также, и прежде нежели Жуберъ успѣлъ сдѣлать свои распоряженія, даже прежде нежели онъ дошелъ до Тортоны, Суворовъ уже встрѣтилъ его за нѣсколько миль до этой крѣпости, въ мѣстечкѣ *Нови*, и первый началъ сраженіе. Оно было ужасно, потому что съ обѣихъ сторонъ было много мужества и искусства. Французы показали столько неустрашимости, защищались такъ храбро отъ нападеній русскихъ, что была даже минута, въ которую знаменитый фельдмаршалъ въ первый разъ въ жизни усомнился въ возможности побѣды своей. Но это была только одна минута: слѣдующая за нею уже принесла ему увѣренность въ этой побѣдѣ, а молодому Жуберу — смерть. Онъ раненъ былъ пулею и чрезъ нѣсколько часовъ потомъ скончался. Вмѣстѣ съ нимъ убито было на полѣ сраженія восемь тысячъ французовъ; множество ихъ взято было въ плѣнъ, и, кромѣ того, вся артиллерія ихъ досталась въ руки союзниковъ.

Сраженіе при Нови принадлежитъ къ самымъ знаменитымъ. Суворовъ самъ говорилъ, что никогда не видалъ битвы болѣе упорной. Военные же писатели сравниваютъ его съ важнѣйшими сраженіями прошедшаго столѣтія, напримѣръ Полтавскимъ и Куннерсдорфскимъ. Побѣда Суворова была на этотъ разъ тѣмъ важнѣе для него, что убѣдила враговъ его въ истинѣ искусства его: между ними были такіе, которые изъ зависти оспаривали достоинство

военныхъ знаній его и безстыдно говорили, что онъ побѣждаетъ однимъ только счастіемъ, и только однихъ турокъ и поляковъ, не столь искусныхъ въ военномъ дѣлѣ, какъ другіе народы. При Нови онъ доказалъ всю несправедливость такого обвиненія, сражаясь съ однимъ изъ отличнѣйшихъ генераловъ того времени. Со всѣхъ сторонъ посыпались на него новые знаки уваженія государей. Король сардинскій пожаловалъ ему достоинство фельдмаршала войскъ своихъ и принца, и гранда своего государства. Городъ Туринъ поднесъ богатую шпагу, украшенную алмазами. Императоръ Францъ II, не имѣя уже для него новыхъ знаковъ отличія, выражалъ ему благодарность свою самыми лестными письмами. Но императоръ Павелъ превзошелъ всѣхъ своею щедростію при этомъ случаѣ. Онъ пожаловалъ храброму подданному своему княжество имперіи Русской съ именемъ *Италійскаго*, столь приличнымъ освободителю Италіи. Кромѣ того, онъ прислалъ ему портретъ свой, украшенный брилліантами при письмѣ, въ которомъ самыми лестными выраженіями просилъ его носить этотъ знакъ признательности государя къ подданному, прославившему царствованіе его. Этого еще мало: государь, принося Богу благодареніе за побѣды въ Италіи, приказалъ, чтобы Суворову оказывали воинскія почести, подобныя отдаваемымъ особѣ императора, даже въ присутствіи его величества.

Но это были почти послѣднія почести, оказанныя славному фельдмаршалу: онѣ были для него предвѣстниками печальныхъ, хотя не менѣе славныхъ дней. Такая удивительная перемѣна въ судьбѣ побѣдителя, и вообще въ судьбѣ всей войны, произошла вскорѣ послѣ сраженія при Нови. Трудно рѣшить, какая была причина тому, только эта побѣда, вмѣсто того, чтобы, по мнѣнію Суворова, доставить союзникамъ чрезвычайныя выгоды и даже открыть входъ въ юго-восточныя области Франціи, не сдѣлала ничего. Союзныя войска, послѣ невѣроятныхъ успѣховъ своихъ, какъ будто утомились, и Богъ знаетъ, отъ зависти ли къ славѣ Суворова, или просто по одному духу несогласія, только придворный Верховный совѣтъ вѣнскій, распоряжавшій дѣлами войны и только Суворову уступавшій на

нѣкоторое время это право свое, распорядился на этотъ разъ такъ, что все созданное побѣдами фельдмаршала русскаго уничтожилось. Слѣдуя этому странному распоряженію, часть австрійской арміи, дѣйствовавшая противъ французовъ въ Швейцаріи подъ начальствомъ эрцгерцога Карла, должна была идти къ Рейну потому только, что тамъ показался небольшой и вовсе неопасный отрядъ непріятеля; Суворовъ же долженъ былъ оставить освобожденную имъ Италію и занять съ своею очень уменьшившеюся арміею мѣсто эрцгерцога въ Швейцаріи. Такое перемѣщеніе войска влекло за собою самыя дурныя слѣдствія: въ Швейцаріи оставались еще части русской и австрійской армій подъ начальствомъ генераловъ Римскаго-Корсакова и Готца. Отступленіе эрцгерцога оставляло ихъ вовсе беззащитными противъ нападеній главнаго французскаго войска, которое подъ начальствомъ Массены сторожило все движеніе ихъ и ожидало только удобнаго случая сдѣлать нападеніе. Суворовъ предугадывалъ это и оттого съ величайшимъ неудовольствіемъ смотрѣлъ на распоряженіе придворнаго военнаго совѣта, и съ горестію разстался съ Италіей, которой жители неутѣшно плакали по немъ, какъ будто предчувствуя возвращеніе прежнихъ бѣдствій своихъ.

Ни они, ни Суворовъ не ошиблись: французы начали торжествовать съ той самой минуты, какъ предписанія вѣнскаго совѣта были исполнены. Массена напалъ на Корсакова и Готца прежде, нежели успѣлъ соединиться съ ними Суворовъ. И этому соединенію помѣшалъ также вѣнскій совѣтъ: Суворовъ, дошедши съ величайшею поспѣшностію до Беллицоны, не нашелъ пособій, которыя были необходимы для перехода черезъ Альпійскія горы и которыя Австрія обѣщала непремѣнно приготовить для него. Пять дней ожидалъ онъ исполненія этого обѣщанія и— напрасно! Ни полторы тысячи муловъ, на которыхъ надобно было перевозить военные снаряды и припасы, ни самые эти припасы для продовольствія войска не приходили и фельдмаршалъ, будучи не въ состояніи удерживать долѣе нетерпѣнія своего, перешелъ Альпы и перевезъ снаряды и сколько могъ собрать запасовъ — на казацкихъ лошадяхъ, которыхъ было не болѣе какъ полторы тысячи

въ войскѣ его. Утомленные необыкновеннымъ походомъ воины, вступивъ въ средину высочайшихъ горъ Европы, увидѣли самую неприступную изъ нихъ *Сенъ-Готардъ* и услышали повелѣніе начальника своего взойти на нее. Въ первый разъ повелѣніе его показалось имъ невозможнымъ къ исполненію; мужество ихъ поколебалось и тихій, невнятный ропотъ пробѣжалъ по толпѣ, окружавшей героя. Онъ замѣтилъ, что происходило въ сердцахъ храбрыхъ товарищей его и въ ту же минуту рѣшилъ сомнѣніе ихъ. «Братцы! закричалъ онъ солдатамъ, — ройте мнѣ яму: здѣсь похороните меня, не могу пережить своей славы, — вы не русскіе, вы мнѣ уже не дѣти! Мнѣ ничего не остается, кромѣ смерти».

Милые читатели! вы, какъ русскіе, можете понять, какое дѣйствіе произвели эти слова на солдатъ нашихъ. Они устыдились своей минутной слабости и въ восторгѣ и слезахъ закричали: «Съ нами Богъ! Отецъ нашъ Суворовъ! веди насъ!»

Съ этой минуты они уже не боялись опасностей, которыя встрѣчались почти на каждомъ шагу этого труднаго похода. Они преодолѣвали всѣ затрудненія его и, преодолѣвая ихъ, еще одерживали побѣды надъ непріятелями, неожиданно являвшимися къ нимъ по дорогѣ изъ-за скалъ Сенъ-Готарда. Этого еще мало: достигнувъ ледяной вершины этой неприступной горы, они имѣли кровопролитное сраженіе съ укрѣпившимися тамъ французами и вытѣснили ихъ оттуда въ долину Урзенъ. Здѣсь французы, будучи не въ силахъ выдержать долѣе жестокую борьбу, побѣжали. Дорога, по которой имъ надобно было спасаться, была почти непроходима. Высочайшія горы и глубокія пропасти окружали ихъ со всѣхъ сторонъ; и надъ одной изъ этихъ пропастей висѣлъ тоненькій мостикъ, черезъ который надобно было проходить. Этотъ мостъ называется *Чортовымъ*, — названіе, доказывающее опасность перехода. Французы, гонимые страхомъ, кое-какъ сдѣлали опасную переправу и, чтобы самымъ вѣрнымъ средствомъ избавиться отъ погони, разрушили за собою воздушный мостъ. Но какъ они ошиблись, воображая остановить этимъ русскихъ, и русскихъ подъ начальствомъ Суворова! Не было случая,

который бы могъ остановить ихъ: разрушенный мостъ былъ снова построенъ. Офицеры шарфами своими связывали доски его, солдаты перекидывали эти доски надъ пропастями и по этой зыбкой, едва державшейся дорогѣ перешло храброе войско и догнало непріятеля у деревни Альдорфъ. Здѣсь, на водахъ прекраснаго озера Луцернскаго, французы нашли свое спасеніе, бросившись на лодки, которыя отвезли ихъ въ кантонъ Унтервальденъ.

Суворовъ, спѣша соединиться съ Римскимъ-Корсаковымъ и Готце, не остановился здѣсь, но отправился прямо къ кантону Швицу, чрезъ долину Муттенъ. Въ этой долинѣ, до которой такъ трудно было достичь, фельдмаршалъ узнаетъ, что оба генерала, единственные помощники его въ Швейцаріи, разбиты! Если въ теченіе всей славной жизни своей Суворовъ былъ чѣмъ нибудь пораженъ, то, конечно, этимъ извѣстіемъ! Онъ не могъ помыслить безъ ужаса, что слава русскихъ, это драгоцѣннѣйшее благо его, померкнетъ въ Швейцаріи; что никто, ни даже самъ онъ, не въ состояніи будетъ возвратить ей прежній блескъ ея, потому что долина Муттенъ, окруженная со всѣхъ сторонъ высочайшими горами, была окружена еще войскомъ французскимъ, втрое многочисленнѣйшимъ войска русскаго. Казалось, вѣрная смерть ожидала храбрый отрядъ, такъ смѣло взобравшійся на чуждыя ему высоты. Глаза всей Европы жадно устремлены были на героя, такъ долго побѣждавшаго и наконецъ—побѣжденнаго, хотя не искусствомъ и храбростію непріятеля, но по крайней мѣрѣ несчастнымъ стеченіемъ обстоятельствъ. Такъ думали, такъ ожидали всѣ, кромѣ одного Суворова. Нѣтъ, герой Россіи не пришелъ въ совершенное уныніе и здѣсь надѣялся на себя и на солдатъ своихъ и тогда, когда, казалось, уже не было никакой надежды. Онъ не только не думаетъ быть побѣжденнымъ, но еще первый нападаетъ на Массену, разстроиваетъ передовые отряды его, беретъ въ плѣнъ четыреста человѣкъ, бросаетъ нѣсколько пушекъ его въ пропасти. Но все это отчаянное мужество не помогаетъ положенію его. Рано или поздно, оно должно окончиться плѣномъ: силы непріятельскія слишкомъ превышаютъ малый остатокъ русскихъ. И ужасную участь его долженъ раз-

дѣлить съ нимъ сынъ императора молодой великій князь, ввѣренный его попеченіямъ и отличившійся неустрашимостію, достойною славнаго учителя, даннаго ему родителемъ. Нѣтъ, онъ не могъ перенести такой мысли и рѣшился на послѣднее, только ему одному возможное средство. Изъ долины Муттенъ былъ еще одинъ выходъ, который могъ избавить русскихъ отъ плѣна: вершина одной изъ высочайшихъ горъ Альпійскихъ — Глариса. Но и эту, можно сказать, тропинку, по которой только два человѣка шли рядомъ и подлѣ которой съ одной стороны была неприступная скала, а съ другой — Клейнталерское озеро, стерегли французы у выхода; съ боку же стрѣляла въ нее непріятельская артиллерія, расположенная по другую сторону озера. И здѣсь-то надобно было пройти безстрашному отряду русскихъ. Суворовъ показываетъ этотъ путь солдатамъ своимъ и говоритъ, что только имъ могутъ они спасти честь свою, сына императора и славу фельдмаршала ихъ. Этихъ словъ было довольно для воиновъ русскихъ. Громкими криками просили они *отца своего* вести ихъ, и — безпримѣрное мужество побѣдило всѣ препятствія. Тропинка была очищена отъ французовъ и, опрокинутые передовые отряды ихъ, спасаясь бѣгствомъ отъ русскихъ, увлекли за собою и всѣхъ остальныхъ товарищей своихъ, такъ что русскіе удачно достигли Глариса. Здѣсь Суворовъ съ минуту могъ еще быть въ нерѣшимости о томъ, что̀ дѣлать, могъ еще имѣть мысль о нападеніи! Геній его, безпримѣрно отважный, еще хотѣлъ бы устремиться на французовъ, бывшихъ въ долинѣ, сквозь ряды ихъ до озера Цюрихскаго, соединиться съ австрійскимъ корпусомъ Готце и остатками русскаго Римскаго-Корсакова. Но, взглянувъ на горсть храбрыхъ товарищей своихъ, истощенныхъ трудностями похода, и узнавъ въ Гларисѣ, что состояніе разбитаго войска Корсакова было хуже, нежели онъ воображалъ по первымъ извѣстіямъ, непобѣдимый герой долженъ былъ покориться судьбѣ своей и рѣшился въ первый разъ въ жизни отступить отъ непріятеля, имѣя случай сразиться съ нимъ.

Но это самое отступленіе принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ побѣдъ его: такъ велики были трудности, съ ка-

кими оно соединялось, такъ невѣроятны были усилія, съ какими надобно было произвесть его. Чтобы читатели могли имѣть вѣрнѣйшее понятіе объ этомъ знаменитомъ подвигѣ Суворова и воинахъ его, я представлю здѣсь собственный разсказъ о переходѣ Альпійскихъ горъ одного изъ очевидцевъ и участниковъ этого славнаго похода [1]. «Надобно было перейти черезъ горы Бинтнеръ, Ринкненъ и Паниксъ, подобныя Сенъ-Готарду, возвышающіяся надъ пропастями, покрытыми вѣчными снѣгами. Русскіе восходили къ облакамъ по крутизнѣ горъ, скользкой отъ вновь падающаго снѣга, гдѣ никогда не было слѣдовъ человѣческихъ; гдѣ измученные мулы и казачьи лошади безпрестанно должны были останавливаться и часто падали въ бездны, гдѣ не отыскивали даже кустарника, чтобы развесть огонь и согрѣться. Жизнь храбрыхъ воиновъ, изнуренныхъ походами, нуждающихся въ пищѣ, обуви и одеждѣ, на каждомъ шагу подвергалась опасности. На горѣ Бинтнеръ надобно было подниматься противъ шумящихъ потоковъ водопада, который многихъ пѣшихъ и конныхъ низвергалъ въ бездны. Темныя ночи и раскаты грома довершали опасности этого похода. Поднимаясь на высоты горъ, воины должны были сойти въ необитаемую часть Граубиндена, въ пустынныя равнины, сокрытыя отъ нихъ подъ мрачными туманами. Престарѣлый вождь и порученный его попеченіямъ юный сынъ императора русскаго проходили опасное и славное поприще, какъ вѣрные, дружелюбные сотоварищи ихъ. Семидесяти-лѣтній старецъ совершилъ походъ свой на казачьей лошади; синій плащъ и круглая шляпа съ большими полями была единственною защитою его противъ суровой и ненастной погоды; вмѣстѣ съ великимъ княземъ проводили они ночи подъ открытымъ небомъ, имѣли пристанище только въ сараяхъ, гдѣ въ лѣтнее время укрываются отъ непогоды стада. Наконецъ, послѣ шестнадцати-дневнаго побѣдоноснаго странствованія по Альпійскимъ горамъ, русскіе достигли Коира и потомъ Линдау 28-го сентября 1799 года».

---

[1]) Д. ст. сов. Егоръ Фуксъ, служившій въ то время при фельдмаршалѣ Суворовѣ и описавшій исторію Россійско-Австрійской кампаніи 1799 года.

Отсюда фельдмаршалъ приготовился къ возвращенію въ Россію и, не смотря на всѣ убѣжденія союзниковъ, постигавшихъ тогда ошибку свою и чрезвычайно сожалѣвшихъ о неблагодарности своей къ знаменитому герою русскому, не согласился помогать имъ болѣе. «Нѣтъ, отвѣчалъ онъ всѣмъ посланникамъ и повѣреннымъ въ дѣлахъ дворовъ лондонскаго и вѣнскаго, явившимся къ нему для переговоровъ,—нѣтъ, довольно, что одинъ разъ обманули меня; но быть обманутымъ два раза было бы уже слишкомъ стыдно для лѣтъ моихъ и опытности». Вскорѣ послѣ того онъ получилъ отъ государя своего повелѣніе возвратиться съ войскомъ въ Россію. Императоръ Павелъ I былъ справедливо недоволенъ союзниками, которые гораздо болѣе заботились о частныхъ выгодахъ своихъ, нежели о пользѣ общей.

Суворовъ, возвращаясь на сей разъ изъ похода, можетъ быть самаго знаменитаго изъ всѣхъ совершенныхъ имъ, былъ мраченъ, недоволенъ судьбою и людьми, и въ первый разъ этотъ характеръ, твердый при всякой перемѣнѣ счастія, поколебался отъ тѣни, брошенной на блистательную славу его, или, можетъ быть, отъ сожалѣнія о томъ, что всѣ усилія, всѣ славныя побѣды его въ Италіи не принесли той пользы, какую надѣялся онъ доставить всей Европѣ уничтоженіемъ республики Французской. Это печальное состояніе души имѣло такое сильное вліяніе на все существо его, что онъ сдѣлался боленъ вскорѣ послѣ возвращенія своего въ Петербургъ, въ февралѣ 1800 года, и не позже какъ 6-го мая того же года скончался. Великій князь наслѣдникъ престола Александръ Павловичъ и ученикъ героя, получившій за военныя заслуги свои отъ родителя титулъ цесаревича, великій князь Константинъ Павловичъ, высоко уважавшій и искренно любившій фельдмаршала, были при послѣднихъ минутахъ его съ изъявленіями участія императора, родителя ихъ, и приняли отъ него нѣсколько наставленій въ дѣлѣ военномъ, о которомъ умирающій еще имѣлъ твердость говорить почти въ минуты кончины.

Можно представить себѣ, какъ горестно было для Суворова разставаться съ жизнію, когда онъ уже зналъ, что

съ удаленіемъ его изъ Италіи и Швейцаріи французы начали снова покорять все своему владычеству! Благочестивая душа его, постигавшая предъ кончиною еще глубже и живѣе все величіе Бога и святой религіи Его, содрогалась, помышляя о судьбѣ міра, или по крайней мѣрѣ Европы въ то время, когда безумію французовъ покорятся всѣ жители ея. Съ этою печальною мыслію онъ скончался. Тѣло его погребено въ монастырѣ Александро-Невскомъ, а памятникъ, воздвигнутый въ честь ему, находится противъ Троицкаго моста, на такъ называемой Суворовской площади.

Предчувствіе, которое печалило знаменитаго фельдмаршала въ послѣднія минуты его жизни, начало, очевидно, оправдываться вскорѣ послѣ его смерти: могущество французовъ быстро возросло съ 1800 года, и молодой герой ихъ Наполеонъ Бонапарте, пользуясь властію, которою онъ обязанъ былъ генію своему и важнымъ заслугамъ, оказаннымъ Франціи, началъ приводить въ нѣкоторый порядокъ хаосъ республики Французской, и съ 1800 года учредилъ въ ней правленіе, похожее на то, какое нѣкогда было въ Римѣ, — правленіе консульское. Учредитель порядка, казавшагося спасительнымъ послѣ ужасовъ безначалія, получилъ достойную награду за дѣло свое: его избрали первымъ консуломъ республики Французской. Съ этимъ именемъ, напоминавшимъ такъ много знаменитаго въ древности, слава Бонапарте, казалось, получила новый блескъ, и новыя побѣды его распространили опять владычество французовъ въ Италіи, едва только что освободившейся отъ завоевателей своихъ. Миръ въ Люневилѣ, устроенный совершенно по желанію французовъ, заставилъ австрійцевъ снова пожалѣть о томъ, что русскихъ уже не было въ станѣ ихъ. Между тѣмъ Бонапарте, замышляя обширные планы къ увеличенію могущества своего, зналъ, что ему трудно будетъ дѣйствовать безъ помощи императора русскаго. Это убѣжденіе заставляло его стараться всѣми силами о томъ, чтобы императоръ Павелъ I раздѣлилъ непріязненныя намѣренія его противъ нѣкоторыхъ изъ государей европейскихъ, и особенно противъ короля англійскаго. Обстоятельства благопріятствовали желаніямъ перваго кон-

сула. Императоръ, кромѣ прежнихъ причинъ къ неудовольствію на англичанъ за Суворова и войско русское въ Швейцаріи, имѣлъ еще новыя: англичане упросили его помочь имъ изгнать французовъ изъ Голландіи, но войско, посланное императоромъ русскимъ въ Голландію, имѣло такую же участь, какъ и то, которое подъ начальствомъ Суворова помогало австрійцамъ биться съ французами въ Италіи и Швейцаріи: кромѣ того, англичане завладѣли островомъ Мальтою, принадлежавшимъ ордену св. Іоанна Іерусалимскаго, который былъ подъ особеннымъ покровительствомъ государя русскаго, — и вообще начали опять оказывать столько несправедливостей кораблямъ другихъ націй, что Павелъ принужденъ былъ отказаться отъ союза съ ними и возобновить безсмертное учрежденіе родительницы своей — *вооруженный нейтралитетъ.* И такъ, Бонапарте нашелъ императора Павла готовымъ раздѣлить его неудовольствіе на англичанъ. Съ ними соединились: Пруссія, Данія и Швеція, и можетъ быть Англія испытала бы важный переворотъ въ судьбѣ своей, еслибы Богу угодно было продлить жизнь императора. Но онъ скончался прежде, нежели война съ англичанами началась, а именно 12-го марта 1801 года.

Эта кончина, произведя важный переворотъ въ политическомъ отношеніи Европы, погрузила въ глубочайшую горесть семейство царское, такъ рано осиротѣвшее! Трогательнѣе всего была печаль императрицы Маріи Ѳеодоровны: вы знаете, милые читатели, что она обожала супруга своего. Какая картина могла быть умилительнѣе той, которую представляла эта вѣнценосная вдова и мать, окруженная семействомъ своимъ! Здѣсь-то болѣе, нежели гдѣ нибудь, высокія качества ея явились въ полномъ блескѣ. Перенося съ величайшею твердостію тоску о невозвратной потерѣ своей, она въ то же время проливала утѣшеніе въ сердца дѣтей своихъ и была вознаграждена за страданія свои тѣмъ рѣдкимъ, можно сказать даже безпримѣрнымъ союзомъ дѣтской и родственной любви, въ которомъ августѣйшее семейство ея всегда представляло высокій образецъ.

Семейство императора Павла I.

Супруги: 1-я — принцесса Гессенъ-Дармштадтская Августа-Вильгельмина, при мVропомазаніи нареченная *Наталіею* Алексѣевною. 2-я — принцесса Виртембергская, при мVропомазаніи нареченная *Маріею* Ѳеодоровною.

Дѣти отъ послѣдней.

Великій князь *Александръ*, наслѣдовалъ престолъ. Великій князь *Константинъ*. Великій князь *Николай*. Великій князь *Михаилъ*. Великая княжна *Александра*, была въ супружествѣ за палатиномъ венгерскимъ. Великая княжна *Елена*, была въ супружествѣ за герцогомъ Мекленбургъ-Шверинскимъ. Великая княжна *Марія*, въ супружествѣ за великимъ герцогомъ Саксенъ-Веймарскимъ. Великая княжна *Ольга*, скончалась въ малолѣтствѣ. Великая княжна *Екатерина*, была въ первомъ супружествѣ за принцемъ Георгомъ Голштейнъ-Ольденбургскимъ, во второмъ — за королемъ Виртембергскимъ Вильгельмомъ I. Великая княжна *Анна*, вдовствующая королева Нидерландская.

СОСТОЯНІЕ ЕВРОПЫ ВЪ ПЕРВЫЕ ЧЕТЫРЕ ГОДА ЦАРСТВОВАНІЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

отъ 1801 до 1805 года.

Въ 1714 году Петръ I, одержавъ важную побѣду надъ шведскимъ флотомъ при островахъ Аландскихъ, сказалъ въ торжественной рѣчи своей по этому случаю слѣдующія примѣчательныя слова: «Природа сотворила *токмо единую Россію* и она не должна имѣть никакого соперника». Всѣ дѣйствія императора Александра, во время двадцати-пяти-лѣтняго правленія его, подтверждали эти слова Великаго: все, казалось, клонилось къ тому, чтобы оправдать ихъ, все, и обстоятельства случайныя, и воля государя.

Я думаю излишне будетъ напоминать вамъ, милые читатели, что императоръ Александръ Павловичъ былъ стар-

шимъ сыномъ императора Павла I и супруги его императрицы Маріи Ѳеодоровны. Вы знаете также, что онъ былъ любимецъ великой бабушки своей и что она сама воспитала его, сама приготовила его царствовать. Описаніе тридцати-четырехъ лѣтъ правленія ея доказало намъ, что главнымъ основаніемъ важной науки государей, главною причиною счастливыхъ царствованій ихъ, великая Екатерина считала любовь народа, и немногіе изъ государей умѣли внушить эту любовь до такой степени, какъ императоръ Александръ. Природа одарила его всѣми качествами, достойными любви; воспитаніе развило до высочайшей степени эти драгоцѣнные дары, и августѣйшій внукъ Екатерины представилъ собою образецъ государя, обожаемаго народомъ. Мы говорили уже о любви, такъ сильно чувствуемой къ нему во всѣхъ мѣстахъ обширнаго отечества нашего, еще въ то время, когда онъ былъ наслѣдникомъ престола; она возрастала потомъ съ его лѣтами и съ тою молвою, которая разносила по всему царству слухъ объ ангельской добротѣ его сердца, о его кроткомъ нравѣ, о его прелестной наружности; наконецъ, она выразилась сильнѣе, нежели когда нибудь, при его восшествіи на престолъ, и выразилась не только въ Россіи между подданными его, но даже и въ чужихъ краяхъ, между иностранцами: восторгъ ихъ къ молодому императору былъ такъ великъ, что одинъ изъ лучшихъ поэтовъ Германіи, Клопштокъ, написалъ оду на случай его восшествія на престолъ.

Александръ не могъ быть равнодушенъ къ такому общему выраженію любви: она глубоко трогала сердце его, отъ природы чрезвычайно чувствительное, и исполненный благодарности къ августѣйшей бабкѣ, воспитательницѣ своей, онъ, въ первомъ данномъ имъ указѣ народу, объявилъ: «Мы будемъ царствовать по сердцу и законамъ нашей бабки Екатерины II». — Вслѣдъ затѣмъ онъ спѣшилъ показать и подданнымъ своимъ то чувство, которое наполняло сердце его къ нимъ: это была нѣжнѣйшая заботливость обо всемъ, что касалось до улучшенія состоянія ихъ во всѣхъ отношеніяхъ. Здѣсь открывается предъ нами длинный рядъ благодѣяній Александра. Вниманіе его прежде всего обратилось на тѣхъ изъ подданныхъ его, которыхъ

положеніе было несчастливо, и 15-го марта, т. е. чрезъ три дня послѣ восшествія его на престолъ, прощены всѣ содержавшіеся по дѣламъ тайной экспедиціи, и самое это присутственное мѣсто, учрежденное для разбирательства важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ и принимавшее иногда при этомъ разбирательствѣ мѣры слишкомъ строгія, было уничтожено. Вообще кроткая душа Александра была до такой степени исполнена милосердія, что самые преступники не лишены были его состраданія, и все, что̀ отягощало судьбу ихъ, напримѣръ наказанія слишкомъ жестокія, пытки при допросахъ, все это было отмѣнено имъ; даже висѣлицы, которыя обыкновенно ставились въ городахъ при публичныхъ мѣстахъ для того, чтобы выставлять на нихъ на показъ народу имена преступниковъ, были уничтожены: милосердый государь находилъ эту мѣру правосудія слишкомъ тягостною для родственниковъ несчастнаго, подвергшагося наказанію.

Столько великодушія къ людямъ, наименѣе достойнымъ царственныхъ милостей, показываетъ, до какой степени сердце Александра исполнено было заботливости о счастіи всѣхъ другихъ подданныхъ его. Приступая къ разсмотрѣнію всего сдѣланнаго имъ въ этомъ отношеніи, мы прежде всего должны остановить вниманіе на благотворномъ стремленіи молодого императора доставить народу своему главное основаніе счастія—образованность и съ нею вмѣстѣ всѣ блага, отъ нея проистекающія. Въ этомъ случаѣ превзошелъ онъ всѣхъ своихъ предшественниковъ. «Примѣра не было въ исторіи», — сказалъ одинъ изъ извѣстныхъ литераторовъ нашихъ, постоянно и почти исключительно посвящающій прекрасные труды свои успѣхамъ просвѣщенія по учебной части,—«примѣра не было въ исторіи, когда бы съ такимъ одушевленіемъ и ревностію заботилось правительство о водвореніи въ государствѣ любви къ наукамъ, какъ въ первые годы царствованія императора Александра. До него просвѣщеніе представляло одинъ изъ тѣхъ предметовъ, на которые смотрятъ какъ на пріятность, какъ на удобство, какъ на предметъ изъ числа полезныхъ, но еще не необходимый.

При немъ оно поступило въ разрядъ предметовъ государственныхъ. Судьбою наукъ стали такъ заниматься, какъ до сихъ поръ занимались только государственными имуществами, военными силами и проч.»

1802 годъ былъ важнѣйшею эпохою этой счастливой перемѣны. 8-го сентября этого года учреждены были для лучшаго дѣйствія по всѣмъ частямъ государственнаго управленія *восемь* министерствъ, и въ числѣ ихъ—*министерство народнаго просвѣщенія.* Самое названіе уже показываетъ благотворную цѣль этого отдѣленія правительственной власти и все добро, какое оно могло произвесть. Новое министерство въ самомъ дѣлѣ было источникомъ, изъ котораго просвѣщеніе обильно полилось во всѣ стороны обширнаго отечества нашего и въ этомъ прекрасномъ разливѣ было столько порядка, столько точности и постепенности, что нельзя не удивляться совершенству, съ какимъ придуманы были всѣ малѣйшія подробности новаго устройства. Чтобы доставить читателямъ сколько возможно лучшее понятіе объ этомъ важнѣйшемъ учрежденіи въ дѣлѣ образованности Россіи, надобно разсказать нѣсколько подробнѣе о томъ, что сдѣлало министерство народнаго просвѣщенія тотчасъ послѣ своего учрежденія. Подъ начальствомъ его былъ единственный, существовавшій тогда университетъ Московскій. По примѣру этого университета, министерство основало *три* новые, въ городахъ: Вильнѣ, Харьковѣ и Казани; предположило еще три другіе: въ Кіевѣ, Устюгѣ-Великомъ и Тобольскѣ, и подчинило начальству каждаго изъ нихъ цѣлый округъ учебныхъ заведеній. Эти заведенія состоятъ изъ губернскихъ гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ. Первое образованіе начинается въ училищахъ приходскихъ, изъ которыхъ воспитанники поступаютъ въ училища уѣздныя и, наконецъ, въ гимназіи. Познанія, какія преподаются въ этихъ трехъ заведеніяхъ, весьма достаточны для многихъ гражданскихъ должностей, тѣхъ же изъ воспитанниковъ, которые желаютъ и могутъ идти выше по части наукъ или литературы, университетъ радушно принимаетъ въ свои учебные залы и щедро осыпаетъ важными преимуществами отличившагося ученика,

изъ какого бы званія онъ ни происходилъ [1]). Такимъ образомъ поприще обширное, удобное и, говоря по справедливости, самое лестное и пріятное открыто было, по волѣ просвѣщеннаго государя, каждому изъ подданныхъ его. Какъ подвинула эта благодѣтельная воля успѣхи просвѣщенія! Казалось одно обнародованіе ея, одна извѣстность о желаніи государя образовать подданныхъ своихъ, уже образовали множество изъ нихъ: почти во всѣхъ концахъ Россіи показалось какое-то общее стремленіе къ просвѣщенію, какое-то необыкновенное усердіе согласоваться съ желаніями молодого императора. Цѣлыя сословія и многія изъ частныхъ лицъ жертвовали имѣніемъ своимъ для основанія учебныхъ обществъ и учебныхъ заведеній. Такъ основались два знаменитыя училища высшихъ наукъ въ Ярославлѣ и Нѣжинѣ; первое—пожертвованіями статскаго совѣтника Демидова, второе—графа Безбородко. Такъ составились въ Москвѣ и Петербургѣ разныя замѣчательныя общества. Въ первой *три:* одно—для историческихъ изысканій; другое — для распространенія свѣдѣній по части естествоиспытанія; третье—по части словесности. Въ Петербургѣ также образовались одно за другимъ три общества: первое — общество любителей наукъ, словесности и художествъ; второе—бесѣда любителей русскаго слова, и третье—общество соревнователей просвѣщенія и благотворенія. Говоря объ этихъ обществахъ, кстати будетъ сказать вамъ, милые читатели, что императоръ Александръ обращалъ такое вниманіе на все, относящееся къ просвѣщенію, что даже давалъ именные указы о томъ, чтобы издатели публичныхъ вѣдомостей извлекали изъ иностранныхъ журналовъ и сочиненій все, что относилось до открытія по разнымъ частямъ наукъ, ремеслъ, художествъ и земледѣлія, и чтобы помѣщали всѣ такія статьи въ вѣдомостяхъ своихъ.

Прекрасныя дѣйствія министерства народнаго просвѣщенія могутъ дать понятіе и объ остальныхъ *семи,* вмѣстѣ

[1]) Студенты, слушающіе курсы наукъ въ университетахъ, уже считаются на службѣ, а окончившіе его удовлетворительно—выпускаются съ чинами разныхъ классовъ, смотря по степени успѣховъ ихъ въ ученіи и познаніяхъ.

съ нимъ учрежденныхъ министерствахъ. Они были: 1) министерство военныхъ сухопутныхъ силъ, 2) министерство морскихъ силъ, 3) министерство иностранныхъ дѣлъ, 4) министерство юстиціи 5) министерство внутреннихъ дѣлъ, 6) министерство финансовъ, 7) министерство коммерціи.—Всѣ части, ввѣренныя этому новому управленію, двигались стройно и отчетливо, всѣ доказывали успѣхи гражданской образованности народа.

Получивъ теперь нѣкоторое понятіе о внутреннемъ состояніи Россіи въ первые годы царствованія незабвеннаго императора Александра, вы, конечно, желаете узнать, въ какихъ отношеніяхъ была въ то время Россія съ другими государствами. Для этого взглянемъ на тогдашнее состояніе всей Европы. Вы помните, какое потрясеніе почувствовала она отъ революціи французской. Нѣсколько государствъ, исчезнувшихъ изъ списка владѣній европейскихъ, и нѣсколько другихъ, вновь образованныхъ, перемѣнили почти совершенно видъ Европы. Въ началѣ XIX столѣтія, т. е. въ то время, о которомъ мы говоримъ теперь, всеобщее волненіе начинало мало-по-малу утихать: во Франціи явился счастливый воинъ, которому удалось необыкновеннымъ умомъ своимъ обуздать необузданныхъ. Вы видѣли, какъ сильно уже было могущество его въ 1801 году и какъ для увеличенія его онъ искалъ благосклонности императора Павла I. Общее неудовольствіе на англичанъ сблизило ихъ и война уже готова была начаться, какъ вдругъ разнеслась вѣсть о кончинѣ императора. Кроткій Александръ не могъ безъ сожалѣнія думать о нарушеніи мира, только что заключеннаго послѣ ужасныхъ кровопролитій, происходившихъ въ Европѣ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ революціи французской, и употребилъ всѣ старанія, чтобы примирить непріязненныя государства. Успѣхъ увѣнчалъ желанія августѣйшаго посредника, и прежде нежели кончился 1801 годъ, мирные договоры заключены были не только между Россіею и Англіею, казавшимися ближе всѣхъ другихъ къ разрыву, но даже и между всѣми другими несогласовавшимися между собою государствами, кромѣ Франціи и Англіи. Обыкновенное нерасположеніе ихъ другъ къ другу означалось въ то время сильнѣе, нежели

когда нибудь. Однакожъ въ началѣ 1802 года Амьенскій миръ окончилъ и эти несогласія. Примиреніе было не совсѣмъ искреннее со стороны Англіи, оно вынуждено было могуществомъ перваго консула Франціи,—могуществомъ, которое въ этотъ годъ украшено было новою и, по справедливости сказать, истинною славою: 18-го апрѣля, въ первый день Пасхи, Бонапарте возстановилъ христіанскую религію, изгнанную изъ Франціи, со временъ безумной революціи. Благотворныя послѣдствія этого возстановленія были неисчислимы. Вообразите страну, въ которой въ теченіе многихъ лѣтъ забыта была священнѣйшая обязанность человѣка—благоговѣніе къ Творцу его и, слѣдовательно, всѣ другія, основанныя на ней; вообразите, какую жизнь могли вести люди, которые никогда и ничего не уважали и не любили, потому что нельзя чувствовать никакой любви и уваженія безъ любви къ Богу, безъ страха къ Его великому правосудію! Вообразите же такую ужасную страну и такихъ жалкихъ людей, и потомъ оцѣните, сколько добра сдѣлалъ Бонапарте, возвративъ ихъ къ Богу и ко всему счастію, проистекающему отъ Бога! Всѣ государи европейскіе, услышавъ эту новость, столь важную не только для народа французскаго, но и для всѣхъ другихъ, находившихся въ сношеніяхъ съ нимъ, не могли не принять живѣйшаго участія въ ней: въ эту минуту многіе изъ нихъ даже забыли оскорбленія, нанесенныя имъ первымъ консуломъ, и въ святомъ порывѣ благородныхъ сердецъ своихъ простили ему многое. Что-жъ касается до французовъ, то, конечно, восхищеніе и благодарность ихъ къ Бонапарте достигли въ это время высочайшей степени. Они долго придумывали, какимъ образомъ выразить ему чувства свои, и въ сентябрѣ мѣсяцѣ объявили, что избираютъ его *первымъ консуломъ* на всю жизнь. Такое отличіе — предъ двумя другими консулами, товарищами его, смѣнявшимися чрезъ каждые три года—возвысивъ его почти до степени государя, открыло честолюбію его новое, обширное поле. Счастливъ бы онъ былъ, еслибы не увлекся этою опасною страстію сердца человѣческаго, еслибъ остался доволенъ высокимъ званіемъ, на которое возвела его судьба! Но въ ослѣпленіи, всегда неразлучномъ съ често-

любцами, Бонапарте не думалъ, что въ званіи перваго консула на всю жизнь онъ обладалъ, безъ имени государя, властію, равнявшеюся съ царскою, и безразсудно устремился за этимъ именемъ. Чтобъ получить его, онъ готовъ былъ пожертвовать всѣмъ, даже спокойствіемъ совѣсти. Да, съ сожалѣніемъ надобно сказать, что этотъ человѣкъ сдѣлалъ преступленіе, которое всегда останется для него упрекомъ. Грустенъ разсказъ объ этомъ, но исторія неумолима; страницы ея, какъ чистое зеркало, отражаютъ добро и зло, совершаемое въ мірѣ. Онѣ сохранили въ подробности жестокое дѣло Бонапарте. Вотъ оно.

Простирая гордые замыслы свои на сиротѣвшій престолъ Франціи, первый консулъ очень хорошо зналъ, что это священное наслѣдіе короля-мученика принадлежало ближайшимъ родственникамъ его, французскимъ принцамъ, изгнаннымъ изъ отечества. Многіе изъ государей европейскихъ покровительствовали имъ и доставляли въ областяхъ своихъ хранительное убѣжище отъ преслѣдованій безумнаго народа и его жестокихъ правителей. Со времени владычества Бонапарте эти преслѣдованія перестали быть такъ ужасны, какъ прежде, и всѣ изгнанные французы, и въ томъ числѣ и ихъ принцы королевской крови, начали вести жизнь болѣе спокойную. Одинъ изъ нихъ, племянникъ короля, молодой и отличавшійся высокими достоинствами, принцъ Энгіенскій былъ даже такъ довѣрчивъ къ славѣ перваго консула, что беззаботно жилъ почти на самой границѣ Франціи, въ герцогствѣ Баденскомъ. Этотъ молодой принцъ прекрасными качествами своими обращалъ всегда особенное вниманіе французовъ и потому казался для Бонапарте опаснѣе всѣхъ прочихъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ замышлять о приведеніи республиканской Франціи подъ власть монархическаго государя и о возложеніи на себя короны его. Увлеченный мыслію удобно завладѣть ею и утвердить ее въ потомствѣ своемъ, и ободряемый привязанностію къ нему народа французскаго, готоваго съ восторгомъ назвать его государемъ своимъ, первый консулъ съ досадою смотрѣлъ на изгнанное семейство королей Франціи и на приверженцевъ ихъ. Послѣдніе безпокоили его почти столько же, какъ и первые: усердіе

къ законнымъ владѣтелямъ родины заставило ихъ часто употреблять усилія для возвращенія имъ престола. Эти усилія, хотя безплодныя въ сравненіи съ дѣятельностію многочисленной толпы республиканцевъ, могли найти покровительство и помощь иностранныхъ государей, и тогда какая опасность угрожала могуществу Бонапарте! Мысль о давно недовольной французами Англіи и о примирившейся съ нею Россіи увеличивала невольный страхъ знаменитаго консула, и въ это самое время онъ услышалъ, что въ замкѣ Эттенгеймскомъ, гдѣ жилъ герцогъ Энгіенскій, бываютъ тайныя собранія многихъ изъ приверженцевъ королевской фамиліи. Этого было довольно, чтобы возбудить сильный гнѣвъ и всѣ опасенія Бонапарте: не изслѣдовавъ цѣли этихъ собраній и дѣйствительно ли они бываютъ въ замкѣ герцога, онъ отдаетъ приказаніе немедленно схватить несчастнаго принца, не смотря на то, что онъ жилъ во владѣніяхъ чужого государя, и отвезти во французскій городъ Страсбургъ. Здѣсь потомокъ королей и одинъ изъ ближайшихъ наслѣдниковъ престола Франціи былъ посаженъ въ темницу, преданъ военному суду за измѣну отечеству и за участіе въ заговорѣ на жизнь перваго консула и чрезъ три дня послѣ взятія его разстрѣлянъ! Поспѣшность и тайна этого суда достаточно доказываютъ невинность молодого принца и виновный умыселъ перваго консула; но французы того времени, въ пылу слѣпого восхищенія къ герою своему, не смѣли считать его способнымъ къ преступленію и повѣрили торжественнымъ объявленіямъ его о винѣ герцога. Несчастный принцъ погибъ, и никто не явился для защиты его! Напротивъ того, почти въ то же время, трибунатъ и сенатъ республиканской Франціи разсуждали о поднесеніи первому консулу императорскаго достоинства съ наслѣдственною властію въ его потомствѣ. Чрезъ нѣсколько дней потомъ, 18-го мая 1804 года, это предложеніе дѣйствительно было сдѣлано Бонапарте и 20-го того же мѣсяца было принято имъ. Восторгъ народа и войска къ новому императору былъ неописанъ: всѣ видѣли въ немъ родоначальника новаго, знаменитѣйшаго поколѣнія царей и неблагодарно забывали тѣхъ, которыхъ предки въ теченіе нѣсколькихъ

столѣтій были королями и благодѣтелями ихъ. Такъ думали легкомысленные французы, преклоняясь предъ величіемъ новаго государя своего; но этого мнѣнія ихъ не раздѣляли другіе народы, и во многихъ государствахъ не только не признавали новаго достоинства бывшаго консула, но даже прервали всѣ сношенія съ Франціею съ того времени, какъ узнали о несчастной кончинѣ невиннаго герцога Энгіенскаго. Впрочемъ, не смотря на это общее неудовольствіе и на оскорбленія, причиненныя императоромъ французовъ многимъ владѣтельнымъ принцамъ европейскимъ [1]), 1804 годъ прошелъ довольно тихо; казалось, всѣ приготовлялись къ войнѣ, всѣ ожидали, что она начнется вмѣстѣ съ 1805 годомъ, и—не ошиблись.

ВОЙНЫ СЪ ФРАНЦІЕЮ И МИРЪ ТИЛЬЗИТСКІЙ.

отъ 1805 до 1808 года.

(3 года).

22-го ноября 1804 года Бонапарте коронованъ былъ императоромъ французовъ, подъ именемъ Наполеона I. Вскорѣ послѣ этого священнаго обряда, совершеннаго по желанію гордаго честолюбца самимъ папою, нарочно призваннымъ для того во Францію, къ новому императору явилось депутатство отъ Итальянской республики, находившейся, какъ читателямъ извѣстно, совершенно подъ властію Франціи. Итальянцы умоляли Наполеона принять ихъ подъ покровительство еще болѣе близкое и, обративъ республику ихъ—по примѣру Французской имперіи—въ королевство, согласиться быть *королемъ Италіи*. Можно догадаться, по какому внушенію все это происходило и потому нельзя удивляться,

---

[1]) Бонапарте, провозгласивъ себя императоромъ французовъ и вскорѣ потомъ королемъ итальянскимъ, присоединилъ въ то же время Парму, Піаченцу и Лигурійскую республику къ Франціи; отдалъ герцогство Піомбино сестрѣ своей Элизѣ, республику Луккскую—зятю своему Мюрату; республикѣ Батавской или Голландской приготовлялъ короля также изъ своего дома.

что Наполеонъ скоро согласился на принятіе короны итальянской, съ тѣмъ, однакожъ, условіемъ, что только онъ одинъ будетъ соединять ее съ французскою; послѣ же смерти его онѣ должны раздѣлиться! Онъ тогда же назначилъ наслѣдника новой короны своей и назвалъ его *вице-королемъ* Италіи: это былъ пасынокъ его, принцъ Евгеній Богарне, незадолго передъ тѣмъ усыновленный и искренно любимый имъ.

Но, кажется, по мѣрѣ возвышенія душа счастливаго воина и искуснаго покровителя народовъ дѣлалась болѣе и болѣе себялюбивою, болѣе и болѣе гордою: уступивъ престолъ Италіи принцу Евгенію, Наполеонъ тѣмъ не менѣе желалъ совершить надъ собою обрядъ коронованія на этотъ престолъ, можетъ быть потому, что корона Италіи, извѣстная подъ именемъ *желѣзной*, была знаменитѣйшею въ Европѣ: она лежала болѣе четырнадцати столѣтій безъ употребленія, и только для перваго императора французовъ была вынута съ благоговѣніемъ изъ сокровищницы Монза. Второе коронованіе императора происходило въ Миланѣ съ такимъ же великолѣпіемъ, какъ первое, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ въ Парижѣ. Обрядъ церемоніала былъ тотъ же и здѣсь, какъ и тамъ. Наполеонъ не допустилъ ни папу, ни миланскаго кардинала Капрару возложить на себя корону: каждый разъ онъ собственными руками бралъ ее съ алтаря и возлагалъ на голову. Въ Миланѣ, надѣвая ее, онъ сказалъ: «Dieu me la donne, gare à qui la touche!» [1])

Нельзя было не удивляться дерзкой самонадѣянности этихъ словъ каждому, кто зналъ, что, по мирнымъ договорамъ Люневильскому и Амьенскому, Франція не должна была сдѣлать ни малѣйшей перемѣны въ образѣ правленія республикъ, утвержденныхъ этими договорами. А она образовала изъ себя имперію и присоединила къ этой имперіи республики Лигурійскую и Луккскую, превратила Итальянскую въ королевство, подвластное ей, и все это не только безъ согласія, но даже безъ всякаго сношенія съ другими державами! Такое нарушеніе договоровъ ясно показало государямъ европейскимъ, до какой степени можетъ дойти честолюбіе Наполеона и какая опасность угрожаетъ вла-

---

[1]) Богъ далъ мнѣ ее, бѣда тому, кто прикоснется къ ней!

дѣніямъ ихъ! Главнѣйшіе изъ нихъ: императоры россійскій и австрійскій и король англійскій, были первые, рѣшившіеся показать сопротивленіе могучей силѣ человѣка, напоминавшаго дѣлами своими великихъ завоевателей древняго міра: они заключили между собою союзъ, котораго цѣлію было остановить необузданное стремленіе его къ владычеству и доставить потрясенной въ самомъ основаніи Европѣ міръ и спокойствіе. Но благодѣтельный союзъ не принесъ ожидаемой всѣми пользы: англичане, во всякомъ случаѣ, занимались болѣе частными выгодами торговли своей, нежели общимъ благосостояніемъ Европы, а австрійцы, по дурно составленному въ Вѣнѣ плану войны и по неудачнымъ распоряженіямъ главныхъ генераловъ своихъ, въ особенности одного изъ нихъ, барона Макка, представили такое слабое сопротивленіе французамъ, что Наполеонъ истребилъ почти всю армію ихъ, прежде нежели она успѣла соединиться съ русскою, шедшею къ ней на помощь. Съ остатками австрійскаго войска Маккъ принужденъ былъ сдаться военноплѣннымъ.

Это начало войны не могло не произвесть унынія въ австрійскомъ народѣ, не могло не разстроить плановъ союзныхъ войскъ и потому неудивительно, что они дѣйствовали такъ безуспѣшно противъ торжествующихъ французовъ, что и русскіе отряды, пришедшіе на помощь къ нимъ подъ начальствомъ Голенищева-Кутузова, должны были начать почти отступленіемъ. Но и на этомъ отступленіи они отличили себя не одинъ разъ своею необыкновенною храбростію. Такъ Кутузовъ одержалъ блистательную побѣду при Кремсѣ, гдѣ французы потеряли до 6,000 человѣкъ и 5 пушекъ; такъ шеститысячный отрядъ русскихъ подъ начальствомъ Богратіона, окруженный 40,000 арміею французовъ, какъ будто въ укоризну слабаго Макка, согласился лучше умереть, нежели сдаться, и отчаянно, съ потерею 2,000 человѣкъ, пробился сквозь непріятеля. Но все это не помогало австрійцамъ: почти въ самую минуту побѣды своей Кутузовъ узналъ, что они уже сдали французамъ Вѣну, и снова принужденъ былъ къ отступленію. Сдача столицы произошла въ то время, когда императоръ австрійскій, отправясь для свиданія съ императоромъ Александромъ

въ Брюннъ, поручилъ ее оберъ-камергеру графу Вурбна, который, не имѣя никакихъ военныхъ достоинствъ, заботился только о сохраненіи общественнаго порядка и, строго наблюдая его, послалъ самъ къ Наполеону съ предложеніемъ о сдачѣ города. Второе непонятное дѣло лица, начальствовавшаго въ Австріи, совершенное въ то самое время, когда императоръ австрійскій придумывалъ все возможныя средства отразить непріятеля! Доказательствомъ тому служитъ несогласіе его на мирныя условія, предложенныя ему Наполеономъ, и желаніе его рѣшить войну оружіемъ. Императоръ Александръ раздѣлялъ мнѣнія Франца II, и генералъ Савари, присланный къ нему отъ Наполеона также для условій о мирѣ, поѣхалъ назадъ безъ всякаго успѣха. И такъ, союзники рѣшили дать генеральное сраженіе. Оно было при Аустерлицѣ, въ Моравіи, 20-го ноября 1805 года и было неудачно для арміи австрійско-русской. Превосходство силъ и все возможныя при сраженіяхъ выгоды были на сторонѣ французовъ. Австрійцы же, не досчитываясь множества изъ товарищей, убитыхъ или взятыхъ въ плѣнъ, были унылы и недовѣрчивы къ начальникамъ, а положеніе русскихъ не могло быть лучше, потому что они сражались въ чужой землѣ и вмѣстѣ съ войскомъ, безпрестанно побѣждаемымъ. Кромѣ того, они нуждались въ пищѣ и другихъ военныхъ припасахъ, не получая пособій, обѣщанныхъ Англіею. Все это облегчило для Наполеона побѣду при Аустерлицѣ, — побѣду, которая была такъ страшна для австрійцевъ, что они поспѣшили заключить отдѣльно отъ союзниковъ миръ съ Франціей, въ Пресбургѣ, 14-го декабря 1805 года. Наполеонъ предлагалъ миръ и Россіи, но императоръ Александръ нашелъ условія его несогласными съ спокойствіемъ Европы и потому отказался отъ нихъ и приказалъ войскамъ своимъ возвратиться въ отечество.

Опасенія Александра были справедливы: вскорѣ послѣ мира Пресбургскаго, такъ непрочно успокоившаго Европу, новые замыслы императора французовъ опять встревожили ее. Присоединяя области Италіи и Германіи одну за другою къ Франціи, или покоряя ихъ болѣе или менѣе ея вліянію, Наполеонъ ясно обнаруживалъ предъ взорами всѣхъ намѣреніе свое быть основателемъ *всемірной мо-*

нархіи. Послѣ Пресбургскаго мира, унизившаго первое по старшинству государство европейское до державы второстепенной, дерзкое намѣреніе Наполеона получило новую силу: онъ началъ дѣйствовать рѣшительнѣе. Въ томъ же 1805 году онъ изгналъ изъ Неаполитанскаго королевства царствовавшую тамъ фамилію Анжуйскую и отдалъ его брату своему Іосифу, а Батавскую или Голландскую республику, превративъ въ королевство,—брату своему Людовику. Области германскія, изъ которыхъ большая часть была обязана Франціи или существованіемъ своимъ, или преобразованіемъ изъ герцогствъ въ королевства, изъ графствъ въ герцогства, — получили устройство, согласное съ цѣлію императора французовъ: онъ составилъ изъ нихъ *союзъ рейнскій* и назвалъ себя *протекторомъ* его. Это названіе доказывало степень зависимости ихъ и въ то же время внушало живѣйшія опасенія тѣмъ изъ государей, которые заботились болѣе другихъ о спокойствіи и счастіи народовъ европейскихъ. Это были: императоръ Александръ и король прусскій, Фридрихъ Вильгельмъ III. Еще за годъ передъ тѣмъ, и именно въ октябрѣ 1805 года, предъ началіемъ войны французовъ съ австрійцами, самая искренняя дружба соединила короля прусскаго съ императоромъ русскимъ. Проѣзжая къ арміи своей въ Австріи, Александръ былъ въ Берлинѣ. Слухъ о высокихъ достоинствахъ Фридриха-Вильгельма давно расположилъ къ нему сердце государя русскаго до того, что онъ пламенно желалъ личнаго свиданія съ нимъ. Это свиданіе, въ самомъ дѣлѣ, утвердило союзъ, основанный на взаимномъ, глубокомъ уваженіи, и съ того времени соединило неразрывными узами два народа, достойные одинъ другого. Тѣнь Фридриха Великаго, этого славнаго государя, котораго любопытную исторію вы, милые читатели, безъ сомнѣнія, помните, осѣнила благословеніемъ своимъ этотъ союзъ потомка своего съ кроткимъ царемъ Россіи,—союзъ, по которому они дали клятву быть друзьями и въ то же время союзниками для защиты государей и народовъ, обиженныхъ похитителемъ престола французскаго. Прекрасенъ былъ этотъ союзъ, но много надобно было вытерпѣть вѣнценоснымъ друзьямъ, прежде нежели дружество ихъ при-

несло блистательные плоды. Въ августѣ 1806 года объявлено было соединеніе Россіи и Пруссіи противъ Франціи. Наполеонъ, имѣвшій причину подозрѣвать, что будетъ сопротивленіе дерзкому могуществу его, не выводилъ войскъ своихъ изъ Германіи и Австріи, хотя и долженъ былъ сдѣлать это по условіямъ мира Пресбургскаго, и армія его была въ готовности дѣйствовать противъ Пруссіи, прежде нежели вспомогательное войско Александра достигло границъ прусскихъ. Отсюда произошли безчисленныя выгоды для французовъ, которые превосходили числомъ армію прусскую и были предводительствуемы самимъ Наполеономъ, а громкое имя его никогда не внушало его воинамъ такого энтузіазма, какъ въ это время: клики побѣдъ ихъ надъ имперіею австрійскою еще раздавались въ Европѣ, и Аустерлицкое сраженіе придало Наполеону особенный блескъ героя. И такъ, увѣренный въ легкости побѣды надъ Пруссіей до прибытія русскихъ войскъ, тѣмъ болѣе, что она была ослаблена войною прошедшаго года, императоръ французовъ спѣшилъ пользоваться выгоднымъ положеніемъ своимъ, которое вскорѣ сдѣлалось еще выгоднѣе оттого, что Пруссія ошиблась точно такъ же, какъ и Австрія: начала войну съ французами, не дождавшись русскихъ, шедшихъ къ ней на помощь. Наполеонъ съ многочисленною арміею своею въ сраженіи при Іенѣ уничтожилъ почти все войско прусское: часть его была разбита, другая—взята въ плѣнъ, третья—положила оружіе сама, и побѣдитель уже безъ битвы вошелъ въ Берлинъ и Варшаву, принадлежавшую тогда Пруссіи. Королевская фамилія удалилась въ Кенигсбергъ. Но и тамъ она недолго оставалась въ спокойствіи: ненависть Наполеона къ королю прусскому за союзъ его съ Александромъ, единственнымъ изъ государей европейскихъ, который казался еще опаснымъ для могущества Франціи, была такъ велика, что онъ не щадилъ ничего, чѣмъ только можно было поразить чувствительнѣе благородное сердце Фридриха. Города Пруссіи переходили одинъ за другимъ во власть французовъ. Наконецъ, въ декабрѣ 1806 года, явились русскіе подъ начальствомъ фельдмаршала Каменскаго, и Наполеонъ съ ожесточеніемъ и тою самонадѣянностію, какую

должны были внушить ему побѣды его, бросился на войско опаснѣйшаго изъ противниковъ его. Первое сраженіе русскихъ съ французами было при Полтускѣ. Оно было кровопролитно, но нерѣшительно: каждая изъ двухъ сторонъ присвоивала себѣ честь побѣды. Каменскій, вскорѣ послѣ этой битвы, сдѣлался боленъ: начальство надъ арміею поручено было *Беннингсену*. Новый главнокомандующій, вмѣстѣ съ прусскимъ генераломъ Лестокомъ, одержалъ знаменитую побѣду, 29-го января 1807 года, при Прейсишъ-Эйлау. Но Наполеонъ не признавалъ себя побѣжденнымъ: онъ только не могъ на этотъ разъ овладѣть Кенигсбергомъ, но за то овладѣлъ Данцигомъ, и тѣмъ очень усилился въ Пруссіи. Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ и счастливый завоеватель покорилъ власти своей почти все государство Фридриха. Послѣдняя рѣшительная побѣда его была при *Фридландѣ*, 2-го іюня 1807 года. Русскіе и пруссаки показали здѣсь чудеса храбрости, и около полудня побѣда склонялась уже на ихъ сторону, но къ вечеру счастіе снова обратилось къ тогдашнему любимцу своему, и онъ остался побѣдителемъ. Слѣдствіемъ этой побѣды было взятіе Кенигсберга, откуда семейство короля уже переѣхало въ Мемель, самый сѣверный городъ прусскихъ владѣній. Армія союзниковъ, утомленная тяжкимъ днемъ Фриндландскимъ, отступила къ небольшому городку прусскому *Тильзиту* и даже переправилась уже на другую сторону Нѣмана рѣки, на лѣвомъ берегу которой онъ построенъ.

Здѣсь, въ этомъ маленькомъ Тильзитѣ, открылась взорамъ Европы картина любопытнѣйшая, совершалось дѣло, важнѣйшее для всего политическаго міра ея; здѣсь свидѣлись два знаменитѣйшіе государя того времени: здѣсь узнали другъ друга два повелителя Европы: Александръ и Наполеонъ. Но прежде нежели мы приступимъ къ описанію подробностей свиданія, столь важнаго своими послѣдствіями, взглянемъ на взаимныя отношенія императоровъ другъ къ другу и на положеніе тѣхъ изъ государствъ европейскихъ, которыхъ судьба почему либо соединена была съ судьбами Россіи и Франціи.

Мы видѣли уже, что англійскій король былъ однимъ

изъ противниковъ Наполеона еще въ то время, когда последній былъ только первымъ консуломъ республики Французской. Можетъ быть онъ былъ главнѣйшимъ изъ нихъ, можетъ быть большая часть другихъ слѣдовала только внушеніямъ его, и вотъ почему: Наполеонъ съ того самаго времени, какъ овладѣлъ верховною властью во Франціи, стремился всѣми силами къ уничтоженію всего, что̀ вредило могуществу страны, вознесшей его на такую блистательную высоту, а англичане всегда были первыми врагами французовъ. Успѣхи ихъ почти во всѣхъ родахъ славы страшили перваго консула; оскорбленія, наносимыя ихъ своевольнымъ флотомъ кораблямъ всѣхъ другихъ націй приводили въ негодованіе того, кто, возстановляя порядокъ въ ужасной республикѣ Французской, долженъ былъ подавать собою примѣръ правосудія и безпристрастія. Такое отношеніе Бонапарте къ Англіи и потребность въ сильной помощи для сокрушенія ея могущества и для своихъ собственныхъ успѣховъ на пути къ трону Франціи заставили перваго консула искать благосклонности сильнѣйшаго изъ государей европейскихъ — императора Павла I. Павелъ уважалъ великія заслуги, оказанныя первымъ консуломъ Франціи, и самъ исполненъ былъ негодованія на несправедливости англійскаго флота. Совершенно соглашаясь съ Бонапарте въ необходимости остановить своевольство англичанъ на моряхъ, императоръ уже возобновилъ знаменитое учрежденіе родительницы своей—*вооруженный нейтралитетъ* и заключилъ союзъ съ Франціей.

Кончина Павла, вскорѣ потомъ послѣдовавшая, перемѣнила эти страшныя для Англіи распоряженія: молодой наслѣдникъ его боялся новой войны, новаго кровопролитія, такъ ужасно опустошавшихъ Европу въ концѣ минувшаго столѣтія, и склонился на убѣжденія англичанъ, обѣщавшихъ вознаградить всѣ несправедливости, оказанныя ими на моряхъ. Между тѣмъ Бонапарте, быстро возвышаясь, не имѣлъ вскорѣ нужды искать чуждой помощи: императору французовъ англичане уже не казались страшны и онъ думалъ уже не о томъ, чтобы защитить себя отъ нихъ, но о томъ, чтобы покорить и ихъ своей власти, чтобы отнять у нихъ выгоды торговли ихъ, такъ много

возвышавшія Англію надъ другими государствами, и для этого ему нужна была помощь государя русскаго, а онъ вмѣстѣ съ Австріею былъ противъ новаго императора. Мы видѣли уже, какъ побѣды Наполеона заставили послѣднюю перемѣнить расположеніе свое, но Россія, хотя и союзница Австріи, все еще оставалась твердою, все еще не признавала Наполеона государемъ Франціи и, чтобы противиться ему, соединилась теперь съ Пруссіею. Мы видѣли, какъ и Пруссія подверглась общей участи государствъ европейскихъ, какъ и ея отборное войско сдѣлалось жертвою ненасытнаго честолюбія Бонапарте. Наконецъ дошла очередь и до Россіи. Но для побѣды надъ нею нужно было много усилій, тѣмъ болѣе, что въ союзѣ съ нею была теперь жестокая противница французовъ—Англія. Изобрѣтательный умъ завоевателя нашелъ средство и здѣсь достичь своей цѣли: онъ разсчиталъ всѣ отношенія Россіи къ Турціи и по этому расположилъ планъ свой. Въ 1806 году пріѣхалъ въ Константинополь французскій посланникъ Себастіяни, искусный политикъ, которому не трудно было внушить турецкому султану Селиму III, что русскій императоръ имѣетъ непріязненныя намѣренія противъ Турціи, что Англія согласилась помогать ему и что императоръ французовъ, будучи *другомъ* [1]) султана, совѣтуетъ ему взять всѣ мѣры предосторожности и даже предлагаетъ ему помощь противъ соперницъ его. Султанъ имѣлъ легкомысліе повѣрить всему, что говорилъ ему Себастіяни, умѣвшій въ короткое время снискать полную его довѣренность и—война съ Россіею загорѣлась въ то самое время, когда большая часть войскъ русскихъ сражалась въ Пруссіи противъ французовъ. Раздѣливъ такимъ образомъ силы Россіи, Наполеонъ легче могъ одержать побѣду надъ русскими войсками, тѣмъ болѣе, что Англія не всегда была вѣрною имъ помощницею, а чаще предпочитала общему дѣлу свои собственныя торговыя выгоды.

Въ такомъ состояніи были дѣла главныхъ государствъ европейскихъ въ то время, когда важная побѣда, одер-

---

[1]) Наполеонъ приказалъ посланнику своему такъ называть его.

жанная Наполеономъ надъ союзною арміею прусско-русскою подъ Фридландомъ, вознесла еще выше честолюбивыя мечты его и разстроила еще болѣе положеніе непріятелей его. Почти все королевство Прусское было уже во власти его, слѣдовательно сопротивленіе со стороны Фридриха-Вильгельма было невозможно. Императоръ русскій стоялъ съ арміею, утомленною походами и сраженіями, на границѣ владѣній своихъ и не могъ подкрѣпить ее свѣжими войсками, потому что они нужны были на обширномъ пространствѣ границъ его съ Турціей. И такъ, необходимость заставляла и его кончить войну. Самъ императоръ французовъ, не смотря на свои счастливые успѣхи, желалъ мира: армія его потеряла много отъ отчаянной храбрости русскихъ и пруссаковъ. Однимъ словомъ, все предвѣщало миръ, и переговоры о немъ открылись чрезъ нѣсколько дней послѣ сраженія Фридландскаго въ томъ самомъ Тильзитѣ, на которомъ мы остановили разсказъ нашъ. Мы говорили о свиданіи императоровъ и обѣщали читателямъ нашимъ нѣсколько любопытныхъ о томъ подробностей. Это свиданіе происходило спустя три дня послѣ перемирія, заключеннаго на мѣсяцъ, въ теченіе котораго положено было разсуждать объ условіяхъ окончательнаго мира, и происходило на рѣкѣ Нѣманѣ, раздѣлявшей обѣ арміи. Мы сказали уже, что русско-прусская армія послѣ сраженія Фридландскаго переправилась на правый берегъ этой рѣки, а французская стояла противъ нея—на лѣвомъ, въ городкѣ Тильзитѣ. Такъ какъ демаркаціонная линія, т. е. та, которая должна была раздѣлять арміи, проходила посрединѣ Нѣмана, то эта средина и назначена была мѣстомъ свиданія. Для этого построили на ней, на двухъ плотахъ, два павильона: одинъ, обширнѣе и лучше, для императоровъ, другой — для свитъ ихъ. Двѣ большія, но обыкновенныя лодки приготовлены были на обоихъ берегахъ для того, чтобы привезти въ одно время къ плотамъ обоихъ императоровъ. Съ какою точностію ни старались исполнить это, однакожъ лодка Наполеона успѣла доѣхать до плота нѣсколькими секундами прежде, такъ что императоръ французовъ успѣлъ быстро пройти павильонъ и встрѣтить императора русскаго при входѣ его

на плотъ. Государи обнялись — и это было предвѣстіемъ мира для войскъ ихъ, смотрѣвшихъ съ обоихъ береговъ на эту любопытную встрѣчу монарховъ своихъ и сопровождавшихъ радостными восклицаніями первое объятіе ихъ. Оно было въ то же время залогомъ того взаимнаго расположенія, которое оба императора почувствовали другъ къ другу. Александръ, съ умомъ, какимъ одарила его природа, и съ тѣмъ тонкимъ образованіемъ, какое получилъ онъ отъ тщательнаго воспитанія, не могъ не отдавать должной справедливости великимъ дѣламъ Наполеона, какъ возстановителя разрушенной Франціи. Наполеонъ не могъ не уважать высокихъ качествъ Александра, не могъ не плѣниться очаровательностію обращенія его, слывшаго неподражаемымъ; наконецъ, не могъ не стараться о пріобрѣтеніи расположенія его, какъ такого государя, съ помощію котораго онъ всего вѣрнѣе могъ покорить вліянію своему послѣднихъ оставшихся у него враговъ — англичанъ.

Императоръ французовъ не ошибся въ ожиданіи своемъ: Александръ недоволенъ былъ Англіею, не исполнявшей и половины обѣщаній, сдѣланныхъ ею Россіи, какъ союзницѣ своей, и разрывъ съ нею рѣшенъ былъ почти въ самомъ началѣ разговора императоровъ. Этотъ разговоръ продолжался два часа. По окончаніи его, обѣ свиты государей позваны были къ нимъ въ большой павильонъ и здѣсь-то многія лица изъ этихъ свитъ увидѣли на тѣсномъ пространствѣ плота и осѣнявшей его палатки тѣхъ двухъ великихъ монарховъ, отъ воли которыхъ зависѣла тогда участь всей Европы. Они разсказывали еще нѣсколько интересныхъ подробностей, которыя, вѣрно, понравятся моимъ читателямъ. Напримѣръ, хотите ли знать, какъ одѣтъ былъ императоръ Александръ? Въ преображенскомъ мундирѣ, покроя того времени, въ короткихъ ботфортахъ, на правомъ плечѣ аксельбантъ, черезъ плечо андреевская лента, безъ эполетъ, потому что ихъ тогда не носили. Прическа его была такая же, какую носятъ и теперь военные, но только съ пудрою. Шляпа высокая, по краямъ ея замѣтенъ былъ бѣлый плюмажъ, наверху черный султанъ. Перчатки бѣлыя, лосинныя и гораздо

длиннѣе нынѣшнихъ. Императоръ французовъ былъ въ мундирѣ старой гвардіи, въ лентѣ Почетнаго Легіона и въ этой маленькой шляпѣ, которую, вѣрно, всѣ вы видѣли на портретахъ и гипсовыхъ изображеніяхъ его. Очевидцы говорятъ, что онъ очень походилъ тогда на эти извѣстныя всѣмъ изображенія его; что, подъѣзжая къ павильону, онъ даже стоялъ въ лодкѣ съ сложенными на груди руками, какъ представляютъ его. Любезность обращенія Александра такъ извѣстна, что излишне было бы сказывать вамъ, друзья мои, какъ милостиво разговаривалъ онъ со всею свитою Наполеона, которая состояла изъ Мюрата, Бертье, Бессьера, Дюрока и Коленкура. Императоръ французовъ былъ также очень привѣтливъ съ генералами, сопровождавшими Александра. Кромѣ великаго князя Константина Павловича—этого храбраго воина, молодого товарища Суворова и ревностнаго сотрудника августѣйшаго брата своего—свита русская состояла изъ князей Ливена и Лобанова, генераловъ Бенингсена и Уварова. Разговаривая съ Бенингсеномъ, Наполеонъ сказалъ: «Vous étiez méchant à Eilau!» и потомъ прибавилъ: «J'ai toujours admiré votre talent—votre prudence encore plus!»

На другой день это свиданіе повторилось. Вмѣстѣ съ императоромъ русскимъ пріѣхалъ въ этотъ разъ другъ и союзникъ его — король прусскій. Послушаемъ, что сказалъ объ этомъ примѣрномъ государѣ одинъ изъ очевидцевъ, покойный генералъ Д. В. Давыдовъ, бывшій тогда только адъютантомъ при генералѣ Багратіонѣ:

«О! какъ явственно — не взирая на мою молодость — какъ явственно поняла душа моя глубокое, но нѣмое горе этого добродѣтельнаго отца своего народа, этого добродѣтельнѣйшей жизни человѣка! Съ какими полными слезъ глазами, но и съ какимъ восторгомъ глядѣлъ я на монарха, сохранившаго все наружное безмятежіе, все достоинство высокаго сана своего при погибели, казалось, неотразимой и окончательной».

Таково дѣйствительно было положеніе Фридриха-Вильгельма, но вліяніе знаменитаго друга его, вліяніе Александра на императора французовъ произвело счастливую перемѣну въ расположеніи его къ Пруссіи: изъ всего королевства,

завоеваннаго имъ, онъ хотѣлъ и, по примѣру областей Италіи, могъ не возвращать королю ничего, но, по убѣжденію Александра, возвратилъ болѣе половины, т. е. всѣ земли, лежащія по правому берегу Эльбы, кромѣ южной и небольшой части западной Пруссіи, составлявшихъ нѣкогда области, присоединенныя отъ Польши. Эти области и вообще все поступившее въ разныя времена къ Пруссіи отъ Польши [1]), должно было, подъ названіемъ *герцогства Варшавскаго,* перейти во владѣніе короля саксонскаго.

Императоръ Александръ, заключая въ Тильзитѣ миръ съ Наполеономъ, заключилъ въ то же время и союзъ съ нимъ противъ непріятелей государствъ ихъ. По договорамъ этого мира и союза, Франція должна была принять на себя посредничество между Россіей и Турціей, а Россія принять такое же между Франціей и Англіей. Кромѣ того, Наполеонъ, изъ свиданій и личныхъ переговоровъ своихъ съ государемъ русскимъ, извлекъ еще другія, важныя выгоды: Александръ трактатомъ Тильзитскимъ призналъ не только его императоромъ французовъ, но и трехъ братьевъ его: Іосифа, Людовика и Іеронима — королями неаполитанскимъ, голландскимъ и вестфальскимъ.

Такъ счастливый завоеватель Европы удачно достигъ цѣли своей и, благодаря силѣ убѣжденій своихъ, дружеству Александра къ Фридриху-Вильгельму и обстоятельствамъ, которыя заставляли императора русскаго уступить необходимости,—получилъ все, чего желалъ отъ Россіи и Пруссіи. Скоро увидимъ мы, какою цѣною заплатитъ онъ за снисходительное великодушіе Александра и добродѣтельную терпѣливость Фридриха-Вильгельма.

---

[1]) Изъ всѣхъ этихъ областей одна *Бѣлостокская* поступила въ это время къ владѣніямъ русскимъ.

ЗАВОЕВАНІЕ ФИНЛЯНДІИ.

отъ 1808 до 1810 года.

(2 года).

Прочитавъ заглавіе этого разсказа, читатели мои, конечно, вспомнятъ области, завоеванныя Петромъ I у Швеціи и лежащія въ сосѣдствѣ съ нашимъ Петербургомъ. Вы вспомните также, что эти завоеванныя тогда области составляли только часть цѣлой страны, извѣстной подъ именемъ Финляндіи. Но слыхали ли вы, что эта Финляндія съ 1809 года принадлежитъ вся Россія и что она прекрасна? Красота мѣстоположеній, величественная пустынность ихъ и добрые, простые нравы жителей представляютъ здѣсь пріятное и рѣдкое въ Европѣ соединеніе. Высокія горы, прелестныя озера, окруженныя самыми живописными берегами, напоминаютъ на каждомъ шагу красоты Швейцаріи, и многіе изъ путешественниковъ, имѣвшіе возможность любоваться обѣими странами, согласно называютъ Финляндію—*Русскою Швейцаріею.* Даже между народными пѣснями ихъ, какъ внушенными одинаковою природою, есть разительное сходство. Съ этимъ согласны и поэты Финляндіи. Кстати вспомнили мы о нихъ. Одинъ и лучшій теперь изъ этихъ поэтовъ, Рунебергъ, есть страстный любитель и самый образованный наблюдатель прекрасной природы своего отечества. Изъ поэтическихъ описаній его можно получить самое вѣрное понятіе объ увлекательныхъ, разнообразныхъ красотахъ Финляндіи, этой прелестной частицы нашей обширной Россіи. Читатели наши, вѣрно, довольны будутъ, если я сообщу имъ здѣсь нѣкоторыя изъ наблюденій, сдѣланныхъ Рунебергомъ во время путешествія его по родинѣ. Напримѣръ, хотите ли прочесть нѣсколько строкъ его о различіи мѣстоположеній береговыхъ и внутреннихъ странъ Финляндіи? Вотъ онѣ:

«Между тѣмъ, какъ по береговой дорогѣ, особливо по южной, деревня за деревней и домъ за домомъ свидѣтельствуютъ о цвѣтущемъ народонаселеніи, по дорогамъ внутреннимъ можно проѣхать цѣлыя мили, не увидѣвъ ни

слѣда хижины; а если, наконецъ, и встрѣтится жилье, то оно виситъ на скатѣ огромной, песчаной горы, или, выглядывая изъ дикихъ рощей, окружающихъ полузакрытое озеро, мелькаетъ какъ чуждый наростъ на здоровомъ и величественномъ деревѣ природы».

Далѣе, разсуждая о различіи природы финляндской, онъ говоритъ: «Не желая доказывать превосходства одного изъ нихъ предъ другимъ (верхняго и нижняго края Финляндіи) въ отношеніи къ отличительнымъ свойствамъ каждаго, я думаю, что никогда тотъ же самый человѣкъ не привяжется съ одинакою любовью къ различнымъ характерамъ нашей земли. Кто поживетъ довольно долго подъ вліяніемъ той или другой мѣстности, тотъ глубоко сохранитъ въ душѣ только одну изъ нихъ, а не обѣ, къ которой бы, впрочемъ, ни влекли его священныя узы сердца. Умъ, настроенный къ спокойнымъ, поэтическо-религіознымъ созерцаніямъ, предпочтетъ верхнія страны. Кипящій жизнію, смѣлый, предпріимчивый духъ, вѣроятно, полюбитъ болѣе берега морскіе, а человѣкъ разсчетливый, заводчикъ-хозяинъ изберетъ прибрежныя равнины. Но такъ какъ, безъ сомнѣнія, первый изъ этихъ характеровъ вѣрнѣе всѣхъ воспринимаетъ и съ наибольшимъ сознаніемъ хранитъ впечатлѣнія, производимыя природою, то можно вообще, въ отношеніи къ высшимъ требованіямъ, отдать преимущество тѣмъ мѣстамъ, которыя всего сильнѣе дѣйствуютъ на такую душу. Въ самомъ дѣлѣ, трудно вообразить выраженіе Божественнаго болѣе ясное, болѣе дивное и возвышающее какъ то, которое представляетъ внутренняя Финляндія въ своемъ величественномъ очертаніи, въ своей пустынности, въ своемъ глубокомъ, невозмутимомъ спокойствіи. Море, какъ оно ни мощно, не всегда носитъ такую печать Божественности. Только въ безграничной тишинѣ его духъ видитъ и обнимаетъ безконечность: взволнованное бурей, оно изъ Божества становится исполиномъ, и человѣкъ уже не поклоняется, но готовится къ битвѣ. Къ мѣстамъ, которыя могутъ служить вѣрными представителями внутренней Финляндіи, какъ относительно природы, такъ и въ разсужденіи характера жителей, должно, по всей справедливости, причислить и отдѣльно лежащій, бѣдный, но пре-

красный приходъ Саріерви. Ничто не дѣйствуетъ на душу сильнѣе дремучихъ неизмѣримыхъ лѣсовъ пустыни. По нимъ гуляешь, какъ по дну морскому, въ непрерывной, однообразной тишинѣ, и только высоко надъ головою слышишь вѣтръ въ вершинахъ елей и въ подоблачныхъ вѣнцахъ дикихъ сосенъ. Тамъ и сямъ встрѣчаешь, будто сходъ въ подземное царство, лѣсное озеро: по крутизнамъ, въ его обросшее деревьями ложе никогда не слеталъ заблудшійся вѣтерокъ; его поверхности никогда ничто не струило, кромѣ плесканія стаи окуней, кромѣ плаванія одинокаго нырка. Глубоко подъ ногами стелется небо, еще спокойнѣе горняго, и будто при вратахъ вѣчности, кажется, боги и духи окружаютъ тебя: безпрестанно ищешь ихъ взорами, слухомъ, ежеминутно хочешь уловить шопотъ ихъ. Съ другой стороны слышится журчаніе ручья. Идешь туда, думаешь, что онъ уже близехонько и, однакожъ, не видишь ничего, кромѣ поросшей верескомъ степи и тѣсныхъ рядовъ сосенъ, на ней стоящихъ. Наконецъ, на разстояніи полета брошенной палки берегъ начинаетъ показывать верхи своихъ березъ. Тогда только, достигнувъ края степи, видишь между листьевъ проблескъ воды, и если, желая спуститься безопаснѣе, правою рукою ухватишься за корень одной березы, то лѣвою можешь держаться за верхнія вѣтви другой. Дошедши до самаго ручья, видишь надъ собой только узкую въ нѣсколько саженъ ширины полосу неба, а по обѣимъ сторонамъ непроницаемую ткань листьевъ и стволовъ. Ежели послѣ другихъ странствованій, между однообразныхъ деревьевъ, по степи доберешься наконецъ до границы ея, то взорамъ представится вдругъ, какъ бы по волшебному слову, картина необычайно разнообразная и обширная: рядъ озеръ съ зелеными островами, рѣки, поля и холмы. Изумительно, какъ много измѣненій свѣта и мрака здѣсь можно обнять однимъ взглядомъ, отъ черныхъ елей болотной долины до сосноваго лѣса, возвышающагося за ними, и березъ, которыя въ видѣ вѣнца обхватываютъ подошву и бедра дальней горы. Все это становится еще прекраснѣе, когда въ лѣтній день солнце, прерываемое облаками, безпрестанно играетъ оттѣнками».

Такова Финляндія, милые читатели! Какъ же не лю-

бопытно знать, какъ досталась намъ эта земля, прелестная красотами, столь разнообразными. Долго владѣла Россія только тѣми областями ея, которыя завоеваны были Петромъ Великимъ, т. е. Кареліею, Ингерманландіею и городами Кексгольмомъ и Выборгомъ. Не одинъ разъ послѣ того короли шведскіе покушались возвратить ихъ, но русскіе знали важность пріобрѣтенія своего, и потому всѣ усилія шведовъ были напрасны: завоеванныя провинціи какъ будто сроднились съ новымъ отечествомъ своимъ и Швеція мало-по-малу начала забывать потерю свою, какъ вдругъ на престолъ ея взошелъ, въ 1792 году, государь, извѣстный въ исторіи многими странностями и необдуманною отважностію, съ которою онъ рѣшался на самыя невѣроятныя предпріятія: это былъ Густавъ IV Адольфъ. Отецъ его, Густавъ III, съ самаго младенчества воспитывалъ его какъ спартанца. Густавъ, котораго купали еще груднымъ ребенкомъ въ ледяныхъ ваннахъ, пріобрѣталъ съ лѣтами не только крѣпость тѣла, но и твердость духа, обратившуюся впослѣдствіи въ необыкновенное упорство нрава. Все должно было повиноваться однажды принятому имъ образу мыслей и никакія разсужденія не могли отвести его отъ намѣренія, на которое онъ рѣшился. Такая настойчивость не одинъ разъ была причиною важныхъ неудовольствій въ политическихъ сношеніяхъ его съ другими государствами, и наконецъ погубила его, не смотря на благородную цѣль, которая на этотъ разъ была первымъ предметомъ упорства его.

Со времени бѣдственной кончины французскаго короля Людовика XVI и изгнанія несчастнаго семейства его, Густавъ IV сдѣлался пламеннымъ защитникомъ ихъ и непримиримымъ врагомъ французовъ и всѣхъ предводителей ихъ, одинъ за другимъ возстававшихъ на Бурбоновъ. Въ свою очередь и Наполеонъ сдѣлался предметомъ его ненависти, которая справедливо увеличилась потомъ убіеніемъ герцога Энгіенскаго и восшествіемъ на императорско-французскій престолъ того, кто, по мнѣнію Густава, долженъ былъ возложить поднесенную ему корону на главу Людовика XVIII, родного брата царственнаго мученика. Исполненный негодованія, истинно-рыцарскаго, король шведскій не думалъ таить его и открыто представлялъ всѣмъ дво-

рамъ европейскимъ необходимость вступиться за обиженныхъ наслѣдниковъ французскаго престола. Этого еще мало. Упорно держась принятаго имъ мнѣнія о Наполеонѣ, Густавъ никогда не соглашался признать его императоромъ французовъ, называлъ его не иначе, какъ похитителемъ короны ихъ, и даже осмѣлился показать до такой степени отвращеніе свое къ могущественнѣйшему въ то время изъ повелителей Европы, что не принялъ отъ короля прусскаго посланныхъ ему знаковъ ордена Чернаго Орла, потому что ихъ получилъ и Наполеонъ, котораго онъ не могъ уважать.

Съ истиннымъ огорченіемъ смотрѣлъ король шведскій, какъ необыкновенное счастіе Наполеона, болѣе и болѣе возвышая его, примирило, наконецъ, съ нимъ всѣхъ враговъ его. Государи, имѣя въ виду пользу народовъ своихъ и прекращеніе кровопролитія, согласились на миръ съ человѣкомъ, съ которымъ внутренно, можетъ быть, желали бы еще долго вести войну. Но Густавъ не имѣлъ этого благоразумія и, увлеченный непреодолимымъ упрямствомъ своимъ, забывалъ о страданіяхъ народа во время войны. Онъ желалъ, чтобы она продолжалась, а между тѣмъ Тильзитскій миръ былъ уже заключенъ и врагами французовъ остались одни англичане. Съ жаромъ занимался онъ планами, какъ бы соединиться съ ними, какъ вдругъ узнаетъ новость, удивившую и оскорбившую всѣ дворы европейскіе.

Данія, во все время смятеній, волновавшихъ Европу со времени французской революціи, оставалась нейтральною, т. е. она не вмѣшивалась въ споры другихъ государствъ и не держала стороны ни одного изъ нихъ. Казалось, такое миролюбивое расположеніе должно было бы предохранить ее отъ всякихъ нападеній, тѣмъ болѣе, что и географическое положеніе ея отдѣляло ее отъ тѣхъ странъ, гдѣ происходили важнѣйшіе политическіе перевороты. Исполненная чистыхъ намѣреній, она была спокойна даже до безпечности, и на островахъ, которые составляютъ королевство ея и мимо которыхъ—какъ, вѣроятно, читателямъ моимъ извѣстно—лежитъ путь всѣмъ кораблямъ, проходящимъ въ море Балтійское, не было почти совсѣмъ войска, на бастіонахъ ихъ—пушекъ; ни одно изъ укрѣпленій морскихъ и сухопутныхъ не было приготовлено къ отраженію непрія-

теля. И посреди такого состоянія жители Копенгагена вдругъ, въ іюнѣ 1807 года [1]), видятъ у береговъ своихъ военные корабли Англіи! Сначала это не устрашило ихъ, потому что назначеніе флота было тотчасъ объявлено: говорили, что онъ шелъ въ Пруссію, и никто не воображалъ, чтобы англійскій флотъ, послѣ столь многихъ годовъ дружества, могъ имѣть непріязненныя намѣренія противъ Даніи. Но прошло нѣсколько дней, — и начальникъ англійскаго флота сдѣлалъ правительству датскому, отъ имени короля своего, объявленіе самое странное, самое удивительное: предполагая, что Данія, при положеніи дѣлъ въ Европѣ послѣ Тильзитскаго мира, вовлечена будетъ нѣкоторыми государствами въ войну съ Англіею, король англійскій настоятельно требовалъ, чтобы весь военный флотъ датскій отданъ былъ ему и оставался какъ бы подъ стражею у него до тѣхъ поръ, пока всеобщее спокойствіе не будетъ возстановлено въ Европѣ. Къ такому непостижимому объявленію со стороны націи, всегда любившей величаться своею справедливостію и благородствомъ, прибавлены были самыя оскорбительныя угрозы, въ случаѣ отказа Даніи исполнить требованіе короля англійскаго. Но могло ли какое либо правительство, чувствующее достоинство свое, согласиться на такое униженіе? Всѣ сословія народа датскаго, оскорбленныя въ лицѣ правительства ихъ, соединились подъ начальство своего дѣятельнаго и всѣми искренно любимаго кронпринца, употребили все, что только можно было придумать къ защитѣ столицы, на которую нападеніе сдѣлано было такъ неожиданно и, не смотря на всю малочисленность войска своего въ сравненіи съ сильнымъ флотомъ англійскимъ, рѣшились не сдавать Копенгагена до послѣдней крайности. Но англичане не были тронуты этою благородною рѣшимостью: они исполнили со всею строгостію повелѣніе короля своего, и несчастная столица Даніи должна была вытерпѣть всѣ ужасы жестокой и продолжительной осады. Наконецъ, разрушенная бомбардированіемъ, безжалостно выжженная пожарами и въ срединѣ

[1] Т. е. чрезъ мѣсяцъ послѣ заключенія Тильзитскаго мира, чрезвычайно непріятнаго для англичанъ.

города, и въ прекрасныхъ предмѣстіяхъ своихъ, уничтоженная горестною картиною отчаянія гражданъ, схоронившихъ подъ развалинами домовъ семейства свои, она принуждена была сдаться и согласиться на всѣ условія, предписанныя англійскимъ правительствомъ. Однакожъ англичане еще несовсѣмъ были довольны: имъ не удалось овладѣть особою короля, который подъ защитою смѣлаго сына своего, кронпринца, въ виду кораблей непріятельскихъ счастливо переплылъ изъ Зеланда въ Голштинію. Оскорбленный въ высочайшей степени, король датскій представилъ на судъ государей европейскихъ недостойное дѣло правительства Англіи, и всѣ увидѣли необходимость ограничить несправедливую власть англичанъ на моряхъ. Императоръ Александръ, какъ главнѣйшій охранитель спокойствія моря Балтійскаго, столь ужасно нарушеннаго англичанами, первый объявилъ Англіи, что прерываетъ всѣ сношенія свои съ нею и не возобновитъ ихъ до тѣхъ поръ, пока Данія не будетъ удовлетворена въ полной мѣрѣ. Онъ предложилъ и королю шведскому, котораго владѣнія простирались также по берегамъ моря Балтійскаго, вступить въ союзъ съ русскими для защиты кораблей государствъ нейтральныхъ. Въ это самое время Густавъ IV, какъ мы уже сказали, погруженъ былъ въ размышленія, совершенно противныя предложенію Александра: онъ думалъ, какъ бы ему сблизиться съ англичанами. Жестокая несправедливость ихъ противъ датчанъ не унижала ихъ въ глазахъ его: ослѣпленный негодованіемъ на французовъ, онъ видѣлъ въ ней только желаніе противиться могуществу ихъ, а это желаніе было такъ согласно съ его собственнымъ, что онъ, вмѣсто того, что принять предложеніе Александра, заключилъ союзъ съ Англіею. Такой поступокъ Густава IV нельзя было принять иначе, какъ объявленіемъ войны, и войска императора русскаго, подъ начальствомъ графа Буксгевдена, пошли въ Финляндію.

Это было въ началѣ февраля 1808 года. Шведы, хотя и ожидали непріятельскихъ дѣйствій со стороны русскихъ и потому приготовили значительное войско въ Финляндіи, но никакъ не думали, чтобы они начались въ зимнее время. Быстрота движеній русской арміи доставила ей важныя выгоды передъ шведами: пораженные неожиданностію, они

должны были отступать при самомъ началѣ войны и такимъ образомъ къ 13-му февраля уступить непріятелю всю Кюменгардскую губернію. Только у Гельсингфорса они рѣшились дать сраженіе, но и оно было несчастливо для нихъ. 18-го февраля русскіе уже взяли этотъ городъ, а вслѣдъ затѣмъ и всю Гельсингфорскую область. Наконецъ, 10-го марта имъ принадлежалъ уже и Або, первый изъ городовъ шведской Финляндіи и съ нимъ вмѣстѣ вся нижняя Финляндія. Между тѣмъ Густавъ IV съ первымъ извѣстіемъ о вступленіи русскихъ войскъ въ его владѣнія,—вступленіи, котораго онъ самъ былъ единственною причиною, показалъ новую, необыкновенную сторону своего характера: онъ приказалъ арестовать русскаго посланника въ Стокгольмѣ, г-на Алопеуса, не дозволять ему имѣть съ кѣмъ либо свиданія, отобрать всѣ его бумаги, запечатать посольскій архивъ. Такое нарушеніе всѣхъ народныхъ правъ и неприкосновенности особы посла могло быть извинительно только въ государствѣ полудикомъ, еще не знакомомъ съ обыкновеніями народовъ просвѣщенныхъ, но здѣсь, въ отношеніи Швеціи, всѣ извиненія были неумѣстны: поступокъ Густава IV явно основывался на его увѣренности въ помощи союзниковъ его, англичанъ, которые, побуждая его къ войнѣ съ Россіею, обѣщали ему важныя пособія и войсками морскими, и сухопутными, и деньгами. Эти войска уже были готовы къ отплытію изъ Англіи и ожидали только благопріятнаго вѣтра. Такимъ образомъ важная опасность угрожала со стороны Швеціи границамъ Россіи, слѣдовательно и сѣверной столицѣ ея. Чтобы обезопасить эту священную драгоцѣнность Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ чтобы не оставить безъ наказанія оскорбленія, нанесеннаго достоинству имперіи русской жестокимъ поступкомъ короля шведскаго съ г. Алопеусомъ, императоръ Александръ объявилъ всѣмъ иностраннымъ дворамъ, что присоединяетъ *навсегда* шведскую Финляндію къ государству русскому. Такое объявленіе не только не усмирило Густава, но возбудило еще болѣе упорство его и, не имѣя терпѣнія дождаться англичанъ, которые, по обыкновенію своему, всегда медленно оказывали обѣщанную помощь, онъ приказалъ всѣмъ молодымъ людямъ въ государствѣ своемъ отъ 18 до 36 лѣтъ вступить въ военную службу

и отправиться къ финляндской арміи. Общее неудовольствіе, съ которымъ шведы смотрѣли съ самаго начала на войну, начатую королемъ ихъ съ Россіею, чрезвычайно усилилась при извѣстіи объ этомъ народномъ ополченіи, поразившемъ горестію почти каждое семейство. Но Густавъ, въ пылу упрямства своего и занятый единственною мыслію возвратить потерянную Финляндію, не обращалъ вниманія на огорченіе и ропотъ своихъ подданныхъ: онъ спѣшилъ отправлять новонабранное войско къ арміи и не имѣлъ утѣшенія видѣть вознагражденіе жертвъ, принесенныхъ народомъ его: успѣхи войны оставались попрежнему на сторонѣ русскихъ. Храбрымъ солдатамъ нашимъ не нужно было учиться побѣждать трудности, какія представляетъ война въ странѣ, подобной Финляндіи: имъ еще памятны были высокія горы Швейцарскія и льды, покрывающіе ихъ. И такъ, они съ легкостію взбирались на крутизны Финляндіи, съ тою же непоколебимою твердостію переносили холодъ сѣвера, какъ нѣкогда, въ Италіи, жаръ юга и еще болѣе: на второй годъ войны, въ февралѣ 1809 года, они совершили дѣло, которое называютъ безпримѣрнымъ въ исторіи: одно отдѣленіе войска, подъ начальствомъ князя Багратіона, перешло изъ Або по льду на Аландскіе острова и завладѣло ими, а другое, подъ командою генерала Барклая-де-Толли, изъ Вазы на шведскій берегъ, въ Умео. Послѣдній переходъ былъ особенно замѣчателенъ; онъ происходилъ по льдамъ Ботническаго залива, подъ 64° сѣверной широты и при 30° мороза! Это смѣлое дѣло рѣшило судьбу войны. Шведы увидѣли русскихъ уже за границами Финляндіи, въ самой Швеціи. Испуганные такими быстрыми успѣхами непріятеля и приведенные въ отчаяніе упорствомъ короля своего, они рѣшились дѣйствовать противъ приказаній его, и графъ Кронштедтъ, охранявшій съ отрядомъ войска городъ Умео, объявилъ Барклаю-де-Толли, что весь шведскій народъ желаетъ мира и не намѣренъ болѣе проливать безполезно кровь свою. Вслѣдъ за этимъ объявленіемъ послѣдовала сдача Умео. Вы, конечно, удивляетесь смѣлости графа Кронштедта и вообще всѣхъ шведовъ, поступавшихъ такимъ образомъ въ отношеніи къ королю своему. Но въ это время проис-

ходили въ Швеціи большіе безпорядки; король поссорился уже и съ англичанами за то, что они, вмѣсто обѣщанной помощи, начали также склонять его къ миру съ Россіей. Онъ приказалъ наложить запрещеніе на всѣ корабли ихъ, находившіеся въ шведскихъ гаваняхъ. Эта ссора съ новымъ сильнымъ непріятелемъ показала шведамъ всю опасность, какой подвергались они подъ властію государя, съ равнодушіемъ располагавшаго судьбою ихъ. Вынужденные крайностію, они рѣшились освободиться отъ власти его и 15-го марта 1809 года король Густавъ-Адольфъ уже не царствовалъ болѣе: опечаленный неудачами разнаго рода, онъ, повидимому, безъ сожалѣнія сложилъ съ себя корону, уступилъ престолъ дядѣ своему, герцогу Зюдерманландскому, и вскорѣ потомъ, выѣхавъ изъ Швеціи, поселился въ Швейцаріи, гдѣ жилъ подъ именемъ полковника Густавсона.

Между тѣмъ первымъ дѣломъ новаго короля, вступившаго на престолъ подъ именемъ Карла XIII, было — заключить миръ съ Россіею: Швеція, изнуренная трудною и безполезною войною, имѣла нужду въ немъ. Переговоры происходили въ одномъ изъ городовъ Финляндіи, Фридрихсгамѣ. 5-го сентября 1809 года они были окончены и миръ заключенъ. Онъ доставилъ Россіи Аландскіе острова и всю Финляндію до рѣки Торнео и границъ Норвегіи.

Вотъ какимъ образомъ русскіе пріобрѣли прекрасную Финляндію. Это пріобрѣтеніе было очень важно, можно сказать, даже необходимо для безопасности Петербурга нашего. Не одинъ разъ онъ подвергался нападеніямъ въ тѣ времена, когда только небольшое пространство отдѣляло его отъ владѣній шведскихъ; теперь же это пространство увеличилось до 3,000 кв. миль. Оно состоитъ изъ высокихъ горъ и скалъ, во многихъ мѣстахъ неприступныхъ и вездѣ трудныхъ для нападенія, заселено народомъ, въ высочайшей степени честнымъ, добрымъ, искренно-преданнымъ государямъ нашимъ, которые положили прочное основаніе этой преданности тѣмъ, что оставили Финляндію на тѣхъ же самыхъ правахъ и законахъ, какіе были у ней въ то время, когда она принадлежала Швеціи. Политическая жизнь ея осталась все та же, какою она привыкла жить; перемѣнилось только имя владѣтеля ея, и пере-

мѣнилось съ большими для нея выгодами: сильное могущество императоровъ русскихъ хранительно защищаетъ ее отъ волненій и бурь, какія были удѣломъ ея во время тревожнаго правленія королей шведскихъ, всегда болѣе или менѣе старавшихся вредить Россіи посредствомъ Финляндіи, а щедрые дары ихъ помогаютъ тому классу народа, который долженъ снискивать себѣ пропитаніе отъ произведеній земли: она, богатая красотами дикими и величественными, бѣдна во многихъ мѣстахъ Финляндіи произведеніями. Скалы и вообще вся каменистая почва лишаютъ ее плодородія, и жители по большей части бѣдны. Но не хотите ли, друзья мои, прочесть еще нѣсколько строкъ изъ путешествія Рунеберга? Вы узнаете въ нихъ любопытную черту изъ быта поселянина финскаго.

Описавъ со всею подробностію финскую избу, которую крестьянинъ раздѣляетъ не только со всѣмъ семействомъ, но даже и со всѣмъ домашнимъ скотомъ своимъ, Рунебергъ говоритъ: «Въ составѣ финской избы названы нищіе и нахлѣбники. Тѣ и другіе такъ обыкновенны и такъ важны въ хозяйствѣ, что имѣютъ право па описаніе болѣе подробное. Нахлѣбникъ — вторая ласточка финскаго поселянина. Подобно ей, онъ подъ крестьянскою крышей требуетъ мѣста для себя и для своихъ; подобно ей, никогда не получаетъ въ томъ отказа и, какъ она, живетъ тѣмъ, что̀ Богъ пошлетъ. Плата его за постой состоитъ обыкновенно въ томъ, что онъ бросаетъ въ избу дрова чрезъ волоковое окно. Остальные труды его въ вознагражденіе хозяевъ зависятъ совершенно отъ его доброй воли. Такой человѣкъ, если онъ не знаетъ никакого ремесла, иногда промышляетъ рыбною ловлею или охотой, и сверхъ того пользуется безъ позволенія, но и безъ запрета хозяевъ, тою выгодою, что на ихъ землѣ пускаютъ палу [1]) для посѣва рѣпы и обращаетъ произрастенія въ свою собственность. Если ему удастся запастись коровой, то она живетъ вмѣстѣ съ хозяйскими и становится такимъ же привилегированнымъ дармоѣдомъ въ своемъ хлѣвѣ, какъ

---

[1]) Особый родъ земледѣлія: для пріобрѣтеній земли, годной къ засѣву, вырубаютъ часть лѣса и жгутъ срубленныя деревья. Пала употребительна и въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ сѣверныхъ губерній, гдѣ живутъ финны.

владѣлецъ ея въ углу избы. Такъ какъ нужды нахлѣбника невелики, а по безотчетной добротѣ хозяина повинности еще менѣе значительны, то ясно, что онъ болѣе всякаго другого слѣдуетъ врожденной наклонности финновъ къ безпечности и лѣни. Потому-то и видишь его почти всегда отдыхающимъ, зимой передъ печью на лавкѣ, лѣтомъ—на голой землѣ на солнцѣ. Безъ сомнѣнія, большое число такихъ нахлѣбниковъ вредитъ какъ земледѣлію вообще, такъ и особенно крестьянину, который держитъ ихъ у себя; но съ другой стороны не умилительно ли видѣть, съ какимъ благородствомъ души онъ раздѣляетъ почти безвозмездно тѣсное жилище и часто малое достояніе свое съ голодными и безпріютными земляками?»

Описаніе о нищихъ еще трогательнѣе. Эти подробности о Финляндіи не возбудятъ ли въ васъ, милыя дѣти, желанія узнать ее ближе? Въ такомъ случаѣ читайте Рунеберга; вы найдете его въ прекрасныхъ переводахъ извѣстнаго литератора нашего Я. К. Грота. Для образца этихъ переводовъ мы представимъ вамъ здѣсь одинъ изъ нихъ, изъ котораго вы узнаете трогательное преданіе, разсказываемое въ одномъ бѣдномъ семействѣ; оно дополнитъ нѣсколько наше небольшое описаніе нравовъ финляндцевъ, которое вы прочли въ этой главѣ.

ВЕЧЕРЪ НА РОЖДЕСТВО.

Надъ степью блѣдный мѣсяцъ плылъ,
Голодный звѣрь въ ущельи вылъ,
Въ селѣ далекомъ лаялъ песъ.
Въ ту пору путникъ шелъ чрезъ лѣсъ
Въ пустыню, гдѣ былъ кровъ его.
Морозитъ; завтра Рождество.

Глухою, снѣжною тропой,
Усталый, онъ спѣшитъ домой
Къ женѣ, къ малюткамъ дорогимъ,
И хлѣбъ для праздника роднымъ
Несетъ онъ съ барскаго двора:
Имъ въ пищу служитъ лишь кора.

Но меркнетъ, меркнетъ въ вышинѣ,
Вдругъ отрокъ виденъ въ сторонѣ:
Къ сугробу молча прислоненъ,
Дыханьемъ руки грѣетъ онъ,

И мнится, пламя жизни въ немъ
Погаснуть хочетъ вмѣстѣ съ днемъ.

«Куда твой путь, бѣдняжка мой?
Приди погрѣться къ намъ домой».
И онъ иззябшаго беретъ.
Вотъ наконецъ онъ у воротъ;
Вотъ онъ вошелъ на пиръ къ роднымъ,
Съ гостинцемъ, съ другомъ молодымъ.

У печки тамъ жена его
Младенца кормитъ своего:
«Какъ ты себя заставилъ ждать!
Приди-жъ къ огню, поближе сядь;
Ты также!» Ласкова, нѣжна,
Дитя къ огню ведетъ она.

И чрезъ мигъ, послушно ей,
Взвивалось пламя ужъ рѣзвѣй;
Не помня нужды, весела,
Тогда свой хлѣбъ она взяла,
На столъ снесла его, потомъ
И крынку съ жидкимъ молокомъ.

Ихъ полъ для жданнаго денька
Соломой былъ прикрытъ слегка.
Съ него всталъ рой ребятъ къ столу.
Одинъ лишь гость еще въ углу.
Хозяйка бѣднаго беретъ,
И также къ ужину ведетъ.

Когда молитва отошла,
Хозяйка хлѣбецъ почала.
«Благословенъ убогихъ даръ!»
Промолвилъ отрокъ: дивный жаръ
Съ слезой въ очахъ его сіялъ,
Когда свою онъ долю взялъ.

Мать рѣжетъ хлѣбъ и для дѣтей,
Но хлѣбъ все цѣлъ да цѣлъ у ней.
На гостя юнаго она
Вперяетъ взоръ, изумлена;
И смотритъ, смотритъ: что же съ нимъ?
Внезапно весь онъ сталъ другимъ.

Въ очахъ, какъ на небѣ, свѣтло;
Блеститъ таинственно чело,
Слетаетъ съ нѣжныхъ плечъ покровъ,
Какъ передъ утромъ паръ съ луговъ.
Привѣтный ангелъ обнаженъ;
Какъ Божій рай прекрасенъ онъ

Денница радости взошла;
Въ сердцахъ надежда расцвѣла,
И незабвенъ былъ вечеръ сей
Подъ кровомъ набожныхъ людей.
Гдѣ пиръ прекраснѣе бывалъ?
Здѣсь добрый ангелъ пировалъ.

Чрезъ много зимъ, на мѣстѣ томъ
И я былъ въ ночь предъ Рождествомъ,
Еще стоялъ смиренный кровъ,
И жилъ тамъ правнукъ тѣхъ жильцовъ;
И онъ уже старъ былъ, ужъ сѣдѣлъ,
Но у того-жъ стола сидѣлъ.

Такъ чудно было, такъ свѣтло!
Жена сидѣла близь него,
И рядъ дѣтей ихъ окружалъ:
Молитвой воздухъ тамъ дышалъ;
И вѣрилось, обитель та
Какъ нѣкій храмъ была свята.

Горѣла свѣчка на столѣ
(Одна лишь и была въ семьѣ!):
Тамъ бѣлый хлѣбъ и молоко;
Но ихъ не трогаетъ никто.
«Чье это мѣсто?» я спросилъ;
«Тамъ» мнѣ сказали: «ангелъ былъ».

НОВЫЕ УСПѢХИ РУССКИХЪ ВЪ ДѢЛАХЪ ВОЕННЫХЪ И ГРАЖДАНСКИХЪ.

ОТЪ 1810 ДО 1812 ГОДА.

(2 года).

Почти въ то самое время, когда русскіе сдѣлали на сѣверѣ такое важное пріобрѣтеніе владѣній и на югѣ покорилась имъ новая страна: Грузія добровольно, по просьбѣ собственныхъ царей своихъ, принесенной еще покойному императору Павлу Петровичу, присоединена была къ Россіи. Императоръ Александръ доставилъ важныя выгоды членамъ царскаго грузинскаго дома и назначилъ каждому изъ нихъ значительную пенсію. Они были довольны и, оставивъ Грузію, переѣхали на жительство въ Москву и Петербургъ.

Новое могущество, доставленное Россіи этимъ легкимъ пріобрѣтеніемъ цѣлой области, заключавшей въ себѣ 4,000 кв. миль и около 2.000,000 жителей, и новое состояніе этой самой области, прежде слабой правленіемъ, а теперь сильной защитою и покровительствомъ императора русскаго, не могли понравиться сосѣдямъ ея—персіянамъ. Они лишились многихъ выгодъ, которыми привыкли пользоваться въ Грузіи, и боялись усилившагося вліянія русскихъ на дѣла ихъ. Чтобы помочь себѣ въ томъ и другомъ случаѣ, они неблагоразумно вздумали открыть войну съ Россіею. Въ 1804 году они начали ее и постепенно продолжали до 1812 года. Можно было предвидѣть, чѣмъ кончится война персіянъ, непривыкшихъ къ военному дѣлу, съ русскими, имѣвшими одну изъ лучшихъ армій: по миру, заключенному въ 1812 году, въ Гулистанѣ, Персія должна была уступить Россіи всѣ земли свои, лежащія на западной сторонѣ Каспійскаго моря до рѣки Арраса.

Впрочемъ, война съ Персіей, во всѣ времена, не считалась у русскихъ дѣломъ важнымъ: и въ этотъ разъ о ней мало говорили, и гораздо болѣе занимались войною, начавшеюся съ Турціей, спустя два года послѣ персидской, и продолжавшейся также до 1812 года.

Читателямъ моимъ извѣстно уже, какъ началась она. Наполеонъ, причинившій ее изъ политическихъ видовъ, думалъ, что всѣ несогласія, возбужденныя имъ между Россіей и Турціей, кончатся вмѣстѣ съ Тальзитскимъ миромъ. Но ожиданія его не исполнились, и принятое имъ посредничество было неудачно: турки, много теряя по торговлѣ своей отъ разрыва съ Англіею, спѣшили примириться съ ней, а это примиреніе неизбѣжно влекло для нихъ за собою войну съ Россіей. И такъ, она снова началась, и фельдмаршалъ *князь Прозоровскій* во второй разъ вступилъ въ Молдавію и Валахію и вскорѣ потомъ перешелъ за Дунай. Въ 1809 году онъ скончался послѣ кратковременной болѣзни и мѣсто его заступилъ князь *Багратіонъ*. Подъ начальствомъ этого храбраго полководца русскіе въ томъ же 1809 году взяли крѣпость *Измаилъ*, а въ слѣдующемъ 1810, при новомъ главнокомандующемъ, заступившемъ мѣсто князя Багратіона,—*Каменскомъ*, важную

крѣпость *Силистрію*. При Каменскомъ русскіе одержали также знаменитыя побѣды надъ турками при Базарджикѣ, Разградѣ и при рѣкѣ Янтрѣ.

Успѣхи русскихъ приводили Турцію тѣмъ въ большее уныніе, что при дворѣ константинопольскомъ происходили въ это время дѣла, истинно ужасныя. Въ концѣ 1807 года султанъ Селимъ III свергнутъ былъ съ престола янычарами [1]), которые ненавидѣли его за то, что онъ хотѣлъ образовать ихъ по-европейски. Мѣсто его заступилъ двоюродный братъ его *Мустафа*. Не прошло года, какъ новое возмущеніе свергло и Мустафу и на мѣсто его возвело брата его *Махмуда*. При Махмудѣ также начинались безпокойства, и дерзкіе янычары уже хотѣли снова сдѣлать султаномъ Мустафу, но Махмудъ былъ твердъ и умѣлъ избавиться отъ бѣды, повидимому неминуемой: онъ велѣлъ умертвить Мустафу и съ того времени, какъ единственный потомокъ царскаго поколѣнія, остался обладателемъ престола его, и чрезъ двадцать лѣтъ потомъ умѣлъ наконецъ уничтожить войско, причинявшее во всѣ времена столько бѣдствій народу его.

При такомъ несчастномъ состояніи дѣлъ турки не могли бы вести съ успѣхомъ войну, еслибъ непріятелемъ ихъ были и не русскіе, которые и на сухомъ пути, и на морѣ безпрестанно одерживали надъ ними побѣды. Кромѣ арміи, находившейся подъ начальствомъ фельдмаршаловъ, о которыхъ мы уже говорили, адмиралъ *Сенявинъ* прославилъ имя свое на водахъ, омывающихъ южные берега Турціи. До заключенія мира Тильзитскаго онъ сражался не съ одними турками, но и съ французами. Онъ защищалъ отъ нихъ Іоническіе острова и восточные берега Адріатическаго моря, и вездѣ былъ побѣдителемъ до тѣхъ поръ, пока миръ, заключенный съ Франціею, не перемѣнилъ совершенно положенія флота нашего въ Средиземномъ морѣ. Англичане сдѣлались врагами русскихъ, и корабли ихъ, которыхъ было около береговъ Турціи гораздо болѣе, нежели русскихъ, употребили всѣ средства, чтобы вредить

---

[1]) Корпусомъ янычаръ называлось въ Турціи войско, составлявшее тѣлохранителей султана или его гвардію.

намъ и довели храбраго Сенявина до того, что онъ долженъ былъ сдаться имъ на капитуляцію. Но эта сдача не принадлежала къ происшествіямъ войны турецкой: русскій флотъ имѣлъ дѣло съ англичанами уже тогда, когда, узнавъ о мирѣ Тильзитскомъ, прекратилъ военныя дѣйствія съ турками и, оставивъ берега ихъ, возвращался въ отечество. Слѣдовательно, неуспѣхъ Сенявина не могъ порадовать константинопольскихъ жителей. Они погружены были въ уныніе и отъ побѣдъ русскихъ на сухомъ пути, и отъ собственнаго разстройства въ правленіи. Султанъ Махмудъ ободрилъ ихъ нѣсколько. Онъ вступилъ на престолъ въ то самое время, когда побѣды Каменскаго наводили такой страхъ на турокъ, что они уже начинали думать о мирѣ. Отважный и твердый Махмудъ рѣшился продолжать войну. Для лучшаго успѣха ея онъ смѣнилъ стараго визиря Юсуфа-пашу и на мѣсто его къ Шумлѣ, гдѣ стояли тогда русскіе, послалъ молодого и храбраго Ахмета-Агу, и съ нимъ 50,000 отборнаго войска. Въ это время и въ русской арміи главнокомандующій перемѣнился: на мѣсто заболѣвшаго Каменскаго поступилъ *Голенищевъ-Кутузовъ,* котораго имя, черезъ годъ потомъ, сдѣлалось однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ именъ для Россіи. Армія турецкая съ войскомъ, вновь присланнымъ отъ султана, была втрое многочисленнѣе русской; но знаменитый ученикъ Суворова оправдалъ славу своего учителя: Ахмедъ-Ага былъ разбитъ при Рущукѣ и обратился въ бѣгство. Едва успѣлъ онъ переправиться черезъ Дунай въ лодкѣ, забывъ объ арміи своей, которая должна была сдаться русскимъ. Это было въ декабрѣ 1811 года, а въ маѣ 1812 Россія воспользовалась плодами этой знаменитой побѣды Кутузова: въ *Бухарестѣ* заключенъ былъ миръ, по которому Турція уступила Россіи *Бессарабію,* до рѣки Прута.

И такъ, мы дошли теперь до 1812 года, до этой знаменитѣйшей эпохи въ новѣйшей исторіи отечества нашего. Но прежде нежели мы развернемъ страницы, блестящія славою Россіи, взглянемъ на внутреннее устройство ея, безпрестанно улучшаемое молодымъ императоромъ, на тѣ удивительные успѣхи въ дѣлѣ просвѣщенія, которые такъ отличали его царствованіе отъ всѣхъ предшествовавшихъ ему.

Мы видѣли уже, что сдѣлано было въ первые годы этого славнаго царствованія. Слѣдующія за ними улучшенія были продолженіемъ прекраснаго начала. Однимъ изъ главныхъ занятій государя было, какъ и прежде: образованіе его подданныхъ. Въ этомъ важномъ дѣлѣ государственномъ царственная заботливость его производила съ каждымъ годомъ новые, драгоцѣнные плоды. Вы знаете уже, какой блестящій переворотъ во всемъ составѣ образованности Россіи произвело учрежденіе министерства народнаго просвѣщенія. Въ 1804 году стараніями министерства совершилось новое важное дѣло: основанъ былъ въ С.-Петербургѣ *Педагогическій институтъ,* т. е. такое учебное заведеніе, гдѣ молодые люди приготовлялись быть преподавателями и наставниками юношества.

С.-Петербургскій Педагогическій институтъ, съ своимъ улучшеннымъ во всѣхъ частяхъ устройствомъ, образовался изъ существовавшей прежде *Учительской гимназіи.* Онъ долженъ былъ составлять современемъ отдѣленіе Петербургскаго университета; потому онъ и получилъ устройство университетское. Воспитанники его пользовались всѣми правами студентовъ университетскихъ съ тою только разницею, что, какъ обязанные образованіемъ своимъ правительству, они должны были прослужить извѣстное число лѣтъ преподавателями по той части, къ которой готовились въ институтѣ.

Имъ предоставлено было судьбою счастіе разлить новый свѣтъ образованности по всѣмъ частямъ обширнаго отечества нашего: окончивъ курсъ, они должны были заступить мѣста учителей въ различныхъ близкихъ и дальнихъ губерніяхъ нашихъ.

Въ 1807 году былъ первый выпускъ *ста* воспитанниковъ Педагогическаго института, и императоръ Александръ, подражая во всемъ августѣйшей бабкѣ своей, за двадцать два года передъ тѣмъ посѣтившей Учительскую гимназію, присутствовалъ при торжественномъ актѣ перваго курса Педагогическаго института. Три часа выслушивалъ онъ съ своею неподражаемою снисходительностію лекціи, читанныя по разнымъ предметамъ студентами, кончившими курсъ. Участіе, какое принималъ онъ въ буду-

щихъ наставникахъ, было неудивительно: онъ видѣлъ въ нихъ людей, которымъ назначено было судьбою исполнить его любимые планы, осуществить его лучшія желанія. Это были будущіе образователи народа его, и Александръ желалъ возвысить знаніе ихъ еще болѣе: *двѣнадцать* отличнѣйшихъ отправлены были въ чужіе края для дальнѣйшаго образованія.

Такъ Педагогическій институтъ, неизмѣнно пользуясь особеннымъ благоволеніемъ государя, продолжалъ существованіе свое до 1819 года, въ которомъ учрежденъ былъ *С.-Петербургскій университетъ,* и въ составъ его вошелъ и Педагогическій институтъ. Возвратимся назадъ къ 1811 году. Здѣсь ожидаетъ насъ событіе, не менѣе любопытное: въ 1811 году основанъ былъ въ Царскомъ Селѣ Императорскій *лицей*. Чтобы скорѣе всего овладѣть вашимъ вниманіемъ, милые читатели, я скажу вамъ, что это новое учебное заведеніе было мѣстомъ образованія нашего незабвеннаго поэта Пушкина. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ воспитанниковъ, поступившихъ туда; онъ былъ свидѣтелемъ того живѣйшаго участія, какое Александръ и всѣ члены августѣйшаго семейства его принимали въ основаніи заведенія, назначеннаго для образованія отличнаго по рожденію юношества. Самое мѣсто, избранное для учрежденія лицея, уже доказывало величайшее благоволеніе государя къ молодымъ воспитанникамъ: тамъ, гдѣ знаменитая изъ царицъ земныхъ отдыхала отъ царственныхъ трудовъ своихъ, тамъ, гдѣ самъ онъ учился у ней высокой наукѣ государей, гдѣ протекли лучшіе дни его свѣтлаго дѣтства и первой юности, гдѣ и въ настоящее время любилъ онъ уединяться отъ шумныхъ заботъ и безпрерывной дѣятельности столицы, тамъ желалъ онъ образовать цвѣтъ дворянства, приготовить лучшихъ представителей народа его. Это желаніе, такъ хорошо выражающее душу Александра, было увѣнчано съ самаго начала полнымъ успѣхомъ: первый выпускъ воспитанниковъ былъ блистательный по дарованіямъ ихъ, былъ незабвенный по явленію поэта, бывшаго впослѣдствіи представителемъ нашей словесности. Здѣсь нельзя лучше почтить память учрежденія лицея, и память генія, такъ рано покинувшаго насъ, какъ вспомнивъ одно изъ послѣднихъ стихотвореній

его, написанное на *день лицея*[1]). Оно тѣмъ болѣе кстати быть заключеніемъ настоящаго разсказа нашего, что поэтъ упоминаетъ въ немъ о важнѣйшихъ происшествіяхъ того времени: это стихотвореніе можетъ быть для читателей прекраснымъ введеніемъ въ знаменитѣйшую эпоху нашей исторіи. Оно приготовитъ ихъ къ тому чувству, съ какимъ должны они смотрѣть на славныя событія *двѣнадцатаго года*.

ЛИЦЕЙСКАЯ ГОДОВЩИНА.

1836 годъ.

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался,
И съ пѣснями бокаловъ звонъ мѣшался,
И тѣсною сидѣли мы толпой.
Тогда, душой безпечные невѣжды,
Мы жили всѣ и легче, и смѣлѣй;
Мы пили всѣ за здравіе Надежды
И Юности и всѣхъ ея затѣй.

Теперь не то: разгульный праздникъ нашъ
Съ приходомъ лѣтъ, какъ мы, перебѣсился;
Онъ присмирѣлъ, утихъ, остепенился:
Сталъ глуше звонъ его заздравныхъ чашъ;
Межъ нами рѣчь не такъ игриво льется,
Просторнѣе, грустнѣе мы сидимъ:
И рѣже смѣхъ средь пѣсенъ раздается;
И чаще мы вздыхаемъ и молчимъ.

Всему пора: ужъ двадцать-пятый разъ
Мы празднуемъ Лицея день завѣтный;

---

[1]) Такъ воспитанники Лицея называли и до сихъ поръ называютъ день торжественнаго открытія Императорскаго Царскосельскаго Лицея. Это событіе, столь важное и драгоцѣнное для нихъ, происходило въ присутствіи императора и всей августѣйшей фамиліи 19-го октября 1811 года. Личные участники этого дня всегда съ наслажденіемъ вспоминали малѣйшія подробности его. Списки рѣчей, сказанныхъ тогда директоромъ ихъ ст. сов. *Малиновскимъ* и профессорами *Куницынымъ* и *Кошанскимъ*, хранились у нихъ, какъ драгоцѣнности, напоминавшія имъ лучшія минуты жизни. Каждый годъ, и они, и младшіе товарищи-преемники ихъ, т. е. воспитанники послѣдовавшихъ выпусковъ, празднуютъ 19-е октября, какъ день священный. Сколько бы судьба, положеніе въ жизни, родъ службы ни раздѣляли ихъ, въ этотъ день они сходятся и съ совершенно-братскою любовію вспоминаютъ *день Лицея*. Имя Пушкина—при жизни его — придавало какую-то веселую горделивость этимъ торжественнымъ собраніямъ: по смерти — оно навѣвало неотразимую грусть на осиротѣвшихъ товарищей; вліянію ея покорялись и самые младшіе изъ пирующихъ, и душевный вздохъ, свѣтлая слеза, высокая мысль приносились въ дань *генію Лицея*.

Прошли года чредою незамѣтной;
И какъ они перемѣнили насъ!
Недаромъ—нѣтъ!—промчалась четверть вѣка—
Не сѣтуйте: таковъ судьбы законъ;
Вращается весь міръ вкругъ человѣка
Ужель одинъ недвижимъ будетъ онъ?

Припомните, о други, съ той поры,
Когда нашъ кругъ судьбы соединили,
Чему, чему свидѣтели мы были!....
Игралища таинственной игры,
Металися смущенные народы,
И высились, и падали цари;
И кровь людей то славы, то свободы,
То гордости багрила алтари.

Вы помните: когда возникъ Лицей,
Какъ царь для насъ открылъ чертогъ царицынъ
И мы пришли, и встрѣтилъ насъ Куницынъ
Привѣтствіемъ межъ царственныхъ гостей:
Тогда гроза двѣнадцатаго года
Еще спала, еще Наполеонъ
Не испыталъ великаго народа,
Еще грозилъ и колебался онъ.

Вы помните: когда текла за ратью рать:
Со старшими мы братьями прощались,
И въ сѣнь наукъ съ досадой возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шелъ мимо насъ.... И племена сразились,
Русь обняла кичливаго врага,
И заревомъ московскимъ озарились
Его полкамъ готовые снѣга.

Вы помните, какъ нашъ Агамемнонъ
Изъ плѣннаго Парижа къ намъ примчался.
Какой восторгъ тогда предъ нимъ раздался!
Какъ былъ великъ, какъ былъ прекрасенъ онъ—
Народовъ другъ, спаситель ихъ свободы!
Вы помните, какъ оживились вдругъ
Сіи сады, сіи живыя воды,
Гдѣ проводилъ онъ славный свой досугъ!

И нѣтъ его—и Русь оставилъ онъ,
Взнесенную надъ міромъ изумленнымъ;
И на скалѣ, изгнанникомъ забвеннымъ
Всему чужой, угасъ Наполеонъ.
И новый царь, безстрашный и могучій,
На рубежѣ Европы бодро всталъ;
. . . .

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА.

1812 годъ.

Угасъ Наполеонъ!.... Какъ невѣроятны показались бы эти слова, еслибы кто произнесъ ихъ до 1812 года! Европѣ, оглушенной громомъ его побѣдъ, покоренной подъ власть его, казалось, что безсмертіе соединено было съ тѣмъ величайшимъ могуществомъ, до котораго достигъ въ это время Наполеонъ. Но прежде нежели вы, милые читатели, прочтете о чудномъ разрушеніи этого необыкновеннаго величія земного, вы должны узнать всю мѣру высоты, на которую оно было вознесено.

Миръ Тильзитскій можно назвать главнымъ основаніемъ послѣдней, блистательнѣйшей эпохи славы Наполеона: онъ разъединилъ Россію съ Англіей и тѣмъ уничтожилъ послѣднее могущество, которое въ состояніи было противостать всесокрушающей силѣ покорителя Европы: Россія соединилась съ нимъ и для англичанъ не осталось болѣе никакой надежды. Торговля ихъ, составляющая въ то же время и жизнь ихъ, подверглась величайшей опасности: по условіямъ мира Тильзитскаго всѣ гавани европейскіе закрылись для кораблей англійскихъ. Напрасно старался лондонскій кабинетъ тайно склонять государства къ разрыву съ Франціей: всѣ боялись могущества, еще болѣе усилившагося отъ союза съ Россіею. Только одна Португалія, которая по торговлѣ своей была въ совершенной зависимости отъ англичанъ, покорилась желанію ихъ и необдуманно рѣшилась противиться Наполеону: гавани ея открылись для кораблей англійскихъ.

Какъ скоро извѣстіе объ этомъ получено было во Франціи, судьбу Португаліи можно было считать рѣшенною, потому что войска французскія тотчасъ же отправились туда. Никакое завоеваніе не доставалось Наполеону такъ легко, какъ завоеваніе Португаліи. Прежде нежели армія его достигла Лиссабона, королевская фамилія, по какому-то непонятному чувству безнадежности или нежеланія защищать кровопролитіемъ права свои, оставила столицу и отправилась въ американскія владѣнія свои. Послѣ такого

поступка правителей государства народъ не могъ противиться, и французскія войска, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла, вступили въ Лиссабонъ, а императоръ французовъ, безъ всякихъ предварительныхъ переговоровъ съ дворомъ португальскимъ, торжественно объявилъ Европѣ, что «*домъ Браганцскій пересталъ царствовать*». Намѣреніе его было раздѣлить Португалію и большую часть областей ея присоединить къ Франціи. Для этого нужно было согласіе короля испанскаго, сосѣда и близкаго родственника королевско-португальской фамиліи.

Слабый Карлъ IV былъ тогда на тронѣ Испаніи. Согласіе его не трудно было получить: министръ, управлявшій имъ, *Годой,* извѣстный подъ именемъ *князя Мира,* былъ давно въ распоряженіи Франціи. Но Наполеону уже мало казалось одной Португаліи: ему хотѣлось завладѣть и Испаніей и, къ несчастію, это сначала удалось.

Годой, изъ собственныхъ выгодъ, разстроилъ согласіе въ королевскомъ семействѣ: внушилъ слабому королю, что наслѣдникъ престола, принцъ Фердинандъ Астурійскій, участвуетъ въ заговорѣ противъ него. Раздраженный отецъ приказалъ судить принца совершенно невиннаго. Народъ вступился за Фердинанда, заключилъ въ темницу хитраго министра и испуганный король, потерявъ въ немъ своего руководителя, отказался отъ трона и отдалъ его Фердинанду.

Но Наполеону не нужно было этого возобновленнаго согласія въ семействѣ королевскомъ, и французскія войска спѣшили нарушить его. Они вошли въ Мадритъ и въ тотъ же день Карлъ IV объявилъ, что отреченіе его отъ престола было вынужденное и что онъ опять возлагаетъ на себя корону.

Такое объявленіе, конечно, было дѣломъ Наполеона. Всѣ удостовѣрились въ этомъ тогда же, потому что король торжественно просилъ свиданія у императора французовъ для совѣщаній о разстроенномъ состояніи своего государства.

Наполеонъ какъ будто ожидалъ этого случая, столь удобнаго для распоряженія дѣлами Испаніи по своей волѣ и поспѣшилъ на мѣсто свиданія, назначеннаго въ Байоннѣ.

Могущественный посредникъ пригласилъ туда и принца Фердинанда. И какое же было послѣдствіе этихъ торжественныхъ совѣщаній? Фердинандъ съ покорностію сына возвратилъ отцу корону, возложенную на него, а Карлъ IV уступилъ всѣ свои права на нее Наполеону! Непонятно, какъ могъ человѣкъ, такъ сильно желавшій сдѣлать имя свое великимъ и безсмертнымъ, поступать такъ несогласно со всѣмъ тѣмъ, что доставляетъ истинное безсмертіе, что носитъ отпечатокъ истиннаго величія! Этого мало, что Наполеонъ принудилъ слабаго короля къ такой унизительной для сана королевскаго уступчивости; онъ созвалъ еще *юнту*, или собраніе изъ знатнѣйшихъ испанцевъ [1]), и предложилъ имъ выбрать въ короли одного изъ своихъ братьевъ. Пораженные уступчивостью короля своего, испанцы какъ будто въ какомъ-то оцѣпенѣніи повиновались и выбрали *Іосифа*, уже бывшаго въ то время королемъ неаполитанскимъ. Но это перемѣщеніе съ одного трона на другой не затруднило того, кто такъ неразборчиво раздавалъ эти троны. Іосифъ пріѣхалъ въ Мадритъ, а мѣсто его въ Неаполѣ заступилъ зять Наполеона *Мюратъ*.

Но завоеваніе Испаніи и Португаліи, казавшееся сначала столь легкимъ для Наполеона, обратилось вскорѣ въ труднѣйшее, какое когда либо представлялось ему. Не болѣе мѣсяца народъ съ какою-то безчувственностію покорялся повелѣнію монарха своего, отдавшагося во власть Наполеона. Это усыпленіе или, лучше сказать, эта тишина передъ бурею продолжалась и тогда, когда испанцы знали, что принцъ Фердинандъ послѣ байонскихъ совѣщаній увезенъ былъ плѣнникомъ во Францію. Всѣ страдали за него, называли его царственнымъ мученикомъ, но ропотъ еще не обнаруживался слишкомъ ясно, еще какъ будто ожидалъ случая, который скоро представился: разнесся слухъ, что французы хотятъ похитить и увезти во Францію и послѣдняго инфанта, малолѣтняго принца Франциска, уѣхавшаго въ Бразилію съ дворомъ португальскимъ. Этотъ слухъ, казалось, былъ сигналомъ къ возстанію всего народа испанскаго. 2-го мая 1808 года онъ разнесся и съ этого

---

[1]) Число ихъ простиралось до 150 человѣкъ.

дня началась жестокая, ужасная борьба испанцевъ съ утѣснителями ихъ отечества. Они въ первый разъ вскричали въ этотъ день: — Да здравствуетъ Фердинандъ VII! Смерть французамъ! — И съ этого дня, въ самомъ дѣлѣ, начались безпрестанныя пораженія французовъ въ Испаніи! Всѣ сословія народа, не исключая даже монаховъ и женщинъ, вооружались и явно, тайно, кинжалами, ядомъ, однимъ словомъ, всѣми возможными средствами умерщвляли французовъ и, конечно, гибли сами. Но такая смерть не пугала испанцевъ; они искали ее какъ святого пожертвованія; они увѣрены были, что за нею ожидаетъ ихъ вѣнецъ мучениковъ, умирающихъ за вѣру, за государя, за отечество. Война, которую они вели съ того времени, не походила на войну обыкновенную, это была война партизанская, т. е. война, производимая малыми отрядами, безъ правильныхъ войскъ, безъ правильныхъ сраженій или лучше объяснить такъ: война отечественная, народная, гдѣ бились безпрестанно, гдѣ бились чѣмъ ни попало, гдѣ переносили всѣ трудности военныя съ желѣзнымъ терпѣніемъ. Эти воины, безстрашные, неумолимые, вступившіе въ неправильные ряды свои изъ всѣхъ званій, состояній, даже часто изъ обоего пола народа, назывались *герильясами*. Отряды ихъ, ничтожные въ глазахъ Наполеона, были первые, поколебавшіе основаніе его исполинскаго могущества. Всѣ усилія французскихъ войскъ, разсѣянныхъ по Испаніи, не могли истребить этихъ жестокихъ мстителей славы королевской и чести народной. Они губили ихъ безжалостно, но на мѣсто этихъ погибшихъ являлись новые мстители, которые надъ окровавленными тѣлами отцовъ и братьевъ, матерей и сестеръ клялись новою ненавистью къ французамъ и страшно исполняли свои клятвы. Однимъ словомъ, французы не находили спокойнаго убѣжища во всей Испаніи: вездѣ ожидала ихъ смерть въ безчисленныхъ видахъ, изобрѣтенныхъ оскорбленнымъ народомъ. Однакожъ французы все еще держались въ ней, все еще владѣли Мадритомъ, все еще называли Испанію страною, покоренною ими, Іосифа—королемъ испанскимъ. Трудно было поддерживать это завоеваніе, тѣмъ болѣе, что и португальцы послѣдовали примѣру

испанцевъ и были, сверхъ того, подъ защитою англичанъ, приславшихъ на помощь къ нимъ свое войско.

Воины Наполеона въ первый разъ узнали возможность неудачъ, счастливый полководецъ ихъ въ первый разъ не зналъ, какъ усмирить враговъ. Но его устрашали не одни испанцы и португальцы, которыхъ онъ все еще не считалъ врагами важными: его безпокоили еще военныя приготовленія Австріи, продолжавшіяся весь 1808 годъ. Кромѣ многочисленной арміи, императоръ австрійскій, рѣшившійся истребить память объ униженіи достоинства имперіи своей во время послѣдней борьбы съ Наполеономъ, созвалъ *земское ополченіе*. Каждый изъ воиновъ его стремился исполнить желаніе государя: число ихъ простиралось до 350,000 человѣкъ.

Такое множество людей, рѣшившихся на отчаянную битву, не могло не внушить безпокойства тому, кому угрожало нападеніе ихъ. Императоръ французовъ всего болѣе боялся, чтобы и Россія не соединилась съ Австріей, избиравшей столь удобное время для отмщенія оскорбленій, нанесенныхъ ей. И для того ему нужно было увидѣться съ императоромъ Александромъ, нужно было удостовѣриться въ мирномъ расположеніи его и онъ пригласилъ государя на конгрессъ въ саксонскій городъ *Эрфуртъ*.

Александръ, великодушный, благородный, свято хранившій договоры, заключаемые имъ, объявилъ Наполеону, что условія мира Тильзитскаго будутъ во всей точности исполняемы, пока французы будутъ наблюдать то же.

Успокоенный съ этой важнѣйшей для него стороны, Наполеонъ возвратился изъ Эрфурта въ Парижъ съ новыми замыслами на гибель испанцевъ, на пораженіе австрійцевъ. Франція должна была набрать для него свѣжее войско, рейнскій союзъ — выставить стотысячную армію. Счастіе не покидало избалованнаго любимца своего: желанія Наполеона были исполнены. Испанцы горестно почувствовали, что число войскъ французскихъ умножилось въ отечествѣ ихъ, однакожъ благородные защитники все еще не поколебались въ своемъ сопротивленіи и также ревностно продолжали его, хотя число ихъ съ каждымъ днемъ значительно уменьшалось. Что-жъ касается до ав-

стрійцевъ, то напрасны были всѣ продолжительныя и дорого стоившія имъ усилія и приготовленія: война, начавшаяся у нихъ съ французами, въ апрѣлѣ 1809 года, не смотря на многочисленную армію, шла неудачно и кончилась въ октябрѣ того же года Вѣнскимъ миромъ, который былъ невыгоднѣе всѣхъ прежнихъ: по тягостнымъ условіямъ его, Австрія теряла до $3^1/_2$ милліоновъ жителей. Къ Баваріи отошли: Зальцбургъ, Инфиртель, Браунау и Гаусрукъ; части Каринтіи, Карніоліи, Далмаціи и Кроаціи составили новыя иллирійскія провинціи, отданныя Франціи и распространившія владѣнія этого исполинскаго государства до границъ Турціи; восточная Галиція и въ ней полтора милліона жителей присоединены были къ Варшавскому герцогству.

Присоединеніе Галиціи и оттого увеличеніе герцогства Варшавскаго нарушило трактатъ Тильзитскій, по которому устранялось всякое увеличеніе этого герцогства, какъ области сосѣдней и тогда враждебной Россіи. Это было первою искрою несогласія между кабинетами русскимъ и французскимъ,—обстоятельствомъ, прояснившимъ для императора Александра тайные замыслы Наполеона. Государь тогда же говорилъ о нихъ французскому посланнику Коленкуру и просилъ его подтвердить императору, что онъ первый не нарушитъ мира, но будетъ отражать малѣйшее нападеніе. Коленкуръ старался увѣрить государя въ дружелюбномъ и миролюбивомъ расположеніи Наполеона, но не успѣлъ: подозрѣніе съ того самаго времени осталось въ душѣ Александра и, по мѣрѣ дѣйствій императора французовъ, подтверждалось болѣе и болѣе.

Вскорѣ новое обстоятельство усилило неудовольствіе обоихъ дворовъ. Наполеонъ, увеличивая съ каждымъ годомъ славу свою, рѣшился придать ей послѣдній блескъ и навсегда утвердить ее,—рѣшился вступить въ супружество съ принцессою котораго либо изъ знаменитыхъ дворовъ Европы.

Но у него давно была супруга, и супруга коронованная имъ, императрица Жозефина. Благодарная и великодушная, она нѣжно любила Наполеона и потому не от-

казалась отъ предложенія его, счастіемъ своимъ пожертвовать благу Франціи, для котораго, по словамъ императора, нуженъ былъ наслѣдникъ его имени. Жозефина согласилась развестись съ супругомъ, и разводъ, предписанный имъ самимъ, былъ дѣломъ нѣсколькихъ дней.

Получивъ разрѣшеніе духовенства на вступленіе въ новый бракъ, Наполеонъ обратилъ взоры свои, столь же ненасытные, какъ и честолюбіе его, на знаменитѣйшіе изъ дворовъ Европы, и Александру представлено было желаніе императора французовъ получить руку одной изъ великихъ княженъ, августѣйшихъ сестеръ его. Не получая долго никакого отвѣта на предложеніе, которое, по его мнѣнію, не могло произвесть ничего, кромѣ пріятнаго чувства при всякомъ дворѣ, гдѣ бы ни было сдѣлано, Наполеонъ терялъ терпѣніе, приходилъ въ негодованіе. Получивъ потомъ удостовѣреніе, что отвѣтъ не можетъ быть удовлетворителенъ, онъ спѣшилъ объявить предложеніе свое къ двору австрійскому.

Въ Вѣнѣ, гдѣ еще во всемъ примѣтны были свѣжіе слѣды присутствія могущественнаго побѣдителя, въ Вѣнѣ, еще такъ недавно покоренной его неодолимою силою, нельзя было отвѣчать на предложеніе императора французовъ иначе, какъ согласіемъ, и дочь Франца II, эрцъ-герцогиня Марія-Луиза, была принесена въ жертву спокойствію Европы. Наполеонъ, сдѣлавшись супругомъ ея, гордился уже не однимъ величіемъ дѣлъ своихъ, но и знаменитостію рода, съ которымъ соединилъ свой, долженствовавшій начать новое и—по его мнѣнію—первое изъ поколѣній царскихъ.

Замыслы, еще надменнѣйшіе, затаились съ того времени въ душѣ его. Къ ненасытному честолюбію, теперь такъ хорошо удовлетворенному, присоединилось желаніе отмстить за оскорбленіе, нанесенное ему дворомъ русскимъ, и мысль о всемірной имперіи начала сильнѣе занимать его, особенно съ тѣхъ поръ, какъ счастіе, всегда баловавшее его, даровало ему и сына-наслѣдника, которому онъ могъ передать все изумительно-созданное имъ величіе. Въ мартѣ 1811 года родился этотъ наслѣдникъ, еще до рожденія названный *королемъ римскимъ* и окруженный съ первыхъ минутъ жизни своей всѣмъ блескомъ, какой только

могъ изобрѣсть для него восхищенный и могущественный отецъ его. Съ полною довѣренностію къ судьбѣ, которая никогда не казалась ему столь благосклонною, Наполеонъ рѣшился приступить къ исполненію своихъ честолюбивыхъ замысловъ.

Разрывъ съ Россіею долженствовалъ быть первымъ шагомъ къ всемірному обладанію, потому что она одна представляла препятствіе могущественному завоевателю. Но Александръ, дорожа спокойствіемъ Европы, столь часто и столь гибельно нарушаемымъ въ продолженіе многихъ лѣтъ, не начиналъ спора, хотя нарушеніе Тильзитскаго трактата въ отношеніи герцогства Варшавскаго и подавало ему поводъ къ тому. Наполеонъ нашелъ новый случай сдѣлать вызовъ великодушному монарху Россіи.

Когда въ 1810 году—вскорѣ послѣ знаменитаго бракосочетанія императора французовъ—присоединены были къ его имперіи новыя владѣнія: Голландія, половина Вестфаліи, часть Тироля, страна между Сѣвернымъ и Балтійскимъ морями и вольные города Бременъ, Гамбургъ и Любекъ,—въ числѣ земель, такъ беззаконно присвоенныхъ Наполеономъ, были и владѣнія герцога Голштейнъ-Ольденбургскаго, находившагося въ ближайшемъ родствѣ съ императоромъ Александромъ [1]). Сначала изъ уваженія къ этому родству предложенъ былъ герцогу размѣнъ владѣній его на какую нибудь другую область, принадлежащую Франціи, но когда герцогъ не согласился разстаться съ подданными, съ которыми домъ его соединенъ былъ въ теченіе десяти вѣковъ, то Наполеонъ, не спрашивая болѣе согласія его, назначилъ ему взамѣнъ владѣній его княжество *Эрфуртъ* и отправилъ въ Ольденбургъ французскихъ комиссаровъ для опечатанія всѣхъ казенныхъ суммъ и образованія внутренняго управленія герцогства.

Императоръ Александръ, узнавъ о такой несправедливости отъ самаго свѣтлѣйшаго родственника своего и отъ

---

[1]) Въ 1809 году великая княжна Екатерина Павловна вступила въ супружество съ его свѣтлостью принцемъ Георгіемъ Голштейнъ-Ольденбургскимъ. Ея императорское высочество оставалась въ Россіи, гдѣ супругъ ея занималъ мѣсто военнаго генералъ-губернатора ярославскаго, тверского и нижегородскаго.

посла русскаго въ Парижѣ князя Куракина, едва могъ вѣрить ей и, приписывая все происшествіе какому нибудь недоразумѣнію со стороны комиссаровъ, приказалъ князю Куракину удостовѣриться съ большею точностію о случившемся и потребовать объясненія отъ двора французскаго. Государь при этомъ случаѣ приказалъ напомнить Наполеону, что 12-ою статьею Тильзитскаго договора владѣнія герцога Голштейнъ-Ольденбургскаго были обезпечены; что императоръ русскій, какъ глава голштейнскаго дома, есть также и наслѣдникъ герцога, и что, слѣдовательно, въ случаѣ, если тамъ нанесено будетъ оскорбленіе герцогу, онъ принужденъ будетъ защищать права его и свои собственныя.

Что же отвѣчалъ Наполеонъ на эти законныя требованія государя русскаго? Странно видѣть, до какихъ ложныхъ умствованій можетъ дойти умъ человѣческій, когда ему нужно прикрыть свою несправедливость! Вотъ любопытный въ этомъ отношеніи отвѣтъ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ князю Куракину: «Конечно, Эрфуртъ по пространству и народонаселенію не можетъ быть достаточнымъ вознагражденіемъ; но земля плодороднѣе, нежели въ Ольденбургѣ, жители промышленнѣе и богаче, доходы одинаковы, а императоръ Наполеонъ оставляетъ герцогу прежніе его удѣлы въ Ольденбургѣ. Въ Эрфуртѣ нѣтъ дворца, но, помнится мнѣ, есть большой домъ, гдѣ герцогъ можетъ удобно помѣститься. Что касается до нарушенія 12-й статьи Тильзитскаго мира, то, безъ сомнѣнія, она служитъ въ пользу герцогу; но въ ней также сказано, что, до окончанія войны съ Англіею, французскія войска будутъ занимать герцогство. Во время заключенія Тильзитскаго мира Ольденбургъ находился во власти императора Наполеона, который, возвративъ свое завоеваніе герцогу, исполнилъ договоръ. Потомъ возникли новыя политическія соображенія, вслѣдствіе которыхъ нужно было присоединить сію область къ Франціи; но герцогъ оттого совершенно ничего не теряетъ: императоръ Наполеонъ отдачею Эрфурта хочетъ сдѣлать ему полное вознагражденіе и тѣмъ явить новое свидѣтельство дружбы къ государю. Въ происшествіяхъ бываетъ неотвратимая случай-

ность и надобно покориться ей. Мелкія владѣнія не могутъ оставаться, когда ихъ существованіе противно политикѣ и выгодамъ большихъ державъ, которыя, подобно быстрымъ потокамъ, поглощаютъ все, что встрѣчаютъ въ своемъ теченіи. Вотъ правила императора Наполеона, и онъ не можетъ отказаться отъ мѣры, единожды имъ принятой, тѣмъ болѣе, что декретомъ сената, присоединившимъ Ольденбургъ къ Франціи, почитаетъ себя совершенно связаннымъ».

Такое настоятельное защищеніе дѣла, въ полной мѣрѣ несправедливаго, ясно доказывало желаніе Наполеона нарушить согласіе, препятствовавшее намѣреніямъ его, тѣмъ болѣе, что и на второе предложеніе двора русскаго о томъ, чтобы Наполеонъ подписалъ актъ, въ которомъ бы обѣщалъ никогда не стараться о возстановленіи польскаго королевства, императоръ французовъ отвѣчалъ, *хотя возстановленіе Польши и не входитъ въ его политическія предначертанія, однако подписаніе подобнаго акта было бы несовмѣстно съ его достоинствомъ*. Къ этому надобно прибавить, что въ то же самое время во всей Франціи и во всѣхъ подвластныхъ ей и союзныхъ съ нею областяхъ арміи наполнялись, цѣлые полки учреждались вновь, оружія и военные снаряды запасались, однимъ словомъ, дѣлались всѣ приготовленія къ войнѣ. Здѣсь кстати показать читателямъ всѣ военныя силы Наполеона въ это время величайшаго могущества его и ту огромную часть изъ нея, которую онъ, подъ именемъ *великой арміи*, назначилъ для замышляемаго имъ покоренія Россіи.

Въ февралѣ 1811 года дѣйствующихъ французскихъ войскъ состояло по спискамъ:

Въ Испаніи	305,245	человѣкъ
» Италіи	47,846	»
» Иллиріи и на Іоническихъ островахъ	16,685	»
» Голландіи	22,823	»
» Германіи	47,250	»
» Франціи	198,610	»
Гвардіи	37,302	»
Итого . . .	675,761	человѣкъ

Съ февраля началось счисленіе этихъ войскъ и къ половинѣ октября того же 1811 года было уже окончено, и армія французская состояла уже изъ 850,000 человѣкъ. Кромѣ того, Наполеонъ имѣлъ 337,000 человѣкъ вспомогательнаго войска изъ всѣхъ подвластныхъ ему королевствъ. И изъ сего-то, можно сказать, исполинскаго войска, простиравшагося до 1.187,000 человѣкъ, императоръ французовъ въ началѣ 1812 года образовалъ такъ называвшуюся *великую армію.* Она состояла изъ 610,000 строевыхъ, а съ чиновниками и со всѣми вообще людьми, принадлежавшими къ арміи подъ названіемъ нестроевыхъ, до 700,000 человѣкъ.

Въ этомъ огромномъ ополченіи участвовали слѣдующіе народы: французы, итальянцы, швейцарцы, нидерландцы, австрійцы, венгерцы, баварцы, виртембергцы, саксонцы, вестфальцы, разные другіе народы рейнскаго союза, пруссаки, поляки, иллирійцы, португальцы и плѣнные испанцы.

Все русское войско, уже усиленное къ марту 1812 года, состояло изъ 590,973 человѣкъ, но изъ этого числа только 218,000 могли быть употреблены противъ непріятеля; остальные должны были охранять огромное протяженіе границъ нашихъ и, кромѣ того, участвовать въ войнѣ съ турками, еще въ то время неоконченной.

Наполеонъ употребилъ всѣ силы, чтобъ она и не была окончена: французскіе курьеры безпрестанно ѣздили отъ него въ Константинополь съ наставленіями французскому посланнику. Но всѣ усилія были напрасны: турки, убѣжденные побѣдами Кутузова въ необходимости мира съ Россіей, заключили его въ то самое время, когда Наполеонъ болѣе всего старался вооружить ихъ противъ русскихъ.

Также мало успѣха имѣли старанія его о войнѣ и у шведовъ. Послѣ многихъ тревогъ и волненій Швеція только что достигла въ это время спокойствія, котораго не хотѣла подвергать новымъ опасностямъ: на тронѣ Густава-Адольфа былъ попрежнему дядя его Карлъ XIII, но наслѣдникомъ этого короля, не имѣвшаго дѣтей, былъ избранъ, по желанію народа и, конечно, по вліянію императора французовъ, французскій маршалъ *Бернадотъ*, принцъ Понтекорво. Но, способствуя избранію своего маршала въ кронпринцы

шведскіе, Наполеонъ ошибся въ разсчетѣ. Бернадотъ, сдѣлавшись наслѣдникомъ престола знаменитаго Густава Вазы и принявъ лютеранское исповѣданіе, какъ будто переродился въ настоящаго шведа. Благородное сердце говорило ему, что вся жизнь его должна быть посвящена теперь Швеціи, и никакія убѣжденія Наполеона не могли заставить его на минуту позабыть о выгодахъ ея. Увѣренный, что эти выгоды заключались не въ спорахъ съ Россіею, но, напротивъ того, въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ нею, наслѣдный принцъ шведскій отвергнулъ всѣ лестныя обѣщанія, сдѣланныя ему Наполеономъ за помощь шведовъ противъ Россіи, и предложилъ самъ эту помощь императору русскому.

Такой возвышенный образъ мыслей достойно оцѣненъ былъ Александромъ, и искреннее дружество соединило его съ того времени съ наслѣдникомъ шведскимъ. Въ самомъ дѣлѣ, это былъ единственный принцъ, осмѣлившійся явно взять сторону Александра, оставленнаго въ то время всѣми державами. Безъ сомнѣнія, многія изъ нихъ чувствовали справедливость права, защищаемаго имъ; безъ сомнѣнія, многіе изъ нихъ тайно желали успѣха ему, а не Наполеону; но явно они всѣ были врагами его, всѣ шли на него, подъ предводительствомъ Наполеона.

Удивительную картину представляла Европа въ то время, когда намѣренія Франціи противъ Россіи уже были всѣмъ извѣстны, но война не была еще обнародована: когда всѣ войска Наполеона были уже расположены на пути къ Россіи, когда и въ Россіи приготовлялись встрѣтить непріятеля, а между тѣмъ все было тихо, все погружено въ какое-то таинственное ожиданіе, которое походило на тишину, предвѣстницу бури. И во время этой грозной тишины посланники обоихъ государствъ вели, по обыкновенію, переговоры, даже переѣзжали отъ одного государя къ другому съ порученіями, клонившимися, повидимому, болѣе къ миру, нежели къ войнѣ.

Это было удивительно для толпы, но понятно для всякаго, кто зналъ коротко Наполеона и Александра: первый—домогавшійся величія всѣми средствами, не хотѣлъ явиться въ глазахъ Европы несправедливымъ начинателемъ спора; второй—благочестивый и кроткій, страшился

излишнею пылкостію преждевременно подвергнуть Европу новому кровопролитію, на которое совѣсть допускала его рѣшиться только въ послѣдней крайности. Сколько же искренній миръ далекъ былъ отъ нихъ обоихъ, можно видѣть изъ того, что Наполеонъ не только мечталъ, но даже говорилъ уже съ приближенными своими о завоеваніи у англичанъ Индіи, съ помощію покоренной Россіи, а императоръ Александръ почти въ то же самое время писалъ къ своему главнокомандующему слѣдующее: «Прошу васъ, не робѣйте предъ затрудненіями, полагайтесь на Провидѣніе Божіе и Его правосудіе. Не унывайте, но укрѣпите вашу душу великою цѣлію, къ которой мы стремимся, избавить человѣчество отъ ига, подъ коимъ она стонетъ: и освободить Европу отъ цѣпей».

Такова была цѣль великодушныхъ усилій Александра, но, не смотря на всю возвышенность ея, онъ считалъ долгомъ своимъ избѣгать сколько можно войны и потому предложилъ посланнику, въ послѣдній разъ пріѣзжавшему къ нему отъ императора французовъ, самыя легкія условія къ сохраненію мира. Соглашаясь даже на вознагражденіе герцога Ольденбургскаго другими владѣніями въ Германіи, императоръ русскій настаивалъ только на выводѣ французскихъ войскъ изъ Пруссіи и герцогства Варшавскаго.

Наполеонъ назвалъ это настояніе, имѣвшее цѣлію спокойствіе и безопасность Пруссіи и Россіи, оскорбительнымъ для своего достоинства и для независимости короля прусскаго, и подъ этимъ ничтожнымъ и несправедливымъ предлогомъ рѣшился вторгнуться въ Россію, даже не объявивъ ей надлежащимъ образомъ войны. Отдавъ повелѣніе арміи своей, стоявшей уже на Вислѣ, идти ускореннымъ маршемъ къ границамъ русскимъ и перейти пограничную рѣку Нѣманъ, близь Ковно, онъ въ то же время обнародовалъ слѣдующій приказъ:

«Солдаты! Вторая война польская началась. Первая кончилась подъ Фридландомъ и Тильзитомъ. Въ Тильзитѣ Россія поклялась на вѣчный союзъ съ Франціей и войну съ Англіею. Нынѣ нарушаетъ она клятвы свои и не хочетъ дать никакого объясненія о странномъ поведеніи своемъ, пока орлы французскіе не возвратятся за Рейнъ, предавъ

во власть ея союзниковъ нашихъ. Россія увлекается рокомъ! Судьба ея должна исполниться. Не почитаетъ ли она насъ измѣнившимися? Развѣ мы уже не воины аустерлицкіе? Россія поставляетъ насъ между безчестіемъ и войною. Выборъ не будетъ сомнителенъ. Пойдемъ же впередъ! Перейдемъ Нѣманъ, внесемъ войну въ русскіе предѣлы. Вторая польская война, подобно первой, прославитъ оружіе французское; но миръ, который мы заключимъ, будетъ проченъ и положитъ конецъ пятидесяти-лѣтнему кичливому вліянію Россіи на дѣла Европы».

Вмѣстѣ съ арміею французскою прочитали этотъ приказъ и поляки, и были восхищены имъ. Онъ какъ будто сочиненъ былъ для возбужденія ихъ къ мятежу, и легкомысленные увлеклись лестными обѣщаніями повелителя Европы и, избавляясь отъ отеческой власти царя единоплеменнаго, сами положили на себя оковы жестокаго и чуждаго для нихъ государя завоевателя. Въ Польшѣ и въ губерніяхъ, присоединенныхъ отъ нея къ Россіи, жители отложились отъ русскихъ и готовились встрѣтить французовъ, какъ возстановителей своего отечества. Вотъ еще важная потеря для Россіи, или, лучше сказать, вотъ еще нѣсколько тысячъ новыхъ ей враговъ. Что же дѣлалъ царь ея въ это трудное время опасностей, угрожавшихъ престолу его? О! дѣла царя ея, которымъ такъ справедливо можетъ гордиться она, видны лучше изъ его собственныхъ словъ къ народу. Напримѣръ, вотъ первый его приказъ арміямъ, отданный 13-го іюня, на другой день вступленія французовъ въ отечество наше:

«Съ давняго времени примѣчали мы непріязненные противъ Россіи поступки французскаго императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надѣялись отклонить оные. Наконецъ, видя безпрестанное возобновленіе явныхъ оскорбленій, при всемъ нашемъ желаніи сохранить тишину, принуждены мы были ополчиться и собрать войска наши; но и тогда, ласкаясь еще примиреніемъ, оставались въ предѣлахъ нашей имперіи, не нарушая мира, бывъ токмо готовыми къ оборонѣ. Всѣ сіи мѣры кротости и миролюбія не могли удержать желаемаго нами спокойствія. Французскій императоръ, нападеніемъ на войска наши при Ковно,

открылъ первый войну. И такъ, видя его никаками средствами непреклоннаго къ миру, не остается намъ ничего иного, какъ, призвавъ на помощь Свидѣтеля и Защитника правды, Всемогущаго Творца небесъ, поставить силы наши противъ силъ непріятельскихъ. Не нужно мнѣ напоминать вождямъ, полководцамъ и воинамъ нашимъ о ихъ долгѣ и храбрости. Въ нихъ издревле течетъ громкая побѣдами кровь славянъ. Воины! вы защищаете вѣру, отечество, свободу. Я съ вами. На начинающаго Богъ!»

Прочитавъ этотъ приказъ, исполненный такой кротости и такого благочестія, не представляется ли вамъ, милые читатели, все, что̀ могъ совершить и что̀, въ самомъ дѣлѣ, совершилъ государь, дѣйствовавшій въ такомъ духѣ? Конечно, сердце, столь великодушное, душа, столь твердо надѣющаяся на Бога, средства, столь сильныя, какія могла представить государю своему могучая Россія, не могли не побѣдить врага, гордившагося только силою собственнаго генія, надѣявшагося только на людей, увлеченныхъ этимъ геніемъ. Такъ во всѣ времена древнія и новѣйшія, когда Россіи суждено было бороться съ нападавшими на нее врагами, вѣра и благочестіе народа и царей ея спасали ее даже и тогда, когда погибель казалась неизбѣжною. Такъ она лучше всѣхъ другихъ государствъ въ исторіи міра оправдала истину священнаго изреченія: «*Надѣющіеся на Господа не постыдятся!*» Но никогда еще эта истина не являлась глазамъ людей въ такомъ яркомъ свѣтѣ, какъ въ 1812 году; никогда положеніе Россіи не было опаснѣе, никогда враги ея—многочисленнѣе и искуснѣе въ наукѣ побѣждать. Но что̀ значила эта многочисленность и это искусство предъ могуществомъ Того, Чью помощь призывали русскіе и прежде всѣхъ—благочестивый царь ихъ! Вы видѣли уже это въ первомъ воззваніи его къ войскамъ. Теперь прочтите, что̀ писалъ онъ для всеобщаго обнародованія, въ собственноручномъ рескриптѣ къ фельдмаршалу графу Салтыкову, глубоко уважаемому имъ воспитателю дѣтства и юности его:

«Графъ Николай Ивановичъ!

«Французскія войска вошли въ предѣлы нашей имперіи. Самое вѣроломное нападеніе было возмездіемъ за строгое

наблюденіе союза. Я, для сохраненія мира, истощилъ всѣ средства, совмѣстныя съ достоинствомъ престола и пользою моего народа. Всѣ старанія мои были безуспѣшны. Императоръ Наполеонъ въ умѣ своемъ положилъ твердо — разорить Россію. Предложенія самыя умѣренныя остались безъ отвѣта. Внезапное нападеніе открыло явнымъ образомъ лживость подтверждаемыхъ въ недавнемъ еще времени миролюбивыхъ обѣщаній. И потому не остается мнѣ иного, какъ поднять оружіе и употребить всѣ врученные мнѣ Провидѣніемъ способы къ отраженію силы силою. Я надѣюсь на усердіе моего народа и храбрость войскъ моихъ. Будучи въ нѣдрахъ домовъ своихъ угрожаемы, они защитятъ ихъ съ свойственною имъ твердостію и мужествомъ. Провидѣніе благословитъ праведное наше дѣло. Оборона отечества, сохраненіе независимости и чести народной принудили насъ препоясаться на брань. Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ».

Въ этомъ второмъ воззваніи заключается опять цѣлый рядъ знаменитыхъ дѣлъ Александра. Достопамятныя слова: «Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ», — были началомъ успѣховъ русскихъ, были основаніемъ, на которомъ твердость царя воздвигла величественное зданіе славы народа его и въ то же время погибели могущественнѣйшаго изъ завоевателей. Вполнѣ постигая важность торжественнаго изреченія своего, Александръ, во все пребываніе французовъ въ государствѣ своемъ, не склонился ни на какія предложенія Наполеона о мирѣ и тѣмъ довелъ гордаго начинателя брани до той крайности, въ которой впослѣдствіи мы увидимъ его и которая была грозною предвѣстницею его совершеннаго паденія.

Послѣ этихъ двухъ воззваній императора, имѣвшихъ такое важное вліяніе на судьбу отечественной войны нашей, вамъ остается узнать, милые читатели, еще два, и — исторія знаменитаго двѣнадцатаго года развернется предъ вами со всею своею ясностію, простотою и трогающимъ душу краснорѣчіемъ. Первое изъ нихъ обращено было къ древней столицѣ нашей — Москвѣ, второе — ко всему народу.

«Первопрестольной столицѣ нашей Москвѣ.

«Непріятель вошелъ съ великими силами въ предѣлы Россіи. Онъ идетъ разорять любезное наше отечество. Хотя пылающее мужествомъ ополченное россійское воинство готово встрѣтить и низложить дерзость его и зломысліе, однакожъ, по отеческому сердолюбію и попеченію нашему о всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, не можемъ мы оставить безъ предваренія ихъ о сей угрожающей имъ опасности. Да не возникнетъ изъ неосторожности нашей преимущество врагу. Того ради, имѣя въ намѣреніи, для надежнѣйшей обороны, собрать новыя внутреннія силы, наипервѣе обращаемся мы къ древней столицѣ предковъ нашихъ, Москвѣ. Она всегда была главою прочихъ городовъ россійскихъ, она изливала всегда изъ нѣдръ своихъ смертоносную на враговъ силу; по примѣру ея, изъ всѣхъ прочихъ окрестностей текли къ ней, на подобіе крови къ сердцу, сыны отечества для защиты онаго. Никогда не настояло въ томъ вящшей надобности, какъ нынѣ. Спасеніе вѣры, престола, царства того требуетъ. И такъ, да распространится въ сердцахъ знаменитаго дворянства нашего и во всѣхъ прочихъ сословіяхъ духъ той праведной брани, какую благословляетъ Богъ и православная наша церковь; да составитъ и нынѣ сіе общее рвеніе и усердіе новыя силы, и да умножатся оныя, начиная съ Москвы, во всей обширной Россіи! Мы не умедлимъ сами стать посреди народа своего въ сей столицѣ и въ другихъ государства нашего мѣстахъ для совѣщанія и руководствованія всѣми нашими ополченіями, какъ нынѣ преграждающими пути врагу, такъ вновь устроенными на пораженіе онаго вездѣ, гдѣ только появится. Да обратится погибель, въ которую мнитъ онъ низвергнуть насъ, на главу его и освобожденная отъ рабства Европа да возвеличитъ имя Россіи».

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

«Непріятель вступилъ въ предѣлы наши и продолжаетъ нести оружіе свое внутрь Россіи, надѣясь силою и соблазнами потрясть спокойствіе великой сей державы. Онъ по-

ложилъ въ умѣ своемъ злобное намѣреніе разрушить славу ея и благоденствіе. Съ лукавствомъ въ сердцѣ и лестію въ устахъ несетъ онъ вѣчныя для ней цѣпи и оковы. Мы, призвавъ на помощь Бога, поставляемъ въ преграду ему войска наши, кипящія мужествомъ попрать, опрокинуть его, и то, что̀ остается неистребленнаго, согнать съ лица земли нашей. Мы полагаемъ на силу и крѣпость ихъ твердую надежду, но не можемъ и не должны скрыть отъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, что собранныя имъ разнодержавныя силы велики и что отважность его требуетъ неусыпнаго противъ нея бодрствованія. Сего ради, при всей твердой надеждѣ на храброе наше воинство, полагаемъ мы за необходимо нужное собрать внутри государства новыя силы, которыя, нанося новый ужасъ врагу, составляли бы вторую ограду въ подкрѣпленіе первой и въ защиту домовъ, женъ и дѣтей каждаго и всѣхъ.

«Мы уже воззвали къ первопрестольному граду нашему Москвѣ; а нынѣ взываемъ ко всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ, ко всѣмъ сословіямъ и состояніямъ духовнымъ и мірскимъ, приглашая ихъ вмѣстѣ съ нами единодушнымъ и общимъ возстаніемъ содѣйствовать противу всѣхъ вражескихъ замысловъ и покушеній. Да найдетъ онъ на каждомъ шагѣ вѣрныхъ сыновъ Россіи, поражающихъ его всѣми средствами и силами, не внимая никакимъ его лукавствамъ и обманамъ. Да встрѣтитъ онъ въ каждомъ дворянинѣ—Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ — Палицына, въ каждомъ гражданинѣ — Минина. — Благородное дворянское сословіе! Ты во всѣ времена было спасителемъ отечества. — Святѣйшій сѵнодъ и духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу Россіи.—Народъ русскій! храброе потомство храбрыхъ славянъ! Ты неоднократно сокрушалъ зубы устремлявшихся на тебя львовъ и тигровъ; соединитесь всѣ, со крестомъ въ сердцѣ и съ оружіемъ въ рукахъ, никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ.

«Для первоначальнаго составленія предназначаемыхъ силъ предоставляется во всѣхъ губерніяхъ дворянству сводить поставляемыхъ ими для защиты отечества людей, избирая изъ среды самихъ себя начальника надъ

оными и давая о числѣ ихъ знать въ Москву, гдѣ избранъ будетъ главный надъ всѣми предводитель».

Имѣя понятіе о томъ, какое дѣйствіе производятъ на русскихъ слова царя ихъ, вамъ, милые читатели, не трудно будетъ угадать, что̀ произвели эти два манифеста! Точно, здѣсь заключался длинный рядъ смѣлыхъ подвиговъ, великодушныхъ пожертвованій, безпредѣльнаго самоотверженія. Волшебному дѣйствію слова царскаго покорились всѣ состоянія, всѣ возрасты.

11-го іюля эти манифесты обнародованы были въ Москвѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ московскіе жители узнали, что государь самъ прибудетъ въ столицу ихъ къ вечеру того же дня. Надобно было видѣть, какой переворотъ въ расположеніи духа жителей произвели эти два извѣстія! Уже четыре недѣли какъ Наполеонъ и многочисленное разноплеменное воинство его были въ Россіи, и во все это время, казавшееся столь продолжительнымъ для нетерпѣнія русскихъ, не только не было одержано ни одной побѣды надъ непріятелемъ, но главнокомандующіе армій русскихъ, Барклай-де-Толли и князь Багратіонъ, даже отступали отъ французовъ и, какъ будто всѣми силами стараясь избѣгать сраженія съ ними, уступали имъ города и цѣлыя области. Этого требовало соединеніе армій нашихъ, уже раздѣленныхъ французами; но народъ не понималъ, къ чему служатъ такія мѣры благоразумія и осторожности, и необдуманно обвиняя военачальниковъ въ робости и маломъ усердіи къ защитѣ отечества, унывалъ духомъ и жалѣлъ, что не ему предоставлено идти перевѣдаться съ врагомъ за царя и родину. Особенно москвичи разсуждали такимъ образомъ, потому что были ближе другихъ къ непріятелю и, какъ жители столицы, во всѣ времена славившейся усердіемъ къ престолу, считали себя болѣе другихъ обязанными явиться на защиту священныхъ драгоцѣнностей, хранившихся въ ихъ храмахъ Божіихъ, въ ихъ дворцахъ царскихъ. И въ такомъ расположеніи духа находятъ ихъ два манифеста государя, и извѣстіе о скоромъ прибытіи его! Невыразимы были чувства, смѣнившія унылость ихъ! Имъ казалось, что они выходили изъ душной темницы на свѣжій, благоуханный воздухъ. Предъ

ними открывалось счастье, которое казалось несуществующимъ для нихъ! Они могли показать усердіе свое къ отечеству, и самъ царь призывалъ ихъ на это святое дѣло! И они въ тотъ же день надѣялись увидить этого царя, это *красное солнце* Россіи.

Весь вечеръ 11-го числа народъ толпился на Поклонной горѣ и около заставы Дорогомиловской, откуда надобно было ѣхать государю. Каждый стремился прежде всѣхъ увидѣть его; всѣ сговаривались отложить лошадей у экипажа его и на себѣ ввезти въ столицу отца-государя. Но Александръ, кроткій, смиренный болѣе всѣхъ царей земныхъ, вполнѣ умѣя цѣнить любовь народа своего, не любилъ принимать торжественно пылкихъ изліяній ея и всегда старался уклониться отъ почестей, которыя желали воздать ему. Такъ случилось и въ этотъ разъ. Онъ приказалъ распустить слухъ, что онъ остался ночевать на послѣдней станціи; народъ разошелся по домамъ, и въ 12 часовъ ночи государь незамѣтно для всѣхъ въѣхалъ въ столицу.

На другой день императоръ, не смотря на всю скромность свою, не могъ уже уклониться отъ торжественной встрѣчи: съ ранняго утра кремлевскія площади покрылись народомъ, слѣдившимъ малѣйшее движеніе во дворцѣ государя. Но въ 10 часовъ Александръ показался на *Красномъ крыльцѣ.* Всегда трудно описать восторгъ русскихъ въ ту минуту, когда они видятъ появленіе государей своихъ на Красномъ крыльцѣ; невозможно описать тотъ, который разлился въ сердцахъ всего народа въ утро 12-го іюля 1812 года! звонъ колоколовъ, этотъ священный голосъ церкви, столь высоко-чтимый благочестивымъ народомъ и царями его, и громкое, пламенно-усердное *ура!* раздались вмѣстѣ въ эту торжественную минуту и вскорѣ покрыты были новымъ восклицаніемъ: «Веди насъ, отецъ нашъ!—кричали вѣрныя дѣти Александра всѣхъ званій и возрастовъ:—веди насъ, отецъ нашъ! Умремъ или истребимъ злодѣя!» Тронутый государь съ минуту обозрѣвалъ сонмы усерднаго народа и потомъ продолжалъ свое шествіе къ Успенскому собору, гдѣ въ этотъ день назначенъ былъ благодарственный молебенъ по случаю мира съ тур-

ками, принятаго государемъ въ это трудное для Россіи время за особенную милость Божію.

15-е іюля былъ день еще болѣе торжественный и сладостный для народа русскаго. Въ этотъ день въ Слободскомъ дворцѣ съѣхалось дворянство и купечество съ просьбою къ государю принять предлагаемыя ими пособія. Эти пособія исполнены были такой безпредѣльной преданности къ престолу и отечеству, что императоръ не могъ безъ слезъ благодарить вѣрныхъ подданныхъ своихъ. Прерывающимся голосомъ онъ сказалъ имъ: «иного я не ожидалъ и не могъ ожидать: вы оправдали мое о васъ мнѣніе».

Но еще лестнѣе было для дворянства и купечества московскихъ слѣдующее письмо государя къ графу Салтыкову: «Пріѣздъ мой въ Москву имѣлъ настоящую пользу. Въ Смоленскѣ дворянство предложило мнѣ на вооруженіе 20,000 человѣкъ, къ чему уже тотчасъ приступлено. Въ Москвѣ—одна сія губернія даетъ мнѣ десятаго съ каждаго имѣнія, что составитъ до 80,000 чел., кромѣ поступающихъ охотно изъ мѣщанъ и разночинцевъ. Денегъ дворяне жертвуютъ до трехъ милліоновъ; купечество же — слишкомъ до десяти. Однимъ словомъ, *нельзя не быть тронутымъ до слезъ,* видя духъ, оживляющій всѣхъ, и усердіе, и готовность каждаго содѣйствовать общей пользѣ».

Еслибы Наполеонъ, этотъ великій завоеватель, этотъ непобѣдимый воинъ своего вѣка, могъ имѣть простое понятіе о силѣ вѣры и благочестія, о могуществѣ любви, основанной на нихъ и соединяющей государя съ народомъ его, какъ далека была бы отъ него мысль о покореніи Россіи! Какое различіе между несмѣтными полками, соединенными его геніемъ, и войскомъ, не столь многочисленнымъ, но собравшимся во имя Божіе! Даже вновь набранные отряды *ополченій,* это войско, образованное изъ простыхъ крестьянъ, даже и они, ведомые пламеннымъ чувствомъ преданности своей къ государю и отечеству, отличались неустрашимостію удивительною!

Не менѣе удивительна была и поспѣшность, съ которою эти отряды образовались: московское ополченіе еще въ августѣ мѣсяцѣ присоединилось къ главной арміи. Смоленское и калужское готовы были къ битвамъ почти въ то же

время. С.-Петербургское и новогородское, лучше всѣхъ образованныя, въ началѣ сентября явились на подкрѣпленіе корпуса графа Витгенштейна, охранявшаго отъ непріятеля дорогу къ сѣверной столицѣ. Однимъ словомъ, въ два мѣсяца образовалась новая армія въ 130,000 чел. Не всѣ воины ея, конечно, могли приносить такую пользу, какъ старые солдаты дѣйствующихъ армій, но каждый изъ нихъ могъ быть въ резервѣ, т. е. въ такомъ отдѣленіи войска, изъ котораго пополнялись мѣста убитыхъ и раненыхъ въ полкахъ.

Но возвратимся къ дѣйствіямъ армій русскихъ. Мы оставили ихъ отступающими отъ непріятеля для соединенія разрозненныхъ силъ. Не смотря на всѣ старанія французовъ помѣшать этому соединенію, оно совершилось 22-го іюля у Смоленска и здѣсь-то было первое кровопролитное сраженіе русскихъ съ французами,—сраженіе, продолжавшееся два дня, 4-го—5-го августа. Здѣсь отличались генералы *Коновницынъ, Ермоловъ* и *Раевскій*. Но, не смотря на всю храбрость свою, русскіе должны были уступить Смоленскъ, или, лучше сказать, горящія развалины его французамъ, чтобъ защитить отъ нихъ дорогу, по которой было сообщеніе съ хлѣбородными полуденными губерніями нашими. Они отступили на Вязьму.

Какъ ни кровопролитна была битва у Смоленска, но все-таки ея нельзя было назвать генеральною, которой желало все войско и весь народъ. Первое, горя нетерпѣніемъ сразиться, уже начинало роптать, и главнокомандующій Барклай-де-Толли рѣшился удовлетворить его. Но прежде нежели избрано было для того удобнѣйшее мѣсто, къ арміи пріѣхалъ новый начальникъ —*князь Кутузовъ*.

Князь Михаилъ Иларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ былъ тотъ самый главнокомандующій русскою арміею въ Турціи, который умѣлъ искусствомъ и храбростію своею заставить турокъ заключить столь необходимый для Россіи миръ, не смотря на всѣ старанія французскаго императора помѣшать тому. Отличаясь съ молодыхъ лѣтъ и военными, и дипломатическими достоинствами, онъ не одинъ разъ бывалъ уже и начальникомъ арміи, и посланникомъ при чужестранныхъ дворахъ, и вездѣ съ полнымъ успѣхомъ и истинною славою оканчивалъ возложенныя на него

порученія. Императрица Екатерина II и императоры Павелъ и Александръ всегда оказывали ему равное благоволеніе. Возвратясь послѣ славнаго мира турецкаго въ Петербургъ, онъ принятъ былъ жителями столицы съ восхищеніемъ, тѣмъ болѣе, что общее уныніе было уже тогда повсемѣстно. Взоры всѣхъ съ надеждою обратились на свѣжіе лавры, такъ недавно украсившіе генерала, знаменитаго сподвижника Суворова, и какъ скоро ополченія нѣсколькихъ губерній были готовы явиться къ арміи, обѣ столицы единодушно назвали его главнымъ начальникомъ этого новаго войска, опредѣленнаго въ защиту отечества.

Императоръ, ожидая большихъ успѣховъ для арміи отъ того восторга, съ какимъ принятъ былъ Кутузовъ, и имѣя самъ истинное понятіе о высокихъ достоинствахъ его, поручилъ ему начальство надъ всѣми своими арміями, и вотъ тогда-то онъ прибылъ къ нимъ, спустя нѣсколько дней послѣ сраженія у Смоленска.

Одобряя въ полной мѣрѣ намѣренія Барклая-де-Толли дать, наконецъ, генеральное сраженіе, Кутузовъ самъ избралъ для того мѣсто при селѣ *Бородинѣ*. Этотъ выборъ рѣшилъ безсмертную славу дотолѣ никому неизвѣстнаго села; при Бородинѣ, 26-го августа, произошло одно изъ знаменитѣйшихъ сраженій, какія когда либо записывались въ военной исторіи народовъ: 108,000 русскихъ въ смертельной битвѣ сражались здѣсь съ 180,000 лучшаго войска Наполеона, самимъ имъ предводительствуемаго, и, не смотря на превосходство силъ непріятеля, на славу предводителя его, русскіе сражались такъ отчаянно, что въ продолженіе цѣлаго дня, во время котораго не прерывался громъ 2,000 орудій, не уступлено было французамъ ни на одинъ шагъ земли! Они не только не подвинулись впередъ, но даже отступили нѣсколько назадъ. Убитыхъ и раненыхъ генераловъ и другихъ высшихъ чиновъ было такъ много при Бородинѣ, что это сраженіе названо французами *битвою генераловъ*.

Ни съ чѣмъ нельзя сравнить радости, какая разлилась по всѣмъ мѣстамъ Россіи при полученіи извѣстія объ этой побѣдѣ; она казалась для всѣхъ предвѣстницею многихъ другихъ, столь же знаменитыхъ, и даже предвѣстни-

цею изгнанія французовъ изъ отечества. Но сколь же велика была горесть всѣхъ, когда чрезъ нѣсколько дней потомъ узнали, что Москва, эта драгоцѣнная святыня русскихъ, этотъ завѣтный храмъ ихъ величія, славы и счастія, оставлена всѣмъ войскомъ, дотолѣ стремившимся защищать ее всею кровію своею, оставлена беззащитная во власть непріятеля. О! сколько слезъ пролили о ней вѣрныя дѣти ея, начиная отъ фельдмаршала, осужденнаго прежде всѣхъ на принесеніе этой жертвы, и царя, съ христіанскимъ смиреніемъ покорившагося волѣ Провидѣнія, до послѣдняго изъ воиновъ, опредѣленныхъ на защиту ея, до слабѣйшихъ изъ женщинъ, раздѣлявшихъ съ супругами, сыновьями и отцами святое чувство любви къ отечеству, до младшаго изъ дѣтей, уже достигшихъ способности понимать слово: *отечество*.

Но обстоятельства были таковы, что великая жертва была необходима; Москва и ея окрестности представляли самое невыгодное мѣстоположеніе для большого сраженія, да и рѣшиться на него благоразуміе запрещало, потому что послѣ Бородинскаго сраженія войско русское уменьшилось почти до 52,000 чел., а французская армія все еще имѣла слишкомъ 100,000 чел. И такъ, надобно было рѣшиться или навѣрное потерять все войско и потомъ столицу, или одну столицу и сохранить войско, съ которымъ можно было надѣяться возвратить ее. Мудрый и дальновидный военачальникъ недолго колебался въ выборѣ, и съ растерзаннымъ сердцемъ, объявивъ въ совѣтѣ собранныхъ имъ первыхъ генераловъ арміи, что *потеря столицы не есть еще потеря отечества,* приказалъ войску отступать.

Всю ночь передъ утромъ отступленія князь Кутузовъ провелъ въ глубокой горести и, по свидѣтельству одного изъ самыхъ приближенныхъ и любимыхъ имъ офицеровъ, нѣсколько разъ плакалъ. Всѣ генералы, офицеры и вообще все войско раздѣляло съ начальникомъ своимъ эту священную горесть, и лагерь русскій въ эту послѣднюю ночь, проведенную имъ передъ оставляемою Москвою, представлялъ самую унылую картину.

Печальное утро настало. Это было 2-го сентября. Съ разсвѣтомъ его войска начали вступать въ Дорогомиловскую

заставу, чтобы, прошедши городъ, выдти у Коломенской. Между тѣмъ жителямъ, еще за нѣсколько недѣль до того, объявлено было объ опасности столицы и предоставлены всѣ средства къ выѣзду со всѣмъ имуществомъ. Правительство также вывезло въ Казань всѣ присутственныя мѣста, кромѣ сената, всѣ учебныя заведенія, всѣ казенныя вещи. Здѣсь главнымъ дѣйствующимъ лицомъ и, такъ сказать, душою, которою жила столица въ это горестное время, предшествовавшее ея гибели, былъ генералъ-губернаторъ ея графъ *Растопчинъ*.

Нельзя было найти человѣка болѣе способнаго для утѣшенія бѣдныхъ московскихъ жителей, какъ былъ этотъ доблестный, этотъ истинно-русскій вельможа! Онъ исполнялъ не только долгъ свой помогать москвичамъ въ трудныхъ и печальныхъ обстоятельствахъ ихъ, но онъ даже занимался тѣмъ, чтобы сколько можно одобрять и поддерживать ихъ. Во все время опасности Москвы, т. е. съ тѣхъ поръ, какъ войско Наполеона вступило въ Россію и направило путь свой къ Москвѣ, онъ безпрестанно выдавалъ для простого народа небольшія печатныя объявленія, въ которыхъ разговаривалъ съ нимъ, какъ равный имъ простолюдинъ, и всегда такъ понятно для нихъ и въ то же время такъ остроумно и забавно, что всякій изъ читателей его невольно развеселялся и съ новою бодростію повторялъ завѣтное слово русскаго: «*Умремъ за батюшку-царя и за Русь православную*».

Чтобъ дать вамъ понятіе, милые читатели, объ этихъ воззваніяхъ графа Растопчина къ московскимъ жителямъ, мы представимъ здѣсь одно изъ самыхъ трогательныхъ, изданное за нѣсколько дней до оставленія Москвы, когда еще вопросъ о сдачѣ ея непріятелю не былъ рѣшенъ и, напротивъ того, все войско и всѣ жители готовились умереть на стѣнахъ ея.

«Братцы! Сила наша многочисленна и готова положить животъ, защищая отечество, и не впустить злодѣя въ Москву. Но должно пособить и намъ свое дѣло сдѣлать: грѣхъ тяжкій своихъ выдавать: Москва наша мать. Она насъ поила и обогатила. Я васъ призываю именемъ Божіей Матери на защиту храмовъ Господнихъ, Москвы,

земли Русской. Вооружитесь, кто чѣмъ можетъ, и конные, и пѣшіе, возьмите только на три дня хлѣба, идите со крестомъ, возьмите хоругви изъ церквей и съ симъ знаменіемъ собирайтесь тотчасъ на Трехъ-Горахъ: я буду съ вами; вмѣстѣ истребимъ злодѣя. Слава въ вышнихъ—кто не отстанетъ; вѣчная память—кто мертвый ляжетъ; горе на страшномъ судѣ—кто отговариваться станетъ!»

Всѣ жители съ восхищеніемъ приняли это воззваніе къ битвѣ, всѣ съ радостію готовились побѣдить или умереть, и вдругъ 1-го сентября всѣ погрузились въ неописанное уныніе: фельдмаршалъ прислалъ графу Растопчину увѣдомленіе объ оставленіи Москвы. Не смотря на всю очевидную невозможность спасти ее, всѣ, начиная отъ графа до послѣдняго дворянина въ опустѣвшихъ домахъ столицы, были недовольны, и только одно глубокое уваженіе къ прославленнымъ сѣдинамъ 67-лѣтняго фельдмаршала и безпредѣльная довѣренность къ нему царя и всей Россіи удержали ропотъ войска и народа и внушили обоимъ ту безмолвную покорность, съ которою, 2-го сентября, первое—уныло проходило по улицамъ московскимъ, а второй—еще унылѣе провожалъ глазами удалившихся защитниковъ своихъ.

Многіе изъ жителей вышли изъ города вмѣстѣ съ войскомъ, потому что выѣзды ихъ все еще продолжались, и по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ графомъ Растопчинымъ, число всѣхъ остававшихся къ 2-му сентября въ Москвѣ русскихъ было не болѣе 10,000 человѣкъ.

Прежде нежели всѣ русскія войска успѣли пройти Москву, французскіе отряды уже показались у Дорогомиловской заставы, и арьергардъ нашъ, въ которомъ обыкновенно бываютъ и всѣ обозы войска, могъ бы очень пострадать отъ непріятеля въ тѣсныхъ улицахъ московскихъ; но имъ начальствовалъ храбрый генералъ *Милорадовичъ*, и его твердостію и благоразуміемъ французы остановлены были отъ дерзости, на которую уже нѣкоторые изъ нихъ покушались: онъ послалъ офицера объявить передовымъ отрядамъ непріятеля, которыми командовалъ король неаполитанскій, что если французы нападутъ на него въ то время, когда онъ будетъ проходить чрезъ Москву, то *онъ будетъ*

защищаться до послѣдней крайности, зажжетъ городъ и подъ его развалинами погребетъ себя и непріятеля.

Грозное обѣщаніе воина, прославившагося еще подъ знаменами Суворова въ Италіи, произвело дѣйствіе, какого онъ могъ ожидать: король-кавалеристъ — такъ называли иногда Мюрата — согласился не тревожить выходящаго изъ города войска до тѣхъ поръ, пока послѣдняя обозная повозка его не будетъ за Коломенской заставой.

Такимъ образомъ, кромѣ арьегарднаго войска, множество людей, успѣвшихъ выѣхать изъ Москвы въ это выигранное Милорадовичемъ время, обязаны были ему спасеніемъ жизни и имущества своего.

Наконецъ въ два часа подъѣхалъ и Наполеонъ къ Дорогомиловской заставѣ, гдѣ онъ остановился и долго ожидалъ депутатовъ изъ Москвы и знаменитыхъ древностію ключей ея. Но напрасно было ожиданіе: никто не являлся изъ опустѣвшаго города. Невыразимо было удивленіе его, когда онъ узналъ, что всѣ правительственныя лица, все дворянство, всѣ сословія жителей московскихъ выѣхали, и онъ дѣлался обладателемъ покинутаго всѣми, почти пустыннаго города!

Никакими словами нельзя выразить того, что̀ происходило въ душѣ гордаго завоевателя. Это было и чувство обманутой надежды увѣнчать свою славу, и чувство стыда такой великой и такъ торжественно предъ всѣми признанной ошибки, и чувство униженія самоувѣренности предъ величественною простотою народа, безъ сожалѣнія покинувшаго жилища и драгоцѣнности свои для спасенія чести и независимости родины. Но это было еще только начало бѣдствій Наполеона. Въ Москвѣ они увеличились еще гораздо болѣе: къ вечеру перваго же дня, проведеннаго тамъ французами, показался дымъ, и наконецъ и пламя въ разныхъ частяхъ города. Это былъ пожаръ, произведенный жителями Москвы въ собственныхъ домахъ ихъ; это былъ пожаръ, въ которомъ горѣло чистое пламя любви къ отечеству русскихъ, это былъ пожаръ, охватившій со всѣхъ сторонъ исполинское величіе Наполеона и испепелившій его до праха.

Ужасенъ былъ видъ Москвы на другой, на третій и

на четвертый день: пламя свирѣпствовало все болѣе и болѣе. Горѣли церкви, дворцы, частные домы; горѣли древнія рощи и великолѣпные сады, окружавшіе ихъ; горѣли мосты и суда на рѣкахъ. Сильный вихрь бросалъ во всѣ стороны горящія головни. Крики несчастныхъ жителей, спасавшихся то отъ огня, то отъ нападавшихъ на нихъ французовъ, раздавались въ воздухѣ. Однимъ словомъ, всѣ ужасы разрушенія міра, казалось, носились надъ несчастною Москвою и силились поглотить эту растерзанную жертву чести народной со всѣми виновниками ея погибели. Наполеонъ, минутный обладатель священнаго Кремля, съ невыразимой тоскою, какъ будто съ предчувствіемъ своего близкаго паденія, смотрѣлъ на страшное море пламени, обливавшее городъ. Пораженный этимъ зрѣлищемъ, онъ воскликнулъ, стоя на балконѣ дворца Кремлевскаго: «Москвы нѣтъ болѣе! Я лишился награды, обѣщанной войскамъ!... Русскіе сами зажигаютъ!... Какая чрезвычайная рѣшительность! Что за люди! Это скиѳы...»

Вскорѣ въ Кремлѣ нельзя было оставаться безъ опасности: пожаръ начинался и тамъ, и Наполеонъ выѣхалъ въ загородный Петровскій дворецъ. Огонь свирѣпствовалъ съ одинаковою силою до 7-го сентября и началъ утихать только 8-го числа. Въ это горестное время французы напомнили Москвѣ всѣ ужасы варварскихъ нашествій, какимъ подвергалась она во время владычества татаръ. Получивъ отъ императора своего позволеніе на грабежъ столицы, они предались ему съ необузданностію, въ которой какъ будто желали заглушить все негодованіе свое на неудачный походъ. Безъ всякаго уваженія къ храмамъ Божіимъ они грабили святыни церквей, ризы образовъ, богатыя облаченія священниковъ; безъ всякаго состраданія къ полу и возрасту оскорбляли оставшихся жителей, отнимали у несчастныхъ послѣднее имущество ихъ, выгоняли ихъ изъ послѣднихъ жилищъ ихъ—подваловъ и погребовъ, куда бѣдные старались скрыться отъ жестокости враговъ своихъ.

Неистовства французовъ надъ несчастными жителями не прекратились и послѣ того, какъ пожаръ утихъ: они грабили до тѣхъ поръ, пока еще находили что нибудь въ

обгорѣлыхъ стѣнахъ церквей и домовъ, они мучили человѣчество, пока еще оставалась тѣнь его въ истощенныхъ, почти полумертвыхъ жителяхъ.

Между тѣмъ Наполеонъ 9-го сентября переѣхалъ снова въ Кремлевскій дворецъ, и тамъ, скрывая даже отъ всѣхъ приближенныхъ своихъ терзавшее его безпокойство, ожидалъ, что русскій императоръ пришлетъ просить его о мирѣ. Долго еще будетъ ожидать онъ; мы пока успѣемъ заглянуть въ родной нашъ лагерь, къ нашему опытами умудренному фельдмаршалу, къ нашимъ храбрымъ воинамъ.

До 5-го сентября главнокомандующій велъ свое войско все по Коломенской дорогѣ, чтобы увѣрить непріятеля, что онъ перейдетъ за рѣку Оку, между тѣмъ какъ намѣреніе его было сдѣлать кругъ и снова подойти къ Смоленской дорогѣ, откуда онъ былъ гораздо опаснѣе для французовъ, нежели въ другихъ мѣстахъ. Хитрость удалась: Наполеонъ, обманутый отрядами, нарочно посланными княземъ Кутузовымъ по Коломенской дорогѣ, долго не зналъ, гдѣ находится русская армія, и только 14-го сентября открылъ ее на Калужской дорогѣ.

Русскіе отступали еще до 20-го числа, и въ этотъ день остановились въ укрѣпленномъ лагерѣ у села Тарутина, въ 80-ти верстахъ отъ Москвы. Здѣсь, разсматривая въ первый разъ выгодное для лагеря мѣстоположеніе на высокомъ берегу рѣки Нарвы, фельдмаршалъ воскликнулъ: «Теперь ни шагу назадъ!» И онъ сдержалъ слово: русскіе уже не отступали болѣе, но три недѣли оставались въ Тарутинѣ, и въ теченіе этого времени князь Кутузовъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы скорѣе пополнить свои арміи. Старанія его имѣли полный успѣхъ: изъ всѣхъ губерній сбирались ополченія, формировались новые полки, являлись на службу отставные дворяне, приходили многочисленные отряды казаковъ съ Дону. Въ рядахъ сихъ послѣднихъ часто видали престарѣлаго дѣда вмѣстѣ съ молоденькимъ внукомъ, едва вышедшимъ изъ дѣтства; часто случалось даже, что въ избу, служившую квартирой фельдмаршалу, приходили крестьянскіе мальчики лѣтъ 10 и 12 и усердно просили у *дѣдушки* (такъ они называли

князя) не ружей, которыя были для нихъ слишкомъ тяжелы, но пистолетовъ.

Фельдмаршалъ съ радостію смотрѣлъ на это почти поголовное вооруженіе народа, развившееся съ новою силою послѣ оставленія Москвы и бѣдствій ея подъ властію непріятеля. Онъ съ радостію смотрѣлъ на усиленіе армій, и планы, гибельные для войска французскаго, располагались въ умѣ его; а между тѣмъ, пока еще не настало время для исполненія ихъ, французовъ окружали новыя опасности, доселѣ еще неизвѣстныя для нихъ въ землѣ Русской: открылась война *партизанская.* Вы уже имѣете понятіе о ней, милые читатели, по описанію того, что происходило во время народной войны въ Испаніи. Партизаны наши были почти то же, что испанскіе герильясы. Одинакія побужденія одушевляли ихъ и одинаковы были ихъ послѣдствія: въ Россіи повторились надъ французами сцены Испаніи; въ Россіи начали гибнуть они точно такъ же, какъ гибли и тамъ. Но такъ какъ наши партизаны составлены были изъ войскъ регулярныхъ и именно изъ малыхъ отрядовъ, отдѣленныхъ отъ полковъ подъ начальствомъ одного изъ офицеровъ, то они дѣйствовали гораздо правильнѣе и успѣшнѣе испанскихъ. Отряды же крестьянъ и другихъ охотниковъ, добровольно выступившихъ на защиту отечества и вооруженныхъ на подобіе герильясовъ и такъ же какъ герильясы исполненныхъ жесточайшей ненависти къ французамъ, эти отряды, присоединяясь къ партизанамъ, поступали охотно подъ начальство и безусловное распоряженіе начальника партіи. Слѣдовательно, безпорядковъ было здѣсь менѣе, но духъ, оживлявшій воиновъ русскихъ и испанскихъ, былъ совершенно одинакій, и народная война Россіи была столько же ужасна для французовъ, какъ и война Испаніи. Она произвела новое бѣдствіе для Наполеона: страшный голодъ въ Москвѣ. Большая часть припасовъ сгорѣла во время пожара, другая выѣзжавшими жителями нарочно потоплена была въ рѣкѣ, такъ что французы недолго могли довольствоваться тѣмъ, что нашли въ Москвѣ: надобно было отправлять отряды для отысканія продовольствія по деревнямъ и селамъ окрестнымъ, и тутъ-то открывалось обширное поле для дѣйствій партизановъ:

они нападали на эти отряды и причиняли имъ всякій разъ столько вреда, что, наконецъ, французамъ нельзя было выѣзжать за пять верстъ отъ Москвы безъ большихъ конвоевъ, и страшный голодъ распространился въ несчастной столицѣ до того, что побѣдоносное воинство императора французовъ принуждено было питаться воронами и падалиной кошекъ и лошадей.

Наконецъ терпѣніе Наполеона уже истощилось въ ожиданіи отъ Александра предложеній о мирѣ: прошло три недѣли томительнаго пребыванія его въ Москвѣ, и онъ рѣшился самъ предложить этотъ столь сильно желаемый имъ миръ. Но жестоко ошибся онъ и на этотъ разъ въ предположеніяхъ своихъ. Императоръ русскій, твердо рѣшившійся отмстить жестокому оскорбителю отечества и народа его, не хотѣлъ слышать о мирѣ, и презрительное молчаніе было отвѣтомъ на письмо къ нему Наполеона: письмо, посланное къ государю съ однимъ отставнымъ гвардейскимъ офицеромъ *Яковлевымъ*, оставшимся за болѣзнію дяди въ Москвѣ и потомъ отправленнымъ въ Петербургъ Наполеономъ.

Не получивъ ожидаемаго отвѣта, императоръ французовъ сдѣлалъ новое покушеніе къ миру: послалъ 23-го сентября къ князю Кутузову своего генералъ-адъютанта Лористона для переговоровъ. Фельдмаршалъ, объявивъ посланнику, что государь запретилъ ему даже произносить слова: *миръ* и *перемиріе*, могъ обѣщать только то, что онъ донесетъ его величеству о желаніи Наполеона. Отвѣтомъ императора Наполеону было то же молчаніе; князю Кутузову—повелѣніе поспѣшить возобновленіемъ военныхъ дѣйствій.

Князь не замедлилъ исполненіемъ воли государя; но прежде, нежели мы устремимся за арміею его, съ этихъ поръ побѣдоносною, скажемъ нѣсколько словъ объ отдѣльныхъ войскахъ французскихъ и нашихъ, о корпусахъ, дѣйствовавшихъ справа и слѣва отъ центра, находившагося подъ личнымъ предводительствомъ Наполеона и князя Кутузова. Они расположены были такъ: въ Полоцкѣ—французскій маршалъ Сенъ-Сиръ и противъ него—нашъ генералъ графъ Витгенштейнъ, прославившійся защитою Пе-

тербургской дороги, на которую французы сдѣлали было смѣлое покушеніе. Противъ Риги, защищаемой нашимъ генераломъ *Эссеномъ*—маршалъ Макдональдъ; противъ *Игнатьева* въ Бобруйскѣ — польскій генералъ *Домбровскій:* противъ *Эртеля* въ Мозырѣ—австрійскій генералъ *Моръ;* противъ *Тормасова* и *Чичагова,* начальника дунайской арміи, пришедшей послѣ турецкаго мира въ *Луцкъ,* гдѣ стоялъ Тормасовъ,—также австрійскій генералъ, князь *Шварценбергъ* и французскій *Ренье.*

Всѣ начальники отдѣльныхъ русскихъ войскъ располагали свои дѣйствія по плану, начертанному самимъ государемъ, и всѣ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ. Тормасовъ и Чичаговъ также заставили австрійцевъ отступить. Но какъ направленіе духа, оживлявшее ихъ, такъ же какъ и непріятелей ихъ, зависѣло отъ главныхъ армій, то мы и обратимся снова къ симъ послѣднимъ.

6-го октября произошло, наконецъ, первое наступательное дѣйствіе русскихъ, до сихъ поръ только оборонявшихся. Французскій корпусъ, подвергшійся этому нападенію, былъ подъ начальствомъ короля неаполитанскаго и расположенъ близъ укрѣпленнаго лагеря русскихъ при *Тарутинѣ.* Сраженіе 6-го октября, гдѣ особенно отличились генералы Беннингсенъ, Милорадовичъ, Орловъ-Денисовъ, Дохтуровъ и гдѣ смерть похитила у русскихъ одного изъ храбрѣйшихъ героевъ ихъ генерала Багговута, — прославило Тарутино, славное уже и потому одному, что оно было послѣднимъ предѣломъ нашествія враговъ: далѣе этого, прежде столь неизвѣстнаго, а теперь столь знаменитаго села французы не проникли въ Россію [1]).

---

[1]) Село *Тарутино* принадлежало въ то время оберъ-гофмейстеринѣ Нарышкиной. Князь Кутузовъ, оставляя знаменитый лагерь 11-го октября, просилъ письмомъ помѣщицу, чтобъ укрѣпленія тарутинскія, *близь коихъ остановился быстрый потокъ разорителей, грозившій наводнить всю Россію,*—остались неприкосновенными. «Вы не имѣете нужды воздвигать памятниковъ, — говоритъ фельдмаршалъ въ концѣ письма своего, — тарутинскія укрѣпленія, грозно возвышающіяся между спокойными вашими нивами, будутъ сами по себѣ неизгладимыми слѣдами русскаго мужества и русской славы».

Однакожъ впослѣдствіе времени и памятникъ украсилъ это знаменитое мѣсто. Сынъ фельдмаршала графа Румянцева-Задунайскаго, получивъ Тарутино въ наслѣдство отъ г-жи Нарышкиной, отпустилъ

Наполеонъ, услышавъ о сильномъ пораженіи, претерпѣнномъ королемъ неаполитанскимъ, какъ бы проснулся отъ летаргическаго сна, овладѣвшаго имъ въ Москвѣ. Онъ постигъ тогда, что, сдѣлавъ нападеніе, русскіе не будутъ просить мира, и ужаснулся положенія своего. Еще за нѣсколько дней передъ тѣмъ онъ располагался уже оставить Москву, гдѣ не надѣялся болѣе дождаться отвѣта Александра на мирныя предложенія свои. Сраженіе при Тарутинѣ рѣшило всѣ сомнѣнія его, и на другой же день послѣ него онъ выѣхалъ изъ несчастной столицы, такъ разрушенной и разоренной, что всѣ исчисленія, впослѣдствіи сдѣланныя правительствомъ объ убыткахъ, потерпѣнныхъ ею, кажутся невѣроятными, не смотря на всю достовѣрность свою. Вотъ небольшой отрывокъ изъ подробныхъ и огромныхъ счетовъ по этому предмету.

До нашествія Наполеона считалось въ Москвѣ: монастырей, соборовъ, церквей, казенныхъ строеній, частныхъ домовъ и фабрикъ 9,257. Изъ нихъ сгорѣло 6,496; всѣ прочіе болѣе или менѣе разграблены. Потеря *частныхъ людей* въ столицѣ и уѣздахъ превышала 271 милл. руб. По дѣламъ комитета министровъ показано разореніе въ 278.966,289 руб., а по дѣламъ государственнаго казначейства въ 280.006,507 руб.

Ко всѣмъ ужасамъ, какіе происходили въ Москвѣ въ продолженіе шестинедѣльнаго пребыванія тамъ знаменитѣйшихъ армій, Наполеонъ собственно самъ прибавилъ новый, и можно, по всей справедливости, сказать величайшій: онъ, при отъѣздѣ своемъ, приказалъ маршалу Мортье взорвать Кремль и зажечь въ немъ дворецъ, казармы и всѣ еще уцѣлѣвшія казенныя зданія. Это варварское приказаніе, покрывшее стыдомъ завоевателя XIX вѣка, было въ точности исполнено. Но оно заключило въ себѣ и наказаніе его: распространившійся слухъ о сокрушеніи священнаго Кремля наполнилъ новымъ ожесточеніемъ сердца вои-

---

крестьянъ въ вольные хлѣбопашцы, чтобы село не переходило во владѣніе частныхъ лицъ. Благодарные крестьяне, чувствуя, сколько они обязаны воспоминанію о 1812 годѣ, пожелали воздвигнуть памятникъ на собственный свой счетъ. Государь императоръ Николай Павловичъ позволилъ имъ это, и въ 1834 году памятникъ оконченъ и освященъ.

новъ и народа русскаго, усилилъ желаніе ихъ мстить жестоко губителю драгоцѣнности ихъ, и французы испытывали на себѣ это мщеніе каждый день, можно сказать—даже каждый часъ, пока находились въ Россіи. Солдаты и крестьяне: старики и молодые люди, даже женщины и слабыя дѣти,—все стремилось къ истребленію ихъ всѣми возможными средствами.

12-го октября было кровопролитное сраженіе у Малоярославца, небольшого городка Калужской губерніи. Здѣсь предусмотрительный фельдмаршалъ уничтожилъ намѣреніе Наполеона — направить отступленіе свое изъ Москвы по хлѣбороднымъ губерніямъ нашимъ и заставилъ его возвратиться по тому же разоренному имъ самимъ пути, которымъ онъ, побѣдоносный, шелъ въ Москву. Важныя послѣдствія, зависѣвшія отъ сраженія при Малоярославцѣ, придали необыкновенное ожесточеніе войскамъ обѣихъ сторонъ. Несчастный городъ переходилъ нѣсколько разъ отъ русскихъ къ французамъ и отъ французовъ опять къ русскимъ. Наконецъ послѣдніе одержали побѣду.

Принужденный отступить по прежней дорогѣ, Наполеонъ предвидѣлъ гибель полковъ своихъ отъ недостатка продовольствія, котораго невозможно было отыскать въ мѣстахъ, опустошенныхъ за два мѣсяца передъ тѣмъ, и потому приказалъ производить это отступленіе съ чрезвычайною поспѣшностію. Марши французскихъ войскъ походили на бѣгство. Однакожъ и оно не спасало несчастныхъ, потому что, кромѣ голода, отъ котораго Наполеонъ думалъ избавить ихъ въ Смоленскѣ, было на пути ихъ еще другое, можетъ быть величайшее для нихъ зло: летучіе отряды партизановъ и казаковъ, являвшіеся съ неминуемою гибелью во всѣхъ мѣстахъ, куда только показывались отряды непріятеля для отысканія продовольствія, и истребленіе ихъ, какъ и чѣмъ только возможно было.

Кромѣ этихъ безпрестанныхъ, небольшихъ, но изнурительныхъ нападеній, какія терпѣли французы, нѣсколько важныхъ сраженій близь *Вязьмы* и у *Краснаго* довершили ужасное разстройство ихъ арміи. Съ сихъ поръ возвратный походъ французовъ представляетъ настоящее бѣгство, сопровождаемое голодомъ и всѣми бѣдствіями. Генераламъ

Милорадовичу, Коновницыну, предводителю казаковъ графу Платову и партизанамъ поручено было отъ фельдмаршала преслѣдовать непріятеля и сколько можно болѣе вредить ему. Съ жаромъ исполнили они порученіе, въ которомъ заключалась воля царя, чтобы *пожаръ Москвы потушенъ былъ кровью враговъ ея.*

Но ничьи преслѣдованія не были такъ чувствительны для войска французскаго, какъ преслѣдованія казаковъ. Гибельныя паденія на *бусурмановъ,* осквернителей церквей Божіихъ и оскорбителей отечества, такъ отличали воиновъ Дона, что одно имя ихъ внушало не только страхъ, но какое-то оцѣпенѣніе французамъ. Они блѣднѣли, увидѣвъ издали казака, обращались въ бѣгство или клали оружіе, когда онъ приближался. Благодаря этому невыразимому страху и удивительной ловкости казаковъ въ набѣгахъ, въ теченіе шести недѣль преслѣдованія непріятеля они совершили дѣла, истинно безпримѣрныя. Исчислено по достовѣрнымъ извѣстіямъ, что полки донскихъ казаковъ, предводительствуемые самимъ атаманомъ графомъ Платовымъ, взяли у непріятеля въ это короткое время болѣе 5,000 орудій, несмѣтные обозы, 50,000 человѣкъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ восемь генераловъ, тринадцать полковниковъ и слишкомъ 1,000 штабъ- и оберъ-офицеровъ. Кромѣ того, они возвратили большую часть добычи, похищенной непріятелемъ въ церквахъ московскихъ, и именно *сорокъ пудовъ* серебра, и, отличаясь всегда особеннымъ благочестіемъ и набожностію, принесли все это серебро въ даръ храму Казанской Божіей Матери въ С.-Петербургѣ. Вы можете видѣть, милыя дѣти, это приношеніе храбрыхъ и усердныхъ къ церкви Господней донцовъ: оно заключается въ чудесномъ серебряномъ иконостасѣ этой церкви. Подъ главными образами его есть и подпись: «*Отъ усерднаго приношенія войска донского*».

Въ то время, какъ главная армія Наполеона, предводительствуемая имъ самимъ, въ самомъ жалкомъ положеніи, доведенномъ до послѣдней крайности наступившими въ концѣ октября морозами, спѣшила къ выходу своему изъ Россіи, и другіе отдѣльные корпуса ея претерпѣвали пораженіе отъ поставленныхъ противъ нихъ русскихъ

войскъ. Графъ Витгенштейнъ овладѣлъ уже Полоцкомъ, потомъ одержалъ еще побѣду при Чашникахъ. Адмиралъ Чичаговъ принудилъ австрійцевъ, подъ начальствомъ князя Шварценберга, заключить съ нимъ условіе, по которому они обязались выйти изъ предѣловъ Россіи.

Наконецъ, почти всѣ отдѣльные корпуса, по назначенію фельдмаршала, должны были сойтись у береговъ рѣки *Березины.* Здѣсь Наполеонъ могъ еще имѣть надежду къ спасенію: за Березиной были еще войска, принадлежавшія къ его арміи, были еще Литва и Курляндія, города: Вильно, Гродно и Ковно, гдѣ думалъ онъ найти продовольствіе и запасы военные. Кутузовъ зналъ всю важность переправы непріятеля за Березину и всѣ распоряженія его въ послѣднее время имѣли одну цѣль: не допустить его до этой переправы. Но или генералы отдѣльныхъ корпусовъ не могли съ нужной быстротою пройти обширныхъ разстояній, раздѣлявшихъ ихъ, или не могли получать во-время сообщаемыхъ другъ другу извѣстій, или Провидѣніе имѣло въ этомъ дѣлѣ особенную, для насъ скрытую, цѣль, только усилія фельдмаршала, до сихъ поръ всегда удачныя, на этотъ разъ не имѣли успѣха, и 15-го ноября Наполеонъ перешелъ Березину. Конечно, эта переправа дорого стоила ему: онъ потерялъ до 20,000 плѣнныхъ, нѣсколько тысячъ убитыхъ и потонувшихъ въ рѣкѣ, 25 пушекъ, много другихъ орудій и огромный обозъ, но все-таки онъ перешелъ, и желанія императора Александра и фельдмаршала не были исполнены: «не истребили русскіе враговъ своихъ до *послѣдняго* человѣка». Фельдмаршалъ чрезвычайно досадовалъ на эту неудачу, и не прежде какъ чрезъ нѣсколько часовъ успокоился и сказалъ: «Богъ довершитъ то, чего не успѣли сдѣлать отдѣльные генералы. Немногаго недоставало и нашъ братъ, псковскій дворянинъ, взялъ бы Наполеона въ плѣнъ!»

Но и за Березиной надежда обманула императора французовъ: спасеніе ожидало его только во Франціи, и 24-го ноября онъ объявилъ своимъ маршаламъ и корпуснымъ командирамъ: Мюрату, Бертье, вице-королю Даву, Нею, Мюртье, Лефебру и Бессьеру, что онъ уѣзжаетъ въ

Парижъ, гдѣ присутствіе его необходимо для образованія новой арміи.

Грустно было маршаламъ разстаться съ повелителемъ своимъ и разстаться въ обстоятельствахъ, тѣмъ болѣе трудныхъ, что на время отступленія своего онъ поручалъ начальство надъ арміею Мюрату, который давно потерялъ всю бодрость духа и думалъ только о томъ, какъ бы ему самому спастись изъ Россіи.

Экипажи отправлявшагося въ путь императора были вовсе не пышны: карета, взятая у какого-то помѣщика, и сани. Въ первой сидѣлъ онъ самъ съ Коленкуромъ, подъ именемъ котораго надѣялся доѣхать до Франціи; въ саняхъ — оберъ-гофмаршалъ Дюрокъ и генералъ Мутонъ. Изъ всѣхъ трофеевъ, увозимыхъ изъ Россіи героемъ, за нѣсколько недѣль непобѣдимымъ, были: соболья, крытая зеленымъ бархатомъ шуба и теплая шапка. Морозъ, жестокій врагъ войска Наполеонова, доходилъ въ день отъѣзда его до 28 градусовъ и на этотъ разъ былъ для него истинно-спасителенъ: онъ остановилъ отъ выѣзда на тотъ вечеръ и ночь партизановъ Сеславина, разъѣзжавшихъ по большой дорогѣ, и тѣмъ избавилъ императора французовъ отъ неминуемаго плѣна. Онъ счастливо пронесся по опасному пути своему во всю прыть лошадей, и въ утро 26-го ноября былъ уже за границею Россіи, такъ жестоко оскорбленной имъ и такъ грозно отмстившей ему за это оскорбленіе.

Послѣ отъѣзда его французскія войска, доведенныя давно до совершеннаго разстройства, пришли въ еще бо̀льшее уныніе. Русскимъ уже не предстояло надобности сражаться съ остатками главной арміи, бывшей подъ предводительствомъ Наполеона, а надобно было только умѣть распорядиться, куда помѣщать плѣнныхъ, отдававшихся цѣлыми отрядами и полками, и больныхъ—отъ холода и всякаго рода лишеній, какія испытала несчастная армія, увлеченная обольстительною надеждою побѣды въ землю, всегда умѣвшую храбро защищать себя.

Русскіе почти безъ боя вступили 28-го ноября въ Вильно и нашли въ ней болѣе 40 пушекъ, 15,000 больныхъ и богатыя заготовленія съѣстныхъ припасовъ и военныхъ ве-

щей. 30-го ноября французы отступили до города Ковно, оставили тамъ еще новыхъ 2,000 плѣнныхъ и 10 орудій, и наконецъ 1-го декабря перешли за пограничную рѣку нашу Нѣманъ въ числѣ 20,000 человѣкъ.

Кромѣ этихъ 20,000 были еще въ Россіи два отдѣльные корпуса арміи Наполеона, въ которыхъ считалось около 60,000 человѣкъ: Макдональда — у Риги и князя Шварценберга—въ Гродненской губерніи. Мы уже видѣли, что послѣдній заключилъ родъ перемирія съ русскими, по которому къ 13-му декабря всѣ австрійцы выступили изъ Россіи. Въ корпусѣ Макдональда было все вспомогательное войско пруссаковъ подъ командою двухъ генераловъ ихъ: Іорка и Массенбаха. Во время отступленія ихъ, общаго со всѣми французскими войсками къ Нѣману, начальникъ передового отряда корпуса Витгенштейнова, генералъ-маіоръ Дибичъ, успѣлъ искусно отдѣлить пруссаковъ отъ Макдональда и заставить первыхъ заключить съ нами условіе о нейтралитетѣ впредь до повелѣнія короля прусскаго. Это было первое явное отпаденіе отъ Наполеона, и король Фридрихъ-Вильгельмъ III былъ доволенъ имъ, потому что оно спасло около 20,000 человѣкъ лучшаго войска его.

Макдональдъ, оставленный такимъ образомъ пруссаками, спѣшилъ спасаться съ остатками своего корпуса; однакожъ 22-го декабря онъ имѣлъ еще жаркое сраженіе съ русскими, въ которомъ потерялъ до 1,500 убитыми и 500 плѣнными. Онъ ушелъ въ Кенигсбергъ, оттуда на другой день поспѣшно вышелъ, потому что по слѣдамъ его шли русскіе. Богатая добыча досталась послѣднимъ въ Кенигсбергѣ: множество русскихъ плѣнныхъ, отправленныхъ прежде въ этотъ городъ французами, много значительныхъ запасовъ, 8,000 усталыхъ и больныхъ и 1,300 плѣнныхъ французовъ.

Такъ, въ концѣ декабря 1812 года послѣдніе изъ непріятелей Россіи были прогнаны за границы ея [1]) и великія слова Александра исполнились: ни единаго непріятельскаго воина не осталось въ царствѣ его.

---

[1]) «Изъ 700,000 непріятелей, которые вошли въ Россію, возвратилась назадъ едва ли десятая часть, т. е. около 70,000 человѣкъ. Осталь-

Мы видѣли этого великодушнаго государя въ минуту глубокой горести его въ Москвѣ, съ такимъ самоотверженіемъ доказывавшей ему любовь и преданность свою. Взглянемъ на него теперь въ первую минуту великаго торжества его, когда онъ, радостный, благодарный къ доброму народу своему, явился въ Вильно тотчасъ послѣ полученія извѣстія о занятіи ее нашими войсками.

Это было 11-го декабря. Сильный морозъ, постоянно продолжавшійся въ это время, смягчался нѣсколько лучами зимняго солнца, довольно ярко блиставшими, хотя на дворѣ уже было 4 часа послѣ полудня. Въ Вильно уже знали, что государь пріѣдетъ изъ Петербурга, и въ тотъ день пришло уже извѣстіе, что онъ на послѣдней станціи отъ Вильны. Все собралось къ замку, гдѣ приготовлена была квартира для императора и гдѣ также жилъ и фельдмаршалъ. Въ 5-мъ часу и онъ вышелъ на подъѣздъ ожидать государя.

ные 600,000 человѣкъ погибли въ сраженіяхъ и отъ ранъ, голода и стужи, убиты поселянами, взяты въ плѣнъ съ бою, или сдались добровольно, предпочитая временную неволю неизбѣжной смерти. Плѣнныхъ осталось въ Россіи до 200,000 человѣкъ, и въ томъ числѣ 48 генераловъ и болѣе 4,000 офицеровъ. Въ губерніяхъ Смоленской, Московской, Калужской, Могилевской, Витебской, Гродненской, Виленской и Минской сожжено и зарыто въ ямы 300,000 труповъ. Много человѣческихъ тѣлъ находилось въ рѣкахъ, озерахъ и болотахъ, было съѣдено хищными звѣрями и сгнило въ лѣсахъ, пещерахъ и разсѣлинахъ горъ, куда во время бѣгства своего укрывались враги. Въ Ковно уложено было на льду Нѣмана и спущено въ рѣку 15,000 труповъ. Растерявъ людей, Наполеонъ утратилъ все огнестрѣльное и бѣлое оружіе, казну, армейскія тяжести, лошадей и награбленную въ Россіи добычу. Хотя въ бѣгствѣ своемъ онъ сожигалъ, взрывалъ на воздухъ, ломалъ и топилъ знамена, штандарты, оружіе и обозы, однако за всѣмъ тѣмъ отбито у непріятелей силою или кинуто ими на дорогахъ великое количество казны, комиссаріатскихъ и провіантскихъ запасовъ, артиллерійскихъ снарядовъ, обозовъ, до ста знаменъ и штандартовъ и болѣе тысячи пушекъ. Таковы были трофеи отечественной войны, по количеству своему неимѣвшія равныхъ себѣ въ исторіи. Пространство отъ Москвы до Нѣмана, покрытое обломками Наполеоновыхъ армій, уподоблялось морскому берегу, на который разъяренныя волны выбрасываютъ остатки разбитыхъ бурею и потонувшихъ кораблей. Непріятельскія орудія свезены были въ Москву и сложены тамъ въ Кремлѣ, а знамена и штандарты поставлены въ с.-петербургскомъ Казанскомъ соборѣ, гдѣ признательность Александра указала мѣсто вѣчнаго успокоенія полководцу, подъ предводительствомъ котораго пріобрѣтены многочисленные трофеи».

(Изъ *Описанія отечественной войны 1812 года,* соч. ген.-лейтенанта Михайловскаго-Данилевскаго).

Всѣ военные, толпившіеся у подъѣзда и около всего дворца, давно не видали знаменитаго начальника своего въ такомъ парадѣ одѣтаго. Во время войны и неразлучныхъ съ нею заботъ и безпокойствъ онъ носилъ всегда сюртукъ, который не скидалъ и ночью. Теперь былъ на немъ полный генеральскій мундиръ, съ шарфомъ чрезъ плечо. Въ рукѣ держалъ онъ строевой рапортъ, въ которомъ готовился лично донесть императору о спасеніи отечества. Пріятно было каждому изъ воиновъ взглянуть на торжествующій видъ своего побѣдоноснаго предводителя, пріятно было каждому изъ народа видѣть храбраго избавителя отъ бѣдствій, разорявшихъ отечество.

Въ исходѣ 5-го часа раздались въ улицахъ радостныя восклицанія народа и у подъѣзда остановилась тройка лошадей, запряженныхъ въ открытыхъ дорожныхъ саняхъ, гдѣ сидѣлъ государь. Снѣгъ и иней покрывалъ одежду его. Фельдмаршалъ спѣшилъ подойти къ нему, и восхищенный императоръ обнялъ спасителя царства своего, и рука объ руку пошелъ съ нимъ во дворецъ. Здѣсь первымъ дѣломъ государя было—наградить фельдмаршала. Эта награда была знаменитѣйшими для воина русскаго: орденъ св. Георгія 1-й степени, поднесенный князю на серебряномъ блюдѣ оберъ-гофмаршаломъ двора. Незадолго передъ тѣмъ, за побѣды, такъ часто одержанныя войсками нашими въ Смоленской губерніи, фельдмаршалъ получилъ названіе *князя Смоленскаго* и титулъ *свѣтлости*.

Слѣдующій день, 12-го декабря, день рожденія государя, кажется избранъ былъ имъ для изъявленія благодарности его всей арміи въ лицѣ собравшихся во дворцѣ генераловъ. Изъявляя эту благодарность, онъ, между прочимъ, сказалъ имъ эти примѣчательныя слова: «Вы спасли не одну Россію, вы спасли Европу».

Въ этотъ день у фельдмаршала былъ обѣденный столъ; во время обѣда палили изъ Наполеоновыхъ пушекъ французскимъ порохомъ, и вечеромъ на балѣ, данномъ также фельдмаршаломъ, предъ государемъ повергнуты были новые трофеи его храбрыхъ войскъ: знамена, отнятыя графомъ Платовымъ у непріятеля и за полчаса до бала привезенныя къ князю Кутузову.

Наградивъ главнаго виновника русской славы 1812 г. и потомъ всѣхъ болѣе или менѣе отличившихся генераловъ-сподвижниковъ его, императоръ желалъ, чтобы каждый изъ участниковъ знаменитой войны сохранилъ навсегда память признательности его и отечества, чтобъ каждый носилъ съ собою очевидное свидѣтельство своего участія, и для того онъ установилъ серебряную медаль съ надписью на одной сторонѣ: *1812 годъ* подъ лучами *Всевидящаго Ока*, а на другой: «*Не намъ, не намъ, а имени Твоему*». Такая надпись выражала самымъ лучшимъ образомъ скромную и благочестивую душу Александра.

Послѣ этихъ торжественныхъ изъявленій благодарности всему войску, послѣ объявленія еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ благодарственнаго манифеста народу, государь занялся тотчасъ попеченіемъ о пособіяхъ несчастнымъ жителямъ Москвы и другихъ губерній, разоренныхъ непріятелемъ во время ужаснаго нашествія его. Все, что̀ только могло облегчить положеніе бѣдныхъ страдальцевъ, было придумано и исполнено императоромъ и его августѣйшимъ семействомъ: государыни императрицы Елисавета Алексѣевна и Марія Θеодоровна и государыни: великая княгиня Екатерина Павловна и великая княжна Анна Павловна пролили безчисленныя благодѣянія въ этотъ годъ бѣдствій народныхъ.

Подъ покровительствомъ императрицы Елисаветы Алексѣевны составилось въ Петербургѣ *Женское Патріотическое общество*, облегчившее въ скоромъ времени участь многихъ осиротѣвшихъ страдальцевъ. Кромѣ пособій, какія почетные члены, избираемые по большей части изъ первыхъ особъ двора и столицы, оказывали бѣднымъ всѣхъ состояній, Патріотическое общество основало впослѣдствіи прекрасное заведеніе для образованія дочерей убитыхъ и раненыхъ въ Отечественную войну офицеровъ,—заведеніе, извѣстное теперь подъ названіемъ *Патріотическаго института*, и нѣсколько *Патріотическихъ школъ*, гдѣ дочери бѣдныхъ людей низшихъ сословій обучаются всему, что̀ можетъ обезпечить жизнь ихъ на будущее время.

Второе учредившееся въ Петербургѣ въ 1812 году общество было: *Сословіе призрѣнія разоренныхъ отъ непріятеля*. Здѣсь принимались всѣ добровольныя прино-

шенія въ пользу пострадавшихъ и разоренныхъ отъ непріятеля городскихъ и сельскихъ жителей. Кромѣ того, въ Петербургѣ учредилась газета, донынѣ существующая подъ названіемъ «*Русскаго Инвалида*». Всѣ вырученныя за нее деньги обращались въ пользу изувѣченныхъ въ сраженіяхъ воиновъ и осиротѣвшихъ семействъ ихъ. Обильно лились приношенія всѣхъ сословій народа русскаго и въ эти два общества, но самые щедрые дары обыкновенно присылались отъ императрицы Маріи Ѳеодоровны. Государыня препровождала ихъ всегда при слѣдующей запискѣ: «Отъ счастливой матери и дѣтей ея». Ея величество разумѣла подъ этими словами—едва вышедшихъ въ то время изъ дѣтства великихъ князей Николая Павловича и Михаила Павловича и великую княжну Анну Павловну. Ихъ императорскія высочества, принимая живѣйшее участіе въ бѣдствіяхъ, претерпѣнныхъ народомъ и войскомъ, нетерпѣливо желали сколько возможно болѣе облегчить участь многочисленныхъ страдальцевъ и потому всегда желали участвовать въ благотвореніяхъ августѣйшей родительницы своей.

Великая княгиня Екатерина Павловна, жительствуя въ это время въ Ярославлѣ, гдѣ супругъ ея былъ военнымъ генералъ-губернаторомъ, имѣла случай быть ближе всѣхъ другихъ особъ императорской фамиліи къ несчастливцамъ московскимъ и смоленскимъ, и потому благотворенія, пролитыя ея прекрасною душою на разоренный край, были невыразимо велики. Участіе, принимаемое ея высочествомъ въ малѣйшихъ происшествіяхъ, касавшихся до театра войны, простиралось до такой степени, что командиръ казачьяго полка, стоявшаго на Ярославской дорогѣ во время приближенія непріятеля къ Москвѣ, обязанъ былъ обо всемъ, чтò случалось примѣчательнаго на пути, ввѣренномъ ему, доносить прямо великой княгинѣ, не смотря на слабое состояніе здоровья, въ которомъ она находилась тогда за нѣсколько времени передъ тѣмъ, и именно 14-го августа она даровала жизнь принцу Петру Георгіевичу, который посвящалъ эту прекрасную жизнь счастію всего, чтò только принадлежитъ любимой имъ Россіи, и особенно счастію молодого поколѣнія ея, получавшаго образованіе въ воспитательныхъ заведеніяхъ, состоявшихъ подъ покровитель-

ствомъ ея величества государыни императрицы Маріи Александровны, а теперь—нынѣ благополучно царствующей Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, и такимъ образомъ оправдывалъ славу, которою судьба запечатлѣла время его рожденія.

Это участіе императорской фамиліи въ бѣдствіяхъ народа было неописанно въ 1812 году. Но человѣколюбивое сердце Александра не удовольствовалось благодѣяніями, изливаемыми имъ на подданныхъ: онъ вошелъ въ горестное положеніе и тѣхъ несчастныхъ, которые увлечены были ненасытнымъ завоевателемъ отъ родины и семействъ ихъ, и погибали среди всѣхъ ужасовъ народной ненависти, въ странѣ, чуждой для нихъ во всѣхъ отношеніяхъ. Вы догадаетесь, что я говорю о плѣнныхъ, оставшихся въ Россіи въ 1812 году. Положеніе этихъ несчастныхъ было невыразимо. Разлученные со всѣмъ, что было для нихъ драгоцѣнно въ отечествѣ ихъ, лишенные всего необходимаго въ жизни, окруженные врагами, справедливо ожесточенными противъ нихъ, они должны были переносить болѣе, нежели можетъ переносить природа человѣческая. Государь, въ высочайшей степени сострадательный, предписалъ всѣмъ мѣстнымъ начальствамъ оказывать имъ всевозможныя пособія. Онъ приказалъ снабжать ихъ пищею, въ которой часто они нуждались до того, что умирали съ голоду, одеждою, которая также была для нихъ необходима въ большомъ количествѣ по причинѣ жестокихъ морозовъ, продолжавшихся почти всю зиму 1812 года; приказалъ спасать ихъ отъ мщенія крестьянъ, отъ оскорбленій солдатъ, однимъ словомъ приказалъ облегчить положеніе ихъ во всѣхъ отношеніяхъ, и несчастные страдальцы, проклиная Наполеона, честолюбіе котораго такъ безжалостно погубило счастіе ихъ, благословили Александра, возвратившаго ихъ отъ ужасовъ смерти къ жизни.

Такъ прекрасно исполнилъ Александръ великое призваніе свое! Горделивый мститель оскорбителя вѣры и чести народной, непримиримый врагъ нарушителя общественнаго спокойствія, онъ явился побѣдителемъ кроткимъ и снисходительнымъ къ воинству побѣжденному. Онъ явился утѣшителемъ для тѣхъ самыхъ несчастныхъ, которые пришли нарушить тишину его царства.

Въ слѣдующемъ разсказѣ мы увидимъ, какъ этотъ знаменитый государь довершилъ великое дѣло борьбы своей съ Наполеономъ, какъ сокрушилъ надменное могущество его и возвратилъ престолы европейскіе законнымъ владѣтелямъ ихъ.

АЛЕКСАНДРЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

Труденъ былъ подвигъ, на который рѣшался Александръ: *освободить порабощенную Европу*,—но счастіе многихъ народовъ зависѣло отъ этой рѣшимости и великодушное сердце его не могло медлить: войска русскія послѣ чудесъ храбрости, оказанныхъ ими въ отечествѣ, получили повелѣніе перейти за границу. Тамъ все еще покорно было власти Наполеона, исключая Англіи, Швеціи и Испаніи, но всѣ онѣ были такъ далеко отъ Россіи, что не могли принимать дѣятельнаго участія въ великомъ намѣреніи ея—низвергнуть несправедливое владычество Наполеона. И такъ, она должна была выступить одна на славный подвигъ, и ей одной принадлежала вся честь его.

Первая соединившаяся съ нею союзница была Пруссія. Долго терзаемые самовластіемъ Наполеона, пруссаки наконецъ рѣшились послѣдовать примѣру испанцевъ и русскихъ: поголовное ополченіе ихъ на утѣснителей отечества можно было назвать сигналомъ къ всеобщему возстанію народовъ противъ французовъ. 3-го марта въ Бреславлѣ возобновленъ былъ союзъ Александра съ королемъ прусскимъ, и съ этихъ поръ оба государя были почти неразлучны. Они не поколебались при торжественныхъ объявленіяхъ французовъ о томъ, что Наполеонъ въ скоромъ времени возвратится изъ Франціи съ новою 250,000 арміею, и исполненные высокой цѣли своей, освободить Европу, рѣшились идти впередъ.

Въ это время между всѣми государствами Европы важнѣйшее мѣсто занимала Австрія: силы ея не были истощены минувшею войною съ Россіею и потому судьба начинавшейся великой борьбы много зависѣла оттого, на

чью сторону Австрія склонится. Прежде всего она приняла на себя посредничество: императоръ Францъ предложилъ зятю своему склонить императора русскаго къ миру. Но Наполеонъ, надменный и въ самомъ несчастіи своемъ, отвергнулъ это посредничество и, увѣренный, что тесть его никогда не рѣшится взять сторону его соперника, гордо отвѣчалъ на предложеніе его, что онъ самъ ведетъ переговоры съ друзьями и непріятелями своими, и что скоро принудитъ русскихъ къ миру.

Послѣ такого отвѣта Австрія начала усиливать свои арміи, но намѣренія ея не были извѣстны до тѣхъ поръ, пока успѣхи союзниковъ были сомнительны. Главною причиною, которой русскіе приписывали этотъ неуспѣхъ, была смерть спасителя Россіи, славнаго вождя ея воинства, фельдмаршала Кутузова. 16-го апрѣля она горестно поразила не только русскихъ, но и всю союзную армію. Фельдмаршалъ прибылъ 6-го числа этого мѣсяца вмѣстѣ съ войскомъ въ прусскій городокъ Бунцлау и не имѣлъ уже силы выѣхать изъ него. Съ сокрушеннымъ сердцемъ и какъ бы съ предчувствіемъ кончины своей, онъ чрезъ четыре дня потомъ отпустилъ армію въ дальнѣйшій путь, а самъ остался больной сильною простудою въ постели и черезъ недѣлю потомъ скончался. Тѣло его со всѣми возможными почестями привезено было въ Петербургъ и погребено въ соборѣ Казанской Божіей Матери, украшенномъ трофеями побѣдъ его. Тамъ, осѣненный знаменами, отнятыми подъ начальствомъ его, хранимый божественнымъ покровомъ Св. Дѣвы, которой изображеніе сіяетъ надъ тихою могилою его и свѣтомъ неугасаемой лампады своей освѣщаетъ ее, тамъ покоится онъ сладкимъ сномъ смертнаго, совершившаго на землѣ славное назначеніе свое. Входя въ эту церковь, милыя дѣти, подойдите съ благоговѣніемъ къ этой гробницѣ, священной для каждаго русскаго.

Есть еще памятникъ князю Смоленскому: его соорудилъ король прусскій въ томъ самомъ городѣ, гдѣ скончался фельдмаршалъ: въ Бунцлау. На немъ сдѣлана слѣдующая надпись на русскомъ языкѣ: «До сихъ мѣстъ князь Кутузовъ-Смоленскій довелъ побѣдоносныя россій-

скія войска; но здѣсь смерть положила предѣлъ славнымъ днямъ его. Онъ спасъ отечество свое и отверзъ путь къ избавленію Европы; да будетъ благословенна память героя».

До самой кончины фельдмаршала успѣхи русскихъ и потомъ соединившихся съ ними прусскихъ войскъ шли довольно счастливо. 20-го января поляки и защитники ихъ, французы, сдали Варшаву русскимъ, находившимся подъ начальствомъ Милорадовича. Чтобъ показать читателямъ духъ, въ которомъ русскіе производили свои завоеванія, довольно разсказать о томъ, какой отвѣтъ далъ Милорадовичъ депутатамъ Варшавы, вручившимъ ему ключи ея съ мольбою о пощадѣ этого столь много виновнаго передъ русскими города: «Церкви и законы ваши останутся неприкосновенными и государь, изъ особеннаго покровительства къ Варшавѣ, освобождаетъ ее отъ постоя. Императоръ не желаетъ проливать кровь за кровь и платить разрушеніемъ за разрушеніе; даже для самыхъ виновныхъ отложилъ онъ судъ свой, карая ихъ одною милостію».

Прочитавъ съ удивленіемъ къ Александру эти слова, сказанныя генераломъ его народу, жестоко оскорбившему достоинство Россіи, вы, милые читатели, вѣроятно, съ удовольствіемъ прочитаете слова другого генерала русскаго. Это донесеніе графа Витгенштейна князю Смоленскому, писанное 27-го февраля, въ тотъ день, когда онъ вступилъ въ Берлинъ. Король прусскій тогда еще не былъ союзникомъ государя нашего. «Дружескій пріемъ жителей былъ неописанный. Принцъ Гейнрихъ, окруженный генералами, выѣхалъ ко мнѣ навстрѣчу за четыре версты отъ заставы, и все это пространство было покрыто несчетнымъ множествомъ всякаго званія людей. Въ самомъ городѣ кровли, заборы, окна домовъ были наполнены зрителями, и въ продолженіе нашего шествія изо ста тысячъ устъ раздавались восклицанія: «*Да здравствуетъ Александръ, нашъ избавитель!*» На всѣхъ лицахъ видны были чувствованія живѣйшей радости. Никакая кисть не въ состояніи выразить этого восхитительнаго зрѣлища, недоставало только присутствія нашего августѣйшаго монарха».

Такой же пріемъ сдѣланъ былъ русскимъ войскамъ,

чрезъ нѣсколько дней потомъ, въ Гамбургѣ, также освобожденномъ ими отъ власти французовъ, болѣе семи лѣтъ угнетавшей ихъ.

Въ Силезію русскіе вступили уже вмѣстѣ съ пруссаками, т. е. послѣ заключенія союза между Александромъ и Фридрихомъ-Вильгельмомъ. Необыкновенное усердіе показали и жители Силезіи. Въ городахъ ея духовенство встрѣчало государя нашего съ крестами, дѣвушки осыпали дорогу его цвѣтами, народъ безпрестанно толпился на улицахъ. Предъ домомъ, гдѣ остановился онъ въ первомъ городѣ Силезіи, Миличѣ, построены были двѣ пирамиды съ надписью: «*нѣмцы русскимъ*». При видѣ фельдмаршала, толпы народныя кричали: «*Vivat der grosse Alte! Vivat unser Grossvater Kutusow!*»

О пріемѣ, сдѣланномъ войскамъ нашимъ въ Силезіи, Кутузовъ съ восторгомъ писалъ къ друзьямъ своимъ. Это было незадолго до кончины его. Первое важное сраженіе союзниковъ съ французами было уже послѣ этой кончины, 2-го мая, близъ Люцена. Императоръ Александръ и король прусскій лично участвовали въ немъ; Наполеонъ также. Побѣда склонилась на сторону послѣдняго и хотя онъ ничего не выигралъ ею, но гордость его была опять до того вознесена этимъ возвращеніемъ счастья, что, говоря о посредничествѣ австрійцевъ, все еще старавшихся о мирѣ, онъ сказалъ одному изъ приближенныхъ къ себѣ министровъ: «Если они мнѣ наскучатъ, то я, во что бы то ни стало, заключу отдѣльный миръ съ Александромъ и тогда мы справимся съ гг. австрійцами». Эти оскорбительныя слова дошли до императора австрійскаго и можетъ быть рѣшили его взять, наконецъ, сторону союзныхъ государей. Но онъ еще не такъ скоро объявилъ свою рѣшимость и прежде употребилъ послѣднія усилія, чтобы всѣхъ склонить къ миру. Заключенное около этого времени перемиріе подавало ему удобный къ тому случай. Однакожъ старанія его были напрасны: Наполеонъ не соглашался на уступки, какихъ требовали отъ Франціи союзники для заключенія мира; онъ не встревожился даже мыслію, что Австрія можетъ перейти на сторону его непріятелей и съ надменностію отвергъ всѣ предложенія и

императора тестя своего, и другихъ государей. Тогда-то Францъ I, заботясь о сохраненіи достоинства имперіи своей, — достоинства, такъ часто оскорбляемаго Наполеономъ, приступилъ къ союзу Россіи и Пруссіи и, подобно имъ, объявилъ войну Франціи.

Эта война, которую можно было назвать теперь *войною всей Европы*, началась съ окончаніемъ перемирія, 30-го іюля. Армій было теперь три: первая—главная или богемская, состоявшая изъ 250,000 человѣкъ, подъ начальствомъ австрійскаго фельдмаршала князя Шварценберга; вторая—прусская, изъ 80,000, подъ начальствомъ прусскаго генерала Блюхера и, наконецъ, третья—сѣверная, изъ 70,000 человѣкъ, подъ начальствомъ шведскаго наслѣднаго принца. Въ каждой изъ этихъ армій была часть русскихъ войскъ и, кромѣ того, 40,000-й корпусъ ихъ шелъ въ Германію подъ командою Беннигсена.

Знаменитое сраженіе при Дрезденѣ открыло войну. Оно такъ же, какъ и Люценское, кончилось въ пользу Наполеона, но такъ же, какъ и при Люценѣ, онъ не извлекъ никакихъ выгодъ изъ своей побѣды и, напротивъ того, чрезъ три дня потомъ, 18-го августа, въ сраженіи при *Кульмѣ*, потерялъ и малѣйшіе плоды ея. Здѣсь отличилась небольшая часть или, точнѣе сказать, одна дивизія русской гвардіи, которая подъ начальствомъ графа *Остермана-Толстого* и генерала *Дибича*, въ числѣ 8,000 человѣкъ, держалась въ теченіе цѣлаго дня противъ 30,000 корпуса Наполеона. Наконецъ, только къ вечеру подошли въ подкрѣпленіе русскимъ—пруссаки и соединенное войско одержало совершенную побѣду надъ французами, которые потеряли въ этотъ день 12,000 плѣнныхъ (въ этомъ числѣ были четыре генерала и корпусный начальникъ *Вандамъ*), нѣсколько знаменъ, 84 орудія и весь обозъ.

Побѣда при Кульмѣ была особенно пріятна для императора Александра, потому что это была первая совершенная побѣда, при которой онъ лично присутствовалъ и которую имѣлъ полное право приписать себѣ: мысль къ нападенію на корпусъ Вандама принадлежала Остерману и большая часть войскъ, бывшихъ въ дѣлѣ, были русскія. Въ память этой побѣды и въ доказательство благодарности

своей къ храбрымъ воинамъ, такъ часто отличавшимся въ то славное для русскихъ время, Александръ учредилъ комитетъ для вспомоществованія и успокоенія всѣхъ раненыхъ, не имѣвшихъ достатка и нуждавшихся въ содержаніи. Этотъ комитетъ, долженствующій безчисленными благодѣяніями, проливаемыми имъ на заслуженныхъ воиновъ, свидѣтельствовать и позднѣйшимъ потомкамъ о признательности Александра, извѣстенъ подъ именемъ *комитета 18-го августа,*—день сраженія Кульмскаго.

Сраженіе при Кульмѣ примѣчательно еще и потому, что вмѣстѣ съ нимъ окончились всѣ успѣхи Наполеона: можно сказать, что съ этихъ поръ счастіе совершенно оставило прежняго любимца своего. Примѣру счастія, казалось, послѣдовали и союзники его: владѣтели германскіе, одинъ за другимъ, начали оставлять его знамена. Первые, рѣшившіеся на это, были короли: баварскій, виртембергскій и великій герцогъ баденскій. Въ Саксоніи и Вестфаліи только короли были еще покорны ему, но народы ихъ перешли уже на сторону союзниковъ.

Между тѣмъ войско, вновь собранное Наполеономъ, сошлось въ окрестностяхъ Лейпцига. Это подало императору Александру мысль окружить со всѣхъ сторонъ непріятеля и однимъ ударомъ побѣдить его совершенно. Государь нашъ могъ быть увѣренъ въ мужествѣ всего войска: здѣсь готовилась къ битвѣ за независимость свою почти вся Германія. Ужасно было сраженіе Лейпцигское! Три дня—5-го, 6-го и 7-го октября—продолжалось оно. Три дня не переставали гремѣть 2,000 орудій, не переставали биться около 500,000 воиновъ на пространствѣ одной мили! Обѣ стороны были одушевлены необыкновеннымъ мужествомъ: союзники защищали права угнетенныхъ народовъ; Наполеонъ—свою великую славу, близкую съ совершенному паденію. Первые одержали побѣду, и столь полную, что всѣ новыя силы Наполеона, собранныя послѣ гибельнаго для него похода въ Россію, были уничтожены: изъ 300,000 арміи, выставленной снова Франціею безжалостному повелителю ея, едва 70,000 человѣкъ спаслись изъ Лейпцига и устремились, быстро отступая, въ отечество. Эта отступленіе представляло картину, похожую на ту, какую за

годъ передъ тѣмъ видѣли русскіе при бѣгствѣ французовъ изъ Москвы: голодъ и болѣзни и здѣсь, такъ же какъ и тамъ, съ каждымъ днемъ уменьшали несчастное войско Наполеона, такъ что, выдержавъ еще одно сраженіе при *Ганау*, онъ привелъ съ собою во Францію не болѣе 40,000 человѣкъ.

Лейпцигское сраженіе, послѣднее въ войнѣ 1813 года, произвело рѣшительную перемѣну въ судьбѣ Наполеона: послѣдніе подвластные ему государи и государства оставили его. Король датскій, долго и искренно преданный ему, отказался отъ него; Голландія свергла насильственное владычество Франціи и призвала на престолъ свой принцевъ Оранскихъ; наконецъ, даже и неаполитанскій король, обязанный всѣмъ величіемъ своимъ императору французовъ, уѣхалъ въ Италію, чтобы на свободѣ размышлять о томъ, какимъ образомъ оставить прежняго благодѣтеля своего.

Покинутый такимъ образомъ всѣми, Наполеонъ не имѣлъ утѣшенія и въ извѣстіяхъ изъ Испаніи, гдѣ все еще бились войска его: начальникъ англичанъ, помогавшихъ испанцамъ, лордъ Веллингтонъ безпрестанно поражалъ французовъ и быстро уничтожалъ беззаконное владычество въ ней императора ихъ.

Такъ окончился 1813 годъ. Съ началомъ 1814 года союзники, по плану войны, начавшейся въ самой Франціи,—плану, начертанному императоромъ Александромъ и утвержденному всѣми союзниками его,—спѣшили перейти за Рейнъ, въ предѣлы Франціи. Главные корпуса русскіе, находившіеся подъ личнымъ предводительствомъ государя, сдѣлали этотъ переходъ въ самый день новаго года. Фельдмаршалъ Блюхеръ, одинъ изъ непримиримѣйшихъ непріятелей Наполеона, горѣвшій желаніемъ отмстить французамъ за оскорбленное ими отечество его, Пруссію, перешелъ Рейнъ также въ день новаго года, но по другому стилю.

И такъ, два раза грозно отпраздновалось для Наполеона начало 1814 года, но онъ не показывалъ унынія, не показывалъ болѣе готовности къ миру, нежели прежде, и, не смотря на ропотъ всей Франціи, истерзанной двумя не-

удачными войнами, на слезы семействъ, изъ которыхъ почти въ каждомъ оплакивали потерю или отца, или брата, или сына — отдалъ приказаніе набирать снова войско, старался возбуждать народъ къ общему возстанію, даже посылалъ для того сенаторовъ въ разныя области, но старанія его были напрасны; энтузіазмъ французовъ къ прежнему герою ихъ миновался и они всѣ желали мира, тѣмъ болѣе, что поступки союзныхъ государей и особенно главнаго изъ нихъ, императора русскаго, внушали имъ чрезвычайную довѣренность. И кто бы не почувствовалъ довѣренности къ Александру, прочитавъ слѣдующее воззваніе его къ воинамъ при вступленіи ихъ въ предѣлы Франціи:

«Воины! Мужество и храбрость ваши привели васъ отъ Оки на Рейнъ. Они ведутъ насъ далѣе. Мы переходимъ за оный, вступаемъ въ предѣлы той земли, съ которою ведемъ кровопролитную, жестокую войну. Мы уже спасли, прославили отечество свое, возвратили Европѣ свободу ея и независимость. Остается увѣнчать великій подвигъ сей желаемымъ миромъ. Да водворится на всемъ шарѣ земномъ спокойствіе и тишина! Да будетъ каждое царство подъ единою собственнаго правителя своего властію и законами благополучно! Да процвѣтаютъ въ каждой землѣ, ко всеобщему благоденствію народовъ, вѣра, языкъ, науки, художества и торговля. Сіе есть намѣреніе наше, а не продолженіе брани и разоренія. Непріятели, вступя въ средину царства нашего, нанесли намъ много зла, но и претерпѣли страшную казнь. Гнѣвъ Божій поразилъ ихъ. Не уподобимся имъ: человѣколюбивому Богу не можетъ быть угодно безчеловѣчіе и звѣрство. Забудемъ дѣла ихъ; понесемъ къ нимъ не месть и злобу, но дружелюбіе и простертую для примиренія руку. Слава россіянина—низвергать ополченнаго врага и, по исторженіи изъ рукъ его оружія, благодѣтельствовать ему и мирнымъ его собратіямъ. Сему научаетъ насъ свято-почитаемая въ душахъ нашихъ православная вѣра: она божественными устами вѣщаетъ намъ: *любите враги наши и ненавидящимъ васъ творите добро*. Воины! Я несомнѣнно увѣренъ, что вы, кроткимъ поведеніемъ своимъ въ землѣ непріятельской, столько же побѣдите ее великодушіемъ своимъ, сколько оружіемъ, и, со-

единяя въ себѣ храбрость воина противъ вооруженныхъ, съ благочестіемъ христіанина противъ безоружныхъ, довершите многотрудные подвиги свои сохраненіемъ пріобрѣтенной уже вами славы мужественнаго и добронравнаго народа. Вы ускорите чрезъ то достигнуть конца желаній нашихъ—всеобщаго мира. Я увѣренъ также, что начальствующіе надъ вами не оставятъ взять нужныхъ для сего и строгихъ мѣръ, дабы несогласные съ нимъ поступки нѣкоторыхъ изъ васъ не помрачили къ общему нашему прискорбію того добраго имени, которымъ вы доселѣ по справедливости славитесь».

Однакожъ, не смотря на расположеніе большей части французовъ къ императору Александру, война 1814 года въ предѣлахъ Франціи началась довольно успѣшно для Наполеона: ему удалось выиграть нѣсколько сраженій у прусскаго фельдмаршала Блюхера, который въ то время былъ боленъ. Это внушило ему снова столько увѣренности, что онъ опять отвергъ всѣ предложенія союзныхъ государей, еще разъ согласившихся помириться съ нимъ на условіяхъ, которыя не могли назваться иначе, какъ выгодными для Наполеона въ тогдашнихъ его обстоятельствахъ. Эти условія заключались въ томъ, чтобы императоръ французовъ отказался отъ всѣхъ пріобрѣтеній, сдѣланныхъ Франціею съ 1792 года, и отъ всякаго вліянія на области, составлявшія эти пріобрѣтенія, т. е. на Испанію, Италію, Рейнскій союзъ и Швейцарію. Такая жертва казалась слишкомъ великою для честолюбія Наполеона, и, отказавшись отъ нея, онъ навсегда погубилъ себя: союзные государи увидѣли необходимость избавить Европу отъ непреклоннаго утѣснителя ея. Здѣсь прекрасно является великодушіе императора австрійскаго, который во второй разъ имѣлъ твердость счастьемъ дочери своей пожертвовать спокойствію народовъ. Онъ согласился на то, чтобы зять и внукъ его были лишены престола французскаго.

Когда союзники рѣшались на эту послѣднюю мѣру, совѣщанія о мирѣ, происходившія въ городѣ Шатильонѣ, прекратились. Между тѣмъ военныя дѣйствія не останавливались во все время продолженія ихъ. Въ первыхъ числахъ марта перемѣнился только планъ ихъ. Наполе-

онъ, оставивъ Блюхера, бывшаго долгое время предметомъ нападеній его, обратилъ всѣ силы свои на то, чтобы разбить по частямъ арміи сподвижниковъ. Полководецъ столь опытный, какъ Наполеонъ, легко могъ бы сдѣлать это, еслибы императоръ Александръ не поспѣшилъ соединить разрозненныя части главной арміи и не принялъ дѣятельнаго участія въ распоряженіяхъ военными дѣлами. Главнымъ начальникомъ всѣхъ войскъ сдѣланъ былъ, съ общаго согласія союзныхъ государей, австрійскій фельдмаршалъ князь Шварценбергъ. Извѣстно, что необыкновенная медленность почти всегда отличала военныя распоряженія австрійцевъ. Такъ случилось и въ этотъ разъ: нерѣшительность князя Шварценберга и другихъ генераловъ, составлявшихъ военный совѣтъ его, была удивительна. Они, казалось, вовсе не думали о томъ, что Наполеонъ, находясь въ собственномъ государствѣ своемъ, имѣетъ гораздо болѣе средствъ вредить непріятелямъ, нежели они ему, и безпечно оставались въ главной квартирѣ при селеніи Арсисѣ, откладывая со дня на день нападеніе на войска французскія до тѣхъ поръ, пока 6-го марта императоръ Александръ пріѣхалъ въ Арсисъ. Всѣ, начиная съ самого князя Шварценберга, больного подагрою, были рады этому пріѣзду, какъ будто пробудившему отъ сна австрійцевъ. Князь Шварценбергъ такъ оживленъ былъ присутствіемъ молодого, мужественнаго и смѣлаго государя нашего, что на другой же день рѣшился перемѣнить оборонительное положеніе свое на наступательное, т. е. рѣшился не только защищаться отъ нападеній, но и сдѣлать нападеніе, чтобы не допустить Наполеона разбить поодиночкѣ корпуса союзниковъ. 7-го марта онъ началъ военныя дѣйствія и располагался дать большое сраженіе при Арсисѣ, но Наполеонъ уклонился отъ него, и Арсисское сраженіе осталось примѣчательно только тѣмъ, что здѣсь въ послѣдній разъ встрѣтились Александръ и Наполеонъ.

Когда Наполеонъ, не принявъ сраженія при Арсисѣ, отступилъ, всѣ думали, что это отступленіе онъ дѣлаетъ къ Парижу, чтобы защищать главное мѣсто государства, источникъ силы и могущества своего; но, къ удивленію

всѣхъ, онъ пошелъ въ другую сторону, какъ будто бы думая напасть на тѣ корпуса непріятельскихъ войскъ, которые оставались еще отдѣленными отъ главной арміи ихъ. Эта была военная хитрость, которою Наполеонъ думалъ спасти Парижъ, увлекши за собой войско союзниковъ. Но прежній страхъ къ имени знаменитаго завоевателя уже исчезъ: союзные государи, въ числѣ которыхъ и въ этомъ случаѣ первымъ былъ Александръ, не остановились на мысли преслѣдовать Наполеона со всѣми своими войсками, но, отплативъ хитростію за хитрость, отправили за нимъ только небольшую часть ихъ, съ приказаніемъ слѣдовать за непріятелемъ такимъ образомъ, какъ будто бы за нимъ шло все войско. Наполеонъ повѣрилъ, а союзные государи между тѣмъ вели главную армію къ Парижу и отдали приказаніе фельдмаршалу Блюхеру сдѣлать то же съ своею. 16-го марта назначено было имъ соединиться въ окрестностяхъ Парижа, а 17-го вмѣстѣ подступить къ нему.

Прежде нежели совершилось это соединеніе, главная армія должна была встрѣтиться съ корпусами французскихъ маршаловъ Мармона и Мортье, оставленными для защиты Парижа, и имѣть съ ними сраженіе. Оно происходило при *Феръ-Шампенуазъ* и покрыло славою русскихъ, и въ особенности великаго князя цесаревича Константина Павловича. Сдѣсь кстати сказать читателямъ моимъ, что не только онъ, сподвижникъ Суворова на высотахъ Альпійскихъ и въ Италіи, участвовалъ въ тогдашней войнѣ съ Наполеономъ, но даже и великіе князья Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ въ это время успѣли уже выпросить у августѣйшей родительницы своей давно желаемое позволеніе пріѣхать въ армію. Судьба, однакожъ, не хотѣла, чтобы юношескіе дни ихъ подверглись малѣйшей опасности: они пріѣхали во Францію тогда, когда уже войска союзниковъ были на дорогѣ къ Парижу, и эта дорога, по причинѣ непріятелей, могущихъ встрѣтиться на ней, сдѣлалась опасною. Государь послалъ извѣстить объ этомъ великихъ князей. Посланный встрѣтилъ ихъ въ мѣстечкѣ *Везулъ,* уже на французской сторонѣ Рейна. Съ большимъ огорченіемъ узнали они о невозможности продолжать пу-

тешествіе свое въ армію и возвратились изъ Везуля въ Базель, въ которомъ оставались до вступленія союзныхъ войскъ въ Парижъ.

Это вступленіе не было слишкомъ легкимъ дѣломъ для союзниковъ; войска, оставшіяся въ Парижѣ, и корпусы маршаловъ Мармона и Мортье, отступавшіе передъ непріятелями до самыхъ стѣнъ столицы, защищались съ неустрашимымъ мужествомъ. Ихъ умолялъ о томъ братъ Наполеона Іосифъ, оставленный главнымъ начальникомъ и, въ случаѣ нападенія непріятелей, главнымъ защитникомъ Парижа. Чтобы показать, до какой степени Іосифъ расположенъ былъ противиться союзнымъ войскамъ, надобно разсказать, какъ встрѣченъ былъ французами офицеръ, посланный отъ государя съ первыми мирными предложеніями. Это былъ флигель-адъютантъ *Орловъ*. Отправляя его, государь сказалъ слѣдующія примѣчательныя слова: «Поѣзжай. Для предупрежденія кровопролитія уполномочиваю тебя прекратить огонь вездѣ, гдѣ надобно и, безъ всякой отвѣтственности остановить самыя рѣшительныя атаки, даже побѣду. Парижъ, лишенный своихъ блуждающихъ защитниковъ и своего великаго человѣка, не можетъ устоять: я въ этомъ убѣжденъ. Но, даровавъ мнѣ силу и побѣду, Богу угодно, чтобъ я употреблялъ ихъ для мира и спокойствія вселенной. Если можемъ достигнуть этого безъ боя, тѣмъ лучше; если нѣтъ, то уступимъ необходимости и будемъ сражаться. Доброю ли волею или силою, на штыкахъ или церемоніальнымъ маршемъ, на развалинахъ или въ чертогахъ, но сегодня же Европа должна ночевать въ Парижѣ».

Но Орловъ не могъ исполнить порученія государя; во всѣхъ мѣстахъ цѣпи непріятельской его встрѣчали ружейные выстрѣлы, такъ что онъ долженъ былъ возвратиться, не начавъ переговоровъ, и французы только тогда рѣшились просить пощады, когда войско союзниковъ, въ числѣ которыхъ главную и бо̀льшую часть составляли въ этотъ день русскіе, принудили ихъ къ тому упорною битвою на высотахъ, окружающихъ Парижъ. Генералы, отличившіеся въ этой битвѣ, были: *Барклай-де-Толли*, *Ланжеронъ*, *графъ Милорадовичъ* и *Раевскій*.

Въ то время, когда маршалы Мортье и Мармонъ принуждены были просить пощады, главнаго начальника Парижа Іосифа Бонапарте не было уже тамъ: оставаясь на высотахъ Монмартра, гдѣ происходило главное сраженіе, до тѣхъ поръ, пока показалась вдали армія Блюхера, шедшая на условленное соединеніе подъ стѣнами Парижа, онъ выѣхалъ изъ столицы, оставивъ маршаламъ слѣдующую записку, писанную въ то самое время, когда приближающееся новое войско союзниковъ убѣдило его въ невозможности противиться долѣе могуществу, стремившемуся покорить французовъ: «Если господа маршалы Мортье и Мармонъ не могутъ удержаться на позиціи, то разрѣшаю имъ вступить въ переговоры съ россійскимъ императоромъ и княземъ Шварценбергомъ, которые передъ ними. Войскамъ отступить въ Луару».

Эта записка рѣшила судьбу Парижа. Офицеръ, посланный Мармономъ просить о прекращеніи военныхъ дѣйствій и согласія на перемиріе, приведенъ былъ къ государю нашему на гору Роменвильскую въ ту самую минуту, когда его величество намѣревался отдать гвардіи своей повелѣніе идти впередъ, чтобы встрѣтить побѣду, которая уже носилась надъ воинствомъ русскимъ вмѣстѣ съ двуглавыми орлами ихъ. Робко приблизился посланный къ Александру и исполнилъ порученіе свое.

Неизъяснимо-сладостна была для государя русскаго эта минута покорности гордыхъ враговъ его! Какъ хорошо вознаграждена была твердость, которую онъ показывалъ во все время борьбы своей съ непріятелемъ, почитаемымъ всѣми непобѣдимымъ! Эта непреклонная твердость была, можетъ быть, главною причиною невѣроятныхъ успѣховъ русскихъ въ войнѣ съ Наполеономъ. Императоръ сохранилъ ее и въ эту послѣднюю минуту, когда принималъ мирныя предложенія парижанъ: его величество сказалъ посланному отъ маршала Мармона, что соглашается на просьбу его остановить сраженіе, но съ условіемъ, чтобы Парижъ былъ сданъ, «*иначе,*—прибавилъ онъ,—къ вечеру не узнаютъ мѣста, гдѣ была ваша столица». Такая рѣшительность заставила маршаловъ не медлить отвѣтомъ и не предлагать слишкомъ затруднительныхъ условій сдачи. Они испросили

только дозволеніе выйти со всѣми войсками изъ Парижа и идти съ ними по дорогѣ, какую сами изберутъ себѣ. Почти во всемъ прочемъ городъ предоставлялся великодушію союзныхъ государей, — великодушію, вполнѣ оправданному, особенно со стороны русскихъ войскъ: величайшій порядокъ и подчиненность сохранялись у нихъ до такой степени, что нельзя было подумать, чтобы солдаты вступили въ столицу того самаго народа, который, не болѣе какъ за годъ передъ тѣмъ, безжалостно сокрушалъ церкви и жилища, умерщвлялъ женъ и дѣтей ихъ.

Но взглянемъ на это вступленіе; оно представитъ вамъ, милые читатели, прекрасную и самую пріятную для русскаго картину. 19-го марта былъ знаменитый день, назначенный для того. Не только рано утромъ начались приготовленія, но даже всю ночь большая часть войска не спала отъ нетерпѣнія увидѣть славную цѣль своихъ трудныхъ походовъ. Государь ночевалъ въ за̀мкѣ Бонди, находящемся въ окрестностяхъ Парижа. Въ 8 часовъ утра онъ выѣхалъ оттуда. Король прусскій и гвардія русская встрѣтили его на дорогѣ, а въ трехъ верстахъ отъ Парижа—многіе изъ жителей. Всѣ стремились видѣть Александра, всѣ спрашивали: гдѣ онъ? и, увидѣвъ его, не могли налюбоваться его прекрасною наружностію, надивиться его увлекательной привѣтливости. Восхищеніе, съ которымъ парижане смотрѣли на императора русскаго, было такъ велико, что многіе изъ нихъ на торжественной встрѣчѣ кричали ему: «Царствуйте надъ нами, или дайте намъ монарха, который былъ бы на васъ похожъ!»

Съ удивленіемъ смотрѣли они также и на русскія войска: ихъ веселый видъ, порядокъ и даже какая-то щеголеватость въ одеждѣ, образованность и ласковость офицеровъ поражали французовъ до такой степени, что они не разъ говорили русскимъ: «Вы не русскіе, вы вѣрно эмигранты!»

Все это, вмѣстѣ съ восклицаніями: «да здравствуетъ Александръ! да здравствуютъ русскіе!» раздавалось со всѣхъ сторонъ 19-го марта, когда союзныя войска проходили по улицамъ парижскимъ, и во все время пребыванія ихъ въ Парижѣ французы показывали къ русскимъ гораздо болѣе довѣренности, и даже какого-то радушія и любви, нежели

къ австрійцамъ и пруссакамъ: они видѣли только въ императорѣ Александрѣ и его воинахъ спасителей своихъ отъ тѣхъ бѣдствій, какія заставилъ ихъ вытерпѣть Наполеонъ въ послѣднее время своего владычества, и ему представилъ сенатъ французскій опредѣленіе, которымъ лишилъ Наполеона престола.

Отвѣтъ государя сенаторамъ, представившимъ это опредѣленіе, былъ слѣдующій: «Человѣкъ, называвшійся моимъ союзникомъ, напалъ на мое государство несправедливымъ образомъ, а посему я веду войну съ нимъ, а не съ Франціей. Я другъ французовъ. Настоящій вашъ поступокъ, коимъ вы лишили престола Наполеона и его семейства, еще болѣе связуетъ меня съ вами. Благоразуміе требуетъ, чтобы во Франціи учреждено было правительство на основаніяхъ твердыхъ и согласныхъ съ настоящимъ просвѣщеніемъ сего государства. Союзники мои и я будемъ покровительствовать свободу вашихъ засѣданій».

Опредѣленіе сената и отвѣтъ Александра были роковыми ударами, рѣшившими судьбу Наполеона: до обнародованія ихъ никто не зналъ, какія будутъ послѣдствія побѣдъ союзниковъ. Теперь сдѣлалось извѣстно, что престолъ французскій долженъ возвратиться законнымъ владѣтелямъ, и братъ Людовика XVI, Людовикъ XVIII, тогда же признанъ былъ королемъ французскимъ. 22-го апрѣля онъ пріѣхалъ въ Парижъ и встрѣченъ былъ жителями съ живѣйшимъ восторгомъ. 18-го мая заключенъ былъ всеобщій миръ, по условіямъ котораго Франція вошла въ тѣ самыя границы, какія она имѣла до 1791 года, т. е. до начала революціи ея. Всѣ государства, оскорбленныя ею, получили удовлетвореніе. Испанія возвращена была ея законному государю; Голландія обращена въ королевство; папа, все еще находившійся въ плѣну, возвратилъ вмѣстѣ съ свободою и священный престолъ свой. Прочія же государства, болѣе или менѣе пострадавшія отъ владычества Наполеона, еще не были устроены трактатомъ 18-го мая: для нихъ и вообще для всего, что требовало устройства послѣ ужаснаго переворота, произведеннаго опустошительнымъ геніемъ Наполеона, назначенъ былъ особенный конгресъ, долженствовавшій собраться въ Вѣнѣ.

Возстановляя Бурбоновъ на тронѣ Франціи, союзные государи въ то же время окончательно рѣшили все, что касалось до будущаго существованія Наполеона: ему предоставлено было съ сохраненіемъ титула императора избрать для жительства какую либо отдаленную отъ Франціи область. Онъ избралъ островъ Эльбу и 10-го апрѣля, за 11 дней до прибытія въ Парижъ Людовика XVIII, отправился туда изъ дворца своего Фонтенбло, куда пріѣхалъ въ тотъ же день, какъ союзные государи вступили въ Парижъ.

Когда все такимъ образомъ приведено было въ порядокъ, котораго необходимо требовали обстоятельства, великодушный примиритель царей и Европы, добрый, навѣки незабвенный для французовъ Александръ, отправился черезъ три дня послѣ заключенія знаменитаго мира, т. е. 21-го мая, посѣтить Англію. Восторгъ, возбуждаемый именемъ его въ это время, былъ повсемѣстный: англичане не находили словъ къ изъявленію его при видѣ *избавителя Европы*—такъ обыкновенно называли Александра,—и во все время пребыванія его въ Лондонѣ (съ 25-го мая по 11-е іюня) праздники и общее веселіе не переставали. Точно также принятъ былъ Александръ и въ Голландіи, куда онъ пріѣхалъ изъ Англіи. Наконецъ, въ половинѣ іюня, онъ возвратился въ сѣверную столицу свою, послѣ отсутствія, продолжавшагося полтора года. Здѣсь-то надобно было видѣть восторгъ народа! Здѣсь-то надобно было оцѣнить любовь, какую внушалъ Александръ! У Казанскаго собора, куда государи наши имѣютъ обыкновеніе пріѣзжать, возвращаясь изъ путешествій своихъ, толпы народа явились задолго до пріѣзда его, чтобы встрѣтить несравненнаго государя своего и поздравить его съ пріѣздомъ. Всегда снисходительный и ласковый, онъ смиренно принялъ пылкія и шумныя изъявленія радости дѣтей своихъ; они безумолкно кричали громкое ура свое, окружали экипажъ, останавливали государя при входѣ въ церковь, цѣловали его ноги и одежду.

Искренняя любовь и преданность всѣхъ сословій народа къ Александру выразилась чрезъ нѣсколько дней потомъ гораздо возвышеннѣе и сильнѣе: государственный совѣтъ, сvнодъ и сенатъ, исполненные ими въ лицѣ своего

народа, положили поднести государю титулъ Благословеннаго и воздвигнуть ему памятникъ. Они явились къ нему съ этимъ предложеніемъ, но скромный и въ полной мѣрѣ достойный названія *Благословеннаго,* Александръ отказался отъ почести, казавшейся для него пріятною только потому, что она изъявляла чувства къ нему народа. Вотъ достопамятныя слова, въ которыхъ онъ благодарилъ за нее: «Да соорудится мнѣ памятникъ въ чувствахъ вашихъ [1]), какъ оный сооруженъ въ чувствахъ моихъ къ вамъ. Да благословляетъ меня въ сердцахъ своихъ народъ мой, какъ я въ сердцѣ моемъ благословляю оный! Да благоденствуетъ Россія, и да будетъ надо мною и надъ нею благословеніе Божіе!»

Какъ хорошо выражаютъ эти немногія слова любовь Александра къ подданнымъ его и его благочестіе и смиреніе! Однакожъ, не смотря на то, что онъ отказался отъ названія, столь приличнаго счастливому царствованію его, оно осталось его принадлежностью, и съ драгоцѣннымъ именемъ Александра мы всегда соединять будемъ названіе «Благословеннаго».

Чтобы понять вполнѣ чувства, одушевлявшія русскихъ къ обожаемому государю ихъ, мы представимъ здѣсь нѣсколько стиховъ изъ «*Посланія*», написаннаго къ нему въ то время В. А. Жуковскимъ. Ничто не показываетъ въ немногихъ словахъ такъ отчетливо и прекрасно всѣхъ превосходныхъ свойствъ Благословеннаго царя Россіи, какъ это стихотвореніе, полное высокой поэзіи. Вѣрно отрывокъ, представленный здѣсь, заставитъ читателей отыскать въ сочиненіяхъ знаменитаго поэта нашего этотъ священный гимнъ души, потрясенной высокимъ чувствомъ любви къ царю и отечеству.

---

[1]) Желаніе Благословеннаго исполнилось, и народъ въ чувствахъ своихъ соорудилъ ему памятникъ вѣчный, хотя и невидимый. Но государь императоръ Николай Павловичъ воздвигнулъ въ 1835 году и видимое знаменіе безпредѣльной любви и благодарности Россіи къ Александру—прекрасную Александровскую колонну на площади передъ Зимнимъ дворцомъ государей нашихъ.

. . . .

На лиру съ гордостью подъемлетъ взоръ пѣвецъ...
О дивный вѣкъ, когда пѣвецъ царя—не льстецъ,
Когда хвала—восторгъ, гласъ лиры—гласъ народа,
Когда все сладкое для сердца: честь, свобода,
Великость, слава, миръ, отечество, алтарь,
Все, все слилось въ одно святое слово: царь,
И кто не закипитъ восторгомъ пѣснопѣнья,
Когда и нищета, подъ кровлею забвенья,
Послѣдній бѣдный лептъ за ликъ твой отдаетъ!
О! онъ, какъ друга тѣнь, отрадный свѣтъ ліетъ
Нѣмымъ присутствіемъ въ обители страданья...
Пусть облечетъ во власть святый обрядъ вѣнчанья;
Пусть вѣрности обѣтъ, отечество и честь
Велятъ намъ за царя на жертвы жизнь принесть —
Отъ подданныхъ царю колѣнопреклоненье;
Но дань свободная, дань сердца—уваженье,
Не власти, не вѣнцу, но человѣку дань.
О, царь! не скипетромъ блистающая длань,
Не прахомъ праотцевъ дарованная сила
Тебѣ любовь твоихъ народовъ покорила,
Но трона красота—великая душа;
Безсмертныя дѣла смиренно соверша,
Воззри на твой народъ, простертый предъ тобою;
Благослови его державною рукою;
Тобою предводимъ, со славой перешедъ
Указанный Творцемъ путь опыта и бѣдъ,
Преобразованный, исполненъ жизни новой
По манію царя, на все, на все готовый—
Довѣренность, любовь и благодарность онъ
Съ надеждой передъ твой приноситъ царскій тронъ.
Предстатель за царей народъ у Провидѣнья,
О! наши къ небесамъ дойдутъ благословенья:
Повѣрь народу, царь, имъ будешь счастливъ ты.
Поставившій тебя въ семъ блескѣ красоты
Передъ ужасною погибели пучиной,
Побѣдоноснаго надъ грозною судьбиной —
Ужель на краткій мигъ Онъ намъ тебя явилъ?
О, нѣтъ! Онъ нашихъ золъ печатью утвердилъ
Завѣтъ, хранитъ въ тебѣ всѣ блага, намъ священны—
И не обманетъ насъ отъ вѣка Неизмѣнный.
Прими-жъ, въ виду небесъ, свободный нашъ обѣтъ
За благость царскую, краснѣйшую побѣдъ,
За то величіе, въ какомъ явилъ ты міру
Столь древле-славную отцовъ твоихъ порфиру,
За вѣру въ страшный часъ къ народу твоему,
За имя, данное на всѣ вѣка ему —

Здѣсь окружая твой престолъ, Благословенный,
Подъемлемъ руку всѣ въ рукѣ твоей священной,
Какъ предъ ужасною святыней алтаря,
Обѣтъ нашъ предъ ней: все въ жертву за царя.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ государь отправился снова въ чужіе края. Въ это время открылся въ Вѣнѣ назначенный конгрессъ. Въ слѣдующемъ разсказѣ мы увидимъ, какое неожиданное происшествіе случилось прежде нежели совѣщаніе его кончились.

КОНГРЕСЪ ВЪ ВѢНѢ.

1815 годъ.

Никакое описаніе не можетъ дать лучшаго понятія о замѣчательнѣйшемъ времени настоящаго столѣтія,—о времени великаго переворота, произведеннаго русскими въ политическомъ мірѣ Европы низверженіемъ Наполеона, какъ описаніе Вѣнскаго конгреса. Начиная отъ главнаго виновника этого переворота, императора Александра, до самыхъ младшихъ участниковъ въ немъ—герцоговъ и князей союза Рейнскаго, все явилось на знаменитое совѣщаніе, которое своею высокою важностію, своимъ царственнымъ блескомъ, своими необыкновенными праздниками напоминало рыцарскую Германію и великолѣпные сеймы ея. Между всѣми съѣхавшимися владѣтельными государями и другими членами царствующихъ домовъ, первое мѣсто, конечно, занималъ Александръ. Горделивая имперія австрійская, не смотря на всѣ древнія права своего старшинства, уступала на этотъ разъ первенство хотя юной, но такъ хорошо доказавшей могущество свое Россіи. И такъ, можно сказать по справедливости, что съ перваго дня пріѣзда государя въ Вѣну вниманіе всѣхъ обращено было на него и на русскихъ. Пушечные выстрѣлы возвѣстили о прибытіи его, 13-го сентября. Знаменитые вельможи и придворные чины австрійскіе, отличавшіеся всегда своею важностію, теперь, казалось, вовсе позабыли о ней,

и съ непритворнымъ нетерпѣніемъ спѣшили во дворецъ встрѣтить *примирителя Европы*. Между ними обращалъ на себя особенное вниманіе тотъ самый остроумный принцъ де-Линь, который за двадцать восемь лѣтъ передъ тѣмъ былъ однимъ изъ участниковъ знаменитаго путешествія императрицы Екатерины въ Крымъ, и за пятьдесятъ—уже удивлялъ Европу своимъ умомъ и образованностію. Теперь было ему уже около 80 лѣтъ, но, не смотря на эту глубокую старость, онъ бодро и весело явился встрѣчать покрытаго славою внука великой и искренно-любимой имъ государыни. Весело было смотрѣть на этого удивительнаго человѣка, сохранившаго и въ преклонныхъ лѣтахъ всѣ тѣ любезныя качества, которыя дѣлали его избраннымъ человѣкомъ общества столь знаменитыхъ особъ прошедшаго вѣка, каковы были: Великая Екатерина и Великій Фридрихъ. И теперь, при дворѣ Франца I, какъ при дворѣ предшественника его Іосифа, онъ продолжалъ удивлять всѣхъ своимъ веселымъ и любезнымъ нравомъ, своимъ пріятнымъ остроуміемъ. Хотите ли имѣть доказательства послѣдняго? О! вѣрно хотите, потому что вы еще помните, что говорилъ онъ объ умѣ Великой Екатерины? Теперь послушайте, что сказалъ онъ о двухъ внукахъ ея, великихъ княгиняхъ Маріи Павловнѣ и Екатеринѣ Павловнѣ, прибывшихъ также въ Вѣну для свиданія съ августѣйшимъ братомъ и также присутствовавшихъ во дворцѣ, при встрѣчѣ его. «Великая княгиня Марія, — говорилъ принцъ,— привязываетъ къ себѣ сердца, а Екатерина—беретъ ихъ приступомъ».

Такъ знаменитѣйшее изъ царскихъ семействъ Европы, было предметомъ разговора придворныхъ австрійскихъ въ то время, какъ громъ пушекъ возвѣстилъ прибытіе главы его. Прекрасная картина явилась въ эту минуту предъ глазами ожидавшей, нетерпѣливой толпы! Императоръ Александръ и императоръ Францъ, встрѣтившій знаменитаго гостя своего въ самую минуту пріѣзда его, шли рука объ руку между двумя рядами придворныхъ, на лицахъ которыхъ изображалось въ полной мѣрѣ необыкновенное, живѣйшее участіе, внушаемое въ то время Александромъ ка-

ждому, кто только малѣйшимъ образомъ постигалъ важность переворота, произведеннаго имъ въ Европѣ.

За двумя императорами, такъ превосходно доказавшими свой возвышенный образъ мыслей въ настоящемъ положеніи дѣлъ политическихъ, шелъ столь же великодушный въ бѣдствіяхъ, какъ скромный въ счастіи, король прусскій. Онъ велъ обѣихъ прекрасныхъ великихъ княгинь нашихъ. За ними шло нѣсколько королей и множество принцевъ и принцессъ. Вы удивляетесь, милыя дѣти, при этомъ словѣ *множество*. Но оно совершенно справедливо, и чтобы вы имѣли точное понятіе о томъ, какъ велико было число съѣхавшихся по случаю конгреса въ Вѣну лицъ царствующихъ домовъ, надобно назвать вамъ по именамъ всѣхъ тѣхъ особъ, которыя приглашались къ государю, когда онъ давалъ у себя обѣденные столы. Это было въ то время, когда и императрица Елисавета Алексѣевна пріѣхала въ Вѣну, и этимъ пріѣздомъ, не смотря на всю скромность свою, увеличила блескъ двора русскаго и пріятность общества, съѣхавшагося въ столицу Австріи. Вотъ списокъ высокихъ гостей, собиравшихся къ государю и государынѣ:

Императоръ австрійскій. Супруга его. Прусскій король. Датскій король. Виртембергскій король. Баварскій король. Великая княгиня Марія Павловна. Великая княгиня Екатерина Павловна. Наслѣдный австрійскій принцъ. Эрцъ-герцоги: Карлъ, Антонъ, Райнеръ, Палатинъ, Людвигъ, Рудольфъ, Іоаннъ, Фердинандъ. Неаполитанскій принцъ Леопольдъ. Эрцъ-герцогини: Леопольдина, Клементина, Беактриксъ. Герцогъ Альбертъ Саксенъ-Тешенскій. Прусскіе принцы: Вильгельмъ, Августъ. Курфистръ Гессенъ-Кассельскій. Принцъ Гольштейнъ-Бекскій. Баварскій наслѣдный принцъ. Баварскій принцъ Карлъ. Виртембергскій наслѣдный принцъ. Виртембергскій принцъ Фердинандъ. Великій герцогъ Баденскій. Герцогъ Веймарскій. Дармштадтскій наслѣдный принцъ. Герцогъ Кобургскій. Принцесса Турнъ и Таксисъ. Наслѣдный принцъ Мекленбургъ-Стрелицкій. Кобургскіе принцы: Леопольдъ, Фердинандъ. Бывшій вице-король италійскій. Гессенъ-Гомбургскій наслѣдный принцъ. Гессенъ-Гомбургскіе принцы: Фердинандъ,

Людвигъ. Нассаускій герцогъ. Нассаускій наслѣдный принцъ. Принцъ Гессенъ-Филиппстальскій.

Все это знаменитое собраніе вмѣстѣ съ его величествомъ и императрицею Елисаветою Алексѣевною составляло 47 человѣкъ. Кромѣ того, государь всегда приглашалъ на такіе обѣды трехъ находившихся въ Вѣнѣ фельдмаршаловъ: герцога Веллингтона и князей Шварценберга и Вреде.

Узнавъ теперь число участвовавшихъ въ конгресѣ, читатели могутъ представить себѣ, какъ многочисленны и какъ многоразличны были дѣла, представленныя на сужденіе его. Каждый изъ королей и принцевъ имѣлъ какую нибудь просьбу: однимъ надобно было возвратить отнятыя французами земли, другихъ—вознаградить за потерпѣнныя потери, третьихъ — за испытанное униженіе; однимъ словомъ, всѣ явились съ требованіями, которыя согласить надобно было большое искусство. Не смотря на то, совѣщанія Вѣнскаго конгреса достигли цѣли своей во всѣхъ отношеніяхъ: они удовлетворили каждое государство. Имперія австрійская, королевства: прусское, неаполитанское и сардинское возстановлены были во всѣхъ прежнихъ правахъ своихъ; изъ голландской республики основалось нидерланское королевство; обиженные Наполеономъ владѣтели Германіи и Италіи получили точное и справедливое распредѣленіе границъ своихъ; Швейцарія возвратила права свои; Россія также была частію вознаграждена за великія пожертвованія свои—утвержденіемъ за нею герцогства варшавскаго подъ названіемъ *Царства Польскаго.* Изъ владѣній Германіи составленъ былъ германскій союзъ, котораго членами сдѣланы были, начиная съ Австріи, всѣ царствующіе домы Германіи. Наконецъ духъ благочестія и доброта сердца Александра были первыми источниками, откуда произошла мысль о *Священномъ союзѣ,* учрежденномъ потомъ между Австріею, Россіею и Пруссіею. Цѣлію этого союза было: поддержаніе независимости каждаго государства на основаніяхъ нравственности и священныхъ истинъ Евангелія. Не смотря на эти столь различныя и столь важныя занятія конгреса, августѣйшія лица, составлявшія его, и всѣ особы, принадлежавшія къ свитѣ ихъ, предавались самой искренней веселости, которую могло про-

известь только чувство радости, ощущаемой всѣми при мысли объ избавленіи отъ всеобщаго утѣснителя. Вѣна представляла картину безпрерывныхъ праздниковъ, которые были тѣмъ пріятнѣе, что съ каждымъ изъ нихъ соединялось что-то необыкновенное. Напримѣръ, 23-го сентября императоръ австрійскій давалъ праздникъ въ честь инвалидовъ въ саду Аугартенскомъ. Заслуженные и изувѣченные воины обѣдали въ присутствіи монарховъ и всего двора. Посреди ихъ возвышалась колонна, сдѣланная совершенно по модели той колонны, какую намѣревались воздвигнуть въ Москвѣ изъ орудій, отнятыхъ у непріятелей. Внизу этого почетнаго памятника, такъ явно для всѣхъ присутствовавшихъ свидѣтельствовавшаго побѣду русскихъ надъ общими врагами, стояло изображеніе государя, вѣнчаемаго славою. Умилительна была эта картина для русскихъ, особенно въ тѣ минуты, когда они видѣли слезы, блиставшія на глазахъ императрицы Елисаветы Алексѣевны и великихъ княгинь.

6-го октября праздновалось въ *Пратерѣ*[1]) воспоминаніе бывшаго въ этотъ день за годъ передъ тѣмъ Лейпцигскаго сраженія. Тридцать тысячъ войска прежде явились передъ монархами въ блестящемъ парадѣ, потомъ угощаемы были обѣдомъ.

На другой день и государю угодно было праздновать славную Лейпцигскую битву великолѣпнымъ обѣдомъ, къ которому, кромѣ царственныхъ гостей, приглашены были всѣ находившіеся тогда въ Вѣнѣ участники знаменитаго сраженія. Убранство залы и столовъ состояло все изъ военныхъ трофеевъ. Вездѣ видны были трехцвѣтныя французскія знамена и круглые щиты, на которыхъ означались сраженія, выигранныя союзниками въ послѣдніе походы.

Примѣчателенъ былъ также праздникъ, данный во время краткаго пребыванія императоровъ и короля прусскаго въ Венгріи. Это было собираніе винограда на прекрасномъ островѣ, лежащемъ на Дунаѣ, въ трехъ верстахъ отъ Офена. Пятьдесятъ человѣкъ молодыхъ людей и пятьдесятъ прелестныхъ дѣвушекъ, одѣтыхъ въ платья народовъ, живу-

---

[1]) Извѣстное прекрасное мѣсто гулянья въ Вѣнѣ.

щихъ въ Венгріи, разсѣяны были по цвѣтущему винограднику, при пѣніи венгерскихъ пѣсенъ срѣзывали грозды и подносили ихъ августѣйшимъ гостямъ своимъ. Одна изъ нихъ сказала при этомъ случаѣ привѣтствіе государю, пользовавшемуся вездѣ особеннымъ предъ другими отличіемъ.

Говоря о праздникахъ двора австрійскаго, мы не упоминаемъ о балахъ и вечернихъ собраніяхъ обыкновенныхъ, безпрестанно даваемыхъ то государями, то послами и вельможами ихъ. Они были такъ многочисленны, что наконецъ утомили общество, расположенное къ необыкновенной веселости. Надобно было придумать что нибудь новое, и вотъ съ первымъ выпавшимъ снѣгомъ назначено невиданное дотолѣ въ Вѣнѣ катанье въ великолѣпныхъ саняхъ, сдѣланныхъ въ родѣ колесницъ и покрытыхъ золотомъ. Но это прекрасное катанье едва не разстроилось: снѣгу было такъ мало, что нѣсколько сотъ человѣкъ сбирали его на поляхъ и усыпали имъ дорогу для катанья.

Это необыкновенное гулянье окончилось еще болѣе необыкновеннымъ праздникомъ: въ огромнѣйшемъ вѣнскомъ манежѣ данъ былъ карусель, при которомъ исполнены были со всею точностію всѣ обряды каруселей среднихъ вѣковъ. Кавалеры въ красной одеждѣ того времени сражались точно такъ, какъ нѣкогда сражались рыцари на турнирахъ и каруселяхъ своихъ, а дамы, въ самомъ великолѣпномъ убранствѣ, сидѣли въ ложѣ, нарочно для того приготовленной, и раздавали точно такъ же, какъ и красавицы старинныхъ временъ, награды побѣдителямъ.

Этого еще было недовольно: чрезъ нѣсколько недѣль при дворѣ устроился театръ, на которомъ представляли живыя картины и играли комедіи. Однимъ словомъ, веселости не прерывались, потому что всѣ расположены были веселиться и что эта веселость не подвержена была никакимъ стѣсненіямъ, которыхъ можно было ожидать при столь многочисленномъ собраніи монарховъ и августѣйшихъ членовъ семействъ ихъ. Этою непринужденностію всѣ обязаны были также императору Александру. Не говоря уже о любезности обхожденія, которая привлекала къ нему сердца всѣхъ, онъ, узнавъ, при самомъ открытіи конгреса, что разсуждаютъ о томъ, какой этикетъ надобно наблюдать въ

собраніи государей, предложилъ, чтобы всѣ они занимали мѣста по лѣтамъ своимъ и такимъ образомъ тѣ, которые были старѣе, садились выше младшихъ себя. Такое предложеніе государя русскаго имѣло тѣмъ болѣе цѣны въ глазахъ всѣхъ, что онъ былъ самый младшій изъ всѣхъ коронованныхъ особъ.

Между лицами, принимавшими непосредственное участіе въ этихъ праздникахъ, находился и воспитатель императора Александра Павловича *Лагарпъ.* Онъ также былъ въ это время въ Вѣнѣ, какъ уполномоченный отъ одного изъ швейцарскихъ кантоновъ, и обращалъ на себя общее вниманіе, какъ наставникъ, самымъ блистательнымъ образомъ оправдавшій довѣренность великой государыни, избравшей его въ воспитатели къ знаменитому внуку ея. Глубокое уваженіе и признательность къ нему государя были такъ искренни и велики, что нерѣдко во время величайшей славы своей онъ говаривалъ: «Еслибы не было Лагарпа, то не было бы и Александра!»

Это собственное сознаніе августѣйшаго воспитанника должно высоко вознести Лагарпа въ глазахъ всѣхъ русскихъ. Что-жъ касается до его чувствъ къ государю, то онъ до самой смерти своей не могъ говорить о немъ безъ восхищенія и надобно было видѣть, съ какимъ восторгомъ слушали въ Вѣнѣ разсказы его о дѣтствѣ и первой молодости великаго питомца его! Онъ обыкновенно часто прерывалъ разсказы свои восклицаніями: «Ни для одного смертнаго природа не была столь щедра, какъ для Александра!» Восклицаніе, доказывающее необыкновенныя способности государя и скромность наставника.

Но возвратимся къ конгресу. Уже мѣсяцевъ семь продолжался онъ и совѣщанія его почти всѣ были кончены, какъ вдругъ союзные государи получаютъ извѣстіе, что Наполеонъ тайно отъ англійской эскадры, долженствовавшей смотрѣть за нимъ, оставилъ островъ Эльбу и на пяти судахъ съ отрядомъ приверженцевъ, простиравшимся не свыше 1,140 человѣкъ, явился у береговъ Франціи. 1-го марта онъ вступилъ на нихъ близь небольшого городка *Канна,* а 8-го уже былъ въ *Греноблѣ* и имѣлъ 6,000 человѣкъ войска. Братъ Людовика XVIII графъ д'Артуа

и маршалъ Макдональдъ приготовили было ему сильное сопротивленіе, но войско ихъ, при появленіи прежняго любимаго начальника, перешло все на его сторону и защитники короля должны были удалиться въ Парижъ, куда и Наполеонъ быстро подвигался съ своими приверженцами. Число ихъ до того увеличилось, что Людовикъ XVIII 19-го марта принужденъ былъ оставить бурную столицу, для которой правленіе его было слишкомъ кротко и снисходительно. На другой же день, 20-го марта, Наполеонъ съ торжествомъ въѣхалъ въ нее, не имѣвъ ни одного сраженія на всемъ пути своемъ отъ береговъ Средиземнаго моря. Успѣхъ, доселѣ неслыханный! Но мы вскорѣ увидимъ, былъ ли онъ продолжителенъ.

Извѣстіе о бѣгствѣ бывшаго императора французовъ сначала не произвело сильнаго впечатлѣнія на конгрессъ Вѣнскій: всѣ почли это новое покушеніе неважнымъ и думали, что оно можетъ быть уничтожено собственными силами Людовика XVIII. Одинъ Александръ, избранный Провидѣніемъ для сокрушенія могущества Наполеона, думалъ иначе. Онъ сказалъ: «Случай сей будетъ дѣйствительно маловажнымъ, если союзные государи не будутъ почитать его маловажнымъ». Эти слова того, кто такъ хорошо доказалъ уже проницательность и искусство свое въ борьбѣ съ непобѣдимымъ дотолѣ непріятелемъ, имѣли свое дѣйствіе, и 25-го марта Россія, Австрія, Пруссія и Англія заключили между собою трактатъ, по которому каждая обязывалась выставить и содержать въ полѣ по 150,000 человѣкъ войска до тѣхъ поръ, пока Бонапарте не будетъ совершенно низверженъ.

Единодушіе союзниковъ было такъ спасительно для Европы, что менѣе нежели въ три мѣсяца и даже прежде нежели успѣли собраться всѣ войска, дерзкіе замыслы Наполеона были всѣ уничтожены. Честь этого послѣдняго пораженія принадлежала арміямъ англійской и прусской. Будучи ближайшими къ Франціи, онѣ подверглись первыя нападенію Наполеона. Начальниками ихъ были: лордъ Веллингтонъ и Блюхеръ. Французы начали съ послѣдняго. Наполеонъ напалъ на него у деревни Линьи и послѣ жесточайшей битвы, въ которой надобно было удивляться взаимной

ненависти пруссаковъ и французовъ, Наполеону удалось еще разъ оставить за собою поле сраженія: онъ выигралъ его, но безъ всякой для себя пользы, потому что все войско его было такъ изнурено, что не могло преслѣдовать Блюхера, успѣвшаго уйти для соединенія съ Веллингтономъ. На другой и на третій день Наполеонъ употреблялъ всѣ усилія, чтобъ не допустить ихъ до соединенія и напалъ на Веллингтона при *Ватерлоо*. Здѣсь-то, въ этомъ незначительномъ мѣстечкѣ Бельгіи, Веллингтонъ одержалъ наконецъ послѣднюю побѣду надъ непреклоннымъ завоевателемъ и соединился съ Блюхеромъ,—во-время подоспѣвшимъ къ нему на помощь—на мызѣ *Бель-Алліансъ*. Наполеонъ, совершенно разбитый, поспѣшно уѣхалъ въ Парижъ и 21-го іюня издалъ прокламацію, въ которой отказался отъ престола французскаго и провозгласилъ императоромъ сына своего Наполеона II.

Но эта прокламація, послѣдняя надежда прежняго счастливца, была отвергнута всѣми союзными государями и даже большею частію французовъ, которыхъ усердіе послѣ Ватерлооскаго сраженія чрезвычайно охладѣло. Наполеонъ уже никакъ не могъ надѣяться, чтобы они, только что пораженные потерею 200,000 войска, еще разъ согласились собрать для него новое. Погруженный въ уныніе, онъ со страхомъ получалъ безпрестанныя извѣстія о приближеніи союзныхъ государей съ войсками ихъ къ Парижу и дошелъ въ это время до такой слабости, что министръ полиціи Фуше овладѣлъ имъ какъ плѣнникомъ и уже хотѣлъ выдать его Людовику XVIII, какъ вдругъ, какъ бы опомнясь, бывшій императоръ рѣшился тайно оставить Францію и уѣхать въ Америку. Но судьба и тутъ была противъ него: англичане подстерегли корабль, на которомъ онъ отправился, и принудили его сдаться. Онъ привезенъ былъ въ Англію, а оттуда, по рѣшенію союзныхъ государей, отправленъ на островъ св. Елены, лежащей въ Африкѣ на Ееіопскомъ морѣ, къ сѣверо-западу отъ мыса Доброй-Надежды.

На этомъ каменистомъ островѣ, окруженномъ пустыннымъ моремъ, назначено было угаснуть генію, болѣе двадцати лѣтъ удивлявшему, или, справедливѣе сказать, терзавшему міръ своимъ честолюбіемъ. Но оставимъ его,

грустно плывущаго въ мѣсто его изгнанія, — честолюбіе его уже не нарушитъ болѣе спокойствія Европы,—и взглянемъ на эту Европу, снова встревоженную послѣднимъ покушеніемъ утѣснителя ея и снова явившуюся въ Парижѣ въ лицѣ главнѣйшихъ представителей ея — государей: русскаго, австрійскаго и прусскаго.

Веллингтонъ и Блюхеръ вступили въ Парижъ въ концѣ іюня и были въ самомъ затруднительномъ положеніи до прибытія туда государей. Волненіе и споры слышны были со всѣхъ сторонъ: иные изъ французовъ желали возвращенія Бурбоновъ, другіе—Наполеона или, по крайней мѣрѣ, сына его, третьи не хотѣли ни того, ни другого, и изъ этихъ различныхъ желаній и требованій возникалъ такой безпорядокъ, что оба фельдмаршала союзныхъ войскъ не знали, какъ утишить начинающуюся бурю. Въ то время въ Парижѣ былъ генералъ *Чернышевъ*. Къ нему обратились Веллингтонъ и Блюхеръ, прося его представить императору Александру, что только присутствіе его можетъ еще спасти французовъ, покоривъ ихъ законному повелителю. Государь получилъ подробное объ этомъ донесеніе Чернышева въ Сенъ-Дизье, за 220 верстъ отъ Парижа, посреди своего войска. Вмѣстѣ съ нимъ были и августѣйшіе союзники его: императоръ австрійскій и король прусскій. Состояніе духа парижскихъ жителей встревожило Александра тѣмъ болѣе, что прибытіе его вмѣстѣ съ арміею въ Парижъ не могло послѣдовать ранѣе семи или осьми сутокъ. А сколько бѣдствій могло совершиться въ это время! Государь не только самъ рѣшился немедленно ѣхать туда безъ войска, но даже склонилъ и другихъ государей сопутствовать ему. Три государя, съ свитою, состоявшею не болѣе какъ изъ семи человѣкъ, безъ всякаго военнаго прикрытія, кромѣ 50 человѣкъ казаковъ, выставляемыхъ на каждой станціи, проѣзжали по землѣ непріятельской, гдѣ на каждомъ шагу можно было встрѣтить недовольныхъ и ожесточенныхъ. Но французы, какъ будто все еще оглушенные шумомъ послѣднихъ побѣдъ союзниковъ, какъ будто пораженные неслыханною дотолѣ смѣлостію монарховъ, смотрѣли спокойно на чудный поѣздъ, сходились толпами въ почтовыхъ селеніяхъ, чтобы взглянуть на пе-

ремѣну лошадей, окружали экипажи и иногда кричали: «да здравствуетъ король римскій!» —иногда же: «да здравствуетъ Людовикъ XVIII!» но чаще всего: «да здравствуетъ Александръ!» —Другіе государи всегда оставались при немъ въ тѣни, и народъ французскій почиталъ одного его властелиномъ судьбы своей.

Такъ безъ всякихъ приключеній совершилось опасное путешествіе: 29-го іюля государь и августѣйшіе спутники его пріѣхали въ Парижъ, и присутствіе ихъ, вовсе неожиданное, изумило всѣхъ жителей, и какъ бы волшебною силою усмирило волненіе умовъ. Людовикъ XVIII, за два дня передъ тѣмъ прибывшій въ Парижъ, почувствовалъ благотворное вліяніе, произведенное появленіемъ Александра на легкомысленный народъ свой, и во второй разъ благословилъ спасителя своего семейства и царства.

Но въ то же время, когда столица Франціи, по крайней мѣрѣ по наружности, была уже спокойна и предана королю своему, во многихъ областяхъ ея буря еще не утихла, мятежи безпрестанно возобновлялись и проливалась кровь невинныхъ, какъ обыкновенная жертва, приносимая ненависти партій.

Такое состояніе несчастнаго государства заставило союзныхъ монарховъ продлить свое пребываніе въ Парижѣ около трехъ мѣсяцевъ и принять противъ французовъ мѣры болѣе строгія, нежели прежде. По мирному трактату, снова заключенному въ Парижѣ, Франція должна была уменьшить предѣлы свои и лишиться Бельгіи, Эльзаса, Лотарингіи и Савойи; заплатить 700 милліоновъ франковъ военной контрибуціи и содержать у себя въ продолженіе пяти лѣтъ союзную армію, которой поручено было наблюдать за сохраненіемъ спокойствія. Русскихъ оставлено было во Франціи 40,000 человѣкъ подъ начальствомъ графа Воронцова.

Устроивъ такимъ образомъ дѣла несчастной Франціи сколько можно лучше и согласнѣе съ нуждами ея, союзные государи, къ величайшему огорченію парижанъ, показавшихъ въ это время самую легкомысленную страсть къ забавамъ и веселостямъ, не смотря на стѣсненное положеніе отечества, назначили день отъѣзда изъ Парижа,

Но прежде нежели наступилъ онъ, государю угодно было сдѣлать смотръ своей арміи въ прекрасной долинѣ Шампаньи, близь города *Вертю*. День, назначенный для того, былъ знаменитый въ исторіи русскаго войска — 26-е августа. Казалось, слава Бородинской битвы, такъ грозно поразившая французовъ за три года передъ тѣмъ, озарила новымъ блескомъ русскихъ воиновъ подъ лазурнымъ небомъ Франціи, на прекрасныхъ лугахъ ея.

Съ удивленіемъ смотрѣли всѣ иностранцы на это изумительно-стройное, чудное войско, которое, не смотря на продолжительный походъ и скорость переходовъ, было во всѣхъ отношеніяхъ въ томъ самомъ прекрасномъ порядкѣ, въ какомъ выступило изъ отечества. Смотря на густыя колонны, съ невѣроятною стройностію проходившія мимо, фельдмаршалы союзныхъ войскъ не могли удерживать восклицаній своихъ. «Я никогда не воображалъ,—сказалъ Веллингтонъ,—чтобы можно было довести армію до такой степени совершенства!» — Другой же англичанинъ, сиръ Сидней Смитъ, прибавилъ: «Этотъ смотръ есть урокъ, который императоръ русскій даетъ другимъ народамъ». И точно, 150,000 человѣкъ войска, въ такомъ чудесномъ устройствѣ явившагося вдали отъ обширнаго отечества своего, могло служить лучшимъ доказательствомъ великой силы этого отечества и мѣры наказанія, какое ожидало дерзновенныхъ оскорбителей его.

Говоря объ этомъ великолѣпномъ смотрѣ русской арміи, надобно сказать читателямъ моимъ, что въ немъ участвовали и молодые великіе князья, находившіеся въ то время въ арміи: великій князь Николай Павловичъ велъ бригаду гренадеръ, а великій князь Михаилъ Павловичъ командовалъ пятью ротами конной артиллеріи.

Послѣ смотра, повтореннаго два раза (26-го и 29-го августа), государь въ день праздника св. Александра Невскаго желалъ, чтобы войско его принесло торжественное моленіе Богу, и вотъ новое, прекрасное зрѣлище открылось взорамъ чужестранцевъ. Посреди обширной равнины Вертю поставленъ былъ алтарь, и знаменитое воинство, столь же благочестивое, какъ и царь его, преклонило колѣна предъ

высочайшимъ могуществомъ Того, Кто вознесъ его выше другихъ народовъ.

Здѣсь, какъ заключеніе разсказа о войнѣ 1815 года, очень кстати помѣстить приказъ, отданный государемъ войскамъ его послѣ смотра при Вертю. Они приготовлялись въ это время къ возвращенію въ отечество.

«Измѣна и коварные замыслы врага всеобщаго покоя привели васъ, храбрые воины, опять на тѣ поля, гдѣ не съ большимъ за годъ одержали вы побѣду надъ непріятелемъ, и по пятамъ его проложили себѣ путь къ Парижу. Благодареніе Всевышнему, храбрость ваша, всему свѣту извѣстная, не имѣла новаго испытанія, ибо мѣры, предпринятыя союзными державами вообще, противупоставили оплотъ дерзости Наполеона Бонапарте, прежде нежели вознадобилась помощь ваша на полѣ битвы, и самъ онъ наконецъ достался въ плѣнъ. Но тѣмъ не менѣе быстрымъ переходомъ отъ Днѣпра и Двины къ Сенѣ вы показали, что спокойствіе Европы не есть чуждое для Россіи дѣло и что, не взирая ни на какое разстояніе, вы, по гласу отечества и царя, вездѣ, гдѣ должно поборать правдѣ. Отпуская теперь васъ въ любезное отечество, пріятно мнѣ изъявить вамъ, *сослуживцамъ* моимъ, благодарность за усердіе ваше и за ту исправность, какую нашелъ я при осмотрѣ рядовъ вашихъ на поляхъ Шампани. Смотръ сей, гдѣ въ глазахъ союзныхъ государей и полководцевъ ихъ оспаривали другъ друга полки и артиллерія въ устройствѣ, движеніяхъ и исправности одежды и аммуниціи, остается навсегда памятникомъ вашимъ. Благодарю также васъ за сохраненіе строгой дисциплины и за доброе поведеніе въ иностранныхъ земляхъ, которому отдаютъ справедливость сами обыватели.

«Да сопутствуетъ вамъ благословеніе Предвѣчнаго на возвратномъ шествіи вашемъ. Мощная десница Его, сохранивъ насъ отъ золъ, войною наносимыхъ, указуетъ намъ нынѣ путь въ нѣдра семейственныя. Восчувствуйте благость Его къ себѣ, помня безпрестанно святый законъ Его, и что милосердіе Божіе вездѣ намъ было помощію, ибо всегда возлагали все упованіе наше на Него».

Это лестное названіе *сослуживцевъ*, данное здѣсь государемъ его воинамъ, повторено и въ памятникѣ, сооруженномъ имъ въ честь ихъ въ Царскомъ Селѣ.

16-го сентября Александръ выѣхалъ изъ Парижа. Онъ простился съ союзными государями на три года, потому что въ послѣднемъ мирномъ договорѣ назначено было, чтобы высокіе союзники съѣзжались чрезъ три года для совѣщанія о мѣрахъ къ обезпеченію счастія народовъ и къ сохраненію мира.

Возвращаясь въ Россію, опечаленную долгимъ отсутствіемъ его, государь заѣзжалъ въ Берлинъ и потомъ былъ въ Варшавѣ. Радость, съ которою въ этотъ разъ встрѣтили его поляки, была чрезвычайна.

Наконецъ 1-го декабря сѣверная столица обрадована была возвращеніемъ обожаемаго государя, покрывшаго новымъ блескомъ имя русскихъ. Александръ былъ въ это время на высочайшей степени своей славы. Возстановитель спокойствія, снова нарушеннаго въ Европѣ, онъ такъ возвышался надъ всѣми другими монархами европейскими, что по справедливости можно было назвать его величайшимъ изъ нихъ. Принеся такъ много жертвъ счастію чуждыхъ ему народовъ и устроивъ, наконецъ, это счастіе прочнымъ образомъ, Александръ возвратился въ отечество съ сладкою мыслію, что теперь онъ можетъ посвятить всѣ дни свои пріятной заботливости о судьбѣ своихъ подданныхъ.

Прекрасно выражаетъ Жуковскій эту заботливость императора въ томъ же самомъ «*Посланіи*» къ нему, о которомъ мы уже говорили:

«Отважною вступить дерзаю, царь, мечтою
Въ чертогъ священный твой, гдѣ ты одинъ съ собою,
Одинъ, въ тотъ мирный часъ, когда лежитъ покой
Надъ скромныхъ жребіемъ безпечною главой,
Когда лишь бодрствуютъ цари и Провидѣнье.
О, царь! въ сей важный часъ, когда Нева въ теченьѣ
Объемлетъ предъ тобой тотъ усыпленный храмъ,
Гдѣ свой безсмертный слѣдъ, свой прахъ оставилъ намъ
Твой праотецъ, нашъ Петръ, царей земныхъ учитель,
Я зрю тебя, племенъ несмѣтныхъ повелитель,
Сей окруженнаго всемірной тишиной,
Надъ полвселенною парящаго душой,—

Гдѣ все твое, гдѣ ты надъ всѣхъ судьбою властенъ,
Гдѣ ты одинъ всѣхъ благъ, одинъ всѣхъ бѣдъ причастенъ,
Уполномоченный отъ неба судія—
О! сколь божественна въ сей часъ душа твоя!
Сей полный взоръ любви, сей взоръ воспламененный—
За насъ онъ возведенъ къ Правителю вселенной;
За насъ ты предстоишь, какъ жертва, передъ Нимъ.
Отечество, внимай: «Творецъ, всѣ благи имъ!
Не за величіе, не за вѣнецъ ужасный,—
За власть благотворить, удѣлъ царей прекрасный,
Склоняю, царь земли, колѣна предъ тобой,
Безстрашный подъ твоей незримою рукой,
Твоихъ намѣреній надъ ними совершитель!...
Покойся мой народъ, не дремлетъ твой хранитель:
Такъ—*мой* народъ! Творецъ, онъ весь въ душѣ моей;
На удивленіе народовъ и царей,
Его могуществомъ и счастіемъ прославлю,
И тронъ свой алтаремъ любви ему поставлю;
Какъ небо надъ моей простертою главой,
Гдѣ звѣздъ безчисленныхъ ненарушимый строй,
Такъ стройно будь мое владычество земное.
Правленье Божества зерцало мнѣ святое.
Все здѣсь для блага будь, какъ все для блага тамъ!
А Ты, дарующій и тронъ, и власть царямъ,
Ты, на совѣтѣ ихъ сѣдящій благодатью,
Ознаменуй Твоей дѣла мои печатью:
Да имя чистое въ наслѣдіе вѣкамъ
Съ примѣромъ благости и славы передамъ,
Отецъ моей семьи и другъ Твоей вселенны!»

Молитва Александра была услышана, и послѣднее десятилѣтіе царствованія его было счастливѣйшимъ для народа его и наименѣе примѣчательнымъ для исторіи. Такъ и всегда бываетъ: истинное счастіе далеко отъ шумныхъ побѣдъ и громкой славы. Русскіе достигли его въ это послѣднее время жизни незабвеннаго государя своего, и вы увидите, милые читатели, какъ тихо и безмятежно протекло для нихъ это счастливое время.

ПОСЛѢДНІЯ ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ ЦАРСТВОВАНІЯ АЛЕКСАНДРА I.

отъ 1815 до 1825 года.

Семейство царское, безпрестанно разлучаемое съ императоромъ въ продолженіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ великой борьбы его съ Наполеономъ, печально раздѣляло общія бѣдствія Европы, и не одинъ разъ страшилось за драгоцѣнную жизнь его и неустрашимаго брата его великаго князя Константина Павловича. Впослѣдствіи, когда и младшіе великіе князья пожелали, не смотря на чрезвычайную молодость свою, участвовать въ трудностяхъ войны, августѣйшее семейство испытало еще болѣе грусти и страха. Къ собственной горести присоединилось и страданіе за народъ и войско, долженствовавшее такъ часто оставлять отечество для жестокихъ битвъ въ странахъ чуждыхъ.

Наконецъ съ окончаніемъ 1815 года все перемѣнилось: спокойствіе Европы и соединенное съ нимъ возвращеніе государя въ Петербургъ—были первыми радостями семейства императорскаго. Вскорѣ потомъ происшествія, одно за другимъ послѣдовавшія въ немъ, были какъ бы вознагражденіемъ за долгія страданія.

Великая княгиня Екатерина Павловна, лишившаяся супруга своего за два года передъ тѣмъ, вступила во второе супружество съ наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ.

Въ февралѣ 1816 года праздновалось бракосочетаніе великой княжны Анны Павловны съ наслѣдникомъ престола нидерландскаго, принцемъ Оранскимъ.

Въ 1816 году было бракосочетаніе великаго князя Николая Павловича съ старшею дочерью короля прусскаго, принцессою Шарлотою, нареченною въ святомъ мѵропомазаніи Александрою Ѳеодоровною.

Посреди этихъ семейственныхъ радостей, посреди отдохновенія, необходимаго послѣ столь великихъ трудовъ, Александръ не оставлялъ ни на минуту своихъ государственныхъ занятій, и можно по справедливости сказать—

съ каждымъ днемъ прибавлялъ что нибудь къ благосостоянію своихъ подданныхъ. Мы скажемъ здѣсь о важнѣйшихъ изъ дѣлъ его.

Въ 1817 году учрежденъ Коммерческій Банкъ, благодѣтельный для купечества, которое могло за небольшіе проценты получать изъ него ссуды денегъ. Въ этомъ же году облегчены какъ торговыя, такъ вообще и всѣ судоходныя сообщенія введеніемъ *пароходовъ*, дотолѣ неизвѣстныхъ въ Россіи. Привыкнувъ смотрѣть на пароходы наши, какъ на вещь обыкновенную, вы не можете представить себѣ, милые читатели, какъ благодѣтельно было это новое учрежденіе во всѣхъ отношеніяхъ, сколько оно облегчило сношенія съ иностранными государствами и также внутреннюю торговлю, потому что вскорѣ послѣ введенія пароходовъ между Петербургомъ и Ревелемъ появились они и во внутренности государства, на рѣкахъ и каналахъ судоходныхъ.

Въ это же время положено было начало другому важному облегченію сношеній внутреннихъ: утвержденъ проектъ объ устроеніи насыпной дороги, т. е. *шоссе*, между Москвою и Петербургомъ. Эта прекрасная дорога, столь много облегчающая частые переѣзды между столицами, сдѣлана была на двѣсти верстъ при жизни государя, основателя ея, совершенно же окончена спустя нѣсколько лѣтъ послѣ кончины его. Она составляетъ одинъ изъ примѣчательныхъ памятниковъ царствованія Александра.

Къ 1817 году принадлежитъ также замѣчательнѣйшее событіе для торговли всего южнаго края Россіи, или лучше сказать, всей Новой Россіи: городъ Одесса сдѣланъ порто-франко, т. е. вольнымъ портомъ, въ который можно привозить всѣ товары изъ иностранныхъ государствъ безъ пошлины, обыкновенно платимой за нихъ.

Исторія Одессы, этого юнаго и цвѣтущаго города Новой Россіи, этого средоточія всей торговли ея, такъ любопытна, что нельзя не разсказать по крайней мѣрѣ главныхъ событій ея. Хотя онъ находится въ близкомъ сосѣдствѣ съ Крымомъ, но, читая описаніе этого знаменитаго полуострова и путешествія туда императрицы Екатерины, вы не могли ничего узнать объ Одессѣ, потому что она

тогда еще не существовала и самое мѣсто, гдѣ построена она, находилось во власти турокъ. Только послѣ взятія Очакова и именно въ 1789 году, это мѣсто завоевано было русскими. Находясь въ восьмидесяти верстахъ отъ Очакова, оно составляло въ то время небольшую турецкую крѣпость *Хаджибей*, важную для турокъ, потому что она охраняла заливъ, въ которомъ военныя и торговыя суда ихъ находили пристанище во время непогодъ.

Хаджибей, не представлявшій собою при взятіи его русскими ничего другого, кромѣ дурно и неправильно построеннаго турецкаго зàмка, извѣстенъ былъ еще въ XI вѣкѣ по Рождествѣ Христовомъ: на мѣстѣ его было тогда греческое селеніе, называвшееся на языкѣ грековъ — *гаванью Истріянъ*. Раздѣляя участь многихъ сѣверо-западныхъ греческихъ селеній, опустошенныхъ нашествіями разноплеменныхъ народовъ, оно долго оставалось въ неизвѣстности, но въ XV вѣкѣ опять явилось подъ именемъ *Качибея* (Сасуѣеі) и подъ покровительствомъ Литвы. Наконецъ, послѣ новаго разоренія, претерпѣннаго отъ нашествія турокъ, Качибей превратился уже въ маленькую турецкую крѣпость Хаджибей и оставался такою до взятія его русскими.

Такъ какъ все, касающееся до мѣста столь любопытнаго, какъ Одесса, должно быть интересно для читателей, надобно сказать имъ и имя того изъ русскихъ, кто взялъ Хаджибей. Это былъ генералъ-маіоръ Іосифъ де-Рибасъ, лицо знаменитое въ исторіи Новороссійскаго края. Уроженецъ Неаполя, онъ двадцатилѣтнимъ юношей узналъ графа Орлова-Чесменскаго въ лучшіе дни его блестящей славы на морѣ и, увлеченный ею, вступилъ по приглашенію его въ русскую морскую службу. Онъ проходилъ ее съ особеннымъ отличіемъ и черезъ десять лѣтъ, въ 1780 году, былъ уже полковникомъ и командиромъ маріупольскаго полка въ херсонскомъ войскѣ. Это привело его въ Новую Россію подъ начальство перваго образователя ея, Потемкина. Пылкій и дѣятельный, де-Рибасъ радовался и такому необыкновенному начальнику, каковъ былъ Потемкинъ, и такому обширному поприщу, какое представляла ему страна новая, полная красотъ природы и поэзіи, ожидавшая только

искусныхъ рукъ, чтобы развить богатства свои. Но частыя войны съ Турціей препятствовали этому развитію и заставляли обращать все вниманіе на одно охраненіе прекрасныхъ мѣстъ Новой Россіи отъ нападенія непріятелей, а не на украшеніе ихъ. Такимъ образомъ для этого же охраненія взятъ былъ и за̀мокъ Хаджибей. Будучи главнымъ виновникомъ этого пріобрѣтенія, де-Рибасъ принималъ дѣятельное участіе и во всѣхъ послѣдующихъ побѣдахъ, одержанныхъ русскими въ продолженіе этой войны. Онъ былъ ревностнымъ помощникомъ Суворова до самаго дня заключенія Ясскаго мира, 23-го декабря 1791 года. Въ это время съ пріобрѣтеніемъ всей Очаковской области и безопасность Новой Россіи утвердилась на основаніяхъ болѣе прочныхъ. Границею русскою со стороны Турціи сдѣлалась рѣка Днѣстръ и по русскому берегу ея надобно было строить цѣлую линію крѣпостей. Построеніе одной изъ нихъ назначено было вблизи разореннаго хаджибейскаго за̀мка. Она долженствовала быть самою полезною, потому что имѣла обширный рейдъ для гребного флота и это обратило на нее особенное вниманіе *Экспедиціи строенія южныхъ крѣпостей*. Такъ назывался нарочно учрежденный для такихъ построекъ комитетъ, котораго начальникомъ былъ графъ Суворовъ, а главными членами-распорядителями: генералъ де-Рибасъ и инженеръ-полковникъ де-Воланъ. Какъ оживился духъ пламеннаго де-Рибаса, когда онъ получилъ это мѣсто, столь согласное съ склонностями его и представлявшее столь обширное поле для его неутомимой дѣятельности! Онъ искренно любилъ страну, давно сдѣлавшуюся вторымъ отечествомъ его и искалъ случаевъ доказать ей усердіе свое, превышающее, по его мнѣнію, то, которое онъ уже такъ часто доказывалъ въ битвахъ за нее.

И вотъ желаемый случай представился: кромѣ важной крѣпости, которую назначено было строить въ Хаджибеѣ и которой основаніе уже положено было 10-го іюня 1793 года, въ совѣтѣ Великой Екатерины рѣшено было имѣть на Черномъ морѣ большой военно-торговый портъ и выборъ мѣста, гдѣ устроить его, палъ на тотъ же самый Хаджибей, въ которомъ уже строилась русская крѣпость. Де-

Рибасъ сдѣлался еще довольнѣе: новый портъ и съ нимъ вмѣстѣ новый городъ поручены были исключительно ему. Онъ удостоился по этому случаю лестнаго рескрипта отъ императрицы, который примѣчателенъ тѣмъ, что объяснялъ словами великой государыни будущее назначеніе и судьбу новаго города. Вотъ эти строки, извлеченныя изъ рескрипта: «Потщитеся, дабы созидаемый вами городъ представлялъ торгующимъ не только безопасное отъ непогодъ пристанище, но защиту, одобреніе, покровительство и, словомъ, всѣ зависящія отъ васъ въ дѣлахъ ихъ пособія, чрезъ что, безъ сомнѣнія, какъ торговля наша въ тѣхъ мѣстахъ процвѣтетъ, такъ и городъ сей наполнится жителями въ скоромъ времени».

Эти слова императрицы можно назвать пророческими: такъ прекрасно они исполнились! Новый городъ, получившій названіе *Одессы,* въ воспоминаніе лежавшаго близь него въ древности греческаго селенія *Ордиссосы* [1]), возрасталъ какъ бы волшебною силою подъ распоряженіями де-Рибаса.

22-го августа 1794 года началось его существованіе: въ этотъ день положены первые основные камни для церквей св. Николая и св. Екатерины, и менѣе нежели черезъ годъ было уже въ Одессѣ около 2,500 жителей. Кораблей пришло въ портъ ея 86, а отошло 64.

Эти первые успѣхи юнаго города еще порадовали великую основательницу его въ послѣдніе дни жизни ея, и 22-го октября 1796 года, т. е. за двѣ недѣли до кончины своей, она подписала указъ объ учрежденіи въ Одессѣ цензуры для привозимыхъ туда иностранныхъ книгъ. Это учрежденіе ставило новый портъ на ряду съ четырьмя главными и единственными городами, куда позволенъ былъ привозъ книгъ изъ чужихъ краевъ: Петербургомъ, Москвою, Ригою и Радзиволовымъ.

Но чтобъ имѣть полное понятіе о томъ, съ какою быстротою возрастала юная Одесса, мы послушаемъ одного почтеннаго путешественника [2]), ѣздившаго по всему Крыму

[1]) Это названіе значитъ по-гречески—*великій торговый путь.*

[2]) «*Путешествіе по всему Крыму и Бессарабіи въ 1799 году*». Павломъ Сумароковымъ.

и Бессарабіи въ 1799 году. Въ это время еще не исполнилось и пяти лѣтъ существованія новаго порта и города, и вотъ что̀ онъ говоритъ о нихъ: «Уже былъ вечеръ, какъ я въѣхалъ въ Одессу, и при всемъ моемъ предварительномъ о немъ понятіи, явленіе возрожденнаго сего города привело меня въ чрезвычайное удивленіе. Я проѣзжалъ, оставляя въ лѣвой рукѣ синѣющееся море, мимо огромныхъ и освѣщенныхъ каменныхъ зданій, хорошихъ обывательскихъ строеній, широкими, правильными улицами и наконецъ привезенъ былъ въ обширный домъ генерала князя Волконскаго. Оный обнесенъ со всѣхъ четырехъ сторонъ, какъ за̀мокъ, каменными строеніями и отдавался въ наймы разнымъ лицамъ. Возможно ли, разсуждалъ я самъ съ собою, что когда у всѣхъ прочихъ народовъ, для построенія и приведенія въ цвѣтущее состояніе города, потребно цѣлое столѣтіе, а чтобъ у россовъ только три или четыре года на то было достаточно? Не Цирцея ли силою волшебства его произвела?»

«....Положеніе Одессы есть на горѣ, при самомъ Черномъ морѣ, весьма красивое, гдѣ съ лѣвой стороны природа, составляя изъ крутыхъ береговъ предъ нею полукружіе, ограждаетъ гавань ея отъ погодъ. Расположенная по равнинѣ, она простирается версты на *три* въ длину и версты на *двѣ* въ ширину большими прямыми улицами, которыя, имѣя каменныя мостовыя, вмѣщаютъ въ себѣ площади и построенія по нихъ: исключая малаго числа деревянныхъ домовъ, всѣ суть каменные, новѣйшаго вкуса, однако же во многихъ по городу мѣстахъ находятся пустыни; притомъ разныя въ немъ заведенія, иныя начатыя, другія болѣе половины сдѣланныя, нѣкоторыя и къ концу приведенныя, остаются еще недовершенными».

Сочинитель нашелъ въ Одессѣ три еще неоконченныя церкви, 506 домовъ, 232 землянки, 500 лавокъ, 36 хлѣбныхъ магазиновъ и 4,147 человѣкъ жителей. Но возвратимся къ описанію его.

«Возрастающая Одесса часъ-отъ-часу пріобрѣтала новыя силы и распространеніе. Число жителей ея умножалось, мѣста для построенія домовъ и лавокъ разбираемы были въ великомъ количествѣ; начались хорошія общества,

балы, хотѣли заводить театръ, и въ странѣ оной, до того пустынной, толпы народа, успѣхами торговли ободренныя, воспѣли свое блаженство. Она, по своему мѣстоположенію, не только что далеко превосходитъ всѣ прочіе наши порты, но современемъ можетъ вступить въ совмѣстничество съ петербургскимъ. Прилегающая къ ней польская Украйна не имѣетъ, кромѣ оной, другого выхода всѣмъ своимъ произведеніямъ, къ чему Днѣпръ и Днѣстръ подаютъ выгодныя средства, а безъ нея всѣ пути къ тому остались бы пресѣченными, и изобиліе того края пребыло бы безполезнымъ. Иностранныхъ земель, какъ-то: полуденной Германіи и Франціи, всей Италіи, Архипелагскихъ острововъ, Турціи, Анатоліи и Египта купеческія суда удобнѣе пристани въ Россіи имѣть не могутъ. Однимъ словомъ, она есть средоточіе всей нашей торговли и надежное для имперіи сокровище...»

Такова была Одесса въ 1799 году. Въ 1803 г. въ ней было уже болѣе 9,000 человѣкъ жителей, въ гавань ея пришло 552 корабля; вывезено изъ нея въ чужіе края одной пшеницы на 3.110,076 руб., привезено же товаровъ на 936,189 руб.

Съ этого года существованіе Одессы получило новое, еще блистательнѣйшее направленіе: военнымъ губернаторомъ и градоначальникомъ ея сдѣлался одинъ изъ благороднѣйшихъ сыновъ растерзанной въ то время монархической Франціи, одинъ изъ образованнѣйшихъ эмигрантовъ ея—герцогъ Эммануилъ *Дюплесси-Ришелье.* Соединяя съ прекрасными качествами своими необыкновенную преданность къ несчастному семейству Людовика XVI, онъ, съ самаго начала пребыванія своего въ Россіи, принявшей его въ службу свою, послѣ ужасовъ Франціи, обратилъ на себя особенное вниманіе великаго князя Александра Павловича. Въ 1796 году его высочество пригласилъ его въ свиту свою и съ того времени Ришелье былъ въ числѣ самыхъ близкихъ особъ, окружавшихъ Александра. Узнавъ коротко всѣ достоинства его, государь, смотрѣвшій съ особенною любовію на портъ Одесскій, какъ на одно изъ послѣднихъ твореній Екатерины, надѣялся найти въ герцогѣ все то, что̀ нужно было для окончательнаго устрой-

ства возникающаго города, и ожиданія его исполнились самымъ лучшимъ образомъ: Одесса, съ перваго года управленія новаго градоначальника, начала стремиться къ своему усовершенствованію съ быстротою, почти невѣроятною. Ришелье сначала только пламенно желалъ оправдать довѣренность высоко уважаемаго имъ государя, но потомъ онъ чрезвычайно полюбилъ городъ, котораго судьба такъ много зависѣла отъ него, и все вниманіе, всѣ старанія его были устремлены на то, чтобы утвердить благосостояніе его на самыхъ прочныхъ основаніяхъ. Невозможно исчислить всего, чѣмъ обязана была Одесса герцогу; въ короткихъ словахъ можно сказать только то, что въ 1803 году, когда герцогъ принялъ въ управленіе свое новый городъ и портъ, въ нихъ было не болѣе 8,000 человѣкъ жителей и 800 домовъ и землянокъ. Черезъ одиннадцать же лѣтъ потомъ, въ 1814 году, когда онъ оставилъ Одессу, она имѣла 2,000 красивыхъ домовъ и около ста прекрасныхъ дачъ и садовъ; кромѣ того, она имѣла всѣ общественныя зданія, необходимыя въ большомъ портовомъ городѣ, напримѣръ таможню, карантинъ, театръ, госпиталь и другія строенія; торговля ея простиралась на 40 или 50 милліоновъ въ годъ, а жителей уже было около 25,000 человѣкъ. Для образованія этого, уже столь многочисленнаго народонаселенія, стараніями герцога учреждены были всѣ учебныя заведенія, какія положено имѣть въ губернскихъ городахъ; сверхъ того при коммерческой гимназіи— *благородный институтъ* для высшаго образованія новороссійскаго юношества; другой *благородный институтъ* для воспитанія дѣвицъ, и наконецъ *лицей Ришельевскій*, основанный уже послѣ отъѣзда герцога. Привязанность герцога къ Одессѣ оставалась все та же и въ то время, когда онъ уже совсѣмъ выѣхалъ изъ Россіи и, снова вступивъ въ службу отечества своего, жилъ въ Парижѣ. И тамъ онъ съ восхищеніемъ принималъ всѣхъ одесскихъ гражданъ, которыхъ судьба увлекала иногда такъ далеко отъ отечества, и съ любовію разспрашивалъ обо всемъ, что касалось до незабвеннаго для него города.

Благосостояніе Одессы, украшенной и вознесенной герцогомъ до званія перваго торговаго города на югѣ Рос-

сіи, увеличено было, какъ мы уже сказали, новымъ благодѣяніемъ государя въ 1817 году: портъ ея сдѣланъ былъ *порто-франко*. Вся торговля южной Россіи почувствовала благотворныя дѣйствія этой заботливости о ней государя.

Къ довершенію разсказа нашего объ Одессѣ, милые читатели, вамъ непремѣнно надобно узнать нѣсколько строкъ, написанныхъ о ней Пушкинымъ во время его жизни тамъ въ 1824 году:

Я жилъ тогда въ Одессѣ пыльной.
Тамъ долго ясны небеса,
Тамъ хлопотливо торгъ обильный
Свои подъемлетъ паруса;
Тамъ все Европой дышетъ, вѣетъ;
Все блещетъ югомъ и пестрѣетъ
Разнообразностью живой.
Языкъ Италіи златой
Звучитъ по улицѣ веселой,
Гдѣ ходитъ гордый славянинъ,
Французъ, испанецъ, армянинъ,
И грекъ, и молдаванъ тяжелый,
И сынъ египетской земли,
Корсаръ въ отставкѣ, Морали.

Это—Одесса въ послѣдніе годы царствованія Александра, стало быть прежде нежели исполнилось тридцать лѣтъ ея существованія. Успѣхъ, понятный только въ Россіи и не удивляющій только русскихъ. Мы такъ привыкли къ этимъ успѣхамъ, что даже не замѣчаемъ ихъ: они кажутся намъ дѣломъ обыкновеннымъ; но надобно спросить у иностранцевъ о томъ, какъ поражаетъ ихъ все то, что дѣлается въ Россіи. Напримѣръ, сколько удивленія чувствовали тѣ изъ нихъ, которые въ концѣ 1817 года пріѣхали въ Москву по случаю пребыванія тамъ императорской фамиліи? Изумленные прекрасными зданіями столицы, жертвы отечества, они едва вѣрили, чтобы за пять только лѣтъ назадъ она представляла груду обгорѣлыхъ развалинъ. Слѣды ужаснаго разоренія почти исчезли; все блистало пышностію, дышало счастіемъ; народъ былъ въ томъ упоительномъ весельи, какое онъ всегда чувствуетъ, видя посреди себя семейство царское; августѣйшіе члены этого семейства исполнены были также всею радостію неви-

данныхъ счастливыхъ событій и еще радостнѣйшими ожиданіями: молодая великая княгиня Александра Өеодоровна готовилась быть матерью, и этотъ младенецъ—первое дитя счастливѣйшаго брака, долженствовавшій родиться въ древней столицѣ государства, казался еще до рожденія какою-то особенною драгоцѣнностью и семейства своего, и народа. Какъ будто предчувствуя будущее назначеніе его, московскіе жители гордились заранѣе высокою честью, ожидавшею ихъ, и съ пламеннымъ усердіемъ молились о благополучномъ рожденіи его. 17-го апрѣля 1818 года оно совершилось, и великій князь Александръ Николаевичъ, явился свѣту для будущаго счастія полсвѣта. Никакое описаніе не изображаетъ такъ истинно и хорошо этого знаменитаго дня Россіи, какъ описаніе, сдѣланное тогда Жуковскимъ въ его превосходномъ посланіи къ государынѣ (тогда великой княгинѣ) Александрѣ Өеодоровнѣ. Вотъ нѣсколько стиховъ, въ которыхъ поэтъ обращается къ юной родительницѣ новорожденнаго:

«Прекрасное Россіи упованье
Тебѣ въ твоемъ младенцѣ отдаетъ,
Тебѣ его младенческія лѣта!
Отъ ихъ пеленъ ко входу въ бури свѣта
Пускай тебѣ вослѣдъ онъ перейдетъ.
Съ душой, на все прекрасное готовой,
Наставленный: достойнымъ счастья быть,
Великое съ величіемъ сносить,
Не трепетать, встрѣчая рокъ суровый,
И быть въ дѣлахъ временъ своихъ красой.
Лѣта пройдутъ: подвижникъ молодой,
Откинувши младенчества забавы,
Онъ полетитъ въ путь опыта и славы...
Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій: *человѣкъ!*
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
Для блага *всѣхъ—свое* позабывать,
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать...
Вотъ правила царей великихъ внуку!
Съ тобой ему начать сію науку!»

Счастливая Москва назвала первая *своимъ*—юнаго князя, сдѣлавшагося впослѣдствіи *нашимъ общимъ* благомъ, *нашею общею* радостію.

5-го мая происходило крещеніе новорожденнаго въ знаменитомъ Чудовомъ монастырѣ. Воспріемникомъ его отъ купѣли былъ августѣйшій дѣдъ его, король прусскій, нарочно для того прибывшій въ Москву. Торжественные праздники, начавшіеся по этому радостному случаю въ Москвѣ, окончились въ Петербургѣ, куда въ іюнѣ мѣсяцѣ возвратилась вся императорская фамилія и царственный родственникъ и гость ея.

Въ сентябрѣ 1818 года назначенъ былъ въ Ахенѣ первый, послѣ Вѣнскаго конгреса, съѣздъ государей, членовъ Священнаго союза. Императоры русскій, австрійскій и король прусскій пріѣхали въ Ахенъ въ половинѣ сентября; Франція и Англія, принадлежавшія также къ Священному союзу, прислали полномочныхъ своихъ.

Главнымъ предметомъ совѣщаній на этомъ новомъ конгресѣ долженствовалъ быть вопросъ о томъ, выводить ли союзныя войска изъ Франціи? Снисходительный Людовикъ XVIII, надѣясь, что довѣренность его къ народу сблизитъ съ нимъ этотъ легкомысленный народъ, умолялъ самъ союзныхъ государей о выводѣ войскъ ихъ. На конгресѣ ахенскомъ исполнено было его желаніе, но это исполненіе не принесло съ собою ожидаемыхъ плодовъ: можетъ быть выступленіе войскъ, соединяясь съ какими нибудь небывалыми дотолѣ празднествами, и новость положенія, столь дорого цѣнимая французами, заняли на нѣсколько времени вниманіе ихъ до того, что они позабыли обыкновенное занятіе свое—безпокойное участіе въ дѣлахъ правительства; но какъ скоро прелесть новизны исчезла, все пошло по старому, съ тою только разницею, что теперь они уже не боялись быть наказанными: иностранныхъ войскъ, надзиравшихъ за безпокойнымъ народомъ, уже не было. Приверженцы порядка и законной власти боялись за короля и опасенія ихъ оправдались: не прошло двухъ лѣтъ послѣ выступленія союзныхъ войскъ изъ Франціи, какъ племянникъ Людовика XVIII, долженствовавшій современемъ наслѣдовать престолъ его, герцогъ Беррійскій,

палъ подъ ударами убійцы. Это ужасное злодѣяніе, поразивъ жестокою горестію семейство королевское, потрясло снова и всю Францію; но убійца, совершая страшное дѣло свое, не зналъ, что у герцога Беррійскаго долженствовалъ вскорѣ родиться сынъ. Эта неожиданная новость разрушила на-время всѣ дальнѣйшіе замыслы заговорщиковъ, которые не могли дѣйствовать успѣшно безъ народа, а народъ весь погруженъ былъ въ участіе къ оставшейся молодой принцессѣ, вдовствующей супругѣ герцога Беррійскаго, и его новорожденному сыну, герцогу Бордосскому. Назначенный судьбою быть возстановителемъ угасавшаго поколѣнія Бурбоновъ, юный принцъ Бордосскій внушалъ столь необыкновенное чувство, столь трогательное вниманіе къ себѣ, что легкомысленные французы въ первые мѣсяцы и даже—годы его существованія были совершенно покорены имъ: безпокойства народныя утихли, не смотря на то даже, что въ это время во всей Европѣ царствовалъ какой-то духъ мятежа: вездѣ хотѣли перемѣнъ и улучшеній въ правительствѣ, и революціи португальская, неаполитанская и пьемонтская слѣдовали одна за другою. Начало всѣхъ ихъ было въ Испаніи, въ этой несчастной землѣ, погруженной въ безначаліе во время плѣна короля ея во Франціи и борьбы народной съ Наполеономъ. Фердинандъ VII, можетъ быть отвыкшій въ несчастіи носить съ достоинствомъ корону свою, принужденъ былъ уступить настоянію возмутителей и дать имъ конституцію, какой они требовали. Это согласіе произвело величайшее зло и съ того времени начались безпрестанныя безпокойства въ государствахъ, до которыхъ доходили слухи о происшествіяхъ испанскихъ. Португалія была первая, получившая конституцію по примѣру испанцевъ. Вскорѣ потомъ то же самое произошло и въ итальянскихъ государствахъ. Но тамъ возмутители спокойствія, состоявшіе всѣ изъ карбонаріевъ [1]), усмирены были новымъ конгресомъ союзныхъ государей, собравшимся въ городѣ Троппау, на которомъ рѣшено было уничтожить силою оружія зло, грозившее

[1]) Такъ назывались члены тайныхъ обществъ, учредившихся для ниспроверженія законныхъ властей.

новымъ бѣдствіемъ Европѣ. Спокойствіе въ Неаполѣ, Сициліи и Пьемонтѣ возстановили австрійскія войска, прежде нежели русскія успѣли явиться туда по рѣшенію монарховъ. Но едва совершилось это благодѣтельное дѣйствіе Священнаго союза государей, какъ новое событіе обратило опять вниманіе всей Европы. Греки, такъ долго стенавшіе подъ властію турокъ, возстали противъ своихъ утѣснителей, и въ каждой европейской области нашлись защитники этого, по мнѣнію многихъ, праваго дѣла. Они помогали несчастнымъ грекамъ деньгами, оружіемъ и часто даже пожертвованіемъ собственной жизни, сражаясь въ рядахъ ихъ. Почти всѣ увѣрены были, что Россія воспользуется случаемъ, чтобы потрясти могущество Турціи, такъ часто вредившей ей, и всѣми силами будетъ помогать грекамъ свергнуть иго, столь долго носимое ими. Но какъ же всѣ ошиблись, когда узнали о словахъ, сказанныхъ Александромъ французскому министру Шатобріану на конгресѣ, бывшемъ по случаю греческихъ дѣлъ въ Веронѣ, въ 1822 году. Вотъ эти примѣчательныя слова, объясняющія причину, по которой Россія не приняла участія въ борьбѣ грековъ съ турками: «Я радъ, что всѣ узнаютъ истинную цѣль и чистоту моихъ намѣреній. Враги наши говорятъ, будто слово *союзъ* служитъ только къ прикрытію честолюбивыхъ замысловъ. Можно ли помышлять нынѣ о какихъ либо частныхъ выгодахъ, когда просвѣщенная Европа находится въ опасности? Россія, Англія, Франція, Пруссія, Австрія имѣютъ одну и ту же политику, которую бы долженствовали принять всѣ народы и государи для всеобщаго блага. Будучи увѣренъ въ истинѣ правилъ, на коихъ основанъ мною Священный союзъ, я первый долженъ былъ показать все сіе на самомъ опытѣ. Случай къ тому представился. Въ Греціи произошло возмущеніе. Ничего, конечно, не было согласнѣе съ моею пользою, съ выгодами моего народа, съ мнѣніемъ моей имперіи, какъ священная война противъ Турціи; но въ возмущеніи Пелопонеса примѣтилъ я признаки революціи. Съ сей минуты я удержался отъ войны. Чего ни дѣлали для разорванія союза! Всячески старались то возбудить мое подозрѣніе, то растрогать мое самолюбіе за явное оскорбленіе моей особы. Весьма худо меня знали,

если думали, что правила мои происходятъ отъ тщеславія или что я не могу предать забвенію причиненнаго мнѣ оскорбленія. Нѣтъ! Я никогда не отдѣлюсь отъ монарховъ, соединенныхъ со мною дружествомъ. Весьма позволительно намъ имѣть явные союзы, дабы защищать себя отъ тайныхъ обществъ. И что бы могло побудить меня къ нарушенію моихъ правилъ? Нужно ли мнѣ еще распространять предѣлы моей монархіи? Провидѣніе ввѣрило мнѣ 58 милліоновъ подданныхъ и 900,000 воиновъ, не для удовлетворенія честолюбія, но для защиты религіи, нравственности и правосудія, для утвержденія правилъ благоустройства, на коихъ основываются человѣческія общества и счастіе народовъ».

Можно, по всей справедливости, сказать, что счастіе народовъ было, точно, первою и драгоцѣннѣйшею цѣлью Александра. Сострадательный и человѣколюбивый въ полномъ значеніи слова, онъ принесъ много жертвъ этой благородной, возвышенной цѣли. Устроивая, сколько возможно лучше, благосостояніе народовъ, которыхъ судьба зависѣла отъ рѣшенія его на конгрессахъ, добродѣтельный государь заботился о счастіи собственныхъ подданныхъ съ неутомимымъ усердіемъ. Чтобы лучше сблизиться съ ними и узнать ихъ нужды, онъ часто предпринималъ путешествія по различнымъ губерніямъ нашего обширнаго отечества. Отдаленныя и близкія, онѣ равно были предметомъ его заботливости, и въ сентябрѣ 1824 года въ числѣ многихъ другихъ мѣстъ, посѣтилъ государь края, никогда дотолѣ невидавшіе монарховъ своихъ: Екатеринбургъ, Пермь и Оренбургъ. Восторгъ жителей былъ неописанъ, но вы можете судить о немъ, милые читатели, зная привязанность народа русскаго къ царю своему. Привыкнувъ считать и называть его *земнымъ Богомъ* своимъ, они всѣ утверждались въ этомъ мнѣніи, при видѣ Александра: его снисходительность, благодушіе, состраданіе поистинѣ могли назваться божественными. Во всякомъ мѣстѣ кратковременнаго пребыванія своего онъ оставлялъ множество несчастныхъ примиренныхъ съ судьбою: бѣдные получали отъ щедрой руки его пособіе, невинные—правосудіе, виновные—прощеніе. Чувствуя безчисленныя благодѣянія, проливаемыя государемъ, всѣ

эти различные классы людей и вмѣстѣ съ ними всѣ другіе, которые въ довольномъ состояніи своемъ осчастливлены были одною сладостію лицезрѣнія его, не могли иначе называть его, какъ ангеломъ-утѣшителемъ. Но вотъ насталъ день, принесшій съ собою для Россіи новое доказательство справедливости этого названія.

7-го ноября 1824 года, спустя нѣсколько дней послѣ возвращенія государя изъ его далекаго путешествія, Петербургъ сдѣлался жертвою ужаснаго наводненія. Будучи въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ отъ моря, онъ всегда болѣе или менѣе подверженъ былъ разливу его, но никогда этотъ разливъ не достигалъ до такой страшной степени, какъ въ несчастный день 7-го ноября. Бѣдствіе, причиненное имъ, было тѣмъ ужаснѣе, что никто изъ жителей, не запомня ничего подобнаго, никакъ не ожидалъ его, и что оно съ своей стороны неслось навстрѣчу къ нимъ съ быстротою почти невѣроятною. Когда утро 7-го ноября началось вѣтромъ, жестоко дувшимъ съ моря, жители Петербурга, не предчувствуя ужасной судьбы, ожидавшей ихъ чрезъ нѣсколько часовъ, казалось, расположены были къ какой-то особенной веселости, и во всѣхъ домахъ, болѣе или менѣе, шутили надъ проходившими и проѣзжавшими по улицамъ: сильный вѣтеръ срывалъ шляпы и шапки, салопы и плащи. Но вотъ изъ рѣшетокъ на мостовыхъ начала показываться вода. Это былъ случай къ новой забавѣ, потому что вода вырывалась въ видѣ маленькихъ красивыхъ фонтановъ. Наконецъ она выступила на мостовую, разлилась по набережнымъ Невы, Фонтанки и каналовъ, вынесла съ собою на улицы и площади городскія всѣ большія и малыя суда и барки, стоявшія на ней, и ужасъ поразилъ жителей тѣмъ страшнѣе и убійственнѣе, что разразился надъ ними мгновенно и неожиданно. Невозможно исчислить бѣдствій, причиненныхъ этимъ ужаснымъ наводненіемъ, и особенно въ мѣстахъ ближайшихъ къ берегу, какъ, напримѣръ, въ Гавани и другихъ частяхъ Васильевскаго острова, на сторонѣ Петербургской и въ Коломнѣ: были люди, потерявшіе въ одинъ день половину семейства своего; были другіе, получившіе въ этотъ день смертельныя болѣзни; наконецъ, были и такіе, которые,

будучи разлучены съ семействами своими во время бѣдствія, не нашли и слѣдовъ жилищъ своихъ, унесенныхъ волнами. Не одинъ несчастный потерялъ навѣки разсудокъ въ такомъ убійственномъ положеніи. Здѣсь-то, посреди этого хаоса бѣдствій, императоръ Александръ явился снова ангеломъ-утѣшителемъ человѣчества. Не только по окончаніи наводненія, продолжавшагося около 10 часовъ сряду, но даже въ самые эти страшные часы, когда почти всѣ роды опасностей носились надъ несчастною столицею, его величество отдавалъ самъ приказанія, — какимъ образомъ помогать погибающимъ, посылалъ въ разныя стороны своихъ приближенныхъ, умолялъ ихъ не щадить ничего для спасенія несчастливцевъ и на другой же день приказалъ выдать милліонъ рублей для вспомоществованія разореннымъ. Но эта сумма была только началомъ тѣхъ безчисленныхъ благодѣяній, какія впослѣдствіи всѣмъ потерпѣвшимъ отъ наводненія оказаны были комиссіею, учрежденною нарочно для того, чтобы отыскивать этихъ несчастныхъ и помогать имъ всѣми возможными средствами. Усерднѣйшимъ членомъ благодѣтельной комиссіи можно было назвать самого государя, который лично осматривалъ всѣ потерпѣвшія части города, лично распоряжался, какъ помочь пострадавшимъ въ первые дни и съ неутомимостію заботился впослѣдствіи о судьбѣ ихъ до тѣхъ поръ, пока она не была улучшена во всѣхъ отношеніяхъ.

Такимъ образомъ отеческія попеченія государя смягчили жестокость бѣдствія, постигшаго столицу его, но не могли истребить ужаснаго потрясенія, произведеннаго имъ. Какое-то неотразимое уныніе тяготѣло долго надъ высшими классами общества; что-жъ касается до низшихъ, то тамъ всѣ суевѣрно думали, что такое страшное несчастіе посѣтило недаромъ столицу царскую, что оно предвѣщаетъ какую нибудь бѣду еще бо́льшую. Со страхомъ припоминали тогда старики, что въ 1777 году, предъ самымъ рожденіемъ кроткаго, обожаемаго государя, Петербургъ также потерпѣлъ сильное наводненіе; что оно повторилось потомъ, хотя въ меньшей степени, въ годъ его восшествія на престолъ. Эти почти позабытые случаи ожили теперь въ па-

мяти народа и невольно внушали какое-то тревожное ожиданіе.

Это мнѣніе народа, казалось, раздѣлялъ и самъ государь. Отличаясь необыкновеннымъ благочестіемъ во всѣ возрасты жизни своей и особенно со времени знаменитой войны, такъ явно оправдавшей надежды его на промыслъ Божій, Александръ привыкъ находить во многихъ событіяхъ, съ нимъ случавшихся, какое-то указаніе воли Провидѣнія, какое-то небесное предостереженіе для будущаго. Такому религіозному расположенію души много содѣйствовало постоянное чтеніе книгъ священнаго писанія, которымъ государь занимался каждый день въ извѣстные часы[1]). Привыкнувъ такъ часто углубляться въ размышленія о святыхъ истинахъ вѣры, знаменитѣйшій изъ царей своего времени научался съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе отвращать сердце свое отъ величія земного и возносить его къ величію небесному. Удивительно ли послѣ того, если мысль о смерти—этомъ неизбѣжномъ пути къ радостямъ неба—перестала казаться страшною набожному государю; если она сдѣлалась потомъ одною изъ привычныхъ мыслей его, и наконецъ, если столь ужасное всеобщее бѣдствіе, какимъ было наводненіе 1824 года, сблизило его еще болѣе съ нею, и невольно навело на размышленія о суевѣрномъ страхѣ народа за судьбу его. Какъ бы то ни было, только впечатлѣніе, произведенное этимъ бѣдствіемъ на чувствительную душу Александра, было очень продолжительно и такъ сильно, что, казалось, всѣ мысли его послѣ того получили какое-то грустное направленіе, которое тѣмъ болѣе поддерживалось въ немъ, что здоровье супруги его, императрицы Елисаветы Алексѣевны, находилось въ это время въ самомъ разстроенномъ состояніи. Доктора, истощивъ всѣ пособія науки своей, не находили другого средства къ поправленію драгоцѣннаго здоровья, какъ южный кли-

---

[1]) Его величество съ такою точностію исполнялъ эту обязанность, что даже во время войны, и въ самые дни сраженій, происходившихъ подъ личнымъ распоряженіемъ его, онъ не пропускалъ ее, и прочитывалъ все, что обыкновенно назначено было для ежедневнаго чтенія: одну главу изъ пророчествъ, другую изъ Евангелія, третью—изъ посланій Апостольскихъ.

мать, и государынѣ въ ея болѣзненномъ состояніи предстояло еще огорченіе разлуки съ августѣйшимъ семействомъ. Для жительства ея величества избранъ былъ городъ Таганрогъ, въ Екатеринославской губерніи. Приготовленія къ пребыванію тамъ императрицы дѣлались въ теченіе лѣта 1825 года, и въ первыхъ числахъ сентября назначенъ отъѣздъ.

Но государь желалъ лично обозрѣть все, что сдѣлано было для успокоенія супруги его, прежде нежели она прибудетъ туда, желалъ самъ встрѣтить ее въ мѣстахъ, которыя долженствовали возвратить ей здоровье, и для того отправился туда нѣсколькими днями ранѣе государыни. Обстоятельства, сопровождавшія этотъ послѣдній выѣздъ императора изъ столицы его, имѣли въ себѣ нѣчто особенное. Когда впослѣдствіи они сдѣлались извѣстны, всѣ увидѣли, что благочестивая душа Александра, столь преданная Господу, удостоилась отъ Него какого-то таинственнаго откровенія о томъ, что̀ должно было случиться. Подлинно, нельзя назвать иначе того темнаго предчувствія, которое, казалось, имѣлъ государь, уѣзжая изъ Петербурга. Между многими случаями, доказавшими это, скажемъ по крайней мѣрѣ о нѣкоторыхъ, всѣмъ извѣстныхъ.

Вмѣсто Казанскаго собора, гдѣ государь имѣлъ обыкновеніе молиться передъ каждымъ выѣздомъ своимъ изъ Петербурга, на этотъ разъ избранъ былъ имъ монастырь св. Александра Невскаго. Такой выборъ былъ тѣмъ болѣе удивителенъ, что за одинъ только день до отъѣзда государь посѣтилъ монастырь по случаю торжественнаго праздника 30-го августа. Въ этотъ самый день его величество объявилъ высокопреосвященному митрополиту, что желаетъ въ день отъѣзда своего, 1-го сентября, отслужить молебенъ предъ священною гробницею св. Александра. Желая принести Богу моленіе свое въ уединеніи отъ всѣхъ, государь пріѣхалъ въ монастырь одинъ, безъ всякой свиты, и въ 4 часа утра. Весь городъ погруженъ былъ въ глубокій сонъ, никакъ не воображая, что надъ нимъ, ни для кого незамѣтно, протекала ночь послѣдняго прощанья съ Благословеннымъ.

Между тѣмъ таинственное пребываніе государя въ стѣ-

нахъ монастырскихъ, не смотря на краткость времени, было полно самыхъ грустныхъ впечатлѣній. Отслушавъ молебенъ въ какомъ-то особенно благоговѣйномъ расположеніи духа[1]), его величество посѣтилъ митрополита и потомъ еще одного монаха-схимника. Кромѣ необыкновенности, которою всегда болѣе или менѣе отличаются слова и рѣчи человѣка, давно отказавшагося отъ міра и живущаго въ однихъ, ничѣмъ не развлекаемыхъ размышленіяхъ о Богѣ и будущей жизни, императоръ пораженъ былъ всѣмъ, что увидѣлъ въ отшельнической кельѣ схимника. Стѣны и полъ, обитые чернымъ въ той комнатѣ, гдѣ принималъ онъ государя, еще ничего не значили въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ показалъ онъ въ другой, когда его величество спросилъ, гдѣ спитъ онъ? Это былъ гробъ со всѣми принадлежностями его: въ немъ-то проводилъ благочестивый старецъ немногіе часы, назначенные имъ для успокоенія своего. Не смотря на грусть, какую необходимо должны были внушить столь мрачные предметы,—въ государѣ ни малѣйшимъ образомъ не измѣнилось то невыразимое благоволеніе, которымъ онъ такъ счастливилъ всѣхъ приближавшихся къ нему и, начиная съ схимника до послѣдняго монаха изъ всего провожавшаго его духовенства, всѣ сохранили въ сердцѣ своемъ сладкое воспоминаніе о его необыкновенной кротости, о его ласковой привѣтливости. Но подъ этимъ пріятнымъ расположеніемъ духа добрый государь скрывалъ въ день отъѣзда своего въ Таганрогъ грусть, которая невольно тяготила сердце его и которая могла опечалить окружавшихъ его. Однакожъ былъ человѣкъ, замѣтившій ее, — это его кучеръ. Онъ, какъ единственный спутникъ его въ этотъ день, разсказалъ впослѣдствіи, что государь, всегда съ особеннымъ удовольствіемъ проѣзжавшій по своему любимому Каменноостровскому мосту, на этотъ разъ не только не показалъ ни малѣйшаго знака этого удовольствія, но даже съ особенною печалію смотрѣлъ и на величественную Неву, и

---

[1]) Во все время обыкновеннаго за молебномъ чтенія Евангелія государь стоялъ на колѣняхъ и просилъ митрополита положить священную книгу къ нему на голову.

на прекрасныя берега ея. Проѣзжая въ тотъ же день по дорогѣ въ Царское Село, его величество приказалъ на Пулковской горѣ остановиться и, стоя въ коляскѣ на ногахъ, долго и уныло смотрѣлъ на покинутый городъ. Это была минута прощанія торжественнаго, грустнаго, угаданнаго любящею душою.

Но съ этимъ днемъ отъѣзда окончились печальныя предчувствія государя: во всю дорогу до Таганрога онъ былъ спокоенъ и даже веселъ; его занимала пріятная мысль, что здоровье кроткаго ангела, супруги его, будетъ возстановлено, что, наконецъ, она избавлена будетъ отъ страданій. Полный этою мыслью, его величество былъ необыкновенно веселъ и въ Таганрогѣ, занимаясь сначала приготовленіями къ принятію государыни, а потомъ встрѣчею ея.

Императрица, соединенная съ супругомъ, съ которымъ такъ грустно разлучали ее то войны, то частыя путешествія его, видѣвшая доказательство любви его въ тѣхъ нѣжныхъ попеченіяхъ, какими онъ безпрестанно окружалъ ее; обрадованная его непритворною веселостію, такъ рѣдко замѣчаемою въ немъ послѣ бѣдствія Петербурга въ ноябрѣ 1824 года, — почувствовала облегченіе съ первыхъ дней своего пребыванія въ Таганрогѣ. Очевидное поправленіе здоровья ея распространило такую радость на всѣхъ окружавшихъ ее и особенно на супруга ея, что всѣ съ огорченіемъ думали о предполагаемомъ путешествіи государя въ Крымъ, долженствовавшемъ снова разлучить августѣйшихъ супруговъ: самъ же императоръ былъ такъ недоволенъ этимъ путешествіемъ, что готовъ былъ отмѣнить его и не сдѣлалъ это только потому, что еще прежде далъ слово осмотрѣть Крымъ графу Воронцову, имѣвшему тамъ большія помѣстья, и уже два года управлявшему въ то время Новороссійскимъ краемъ.

И такъ, къ общему сожалѣнію и оставшихся, и отъѣзжавшихъ, государь отправился въ это несчастное, послѣднее путешествіе его. Уѣзжая чрезвычайно неохотно, его величество не одинъ разъ сокращалъ свой маршрутъ, до тѣхъ поръ, пока въ немъ считалось уже только семнадцать дней, необходимыхъ для обозрѣнія замѣчатель-

наго полуострова. 20-го сентября былъ день отъѣзда. 5-го ноября — день возвращенія. О! какъ различны были эти два дня для Таганрога! Государь, цвѣтущій здоровьемъ и красотою, полный силъ и надеждъ, возвратился больнымъ, унылымъ, слабымъ. Позднее время года, сильные вѣтры, дувшіе у береговъ морскихъ и на горахъ, вредныя испаренія въ мѣстахъ болотныхъ, и особенно въ Козловѣ (Евпаторіи), гдѣ государь осматривалъ церкви, мечети, синагоги, казармы и даже карантины; малая осторожность, какую принималъ онъ во время путешествія по странѣ, гдѣ часто свирѣпствуютъ прилипчивыя болѣзни, и при обозрѣніи не только карантиновъ, гдѣ находились люди, пріѣзжавшіе изъ странъ зараженныхъ, но даже судовъ, еще не освидѣтельствованныхъ начальствомъ карантиновъ, все это вмѣстѣ подвергло его величество вліянію одной изъ гибельныхъ лихорадокъ крымскихъ. Неумолимая, сначала медленно и ни для кого незамѣтно, сокрушала прекрасную жертву свою; императоръ съ первыхъ дней путешествія уже носилъ ее въ груди своей, но, ненавидя всякое леченіе и всякія лекарства, никакъ не соглашался на принятіе ихъ до тѣхъ поръ, пока они уже не могли принести ему пользы.

Въ день возвращенія въ Таганрогъ, состояніе здоровья государя еще поддерживалось радостью свиданія съ супругою, къ которой нѣжность, казалось, увеличивалась въ немъ по мѣрѣ приближенія роковой разлуки; но на другой же день, 6-го ноября, лихорадочные припадки показались въ такой сильной степени, что государь, не смотря на свое отвращеніе къ лекарствамъ, согласился проглотить 8 пилюль, и на другой день принять новое лекарство, которое, однакожъ, не помогло много. Съ 7-го числа его величество пересталъ заниматься дѣлами, и смотря на кипы бумагъ, скопившихся въ кабинетѣ его, изъявлялъ часто сожалѣніе о своемъ бездѣйствіи. До 14-го числа болѣзнь съ каждымъ днемъ увеличивалась, но не было еще ничего слишкомъ страшнаго, какъ вдругъ въ этотъ день слабость и лихорадка достигли такой сильной степени, что лейбъ-медикъ государя Вилліе потерялъ почти всю надежду и объявилъ о томъ императрицѣ.

Какъ описать, что почувствовала эта несчастная государыня, услышавъ приговоръ, отнимавшій у нея обожаемаго супруга, и въ то время, когда онъ принадлежалъ ей гораздо болѣе, нежели прежде? Только одна святая помощь Господа, въ которой Онъ никогда не отказываетъ столь благочестивой и столь совершенной христіанкѣ, какою была императрица Елисавета, доставили ей силы перенесть жестокій ударъ, поразившій ее такъ неожиданно. Она перенесла его и сдѣлала еще болѣе: при своемъ слабомъ и снова жестоко потрясенномъ здоровьѣ, собрала столько твердости, что приготовила супруга своего къ мысли о разлукѣ съ землею и о приготовленіи къ вѣчности. Съ неподражаемымъ смиреніемъ благочестивѣйшаго христіанина онъ 15-го числа исповѣдался и потомъ въ присутствіи императрицы, не покидавшей ни на минуту августѣйшаго супруга своего, причастился св. Таинъ.

Почувствовавъ сладкое спокойствіе, обыкновенно слѣдующее за этимъ священнымъ дѣйствіемъ, государь съ сердечнымъ удовольствіемъ благодарилъ супругу, и съ этого дня согласился на все, что̀ предлагали ему доктора. Но поздно было это согласіе: никакія пособія, отъ которыхъ онъ отказался наканунѣ, теперь уже не помогли, и 16-го числа болѣзнь достигла высочайшей степени. Государь былъ почти въ безпрестанномъ безпамятствѣ до утра 18-го. Въ этотъ день онъ, казалось, почувствовалъ нѣкоторое облегченіе и во всѣхъ сердцахъ ожила надежда, но она совершенно разрушилась къ вечеру того же дня.

Трогательно было послѣднее прощаніе умирающаго съ горестною супругою его. Въ одну изъ тѣхъ немногихъ минутъ, въ которыя возвращались къ нему память и чувства, потухающіе взоры его открылись и искали государыню. Печальная супруга наклонилась къ своему отлетавшему ангелу и онъ взялъ ея руку, поднесъ къ губамъ своимъ и потомъ прижалъ къ груди. Это была послѣдняя ласка, оказанная имъ на землѣ, послѣднее чувство, съ которымъ онъ переселился на небо, потому что безпамятство и жаръ, возобновившіеся вскорѣ потомъ, уже не прекращались до самой кончины, которая послѣдовала на другой день, 19-го числа, за 10 минутъ до полудня.

Императрица, до конца сохранившая твердость свою, собственными руками закрыла глаза Александра, навѣки потерявшіе ангельское выраженіе ихъ, и завязала платкомъ сомкнувшіяся уста, еще такъ недавно радовавшія всѣхъ своею привѣтливостію. Исполнивъ горестный долгъ свой, августѣйшая страдалица, уже безъ притворнаго спокойствія, теперь болѣе ненужнаго для супруга ея, предалась невыразимой печали своей, со всею горестію души нѣжно любящей. Не болѣе полугода послѣ кончины императора государыня могла переносить безотрадную жизнь свою. Въ маѣ мѣсяцѣ 1826 года и Елисаветы не стало! Всѣ искренно преданные этой незабвенной государынѣ не могли много огорчаться ея кончиною: потерявъ на землѣ все, что̀ было мило ея нѣжному сердцу, она не жила въ нашемъ грустномъ для нея мірѣ, но, страдая, безпрестанно стремилась душою къ своимъ свѣтлымъ ангеламъ, ожидавшимъ ее на небесахъ, въ лицѣ супруга и двухъ дѣтей ихъ, скончавшихся въ младенчествѣ. Ея величество скончалась на возвратномъ пути въ Петербургъ, въ городѣ Бѣлевѣ, Тульской губерніи. Тѣло ея, такъ же какъ и тѣло супруга ея, привезено было въ столицу, съ такими сладкими надеждами отпустившую любимцевъ своихъ въ путешествіе, казавшееся спасительнымъ.

И такъ, смертные останки императора Александра, сопровождаемые воплями и горестными слезами подданныхъ, провезены были съ торжественно-печальною пышностію отъ одного края царства его до другого. Такъ нѣкогда въ древней исторіи римской встрѣчаемо и провожаемо было плачущимъ народомъ, отъ одного города до другого, тѣло императора Траяна, названнаго *отцомъ отечества* и скончавшагося, подобно Александру, — на границѣ имперіи своей. Благодарные римляне, привезя священные для нихъ останки въ славную столицу свою, погребли ихъ подъ колонною, воздвигнутою въ честь Траяна. Русскіе, положивъ драгоцѣнный прахъ въ храмѣ Божіемъ, обыкновенномъ мѣстѣ вѣчнаго успокоенія царей ихъ, воздвигли также въ честь ангела, оставившаго ихъ, великолѣпную колонну, которая простою надписью своею въ продолженіе

вѣковъ будетъ краснорѣчиво выражать чувство ихъ къ Благословенному: «*Александру I-му благодарная Россія*».

Семейство императора Александра I.

Супруга: Принцесса Баденская Луиза-Марія-Августа, при мvропомазаніи нареченная Елисаветою Алексѣевною.

Дѣти отъ нея: Великая княжна *Марія*, великая княжна *Елисавета*, скончались во младенчествѣ.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ И ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

